

Деля Росси

СЛУЖАНКА

Глава 1

Илинка

Комната выглядела заброшенной.

Темные деревянные панели тускло блестели потрескавшимся лаком, громоздкая кровать неловко застыла у дальней стены, а замотанная в тонкую кисею люстра свисала с потолка нелепым засушенным цветком. Все вещи казались ненужными, забытыми, мертвыми. Даже пейзаж на стене. Вроде и краски яркие, и выписан при помощи магии искусно, а иса-частички живого духа — в нем нет.

Я поставила на пол ведро и захлопнула за собой дверь. В голове до сих пор звучал испуганный шепот Грильды: «Милорд возвращается!» Эта фраза с раннего утра гуляла по замку, передаваемая из уст в уста самыми разными голосами. Неизменным в этих голосах было только одно — страх. Все население Белвиля с ужасом ожидало возвращения хозяина. Граф Стобардский и Эрский, владелец Крона, Старкона и Брода, бывший Верховный командующий армией и один из самых сильных арнов империи возвращался домой. В наш Белвиль.

Я посмотрела на портрет графа, висящий на противоположной от окна стене, и невольно поежилась. Вот уж где иса было с избытком! Крупный мужчина в синей военной форме, словно живой, сумрачно глядел на меня из-под нахмуренных бровей, и от этого взгляда мурашки по коже бежали. Настоящий арн. Резкие, словно высеченные скульптором черты, сверкающие алым глаза, темные с синеватым отливом волосы. В нем было слишком много того дикого, первозданного, уходящего корнями в народные предания и жестокую веру предков, что отличало арнов от изнеженных аристократов Олдена.

Интересно, с чего вдруг графа потянуло на родину после стольких лет отсутствия? Зачем ему старый замок? Жил бы себе где-нибудь подальше, вот хоть в столице, в своем огромном особняке, или в Дубровице, в старом господском доме. А Белвиль... Древнее имение, затерявшееся в глубине Алмазных гор, было родовым леем семьи Крон, но сами арны тут почти не показывались. Если только перед свадьбой невест привозили, чтобы испросить благословение у духа рода.

Вот и нынешний владелец уже лет двадцать в свою вотчину не заглядывал. И лучше бы и еще столько же не появлялся. Старые слуги рассказывали, что нрав у хозяина крутой, да и как может быть иначе, если нутро звериное? «Как этим взглядом своим посмотрит, так душа до самого доньшка заледенеет, — шамкал беззубым ртом Микош. — А если, не приведи Создательница, разгневаешь, так легче сразу в гроб лечь и крышкой прикрыться, все равно жизни не будет».

Хоть Микошка и казался выжившим из ума стариком, но я склонна была ему верить.

— Ты долго прохлаждаться будешь? — я так задумалась, что не заметила, как открылась дверь и в комнату протиснулась Салта. — Вот же сварново отродье! Чего глазюками лупаешь? Шевелись давай! Или ты думаешь, хозяин на лошадях от столицы добираться будет?

Старшая вытащила из-за пояса фартука засаленное полотенце и замахнулась, но я незаметно уклонилась, и вонючая тряпка шлепнулась на пол.

— Ах ты ж, лишманка!

Раздосадованная Салта открыла рот, и оттуда понесся такой поток ругательств, что неподготовленный человек вряд ли сумел бы их вынести. А я... а я ничего, привыкла уже. За последнюю пару лет и не такое слышать доводилось.

— Думаешь, коли безъязыкая, так тебе поблажки будут? — выдохшись, прошипела Салта. — И не надейся! Я тут лентяев не потерплю. Чтобы через час комната сияла, — старшая насупилась, отчего крупная красная родинка между ее бровями стала похожа на рог, буркнула еще что-то неразборчивое и вышла, громко хлопнув дверью.

Крепкое дубовое полотно испуганно крякнуло. Ну-ну... Попробовала бы она при хозяине так грохнуть.

Я усмехнулась, подоткнула подол и принялась за уборку. Протерла пыль, вымыла полы, вынесла во двор ковер и снятые с карнизов шторы, выбила их и вернула на место, перестелила белье и расставила вазы со свежими цветами. Да только вот лучше не стало. Как было все мертвым, так и осталось, и на душе оттого темно сделалось.

Паница с детства учила меня, что любая вещь, которой люди пользуются, свою энергию имеет.

Светлую или темную — это уж какой у нее хозяин был. А тут — ничего. Пусто. И в душе знакомый холодок возник. Нечисто что-то с хозяйской комнатой. Неладно. И уйти поскорее хочется, воздуха в груди не хватает.

Я не стала медлить: подхватила ведро с тряпками, да и выскочила за дверь.

Штефан

Погода испортилась. До самого Стобарда лил дождь, и он уже в который раз пожалел о злополучной идее добираться до Белвиля верхом. Понесла ж нелегкая! Шестые сутки в седле, это даже для его железной задницы перебор. А до замка еще день пути. День пути по раздолбанным дорогам дикого края.

Он обвел взглядом ветхие домишки, чавкающую под копытами вороного грязь, покосившиеся заборы, торчащие у калиток уродливые фигурки Скарога и темные глазницы окон. Да... За минувшие двадцать лет в Стобарде ничего не изменилось — все та же нищета и дремучие суеверия.

Штефан скривился. Двадцать лет... Его бы воля, он бы и еще столько же не показывался, да только вот война закончилась, и бывший Верховный командующий армией остался не у дел. Поначалу, после победы, это было не так заметно. Его чествовали, с ним стремились завести знакомства, его обхаживали и зазывали на рауты и приемы, матери семейств благосклонно кивали ему, а их дочки зазывно улыбались. А потом, как по щелчку пальцев, все изменилось. Последние бумаги были подписаны, Штефан принял капитуляцию Варнии, и после этого император уклончиво намекнул, что арнам при дворе не место. И плевать, что он граф, как и десятки поколений его предков, и что состояние нажил немалое, и звериную сущность контролирует. Не нравились Георгу двуединые, боялся их император, с детства боялся, когда впервые арнов в деле увидел. Пока они кровью своей поля и леса Варнии поливали — терпел, улыбался и награды жаловал, а как победу ему в зубах принесли, так и показал свое истинное лицо. Что ж, Штефан понятливый. Всегда таким был, наверное, потому и жив до сих пор. Вот и в этот раз засунул гордость подальше, за несколько дней передал дела, собрал вещички, да и покинул столицу. Поначалу думал в Старицу поехать, а потом представил, как придется раскланиваться с местной знатью, терпеть любопытные взгляды, слышать за спиной шепотки — а с его слухом это то еще мучение, — и решил, что лучше уж в глушь податься, в Белвиль. Самое подходящее место для того, чтобы отсидеться, в себя прийти, понять, как дальше жить.

Вот теперь и пожинает плоды своего решения — хлюпает по грязи и мокнет под бесконечными дождями Стобарда.

Он покосился на серое, сочащееся водой небо и принюхался. Пахло мерзко: влагой, падалью, прелыми листьями. А он уже и забыл, как «сладок» воздух отечества. За пятнадцать лет войны выветрилось из памяти, какая неласковая у него родина.

Штефан стер с лица стекающие капли и нахмурился. А ведь Свард предлагал устроить переход, так нет же, гордость выиграла! Не захотел пользоваться подачками преемника. Надо было соглашаться, не пришлось бы сейчас мучиться.

Дождь, словно издеваясь, припустил сильнее, и настроение окончательно испортилось. Штефан пришпорил коня. Взятый на последней станции жеребец дрожал мелкой дрожью, поскальзывался на раскисшей дороге, испуганно ржал. Боялся. Чувствовал зверя и боялся.

Штефан поморщился. Жаль, что Грома больше нет. Проверенный боевой друг — за пять лет ни разу не подвел и сущности его не страшился.

Вспомнилось, сколько раз Гром от верной смерти его уносил, с какой скоростью по высохшим степям Варнии летел. И взгляд последний вспомнился, прощальный. Глаза сливовые, со слезой...

— Гэй-хо! — выкрикнул Штефан, и конь, подчинившись приказу, резко рванул вперед, оставляя позади серые тени домов и унылые силуэты черных деревьев.

До Белвиля оставалось чуть больше пятидесяти кье.

К замку Штефан подъехал затемно. Крепостная стена и очертания Белвиля тонули в тумане, и вид торчащих из серой пелены башен будил в душе глухую тоску. Зря он сюда приехал. Надо было в Старице оставаться.

Река, преграждающая путь к замку, согласно зарокотала. Когда-то она носила гордое имя Керей-абин-Алмазная, но времена добычи драгоценных камней ушли в прошлое, и название реки

изменилось на плебейское Затонка.

— Эй! Есть кто живой? — громко позвал он.

Мост был поднят, а на сторожевых башнях царила тишина. Видать, не ждали сегодня хозяина. Распустились без крепкой руки.

— А ну, открывайте, сварновы дети!

Штефану пришлось долго кричать, пока глухие олухи, охраняющие замок, не проснулись. Вояки, дери их за ногу!

Он громко выругался, наблюдая за поднявшейся на башнях суетой. Замелькали горящие факелы, заскрипели поворотные механизмы, и черная громада медленно поползла вниз, чтобы с громким скрежетом встать в склизкую выемку у самых ног коня. Вороной испуганно дернулся, но Штефан удержал его и заставил ступить на потемневший от времени деревянный настил.

— Ваше сиятельство!

Из распахнутых ворот навстречу ему выбежал низкорослый лысый человечек.

— Ваше сиятельство, с возвращением! — рискуя попасть под копыта коня, кланялся незнакомец. — Так рады, уж так рады вас видеть!

Доски скрипели, черная вода под ними недовольно бурлила, бормотала что-то на старостобардском, пенилась злобными бурунами, а человечек все кланялся и угодливо изгибался, пытаясь заглянуть ему в глаза.

— Ты кто? — нахмурился Штефан.

Не помнил он этого... слизняка. Вот, хоть убей, не помнил.

— Я Винкош, ваше сиятельство, — продолжал приседать человечек. — Управляющий Белвилем.

Ишь ты, управляющий. А рожа мерзкая, сразу видать, вор и мошенник. И страхом от него за кье несет.

— Уволен, — резко бросил он и, не обращая внимания на причитания слизняка, въехал под низкие своды крепостных ворот.

— С возвращением, ваше сиятельство!

Так, а этого он знает. Высокий, худой, седые волосы черной лентой подвязаны, длинный нос свисает почти до подбородка...

— Лершик?

Штефан взгляделся в унылое, похожее на лошадиное лицо.

— Он самый, милорд, — бледные губы дворецкого растянулись в подобие улыбки, но глаза оставались настороженными.

— А ты не меняешься, — Штефан соскочил с коня и бросил поводья подбежавшему мальчишке. — Вели баню затопить да девчонку какую-нибудь посмышленее пришли.

Он покосился на застывших у порога слуг и добавил:

— Только пусть умоется, надоело уже на невымытые рожи смотреть.

Грязь под сапогами смачно чавкнула, заставив Штефана поморщиться. Не двор, а конюшня...

— Будет исполнено, ваше сиятельство, — проблеял Лершик.

Но он уже не слышал. Отодвинул дворецкого с дороги и, не обращая внимания на кланяющихся слуг, прошел в дом.

Внутри было ничем не лучше, чем снаружи. Темные, закопченные стены, выщербленные плиты пола, тусклый свет сальных свечей. И запах... Неприятный запах заплесневевшего сыра, луковой похлебки и кислого хлеба.

— Где экономка? — не оглядываясь на семенящего за ним дворецкого, спросил Штефан.

— Ваше сиятельство, — тут же кинулась ему под ноги какая-то рыхлая старуха, похожая на

разваливающуюся копну сена. — Добро пожаловать в Белвиль!

— Ты, что ли, домоправительница?

Он брезгливо скривился, разглядывая уродливую бабу в пышной многослойной юбке с вышитыми на ней национальными узорами. От черно-красного орнамента зарябило в глазах, и Штефан поспешно отвел взгляд.

— Как зовут? — резко спросил он.

— Салта, милорд.

— Ужин готов?

— Да, милорд, — угодливо закивала старуха, и глазки ее превратились в узкие щелочки, скрылись, утонули в толстых обвислых щеках.

— Через час пусть принесут в мои покои, — приказал Штефан.

Он не стал дожидаться ответа. Скинул плащ на руки дворецкому, пошатнувшись под тяжестью мокрой ткани, и пошел к лестнице.

Слуги замерли за его спиной испуганными зверушками, не решаясь пошевелиться. Штефан скривился. Везде одно и то же: страх, неприязнь, подленькое, трусливое любопытство... Пожалуй, из всего этого перечня последнее он ненавидел больше всего.

Темный коридор привел его к высокой дубовой двери. Полотно было старым и почерневшим от времени, рядом с ручкой отчетливо виднелись следы когтей. Кто-то из предков память о себе оставил. Он потянул медное кольцо и вошел в свою бывшую спальню. Хотя почему бывшую? Теперь вот это все, включая уродливый портрет, написанный Йонасом, — его настоящее.

Штефан обвел глазами тесные покои. Да, весело же ему тут будет...

— Лершик! — гаркнул он, зная, что дворецкий притаился за дверью.

— Ваше сиятельство?

Неприятный скрип повторился.

Старик не рискнул переступить порог, так и остался стоять в коридоре, буравя его своими цепкими глазками. Послал же Сварн работничков! Все один к одному!

— Баню затопили?

— Да, милорд. С обеда еще, как узнали, что вы к Стобарду подъезжаете, так и того... затопили.

— Вели принести штоф ратицы, — снимая с пояса оружие, приказал Штефан. — И яблоч моченых. Да поживее!

— Слушаюсь, милорд.

Лершик поклонился и поспешил уйти, а он стянул рубаху, бросил ее в кресло и распахнул окно. Прохладный воздух прошелся по уставшему телу, словно ласковые руки любовницы. В ноздри ударил аромат влажной земли, цветущих каштанов, прелой прошлогодней листвы. Штефан распахнул створки пошире и высунулся едва ли не по пояс. Темнота и туман скрывали очертания деревьев, но тонкий запах горьковатого меда ощущался отчетливо. Впервые за две седмицы на душе стало чуточку светлее.

Все-таки хорошо, что его покои выходят не во двор, а на крепостную стену, за которой нет ни хозяйственных построек, ни людей, один только лес.

Тихий стук в дверь заставил его обернуться. На пороге стояла пышнотелая девица с длинной темной косой. В руках девица держала поднос с запотевшим штофом и глиняной миской с мочеными яблоками.

— Ваше сиятельство!

Он окинул сдобную красавицу внимательным взглядом. Молодая, лет шестнадцати, не больше; щеки зарумянились от смущения, глаза блестят от любопытства и самую малость — от страха, губы алеют сочной вишней.

— Там поставь, — кивнул он на стол, а зверь внутри уже принюхивался, присматривался, оценивал

налитую грудь и крутые бедра, плотоядно скалился.

— Что-нибудь еще, милорд?

Девушка поставила поднос, но уходить не спешила. Глупая в своей наивности и доступности...

— Вон пошла, — неизвестно с чего разозлился Штефан.

Он старался не смотреть на прислугу, не хотел, чтобы она увидела его наливающиеся гневной краснотой глаза, а внутри просыпалась знакомая жажда. Зверь требовал своего.

— Да, милорд, — испуганно пискнула девушка и выскочила из комнаты, а он отвернулся к окну и вцепился в подоконник, стараясь удержать рассерженного зверя.

Обычно Штефану легко удавалось укротить свою сущность, но сейчас, после долгого путешествия, сделать это было сложнее, чем обычно. Хотя к чему лукавить? Не путешествие виновато, а то, что ему предшествовало. Себе-то можно и не лгать. Да, он зол и обижен. И душа ноет, как гнилой зуб. И гордость задетая не уймется никак, и самолюбие растревоженное свербит, рвет когтями, воет дурниной.

И что с того, что Штефан понимает причины своей отставки? Умом понимает, а вот сердце не желает соглашаться с несправедливостью, и звериная сущность мечется, отомстить требует за унижение. А еще — подачку императорскую, в виде Краверского лея, назад вернуть.

Подоконник скрипнул под пальцами, на пол посыпались щепки, и это вернуло его к реальности.

Ничего он возвращать не будет. Кравер — богатый город, там одних фабрик и заводов около двадцати, да и порт опять же, с него неплохой налог в казну идет. И теперь это все ему принадлежит. Осталось только управляющего толкового найти.

При мысли об управляющем вспомнился слизняк, кинувшийся под копыта коня, дебелая домоправительница, неопрятные слуги, и Штефан снова нахмурился. Разогнать бы к рагжу всю эту шваль!

Он одним махом опрокинул рюмку ратицы, шумно выдохнул и откусил большой кусок яблока. Сок брызнул, прокатился по языку пряной, отдающей анисом кислинкой, и это почти примирило его с жизнью. Умеют в Белвиле яблоки мочить. Нигде таких больше нет. Сколько лет прошло, а вкус не изменился, надо бы узнать, что за мастерица соленьями занимается.

Но все это завтра, а сейчас — завалиться в баньку, да и позабыть обо всем. Тело девичье под себя подмять, груди белые в ладонях сжать, жаром смолянистых дров надышаться.

Штефан расстегнул пряжку ремня, стащил дорожные штаны — тяжелые, с кожаными накладками, и, накинув лежащий на кровати халат, вышел из комнаты.

Илинка

— Ну-ка, выстроились все в линейку! — тон Лершика не предвещал ничего хорошего. — Дрина, лихова дочка, куда побегла? А тебе, Станка, что, особое приглашение нужно? Давайте-давайте, становитесь! — гремел дворецкий.

Даром что старый и тщедушный, а голосина — мертвого поднимет!

Лершика в Белвиле не любили. Был он жестким и приметливым, ошибок не прощал, а за проступки наказывал сурово и безжалостно. «Не слушаться меня — все равно что хозяину перечить», — любил повторять дворецкий. Да он и чувствовал себя полноправным хозяином Белвиля. Арны-то в поместье не показывались, вот Лершик и прибрал к рукам всю власть. Даже управляющий у него под пятой оказался.

— Поторапливайтесь! — не унимался дворецкий. — Быстро, быстро! Хозяин ждать не будет.

Служанки, переглядываясь, выстроились вдоль стены, а я незаметно отступила за печку. Темная рубаха сливалась с темнотой закутка, глядишь, никто меня и не заметит.

— Все здесь? — прищурился дворецкий.

Сальные свечи давали больше чада, чем света, и разглядеть в полутьме кухни что-либо дальше пяти шагов было невозможно. На это я и надеялась. Чутье, обострившееся за последнюю пару лет,

подсказывало, что лучше в линейку не выстраиваться, потому как ничего хорошего нас не ждет.

— Ну, раз все тут, — откашлялся Лершик, — тогда...

Договорить он не успел.

— Не все, дан Лершик, Илинка за печкой прячется, — тоненько выкрикнула Милица.

Вот же вредная девка! Так и норовит гадость какую-нибудь сделать. С самого начала, как я в замке появилась, у нас с ней не заладилось. То за столом в один кусок хлеба вцепимся, то в бане веник не поделим. Милка, как и я, была младшей служанкой. На наших плечах вся грязная работа лежала: камин почистить и растопить, дров на кухню натаскать, в подсобных помещениях и во дворе прибраться, ну и остальное все, что старшая прикажет. Только вот Милица особо стараться не любила, свою часть работы норовила на меня переложить и злилась, когда получала отказ. А мне чужого не надо, своих дел невпроворот, чтобы еще и за лентяйкой Милкой подбирать.

— Илинка! — грозно позвал Лершик.

Мне пришлось выйти из своего укрытия.

— Столько времени попусту потерял из-за тебя, — нахмурился дворецкий.

— А чего звали-то, дан Лершик? — подала голос Надья, спокойная, рассудительная девушка, работающая на кухне. — Или случилось что?

— Случилось, — глазки Лершика нехорошо блеснули. — Милорд в бане моется, велел девку поприветнее прислать. Я Минку отправил, а она хозяйину не понравилась, выгнал. Вот теперь и думай, кто из вас, лишманок, угодить ему сможет.

— Выходит, зря Минка похвалялась? — хихикнула Станка, и ее остренькое, похожее на лисье личико расплылось в победной улыбке. — Вот тебе и первая красавица Белвиля! Забраковал хозяин-то!

— Молчать! — рявкнул Лершик. — Вы бы лучше, чем зубоскалить, рожи свои умыли. Вот ты, Илинка, когда в последний раз мылась? — повернулся он ко мне. — Черная вся, и не разберешь, лицо у тебя или подошва!

Я нарочито покаянно потупилась, а сама едва улыбку сдержать смогла. Это хорошо, что не разберешь. Меньше внимания обращать будут кому не след.

— А ты, Дрина?

Дворецкий подошел к невысокой, скуластой белошвейке и бесцеремонно ухватил ее за подбородок.

— Тьфу, — в сердцах сплюнул Лершик. — Глянуть не на что. И кого мне к милорду отправлять? Все как одна уродины.

Он прошелся вдоль строя, хмурясь и всматриваясь в лица служанок недовольным взглядом, постоял передо мной, а потом отошел к моей соседке по комнате.

— Ты, — длинный кривой палец уперся в пышную грудь Златы.

— Что, дан Лершик?

— Иди умойся, рубаху новую надень, и бегом к милорду. Да смотри у меня, чтобы хозяин доволен остался!

— Дан Лершик, а где я рубаху новую возьму? — голос Златки испуганно задрожал. — У меня одна всего, и та на мне.

— Салта! — поморщившись, крикнул дворецкий. — Выдай Злате одежду поприветнее, — покосился он на подоспевшую старшую.

— Так ведь все равно...

Салта не договорила, остановленная взглядом Лершика. Мне от этого взгляда не по себе стало. И дворецкий, и домоправительница еще при старом хозяине, деде лорда Штефана, служить начинали и хорошо знали нравы арнов. Так почему же все равно, что на Златке будет? Или зверю без разницы, какую рубаху рвать?

Сердце забило неровными толчками, а внутри подленькая мысль мелькнула: «Хорошо, что не меня выбрали».

— Все, идите, — сердито рявкнул дворецкий и внушительно посмотрел на старшую. — Проследи, чтобы эта дуреха не сбежала, — тихо велел он.

— Куда тут бежать-то? — огрызнулась Салта. — Лес кругом.

Это да. Вокруг Белвиля только леса да болота, а до ближайшей деревни несколько часов пешего пути.

Старшая схватила Златку за руку и потащила за собой, а та все оглядывалась на нас, и глаза ее были такими испуганными, что мне тошно стало. Стою здесь, за свою шкуру дрожу, радуюсь, что пронесло...

— Дан Лершик! — пискнула Грильда, вторая кухонная девка.

— Что?

— А зачем хозяину Златка? Он же ей ничего плохого не сделает?

— А зачем взрослому мужчине баба? — сверкнул на нее глазами дворецкий. — Неужто до своих лет дожила и не знаешь?

Служанки вокруг оживились, захихикали, а я почувствовала, как щеки опалило жаром.

— А вы чего бездельничаете? — грозно посмотрел на нас Лершик. — Кто за вас работать будет? Камин в парадной зале нечищенный, в холле полы грязные, а они прохлаждаются! Ну-ка, марш по своим местам!

Под тяжелым взглядом дворецкого служанки неохотно разошлись. Я замешкалась и тут же услышала грозный окрик:

— А ты что стоишь? Ступай в хозяйскую спальню, камин растопи. И рожу умой, а то еще милорд увидит, испугается.

Ага. Увидит он, как же! Что я, совсем без головы, на глаза ему показываться?

— Бегом! — гаркнул дворецкий.

Я торопливо схватила стоящее у печи ведро с совком и выскочила за дверь.

В покоях арна ничего не изменилось. Когда я тихонько постучала и заглянула в комнату, там никого не было. Только горящие в канделябре свечи да грязная одежда, кулем лежащая на полу, напоминали о том, что хозяин Белвиля вернулся.

Сама не знаю, какой рагж меня попутал, но я зачем-то подняла полотняную рубаху и попыталась разглядеть тонкую вышивку, украшающую ворот. Петли бесконечности, изгибы безвременья, цветок райса... Анатолийский оберег. Интересно, от кого арн пытается защититься? Или это подарок какой-нибудь зазнобы?

Пальцы ощупывали ровные стежки, а в голове всплывали яркие воспоминания. Берег моря, песчаная отмель, свежий, пропахший солью и смолой воздух, длинная шелковая лента, трепещущая на ветру...

Как же давно я не видела бережных орнаментов! Аж руки зачесались, так захотелось взять иглу и повторить цепочку причудливых символов. Интересная у них последовательность. Петля, изгиб, цветок, еще один изгиб и снова цветок. А потом — две петли и изгиб. Пожелание счастья, любви, добра, отворот злых сил и печальных мыслей, долголетие...

Я так засмотрелась на переплетение узоров, что совсем забыла о времени. Смотрела на знакомые орнаменты как зачарованная и не замечала, как стрелки больших напольных часов передвинулись к полуночи. Если бы не треск догорающей свечи, так и стояла бы у окна, комкая в руках потемневшую от пота рубаху и разгадывая смысл ритуальной вышивки.

«Совсем ты, Илинка, из ума выжила! — одернула себя. — Разве ж можно в хозяйской спальне без дела задерживаться?»

Я бросила рубашку на пол, подхватила щетку и совок и принялась чистить огромное жерло камина. В голове стучала только одна мысль — нужно торопиться. Нельзя допустить, чтобы арн застал меня в комнате. Кто знает, как долго он в бане пробудет? И так уже больше часа парится!

Я сгребла всю золу в ведро, сложила дрова, как учила меня Паница, высекла из кресала искру и подожгла щепу. Огонь разгорелся мгновенно. Он жадно, взалхлеб накинулся на поленья, затрещал, заурчал сытой кошкой, лизнул длинным языком закопченные камни, рассыпал по медной плите на

полу глазастые искры. В трубе утробно загудело, завывало что-то, застонало.

Я поежилась и передернула плечами.

Странная все-таки у арна спальня. Если утром все предметы обстановки показались мне мертвыми, то сейчас, в ночной полутьме, они словно ожили, запульсировали неведомой силой, заискрились настоящим исом.

Я настороженно посмотрела на громоздкие, выточенные из черного дерева кресла, на огромный трехстворчатый шкаф, перевела взгляд на кровать. Синее атласное покрывало было смято. И подушки лежали не так, как я их укладывала.

Вообще-то убираться в хозяйских комнатах мне не положено, это на Салту такая блажь наша. «Хозяин едет, надо все комнаты в порядок привести, а у нас рук не хватает, — заявила она и ткнула в меня пальцем. — Иди наверх, приберись в спальне милорда. Если арн недоволен останется — выгоню взашей». Вот я и старалась, мыла-натирала, потому как уходить из замка не собиралась. Не время еще.

Теплые отсветы упали на стены, выхватив из сумрака портрет лорда Крона, и я невольно попятилась. В неярких сполохах огня лицо арна казалось живым, а глаза светились алыми рубинами. Их взгляд заставлял меня отступать все дальше, и я медленно пятилась к выходу, пока не наткнулась на какое-то препятствие. Неужели до самой двери дошла?

Я попыталась нащупать рукой медное кольцо, но вместо него пальцы коснулись гладкой шелковой ткани. Создательница! Я стремительно обернулась и оказалась лицом к лицу с ожившим портретом. Те же резкие черты, тот же суровый взгляд, тот же алый блеск в чуть раскосых, нечеловеческих глазах.

Отдернув руку, отскочила от замершего на пороге хозяина замка.

Откуда он здесь взялся? Как же я его не услышала?

— Кто такая? — резко спросил арн.

Голос у него был низким, немного хриплым. Слова получались отрывистыми, с непривычным акцентом.

— Ну, чего молчишь?

Я показала на горло, а потом вспомнила, что нужно поклониться, и присела в подобии кнесса.

— Немая, что ли?

Я торопливо кивнула.

Арн смотрел на меня молча, тяжело, в глазах его клубилась алая тьма. А потом она схлынула, и они стали пронзительно-синими, с угольно-черными зрачками. Я не могла оторваться и, будто зачарованная, глядела на свое отражение в них, ощущая, как затягивает меня в воронку чужой души, как с головой захлестывает переполняющей ее горечью, как леденеет сердце, застигнутое врасплох испепеляющей болью.

— Что ты делала в моих покоях? — грозно спросил граф, и меня словно строптивой волной на берег вышвырнуло.

Я невольно отступила назад и указала на камин.

— А одежду мою зачем трогала? — принялся арн и шагнул ближе. — Кто разрешал?

Да никто не разрешал, просто любопытная уродилась. Сколько жизнь ни учит, а от старых замашек так быстро не избавиться.

Я приложила руку к глазам, пытаюсь объяснить, что хотела всего лишь посмотреть. Дыхание частило и сбивалось, внутри все обмирало от страха, сердце тарахтело, как у зайца. Никогда не была трусихой, а тут вдруг такой ужас напал, что хоть беги. И ведь не могу. Пока арн не позволит, из комнаты не выйти. А он не позволит, по глазам вижу. Не натешился, видать, со Златкой, не отвел душу.

— Любопытная, значит? — задумчиво спросил лорд Крон. — А за любопытство знаешь что бывает?

Тишина в комнате стала вязкой, взгляд арна ощупывал мое лицо, грудь, бедра. Мне почему-то показалось, что еще немного, и на моей шее сомкнутся сильные руки и...

— Вон пошла, — услышала я и не поверила своим ушам.

Слава Создательнице! Душу затопило такое облегчение, что я улыбнулась.

— Чего стоишь? — хмыкнул арн. — Кыш отсюда.

Он устало потер глаза и направился к кровати, на ходу развязывая пояс халата.

— Скажи там кому-нибудь, чтобы ужин принесли, — не оборачиваясь, сказал граф и запнулся. — А, ты же немая, — с непонятной интонацией протянул он. — Ладно, иди.

Я подхватила ведро с совком и кинулась вон из комнаты.

Как добралась до кухни — не помню. Очнулась уже перед дверью в подсобку и только тогда перевела дух. Все-таки слушать рассказы Микошки об арнах и увидеть одного из них вживую — разные вещи!

— Что, Илинка, не съел тебя хозяин?

А вот и Микош, легок на помине. Старый конюх сидел у печки, грел свою больную поясницу и привычно мусолил во рту трубку. Серые усы его смешно шевелились, в блеклых голубых глазах затаилась хитринка.

Я улыбнулась Микошке и покачала головой, отвечая на его вопрос.

— А чего дрожишь, как заяц?

А как тут не дрожать? Я вспомнила прожигающий насквозь взгляд и поежилась. Конюх понимающе хмыкнул.

— Смотрю, ты к приезду хозяина подготовилась? — усмехнулся он. — Сделала, как я посоветовал? Вот и молодец. Лорд Штефан тут надолго не задержится, так что можно и грязь с сажей потерпеть.

Микош вынул изо рта трубку и с кряхтением пересел чуть дальше от печки.

— Слушай меня, Илинка, — с трудом устроившись на табуретке, сказал он, — тогда не пропадешь. Я повадки арнов хорошо знаю, им девок чистых подавай, пригожих, чтобы лицо гладкое было, тело крепкое да титки налитые. Вот ты свои-то и спрячь, а физиономию от сажи не мой, все равно каждый день в золе возишься. Глядишь, и пройдет беда мимо.

Легко сказать, не мой. Тут день с трудом выдержала, а если до лета... Нет, не смогу. Легче арну на глаза не показываться. Камин я всего раз в сутки растапливаю, а как окончательно потеплеет, так и вовсе топить не придется, так что он меня и не увидит. Это горничным не повезло, тем комнаты каждый день убирать, а у меня работа черная: не камин, так курятник и кухня. Вряд ли милорд на хоздвор или в подвалы кухонные спустится рискнет.

Я обвела взглядом темный зал. Длинный разделочный стол с дубовыми пеньками вместо ножек забит снедью, в расположенные под самым потолком окошки луна заглядывает, в огромном очаге на вертелах дичь запекается. Жир с нее капает на угли, рассерженно шипит, злобится, смачный мясной дух вышибает. Я почувствовала, как рот наполняется голодной слюной. Сейчас бы отколупнуть ножом зажаристую корочку! А еще лучше горячую мякоть с кости срезать, на хлеб положить и, обжигаясь, откусить.

Я так ясно представила вкус ароматной свинины, что живот жалобно заурчал.

Ужин был давно, от него уже и памяти не осталось, да и не могла жидкая гороховая похлебка сравниться с запеченным кабанчиком.

Вспомнилось, как Дамир приносил с охоты молодых уток, как весело горел огонь в печи, как чисто и уютно было в маленькой, выложенной разноцветным камнем кухне. Я словно воочию увидела небольшой двухэтажный домик с яркой черепичной крышей, увитое диким виноградом крыльцо, плетеный половик у двери.

Сердце болезненно сжалось. Как же давно это было... Будто в другой жизни.

На глаза навернулись слезы, но я заставила себя не думать о прошлом. Все наладится. Что тут до лета осталось-то? Всего ничего. А там арн уедет, и жизнь снова войдет в спокойную колею. Можно будет в Затонке по утрам купаться, грибы и ягоды собирать, в золе картошку печь, старый улей наладить...

— Илинка, сварнова дочка, где тебя носит?

Резкий голос Салты холодной оплеухой вырвал меня из мечтаний.

— От дурна баба, — тихо проворчал Микошка. — И чего ей нейметя? Ночь-полночь, а она все орет!

Он с сочувствием посмотрел на меня и кивнул на дверь черного хода.

— Иди, пока она тебя не заметила, а то опять до утра спину не разогнешь.

Это да. Салта ко мне равнодушна. Как увидит, что я «без дела прохлаждаюсь», так тут же работу найдет. «Всех вас в черном теле держать нужно, чтобы не забывались», — любит повторять она. Забудешься тут, как же! Сама Салта и напомнит. Мне порой казалось, что старшая тоже от арнов произошла. Уж больно нрав у нее звериный.

— Илинка! Куда подевалась эта лишманка? — слышалось злобное бормотание. — Или Ясь обманул, что девка на кухню мчалась?

В том-то и дело, что не обманул. Ясь был первым помощником Салты, следил за всеми работниками, обо всем старшей докладывал. Кривобокий, с узкими злобными глазками, он имел привычку возникать неожиданно, словно из-под земли, и знал все и про всех.

— Илинка! — не унималась Салта. — Не вздумай прятаться, все равно найду!

Я не стала дожидаться, пока меня обнаружат. Бесшумно отступила к выходу и незаметно выскользнула на улицу. Пусть ищет...

Во дворе было тихо. Суматоха, поднявшаяся с приходом хозяина, уже улеглась, и сейчас замок был похож на большого неприкаянного медведя. Микош рассказывал, что Белвиль построили семьсот лет назад, и я склонна была этому верить. О том беспокойном времени напоминали и высокие, похожие на острые пики башни, и узкие окна, и неприступная крепостная стена, опоясывающая замок, и грубая каменная кладка, которую ни одно ядро не возьмет. Вторую, новую, половину достраивали уже при Сигизмунде Завоевателе. Она получилась совсем другой: закругленные оконные проемы, мягкие линии, крытые переходы. Скорее всего, архитектор хотел привести в облик Белвиля более мирные черты, да только у него ничего не вышло. Не срослись две части замка друг с другом. Новая — восточная — оказалась не способной сгладить острые углы старой, и та угрюмо нависала над ней своими башнями, настойчиво теснила толстыми боками, зло подглядывала прищуренными глазами-бойницами. Наверное, потому и казался Белвиль нескладным и нелепым. В нем будто соединилось дремучее прошлое стобардцев и благопристойное настоящее олденцев.

Микошка говорил, что когда-то давно Стобард был отдельным государством. Тут процветала вера в Скарога — получеловека-полузверя, его и изображали так: голова волка на теле мужчины. Он считался родоначальником всех арнов. А правила Стобардом предки лорда Крона. «Вишь, Илинка, Кроны-то раньше королями были, — разглагольствовал Микош, — все Алмазные горы, до самой Рагницы, им принадлежали. И Кранец, и Брод, и Кравер. Это уж потом, как империя на запад расширилась, Сигизмунд земли Кронов захватил, а короля Драго своим вассалом сделал. А так, считай, в бывшем королевском дворце живем!» Вот так, во дворце...

Я окинула взглядом темный силуэт Восточной башни. Где-то там комната арна. Да вот же и окошки его светятся справа. Неужто не спит? Ну да, вон к окну зачем-то подошел. Воздухом подышать?

Я отступила в тень, но уйти не смогла. Правильно Паница говорила, что любопытство вперед меня родилось. Так и есть. Нет бы в свою каморку идти, а я зачем-то стою, за хозяином наблюдаю. А тот словно нюхом учуял, посмотрел вдруг в мою сторону, и мне со страху показалось, что глаза его снова алым блеснули. Глупо. Разве можно на таком расстоянии что-либо разглядеть?

«Мало тебе бед, Илинка, так и норовишь новую добавить, — мелькнула здравая мысль. — Уходи, пока граф не заметил».

Я прислушалась к голосу разума, развернулась и побежала к флигелю для слуг. Хватит уже потакать своей дурной привычке, и так из-за нее вся жизнь кувырком. Не сунулась бы куда не следует, так до сих пор и жила бы в родном доме. Впрочем, что уж теперь? Снявши голову, по волосам не плачут.

Грязь неприятно чавкала под ногами, выдавая мои шаги. Только бы навстречу никто не попался!

Мне повезло. Создательница оказалась милостива, и я спокойно дошла до своей комнатки.

Внутри было темно. То ли Златка еще не пришла, то ли спала уже. Я нащупала на полке кресало, подожгла сальный огарок, поставила плошку с ним на стол, и тут тишину нарушил чей-то придушенный всхлип. Златка? Я подняла свечу повыше и посмотрела на соседнюю кровать. Мать-Создательница! Соседка, съжившись, лежала на тощем матрасе, волосы ее спутались в колтун, от

рубахи остались жалкие лохмотья, на неприкрытом одеждой бедре виднелись крупные синяки, как от огромной пятерни.

— Убери свет! — сипло попросила Злата, и у меня внутри все сжалось. — Не смотри... Не надо.

Меня ее слова не остановили. Я подошла ближе и смогла разглядеть все, от покрытых синими пятнами ног до расцарапанной шеи и заплаканного лица.

Зверь... Настоящий зверь. Как можно было бить девушку?

— Он меня не бил, — тихо сказала Златка, с трудом усаживаясь на постели. Как и всегда, она легко поняла мои мысли. — Это... другое, — поморщилась она.

«Как же другое? От другого таких синяков не бывает!»

— Тебе-то откуда знать? — распухшие губы растянулись в подобии усмешки. — Вот такая она, любовь арнов... Особенная.

Злата спустила ноги на пол и осторожно, по стеночке, двинулась к табуретке, на которой стояли тазик и кувшин с водой.

— Поможешь? — спросила она.

Я налила в таз немного воды, взяла кусок тряпицы, намочила его и принялась осторожно вытирать с кожи Златки следы недавней «любви» арна. Подруга морщилась, когда я касалась свежих царапин, но терпела, а я смотрела на глубокие борозды от когтей и даже представить боялась, что ей пришлось вынести.

Все-таки не врал Микошка, хозяйская ласка мало чем от наказания отличается.

— Сказал, что завтра могу не работать, — хрипло прошептала Златка. — Да и то, какой с меня работник? Ходить толком не могу, — на лице соседки застыло странное выражение. Она помолчала немного, а потом прерывисто вздохнула и добавила: — Никогда ни с кем такого не испытывала... А, маленькая ты еще, все равно не поймешь, — поморщилась она, заметив мой настороженный взгляд.

Ничего и не маленькая! Мне в прошлом месяце восемнадцать исполнилось. И про то, что между мужчиной и женщиной бывает, я почти все знаю. Глаза-то у меня есть, а слуги не больно и скрываются. Вон летом на сеновале, считай, всю ночь напролет одни охи да взвизги слышатся. Сама же Златка с Яцеком так стонала, что я с метлой прибежала, соседку спасать. А оказалось, что спасать не от кого. До сих пор помню, как орал на меня Яцек. Он одной рукой штаны поддегивал, а другой на меня замахивался, насилиу Златка его угомонила.

Я задумалась и нечаянно задела исполосованное плечо подруги. Та зашипела от боли.

— Осторожнее! — пробормотала она, и на глазах ее снова выступили слезы.

«Прости!»

Я покаянно склонила голову.

— Ничего, — всхлипнула Злата. — Это все заживет, а вот рубаху жалко. Новая была, чистая, из тонкого полотна.

Она взглянула на обрывки ткани и разревелась.

«Ты чего?» — посмотрела на нее.

— У меня такой красивой никогда не было, — кулаком утирая нос, причитала соседка. — Там даже вышивка по краю шла, и края рубчиком подшитые. Как у Минки...

Нашла о чем переживать! Арн ей всю шкуру своими когтями исполосовал, а она из-за какой-то одежды убивается! Я покачала головой и выжала тряпку. Вода в тазике стала розовой от крови. Надо бы раны обработать, кто знает, вдруг у арнов когти ядовитые?

Я вспомнила руки графа — крупные, поросшие темными волосами, с длинными пальцами и острыми ногтями. Микошка говорил, что раньше арны умели в зверей превращаться полностью, а теперь только частично. Посмотреть бы, как это выглядит...

Подумав об этом, я мысленно отпустила себе затрещину. Посмотреть... Одна уже посмотрела, вон, от крови теперь не отмоется!

— Все. Лечь хочу, — вздохнула Злата.

Я помогла ей дойти до постели, собрала остатки порванной одежды и пошла к двери.

— Ты куда? — вскинулась соседка.

Я кивнула на нее и жестами изобразила бутылку.

— За горечником? — догадалась Златка. — Не нужно. Нарвешься на Салту, она тебя опять на всю ночь работой загрузит.

Я махнула рукой. Авось пронесет.

— Бедовая ты девка, Илинка, — вздохнула соседка, но отговаривать меня больше не стала. — Сама на рожон прешь.

Я только головой упрямо мотнула и вышла из комнаты.

В коридоре было темно и тихо. Свечку я с собой не взяла, полагаясь на то, что знаю каждую ступеньку и выбоину, и сейчас осторожно пробиралась по узкому переходу, соединяющему старый флигель с замком, стараясь не оступиться. Пол неуклонно шел вверх — сказывалась разница в высоте фундаментов. Я рукой нащупывала холодный камень стен, а сама думала только об одном: «Только бы до кухни поскорее добраться и никого не встретить».

Почему-то сейчас, когда у меня все внутри сводило от страха, обычный короткий путь казался бесконечным. А когда я наконец дошла до большой мраморной плиты, лежащей у входа в замок, то почувствовала такое облегчение, будто из кошмара выбралась!

Вот уж точно говорят, что у страха девять глаз!

Я осторожно прокралась вдоль стены к просторному замковому коридору, свернула направо, дошла до небольшого холла и остановилась. Здесь было уже не так темно. Сквозь узкие бойницы просачивались прозрачные пальцы луны, на пол ложились корявые длинные тени, в углу тускло поблескивали старинные металлические латы. На фоне грубой каменной кладки они казались почти живыми. Так и чудилось, что железные руки сейчас поднимут тяжелый меч и опустят его на голову врага. Ну, или того, кто рядом окажется.

«Ох и богатое ж у тебя воображение, Илинка!» — привычно разговаривая сама с собой, я уже почти дошла до лестницы, ведущей в подвал, как вдруг неожиданно почувствовала на себе чей-то взгляд. Он теплой букашкой полз по моему лицу, ощупывал, изучал, а у меня от страха ноги подкосились и волоски на шее дыбом встали.

Минута, другая... Я стояла, не в силах пошевелиться, словно парализованная. И чудилось, что в темноте дальнего коридора красные угли глаз горят, а в душе билось что-то смелое и глупое, нашептывающее подойти ближе, встретиться со своим страхом лицом к лицу...

Нет уж! Никогда больше не буду свой внутренний голос слушать, хватит с меня прошлого раза! Я с усилием оторвала ногу и сделала шаг назад. И в тот же миг все исчезло: и взгляд, и ощущение ползущей по щеке букашки, и ужас, захлестывающий душу. И «паралич» прошел. Видно, арн отступил.

Я сорвалась с места и кинулась вниз. Ступени мелькали одна за другой, а я молилась только об одном — чтобы тот, кто смотрел на меня из темноты коридора, не захотел поохотиться. Сейчас я не боялась нарваться на Салту, не страшилась ни ее ругани, ни работы, которой старшая могла меня загрузить. Наверное, я была бы даже рада, если бы противная старуха оказалась на кухне. Увы. Когда я влетела в пропахшее луком и кислым хлебом помещение, там никого не было. Только медные кастрюли едва заметно поблескивали боками да стекла буфета ловили отражение лунного света, проникающего сквозь зарешеченные окошки.

Я оперлась о стол и попыталась отдышаться. Ну и денек сегодня выдался! Вот тебе и тихий, затерявшийся в Алмазных горах замок, в котором никогда ничего не происходит!

Настойка нашлась быстро. Она стояла на своем месте, на третьей полке, в самом уголке. Брать с собой всю бутылку было рискованно, поэтому я отлила немного жидкости в кружку, накрыла ту полотенцем и вернула лекарство в шкаф. Главное, чтобы кухарка не заметила, что я тут похозяйничала.

Обратный путь занял в два раза больше времени. Я осторожничала, присматривалась, подолгу замирала перед очередным переходом и, только оказавшись за дверью нашей со Златкой каморки, облегченно перевела дух.

Глава 2

Штефан

Он проснулся рано. Сработала привычка, сложившаяся за годы службы. В походных условиях редко удавалось урвать больше пары-тройки часов сна, но ему этого хватало. Наверное, он даже любил такие вот ранние подъемы и ту особую тишину зарождающегося утра, когда не слышно ни разговоров, ни звона оружия, ни ржания коней, а все вокруг погружено в сонную дремоту. Штефану нравилось наблюдать, как медленно, словно нехотя, отступает ночь, как постепенно светлеет край неба, как наливается кровью нависающая над горизонтом полоса и расползаются по земле настырные красные тени. Было в этом что-то мистическое. Что-то, что будило в душе древние верования и память прошлого. Он никогда не считал себя набожным человеком, не верил ни в Аэста, ни в Сварна, но в такие моменты готов был признать существование какой-то силы, управляющей мирозданием. Или поверить в Скарога — древнее божество своих предков.

Штефан рывком поднялся с постели, подошел к окну и толкнул узкие створки. Те со скрипом подались, и молоко тумана тут же плеснулось в комнату. Оно оседало на коже, покрывало мельчайшими каплями волосы, забивалось в ноздри влажным и пряным ароматом цветущих каштанов, подхалимски, будто кошка, ластилось к телу.

Штефан повел плечами, прогоняя прикосновение призрачных мягких лап, и посмотрел на восток. Солнце и не думало всходить над Белвилем. Оно привычно пряталось за тучами, а те, так же привычно, сочились влагой. Вечная сырость Стобарда...

Он усмехнулся. Неприветливая у него родина. Суровая. Здесь нет ярких красок и живых эмоций, буйства природы и веселых песен юга. Да и сами стобардцы мало отличаются от своей серой и промозглой отчизны. Все они недоверчивые, молчаливые, на решения не скорые. Можно годами жить с ними бок о бок, но если ты родился за пределами Стобарда, местные так и будут считать тебя чужаком. И твоих детей. И даже внуков. Вот правнуков, пожалуй, признают, но все равно при случае напомним, что предки твои — пришлые, а значит, ты не истинный стобардец.

Штефан задумчиво глядел вдаль, туда, где небо отличалось чуть более светлым оттенком. За много лет вдали от дома он отвык от таких вот серых рассветов. Что ж, придется привыкать. Теперь это его новая действительность. Как и старый уродливый замок, как и чумазные лица живущих в Белвиле людей.

Стоило подумать о местной прислуге, как тут же вспомнился уволенный слизняк-управляющий. Плут и мошенник, как пить дать. Надо бы просмотреть расходные книги, проверить, на что уходили его деньги. Но все это потом.

Он, как был, в одних подштанниках, вышел из комнаты и спустился во двор. Внизу царил тишина. Птицы и люди еще не проснулись. Темная громада замка выступала из тумана неприкаянным черным медведем. Прохладный воздух приятно бодрил. Штефан шагнул в сгустившийся туман и побежал по дорожке, ведущей в лес. Под ногами чавкала грязь, мимо мелькали едва видимые глазу деревья, с неба сыпала мелкая морось. Сейчас, когда он полагался лишь на чутье, лес казался знакомым. И глубокий овраг, вдоль которого петляла тропа, и горные террасы, уступами уходящие к вершине, и лысая прогалина Скалистой пади. Оказывается, он ничего не забыл. Три года, проведенные в Белвиле в ранней юности, не прошли бесследно. Штефан тогда жил под присмотром деда. Отец женился на шестнадцатилетней Верике, привел ее в дом и отправил подрастающего сына подальше, чтобы соблазна не было.

Штефан усмехнулся. Похоже, одно у него место ссылки — Белвиль.

К большой бочке, в которую собирали чистую дождевую воду, он прибежал уже засветло. Не забыл за столько лет, вот она стоит, совсем не изменилась: те же круглые бока и темные обручи, стягивающие почерневшие доски, то же вросшее в землю основание. Эту бочку установил еще его дед. «Уж чего в Стобарде полно, так это воды, — говорил старик. — Хочешь — с речки бери, хочешь — из источников, а можешь и с неба пить, вон оно, круглый год влагой сочится».

Штефан отогнал рукой плавающую сверху щепу, зачерпнул бадьей студеною, пахнущую деревом и терпкими ягодами крученики воду, и опрокинул на себя. Сначала все тело закололо острыми иголками, и тут же им на смену поднялась волна жара. Хорошо!

Второе ведро пошло в ход сразу же, а третье — с небольшим перерывом. Он наслаждался этой оттяжкой, смаковал удовольствие. Вода смывала все: и усталость от долгой поездки, и горечь отставки, и несбывшиеся надежды, и воспоминания о жарких ночах с Бранимирой.

Он запрокинул лицо к проплывающим над головой ватным клочкам тумана и раскинул руки.

Хорошо... И плевать, что он снова в Белвиле. Ему не пятнадцать, и деда с отцом давно уже нет в живых. Теперь все будет по-другому. Зверь одобрительно заворочался и вдруг настороженно замер, пробившись к самой коже, вспоров когтями руки и изменив зрение.

За ним наблюдали. Он чувствовал этот взгляд спиной, ощущал нутром, чуял обострившимися инстинктами. Взгляд полз по напряженным мышцам, а он лихорадочно размышлял. Кто это? Врат? Подосланные Георгом убийцы? Местные головорезы?

Он стоял, все так же раскинув руки, стараясь не делать резких движений, и впитывал чужую энергию. В ней не было угрозы. Интерес, толика страха, сомнение и... любопытство. Проклятое любопытство.

Штефан нахмурился и скосил глаза на кусты волчьей сыти. Так и есть. Девчонка, что вчера убиралась в комнате, спряталась за густыми колючими ветками и наблюдает за его омовениями. Любопытная маленькая куница.

— И долго ты в засаде сидеть собираешься? — не поворачиваясь, спросил он.

Вопрос прозвучал резко. В кустах что-то тихо треснуло. Ишь ты, молчит. Испугалась.

— Я кого спрашиваю? — грозно спросил он.

Ответа не последовало, и это его разозлило. Штефан медленно повернулся, посмотрел на раздвинувшиеся кусты и наткнулся на внимательный, совсем не испуганный взгляд огромных синих глаз, ярко сверкающих на чумазом от сажи лице. Казалось, девчонка пытается что-то для себя решить. Похоже, уже решила. Она коротко поклонилась и выставила вперед два ведра, жестами показав, что пришла за водой. И тут он вспомнил. Ну конечно! Она же немая.

— Чего стоишь? Раз пришла — набирай, — хмыкнул Штефан.

Он чуть сдвинулся в сторону, и служанка шустро проскочила мимо. Она ловко наполнила ведра, подняла их и быстро посеменила прочь, слегка сгибаясь под тяжестью своей ноши. Казалось, еще немного, и тонкая фигурка в подпоясанной грубой веревкой рубахе просто переломится, но время шло, старые кожаные башмаки споро мелькали из-под длинного подола, а девчонка неумоимо неслась вперед. И как только не поскользнется на жирном черноземе тропинки?

Он машинально наблюдал за движениями ее маленького складного тела, а сам размышлял о том, что неплохо было бы съездить в Стобарт, навеститься к наместнику, посмотреть, чем тот дышит. А заодно и управляющего толкового подыскать. И с местными слугами надо что-то делать. Выглядят убогими оборванцами, позорят честь Белвиля, совсем без хозяина распустились. Но начать нужно с управляющего.

Штефан стер с лица капли. Да, так он и сделает. Поест и отправится в местную столицу. Поглядит, чем стобардская знать дышит.

Грязь снова смачно чавкнула под ногами, и он задумался. Надо бы в городе работников найти, пусть все камнем вымостят, нет сил на это болото смотреть.

Он недовольно поморщился, обвел взглядом запущенный двор и решительно направился к парадному входу.

Илинка

Я завернула за угол и только тогда перевела дух. Угораздило же нарваться на арна! И чего он в такую рань поднялся? Весь Белвиль спит, а ему нейметя! Еще и туман этот. Я ведь заметила графа в самый последний момент, едва успела за кусты спрятаться, думала, отсидеться смогу, да где там. У арна нюх звериный, сразу учуял, я по напрягшимся на спине мускулам поняла.

— Войко, сколько раз тебе говорить, дрова надо ровно складывать!

А вот и Салта. С утра пораньше уже орет. И почему ей вечно все не так?

Я припустила быстрее. Через полчаса общая побудка, а мне еще нужно успеть белье простирнуть и помыться. Вчера намаялась со Златкой, присела на кровать, думала, отдохну пару минут и встану, а проснулась уже утром.

За шиворот попала холодная капля, и я вздрогнула. И когда уже потеплеет? Вроде Ожен на носу, а погода никак не наладится. Помню, когда только попала в Белвиль, все ждала, что дожди

прекратятся и солнце выглянет. Время шло, с неба вместо воды белые хлопья полетели, грязь во дворе замерзла, тропинку лесную сугробами завалило, а солнце так и не появилось. «Стобард — край вечных туманов, — объяснял мне Микош. — Оно ж так и переводится со старого языка: сто — край, бард — туман. Вот так-то, девка. Знай, куда тебя судьба занесла».

Ведро оттягивали руки, но я привычно не обращала внимания на их тяжесть. Что тут идти-то осталось? Вон уже и флигель виднеется. Несколько шагов, щелястая дверь громко захлопнулась за спиной, в коридоре привычно темно.

До комнаты добежала за считанные минуты.

— Старшая заходила, — встретила меня соседка.

Она сидела на постели, и в сером утреннем свете многочисленные синяки на ее белой коже выглядели устрашающе. Мне тут же вспомнилось, каким я увидела арна у дождевой бочки: на смуглой коже капли воды блестят, мокрые подштанники плотно облепили ноги и ягодицы, влажные длинные волосы спадают на бугрящуюся мышцами спину, руки сплошь темными волосами покрыты. И грудь тоже, но это уж я потом разглядела, когда он повернулся. А еще мне показалось, что я когти видела — черные, острые, слегка загнутые. Такими кожу пропороть — раз плюнуть.

«Больно?» — с сочувствием взглянула на Златку.

— Не бери к сердцу, — отмахнулась та. — Это только выглядит ужасно, а так ничего, терпимо.

Как же, терпимо! Вон царапины какие глубокие!

— И охота тебе все время воду таскать? — вздохнула Златка. — Чай, не благородная, каждый день мыться.

Благородная не благородная, а к грязи так и не привыкла за два года. Все тело зудит и уснуть не могу, если вечером мокрой тряпицей не оботрешь.

Я поставила ведра на пол рядом с табуреткой, налила немного воды в таз и скинула рубаху. Кожа тут же покрылась пупырышками. Ох уж этот холод Белвиля...

Я провела тряпкой по шее, вытерла лицо и руки, посмотрела на почерневшую воду и грустно вздохнула. Без мыла тут не обойтись, а мое еще третьего дня закончилось. Как ни растягивала, а до ярмарочной распродажи все равно не хватило...

— Возьми у меня на полке, в старой банке из-под масла, — словно услышала мои мысли Злата. — Я вчера в бане кусок стащила, пока арн не видел, — она хитро улыбнулась и подмигнула. — Не задаром же честь девичью отдавать?

Ну, положим, с честью девичьей Златка уже лет десять как рассталась, сама рассказывала, а вот предприимчивости соседке не занимать.

Я заглянула в банку и обнаружила там небольшой кусочек душистого мыла — белого, пахнущего розами и жасмином, с красивыми выпуклыми узорами и маленьким штампом дома Шартен. Оно словно пришло из той, другой жизни, про которую я уже начинала забывать, и на душе стало тоскливо.

— Эй, ты чего замерла? — окликнула меня соседка. — Опоздаешь — Салта с тебя голову снимет! Давай быстрее!

Это да. Салта терпеть не может, когда кто-либо на работу опаздывает. Мы ведь с Милицей должны до завтрака управиться: дров натаскать, камин в гостиной и кабинете вычистить и растопить, убрать за собой все, чтобы, не дай Создательница, и соринки нигде не осталось. И только потом можем свою миску каши получить с ломтем черствого хлеба.

— А я думала, ты теперь совсем умываться не будешь, — задумчиво обронила Златка.

Я тоже так думала. А вот как походила неряхой, так и передумала. Не смогу. К тому же и арн на меня внимания не обращает, вон сколько раз уж виделись, а он как на пустое место смотрит.

Я торопливо намылила тряпицу, провела ею по щекам и принялась оттирать черные следы. Спустя несколько минут вода в тазике стала темной, а мое лицо приобрело свой первоначальный цвет.

Во дворе раздался звон колокола. Два удара. Значит, до начала общего сбора осталось пятнадцать минут.

— Красивая ты все-таки девка, Илинка, — задумчиво сказала Злата, наблюдая, как я заплетаю волосы. — Недаром на тебя Данко заглядывается. Зря ты от него нос воротишь, он парень хоть куда.

Жила бы сейчас как сыр в масле, и не в нашей конуре, а в башне. И ела бы досыта, и спала, сколько вздумается.

Соседка вздохнула, видимо, представив, каково это — с утра до ночи ничего не делать и теплые калачи есть, а я только рукой махнула. Ни к чему мне Данко, да и остальные охранники тоже. Не для меня такая жизнь — без венца, без любви, по одной только выгоде. Нельзя мне через себя переступить, Паница не раз говорила, чтобы я за честь свою держалась и на что попало ее не разменивала.

«Как бы плохо ни было, терпи, — наставляла она меня в тот последний день. — И честь девичью блюди, на блага мирские не разменивай».

— Ты чего застыла? Не слышишь? Колокол бьет! — поторопила меня Златка, и я, затаив на рубахе пояс, выскочила за дверь.

До людской добежала быстро. Салта при виде меня посмотрела на большие настенные часы и нахмурилась. Видать, надеялась, что я опоздаю.

— Соседка твоя где? — грозно спросила она. — Спит еще? Или думает, что коли с арном ночь провела, так теперь в благородные выбилась и может от трудов отлынивать?

Я попыталась знаками объяснить, что арн отстранил Златку от работы, но злобная баба сделала вид, что не понимает.

— Чего ты мне тут руками машешь? — прошипела она. — Иди, передай этой лишманке, что если через пять минут не появится, я ее мигом из замка вышвырну. На ваши места завсегда желающие найдутся!

Это да. В империи с работой туго, да и платят везде гроши. А в Белвиле хоть и тяжело, но на деньги не скупятся, и кормят, опять же.

— Чего стоишь, глазами лупаешь? — прикрикнула на меня старшая. — Тащи сюда соседку свою, ленивицу.

Да как я ее притащу? Златка с постели еле поднялась, куда уж ей по этажам резвой козочкой скакать?

Я отрицательно помотала головой и показала на себя, объясняя Салте, что готова за двоих отработать.

— За двоих? Ну что ж, сама напросилась, — недобро ответила старшая. — Потом не ной.

Она ненадолго задумалась, позвякивая связкой ключей, и распорядилась:

— Значит, так. Каминны растопишь, уберешься в людской и черную лестницу вымоешь, а потом в подвал спустишься. Там нужно картошку перебрать, десять коробов, что справа от входа стоят. Да поторапливайся. Если до ужина не успеешь, сама знаешь, двери запрут, там и ночевать останешься. Никто ради тебя порядки нарушать не будет.

Это точно. Порядки в Белвиле заведены строгие. К ночи все подсобные помещения должны быть закрыты, а мост поднят. Это указ еще старого хозяина, лорда Вацлава, деда лорда Штефана. И выполняется его распоряжение неукоснительно.

Я кивнула Салте, а та недобро зыркнула своими узкими глазками и махнула на меня рукой. Так, будто кур выгоняла.

— Чего застыла? Иди уже, коль вызвалась!

Она хотела что-то добавить, но отвлеклась на подошедшую Грильду. Кухонная работница опоздала и теперь пыталась незаметно проскользнуть в людскую. Я взмахнула руками, пытаюсь отвлечь внимание Салты, но старшую было не провести.

— Вы поглядите, еще одна ленивица явилась! — загородив собой вход, загремела она. В голосе домоправительницы послышалось мрачное удовлетворение. — Как работать, так не дозовешься, а как денежки получать — так вперед всех!

— Простите, дана Салта, — покаянно забубнила Грильда, но старшая, раздосадованная тем, что не удалось на нас со Златкой зло сорвать, уже разошлась.

— Колокол когда бил? Еще десять минут назад! — разорвалась она. — А ты где была? Спала? — Голос Салты перешел на визг: — А работать за тебя кто будет? Я?

Глупышка Грильда попыталась оправдаться, но сделала только хуже. Лучше бы молчала. Салта тут же затынула свою привычную песню о том, что только она в Белвиле не покладая рук трудится, а все остальные — лодыри и бездельники.

Я не стала слушать эти громогласные вопли. Незаметно выскользнула из людской, воспользовавшись тем, что домоправительница нависла над Грильдой и освободила проход, забрала в подсобке ведро и пошла наверх, в столовую. При хозяевах там всегда в первую очередь камин разжигали, а потом уже в гостиной и кабинете, так мне Микошка говорил.

Наверху было тихо. Я вошла в большой зал, на всякий случай быстро огляделась и только после этого направилась к камину. Огромный, побитый временем очаг был старым и каким-то сиротливым. Он темнел черным провалом посреди обшитой дубовыми панелями стены и печально поблескивал невысокой решеткой. Я посмотрела на нее и расстроенно вздохнула. Только вчера все до блеска начищала, а уже и не видно. Копоть одна кругом. Руки привычно потянулись за тряпкой. Успеть бы управиться, пока Лершик не появился или хозяина нелегкая не принесла. Интересно, граф всегда так рано встает или только сегодня? А завтракать где будет — здесь или у себя? Лучше бы у себя. Не больно-то хочется ему на глаза попадаться.

Я быстро выгребла золу, почистила каминную решетку и попыталась разжечь огонь, но тот разгораться не хотел. То ли тяга сегодня плохая была, то ли дрова отсыревшие, только не горели они, и все! Уж я и так, и эдак поленья укладывала — и все без толку.

— Чего ты там возишься?

Голос арна раздался так неожиданно, что я невольно дернулась и ударила головой о каминную полку. От боли захотелось зажмуриться, но я пересилила себя и повернулась.

Лорд Крон стоял прямо передо мной, разглядывая рассыпавшиеся дрова. На нем был простой темный камзол и темные же штаны. А лицо казалось осунувшимся. Полчаса назад, у бочки, нормальное было, а сейчас — усталое и побледневшее.

— Дай сюда, — протянул он руку.

Я вложила в нее кресало.

Арни молча отодвинул меня от камина, присел перед ним на корточки, потрогал дрова, принюхался к чему-то и хмыкнул.

— Это кто ж тебя так не любит? — повернулся он ко мне.

Я настороженно посмотрела в синие — вовсе не красные! — глаза.

— Кто-то поленья мраловым корнем натер. Ты их до вечера разжигать будешь, — пояснил арн.

Он поднялся, окинул взглядом полную светло-коричневых дров подставку и спросил:

— В гостиной камин еще не горит?

Я отрицательно помотала головой. Граф, не говоря ни слова, вышел, но не успела я понять, что к чему, как он уже вернулся, неся большую охапку буковых и дубовых поленьев.

— Вот эти попробуй.

Он сгрузил дрова на пол, оттащил от стола стул, сел и уставился на меня тяжелым, немигающим взглядом. А глаза-то снова краснотой наливаются...

Мать-Создательница! Руки дрогнули. Что, если у меня не получится? Так ведь и работу потерять недолго!

— Чего ждешь? — поторопил меня граф.

Я постаралась скрыть волнение, присела перед камином и принялась складывать поленья. Это только на первый взгляд кажется, что все легко и просто, а на самом деле целая наука. Оно ведь как? Если камин для красоты и уюта разжигают, тогда дрова нужно шалашиком устанавливать. Правда, они прогорят быстро и тепла почти не дадут. А вот для отопления поленья по-другому укладываются. Вниз, вдоль топки очага — самые толстые, дубовые, второй ряд — из коротких буковых полешек. Он поперек кладется и должен быть чуть потоньше. Потом нужно еще одно дубовое полено положить, а уже сверху, к самой стенке — щепу. Так камин долго гореть будет, и тепло по всей комнате разойдется. Этой науке меня Паница научила.

Сухие щепки занялись мгновенно — затрещали, застрекотали, загалдели. Огонь весело перекинулся на дубовое полено, лизнул буковые полешки.

— Кто тебя научил так дрова складывать? — будто подслушав мои мысли, спросил арн.

И как мне ему ответить?

— Отец?

Я отрицательно покачала головой.

— Брат?

А граф настырный! Вон как цепко глаза смотрят. И ответы в них багровые появились.

— Наставник? — не унимался лорд Крон.

Я кивнула. Так и есть, только не наставник, а наставница.

— Читать-писать умеешь? — последовал следующий вопрос.

Я утвердительно мотнула головой.

— Занятно, — словно про себя, заметил граф.

Он продолжал буравить меня взглядом, а я, вместо того чтобы опустить глаза, уставилась на арна и застыла, снова застигнутая врасплох тем, что творилось в сине-алой глубине. Недовольство, настороженность, интерес, раздумье — там было так много всего... И меня в сердце будто ударило что-то. И захотелось ближе подойти, ладонью по небритой щеке провести...

— Значит, так, — резко сказал арн, и я очнулась. — Чтобы я этого рванья больше не видел, — он брезгливо скривился, разглядывая мою штопаную рубаху. — Плачу вам по тридцать стависов, а выглядите, словно нищие оборванцы.

У меня от удивления глаза на лоб полезли, и все мысли глупые будто волной смыло. Какие тридцать стависов? Да я таких денег уже сто лет в руках не держала.

Граф смотрел на меня, и лицо его с каждой секундой мрачнело все больше.

— Понятно, — после небольшой паузы сказал он. — И сколько же ты получаешь?

Я показала два пальца.

— В месяц?

Я помотала головой.

— В год?

Я кивнула. Глаза арна полыхнули алым, и я снова замерла, застигнутая врасплох зарождающейся в них бурей.

— Убью мерзавцев! — выдохнул лорд Крон и полоснул меня гневным взглядом.

Я невольно отшатнулась.

Лорд Крон поморщился. Он провел рукой по лбу, словно отгоняя дурные мысли, и сказал уже более спокойно:

— Одежду вам всем выдадут. Завтра. И чтобы больше я этого убожества не видел, — арн кивнул на мою рубаху.

Выдадут? А деньги из жалованья вычтут? Разве будет хозяин задаром рубахи раздавать?

Я расстроено вздохнула. Правильно Микошка говорил. «Вот посмотришь, Илинка, приедет милорд, и тут совсем другие танцы начнутся», — посмеивался конюх. Видать, начались.

Граф поднялся со стула и молча пошел к выходу. А я смотрела ему вслед и думала о том, какие еще перемены нас ждут.

Штефан

— Ваше сиятельство, там вас у ворот спрашивают.

— Кто?

Он смотрел на Лершика, а сам прикидывал, замешан дворецкий в воровстве или управляющий один бесчинствовал.

— Военный какой-то. Не захотел представиться, — в голосе Лершика слышалось недовольство.

Еще бы! Это ж какое вопиющее нарушение правил — гость имя не пожелал назвать. Штефан хмыкнул.

— Проводи его в гостиную, — велел он, так и не придя ни к какому выводу. Интуиция подсказывала, что дворецкий причастен ко всему, что происходит в Белвиле, но вот доказательств не было. По документам, которые Штефан успел просмотреть, выходило, что Лершик исправно исполнял свои обязанности, получал ежемесячное жалование и ни к каким аферам слизняка отношения не имел. А вот с Винкошем у него теперь совсем другой разговор будет. Двадцать восемь стависов в год с каждого слуги. Пятнадцать слуг, восемь дворовых работников, десять человек охраны... И так двадцать лет. Хорошо нажился управляющий. От души брал, с размахом.

— Винкош где? — спросил он.

— Вещи собирает, ваше сиятельство, — настороженно ответил дворецкий, и в глазах его сверкнул упрямый огонек.

— Вели ему ждать в кабинете. Разберусь с гостем, подойду.

— Ваше сиятельство, дозволено ли мне будет сказать?

Лершик весь как-то подобрался и склонил голову набок.

— Говори.

— Дан Винкош — толковый управляющий. В Стобарде другого такого не найти. Лорд Меклер его давно к себе переманить пытался, и лорд Кобаш клинья подбивал. Вы бы не рубили сгоряча, ваше сиятельство.

Глазки дворецкого снова недобро блеснули, а кончик длинного носа еле заметно дернулся.

— Посмотрим, — хмыкнул Штефан, все больше склоняясь к мысли, что управляющий на пару с дворецким воровал. Чутье подсказывало, что эти двое заодно действовали. И еще неизвестно, кто главным был. — Веди сюда гостя, посмотрим, кто там пожаловал.

— Сию минуту, милорд.

Лершик поклонился и направился к лестнице.

Штефан задумчиво смотрел ему вслед. Высокий, похожий на крючковатую сухую палку, дворецкий шел, слегка раскачиваясь, шаркая и почти не поднимая ног. Длинные полы его черного кафтана скособочились и хлопали при ходьбе, а редкие седые волосы спадали на худую спину неопрятной косицей. Штефан попытался вспомнить, сколько же Лершику лет. Дворецкий служил еще при его деде. Потом при отце. И вот теперь ему достался. Этакая семейная белвильская реликвия, переходящая из поколения в поколение, от старого владельца к новому. И ему предстояло решить, сохранить эту традицию или положить начало новой.

Штефан провел рукой по лбу, откидывая назад мешающие пряди, и вошел в распахнутые двери гостиной. Раньше, во времена первых Кронов, здесь был тронный зал. На стенах до сих пор оставались старые гобелены, изображающие короля Драго и приносящих ему дары иноземцев. Творения белвильских мастериц потемнели от времени, их яркие краски поблекли, но все еще можно было отчетливо рассмотреть и крупного мужчину, сидящего на троне, и алую мантию, спускающуюся на каменные ступени, и склонивших головы вассалов, и напыщенных аверских посланцев. Десять гобеленов, по пять на каждой стене. А сами стены простые, не облагороженные дубовыми панелями. Грубая кладка, неровные швы, потемневший от времени камень.

Штефан прошел к неудобному, с высокой спинкой креслу и сел в него, вытянув ноги к камину. Шустрая девчушка уже успела разжечь огонь, и сейчас тот громко трещал, поедая толстые поленья.

Штефан сжал деревянные подлокотники. Простые, некрашенные, отполированные руками нескольких поколений хозяев Белвиля. На правом было небольшое углубление. Он помнил его с детства. И трещину на левом — от старости дерево рассохлось и разошлось глубокой некрасивой раной, обнажив розоватые слои букового основания. Когда-то в этом кресле любил сживать его

дед. Причем сидел всегда ровно, не облакачиваясь. Лорд Вацлав на дух не переносил расслабленности и никогда, даже в самые преклонные годы, не позволял себе согнуться или откинуться на спинку кресла. Единственное, что дед допускал, это опереться на подлокотники. Железный был лорд. Несгибаемый.

— Вот я и вернулся, дед, — тихо сказал Штефан. — Как ты того и хотел.

Здесь, в этой комнате, все выглядело так, будто лорд Вацлав еще жив. На небольшом столике стояли круглый штоф со сливовой ратицей и старинная пузатая рюмка из толстого стекла. На ореховой подставке лежали любимые дедовы трубки. В небольшом, расписанном яркими узорами шкафчике хранились древние рукописи, которые лорд Вацлав собирал почти семьдесят лет. В них были старые стобардские легенды о Скарое, заклинания и наговоры, пророчества о роде Крон и сложенные несколько веков назад баллады о первом короле.

Долгими зимними вечерами, когда за окнами валил снег, лорд Вацлав любил сживать в кресле и перелистывать страницы стобардской истории.

Штефан будто воочию увидел костлявую фигуру деда, его длинные седые волосы, сухие, обтянутые пергаментной кожей руки, ярко сверкающие на пальцах перстни. Относительно новый золотой, с большим черным бриллиантом, и старинный серебряный, в виде волчьей головы, передающийся в их роде каждому новому владельцу Белвиля. Штефан посмотрел на свои пальцы. Может, последовать традиции и тоже надеть фамильное кольцо? Или ограничиться золотым?

— Ваш гость, милорд, — голос дворецкого заставил Штефана отвлечься от размышлений.

Он поднял голову и растерянно моргнул, не веря своим глазам. Вот это сюрприз!

— Бранко! Ты откуда здесь взялся?

Штефан привстал, неверяще глядя на бывшего вестового. Бранко Кражич, старый друг и соратник, шел к нему от двери и широко улыбался. Его грубое, словно высеченное из корявого куска дерева лицо светилось от радости, а из-под кустистых бровей ярко зеленели раскосые глаза.

— Ты же в Рагницу собирался.

Штефан встретил друга коротким объятием.

— А я, ваше сиятельство, передумал, — хитро осклабился Бранко. — Служба моя хоть и закончилась, а все ж не по-людски это, командира бросать. Оно жив мирной жизни не помешает, когда есть кому спину прикрыть.

— А как же твоя Райна? — спросил Штефан. — Ты ведь жениться собирался. Я уже и подарок в Рагницу отправил.

По лицу Кражича прошла тень.

— А Райна теперь мужняя жена, — нарочито равнодушно ответил Бранко. — Не стала она дожидаться, пока я из Варнии вернусь. Выскочила за пекаря, сидит теперь в лавке, калачами торгует.

Что ж, обычная история. Женщины — существа непостоянные, их слово и нъера ломаного не стоит. Вот и Кражичу пришлось на себе эту истину испытать.

Штефан не стал больше ничего выяснять.

— Останешься? — просто спросил он.

— Коли не прогоните, — сверкнул глазами Бранко. — Вы же знаете, я за вами и в огонь, и в воду.

— Лершик, вели на стол накрывать, — обернулся к дворецкому Штефан. — И вина принеси лигерского, что в подвале хранится. Да побыстрее.

— Слушаюсь, милорд, — Лершик бросил взгляд на Бранко и зашаркал к двери.

Правда, Штефан был уверен, что стоит дворецкому выйти из комнаты, как вся его старческая немощ тут же исчезнет. Видел он, как тот на работников орет и каким коршуном на служанок наступает. С утра понаблюдать сподобился, как с пробежки вернулся.

— И как вас отчий дом встретил, ваше сиятельство? — посерьезнел Бранко.

— Садись.

Штефан кивнул ему и вернулся в дедово кресло.

— Сам видишь. Разруха кругом. В отчетах, что управляющий присылал, все складно да гладко было, а на деле...

Штефан не договорил и задумчиво посмотрел на друга.

— Бранко, ты ведь до войны у Стромеца служил? — спросил он.

— Да. Десять лет почти.

— Вот ты говоришь, что готов в огонь и в воду. А в управляющие пойдешь?

— А чего ж не пойти, коли надобность такая возникла?

Бранко хитро улыбнулся, отчего его дубленая кожа пошла кривыми складками, и полез в карман за трубкой.

— А старого вы уже выгнали?

— Вещи собирает. Но я его выпускать не собираюсь, пока не выясню, куда мои деньги ушли.

— По-крупному брал?

— Судя по всему, не стеснялся.

Штефан подошел к столу и плеснул в рюмку ратицы.

— Держи, — протянул ее другу.

Бранко одним махом опрокинул в себя сливовицу, шумно выдохнул и довольно крикнул.

— Остаюсь! — помотал он головой. — Если тут такую ратицу гонят, так я готов хоть до конца жизни на ваше сиятельство горбатиться!

Штефан усмехнулся и снова доверху наполнил пузатую дедову рюмку.

— Я рад, что ты приехал, Бранко, — серьезно посмотрел на друга.

— Не поверите, ваше сиятельство, но я тоже рад, — расплылся в улыбке Кражич.

Илинка

В подвал я спустилась после обеда. Было там темно и холодно, а низкие своды нависали над самой головой. Хорошо, что Создательница не наделила меня высоким ростом, иначе пришлось бы сгибаться в три погибели, а так я только голову слегка наклонила да подол подобрала, чтобы не споткнуться.

Я сбегала по неровным ступеням, сунула факел в крепление, запасной воткнула в соседнее и огляделась. Вдоль стен выстроились в ряд огромные бочки с соленьями, на полках высокие деревянные короба стоят, на полу ящики с овощами громоздятся. И конца-края подземелью не видно, за аркой первого зала темнота такая, что хоть глаз выколи.

Микошка говорил, что подвалы подо всей старой частью замка тянутся и переходят в подземные ходы, которые к самому сердцу Алмазных гор ведут. Правда, Лершик обозвал его старым дурнем и заявил, что никаких ходов нету. «Мелешь языком почем зря, — недовольно фыркнул дворецкий. — Точно баба старая». Знать бы, кто из них прав.

В подвалах я бывала нечасто, тут больше кухонные девки хозяйничали. Златка эти подземелья терпеть не могла. «Это сейчас тут припасы хранятся, — делилась со мной соседка. — А раньше, в старые времена, под замком темница была. Бабка сказывала, арны своих врагов в оковах держали до самой их смерти, никто отсюда живым не выбрался».

Я окинула взглядом мрачное помещение и поежилась. Да, очень похоже на тюрьму. Вон и крюки, в стены вбитые, и цепи на них ржавые. На мгновение мне даже показалось, что я слышу звон кандалов.

«Ох и богатое у тебя воображение, Илинка!» — шикнула на себя, поправила на плечах теплый платок и решительно направилась к коробам с картошкой.

Работы предстояло много. Нужно было перебрать клубни, рассортировать на крупные и мелкие, удалить загнившие, а годные переложить в сухие короба. В общем, только успевай поворачиваться.

Я вздохнула и выдвинула первый ящик. Картофель в нем был чуть сморщенным, но без глазков. Как и во втором. И в третьем. Вроде и весна на дворе, а в подвале температура такая, что овощи свежими лежат, не портятся. И сырости нет, что странно. Снаружи бесконечные дожди, а тут сухо.

«Предки наши не дураки были, — вспомнились мне слова Микошки. — Знали, на каком месте замок строить. Видишь, какое у него основание? Во-о-от! Гора. Скала неподвижная. А еще, говорят, первые арны кровью своей место это заговорили, чтобы непоколебимо дом их стоял до скончания веков».

Я сортировала картофель, а мысли бродили, где им вздумается. От прошлого замка к настоящему перешли, а там и к хозяину Белвиля свернули. Было в арне что-то такое, отчего внутри и страшно, и одновременно щекотно делалось. И хотелось в глаза его, не отрываясь, смотреть. И лицо разглядывать. Вот вроде и не красавец писанный, и черты резкие, и от канонов имперских далек, а столько в нем силы нечеловеческой скрыто, что невольно дух захватывает. Граф напоминал мне вирош — обережный орнамент с потайными знаками внутри. О нем мало кто знал, а меня Паница научила, показала, как на изнанке судьбы тонкие нити оберега вплести и от чужих взглядов скрыть. Вот бы попробовать арну такой вышить! Давно у меня подобных желаний не возникало, а тут прям как в сердце толкнуло, и фрагменты вироша перед глазами возникли.

Я так задумалась, что не заметила, как выронила из рук клубень. Наклонилась, чтобы поднять его, да так и застыла, услышав какой-то звук. Тихий, медленный, с небольшими промежутками, будто чье-то сердце стучит. Тук-тук... Тук-тук... У меня от страха мороз по коже прошел. Что за лиховщина? Я поднялась с перевернутого ящика, на котором сидела, и устала в темноту. Стук не умолкал. Он становился то громче, то тише, бился в такт моему собственному сердцу, въедался в мозг своей неотвратимостью, гулом заполнял все пространство вокруг. Мне показалось, что даже стены ему в такт вибрируют.

«Мать-Создательница! Неужто тут души неупокоенные остались?»

Не успела я так подумать, как в подвале наступила тишина. Будто и не было ничего. И как я ни прислушивалась, никаких подозрительных звуков больше не услышала.

А время шло. И картошки еще шесть ящиков осталось. Не успею перебрать — ни мне, ни Златке не поздоровится!

Я отвела со лба выбившиеся из косы волосы, решительно придвинула очередной короб и ухватила большой, покрытый глазками клубень. И пусть себе любопытство страдает, не буду я думать о том, откуда этот звук взялся. Не буду — и все! Мне и без того забот хватает.

— Эй, убогая, ты там? — послышался сверху высокий голос Минки.

Интересно, чего она здесь забыла? Минка была второй горничной, убиралась на хозяйском этаже, и с нами, простыми служанками, никогда не разговаривала. Не считала достойными своего общества.

Я оторвалась от работы и посмотрела на лестницу. На верхних ступеньках появились хорошенькие туфельки на каблучках, подол синей юбки и кокетливо выглядывающая из-под нее вышитая кайма рубахи. Минка, в отличие от нас, чернорабочих, всегда была щеголихой. В любовниках у нее сам начальник стражи ходил, вот она и форсила.

— О чем с тобой хозяин разговаривал?

Минка спустилась на несколько ступеней, и я смогла увидеть ее лицо.

— Ну? — притопнула она ногой.

Я развела руками.

— Не прикидывайся! Когда надо, ты все, что угодно, объяснить можешь, — не отставала Минка.

Я равнодушно пожала плечами и взялась за очередной клубень.

— Чего рожу отворачиваешь? Я тебя насквозь вижу! — разозлилась горничная. — Хочешь из грязи выбраться? Решила к хозяину в постель залезть? Так вот, запомни: не бывать этому! Он моим будет. И только попробуй мне дорогу перейти! Уничтожу.

Она резко крутанулась, отчего ее юбки взметнулись, открыв ноги почти до колен, и потопала наверх. А я усмехнулась и потянулась за очередной картофелиной. Тоже мне угроза! Что она может? Дрова мраловым корнем натереть? В камин воды плеснуть? Салте наябедничать? Так мне не

привыкать нагоняи получать. И тут внутри словно ледяной волной обдало: а что, если Минка любовнику нажалуется? Ганза — мерзкий тип. Даром что глава стражи, а сам бандит бандитом. А еще он с Лершиком дружбу водит, они друг друга прикрывают, делишки вместе обтяпывают. В прошлом году лес хозяйский кадарцам продали втихаря, нынешней зимой серебряные кубки — старые, еще прадеду лорда Штефана принадлежавшие, — заезжим купцам сторговали. Об этом никто, кроме меня, не знает. Да и я бы не узнала, если бы не мое проклятое любопытство. Или наблюдательность, как деликатно называла это качество матушка.

Я раздумывала над словами Минки, а сама раскладывала картошку по разным ящикам. Мелкая, крупная, средняя... Хорошая, проросшая, гнилая... Для кухни, для свиней, выкинуть...

Время летело незаметно, и вот уже в последнем коробе показалось дно, а вскоре он и вовсе опустел. Я поднялась и разогнула уставшую спину. Все. Осталось только по местам все расставить да мусор вынести, и можно считать, что работа выполнена.

Я поставила ящики на деревянные настилы, оттащила коробка с отходами к лестнице и понесла один из них наверх.

Интересно, сколько сейчас времени? Судя по тому, что живот от голода сводит, ужин не за горами. Представилась горячая, исходящая паром каша, жареные потроха с подливой, и я налегла плечом на низкую дубовую дверь.

Та не поддалась. Что за чудеса? Я толкнула сильнее. Бесполезно. Снаружи грохнул висячий замок, и я поняла, что меня закрыли. Ну, Минка! Ну, мстительная дрянь! И что теперь делать? Кричать-то я не могу! Остается только по двери лупить, авось кто-нибудь мимо будет проходить и услышит.

Я поставила ящик на пол и принялась колотить по темному некрашеному полотну. Оно заходило ходуном, но не поддавалось. Сначала я била кулаками, потом, когда руки заболели, принялась колошматить ногами, но толку с того было чуть. Устав, села у двери и подперла щеку кулаком. Бесполезно. Дверь подвала выходит на задний двор, а там до утра, пока птичницы не придут кур кормить, точно никто не появится. Придется мне в подземелье ночевать.

От этой мысли стало так тоскливо, что хоть плачь. Я поежилась и поплотнее затянула на груди платок. Покуда картошку сортировала, холода особо не чувствовала, а сейчас и по спине потянуло, и ноги заледенели. До утра я тут точно не высижу, замерзну. Вскочив, что было силы застучала по дубовой преграде. Грохот разносился по подвалу, эхом отражался от стен, гулял по залам подземелья, но снаружи никто не отзывался. Проклятая Минка! И чего она ко мне привязалась? Всех по себе судит. Если сама готова к арну в постель прыгнуть, так думает, и остальные служанки о том же мечтают.

Я посмотрела на ящик с гнилой картошкой и в сердцах пнула его ногой. Правда, потом опомнилась, подхватила короб и пошла вниз. Раз уж осталась в подвале, придется устраиваться на ночлег. И ничего тут не поделаешь.

Со ступеней спускалась уже не так бодро, как поначалу. Усталость брала свое. Ноги стали тяжелыми, неподъемными, ящик оттягивал руки, глаза сами собой закрывались. Сейчас даже тощий, набитый соломой тюфяк, на котором я обычно спала, представлялся мне самым мягким и желанным на свете, а наша со Златкой каморка — лучшей комнатой в мире. Оказаться бы там, зарыться в подушку и уснуть. Только сначала поужинать. Или хотя бы хлеба ломоть съесть.

Внизу показалось еще холоднее, чем было до этого. Я поменяла факел на новый, составила несколько ящичков один на другой и устроилась сверху, поджав под себя озябшие ноги. Вот посижу немного, а потом встану и похожу. Глядишь, так до утра и продержусь. Главное, не заснуть, иначе точно замерзну.

Я согнулась, обняла себя руками и уткнулась лицом в колени. Рубаха успокаивающе пахла дымом. Время шло, в подземелье было удивительно тихо, усталость брала свое, и я сама не заметила, как задремала.

Мне снилось море. Синее-синее, такое, каким оно бывает теплым летним днем. Оно ласково вило у ног белой пеной, тихо рокотало, весело поблескивало солнечными зайчиками. «Жи-и-изнь — жи-и-ить... — шумели волны. — Жи-и-изнь — жи-и-ить...» Мелкая рыжая галька тихо поддакивала, торопливо пришепетывая: «Живи-живи... Живи-живи...»

Я шла по берегу, придерживая длинный подол любимого василькового платья, и смотрела под ноги, выискивая круглые контрики — плоские желтые камешки со сквозной дырочкой. У нас в монастыре из них браслеты делали. А Селена с Маницей умудрялись даже целые ожерелья вывязывать. Для этого особый талант иметь надобно, чтобы из громоздких камней кружевную красоту сотворить. У меня так пока не получается, но я учусь. Вот собираю еще с десятков и попробую в матушкино ожерелье вплести, вместе с оберегом.

Я наклонилась и подобрала блеснувший среди гальки контрик.

Море плеснулось к ногам, бормоча свою песню, и на душе стало так светло и покойно, что захотелось, чтобы этот день никогда не заканчивался.

— Это моя судьба, я на своем пути, — тихо пела я услышанную недавно песню. — Моя жизнь течет в ритме биения сердца...

Волны ласково набегали на берег, ветер дул в лицо, утреннее солнце было нежным, как руки матушки. И казалось, что впереди меня ждет что-то очень хорошее. Может, матушка раньше времени приедет, а может, и Дамир заглянет.

Я пела все громче, мой голос разлетался далеко вокруг, пустынный берег оживал, окрашиваясь разноцветными звуками. Да, я всегда видела то, о чем пою. Нежно-лиловый — судьба, красный — сердце, желтый — путь. И тут вдруг откуда-то взялся темно-серый, гранитный. Он вплелся в мое разноцветье тихим стуком. Тук-тук... Тук-тук... Тук-тук... Поначалу звук был тихим, едва уловимым, но время шло, и этот стук становился все громче, все тревожнее, перекрывая и шум ветра, и шорох прибоя, и скрип гальки. Он набирал оборота, ускорялся, тревожно отдавался внутри, и я уже не знала, слышу ли его на самом деле, или загадочный стук бьется в моих венах, в моем сердце, в моей душе. Этот настойчивый звук привязал меня и повел за собой, прочь от взволнованной синей глади, прочь от разноцветных сполохов песни и от всего, что я любила и что считала своей жизнью.

Тук-тук... тук-тук... тук-тук... Стук все ускорялся, заставляя меня спешить. Я уже почти бежала. Море осталось позади, исчезло, будто его и не было. Вокруг стало темно, и эта темнота тянула меня куда-то, не давая опомниться, не позволяя перевести дух, не обращая внимания на мою усталость.

«Подожди! Хватит. Я не хочу», — взмолилась я и неожиданно смогла остановиться.

Стук прекратился.

Я открыла глаза и сначала даже не поняла, где оказалась. Факел, который я почему-то держала в руках, освещал низкие каменные своды, грубую кладку стен, неровные плиты пола. «Мать-Создательница! Да я же в подвалах Белвиля!»

Стоило мне так подумать, как стук снова возобновился. В нем не было угрозы. Он словно бы протапывал тропинку к моей душе — мягко, настойчиво, осторожно.

Я обвела помещение взглядом. Оно было похоже на то, в котором хранились припасы, только здесь не было ни бочек с соленьями, ни шхонов с капустой, ни ящичков. Видно, я попала в один из пустых залов, что тянулись за первым, а вот какой по счету, сказать сложно. Помню, осенью, когда селяне картошку привезли, мы с кухонными девками мешки в подвал таскали, и я потихоньку ото всех в глубь подземелья пробралась. Уж больно интересно мне было посмотреть, что там. Только вот смотреть оказалось не на что. Каменные стены, неровный пол да толстые колонны — вот и все убранство.

Я прислушалась, пытаюсь понять, откуда именно доносится настойчивый стук. Похоже, из расщелины в стене. Старая каменная кладка потрескалась от времени, и в ней появилась трещина. Вот именно оттуда и доносился загадочный звук. Я приложила ухо к стене и прислушалась. Стук стал отчетливее. Мне даже показалось, что стены слегка дрожат ему в такт. Он звал меня. В сердце тонкой веревочкой вилась просьба-приказ. Душа рвалась куда-то, руки ощупывали стену, а я не могла сообразить, как тут оказалась и что со мной происходит. Что за сила управляет моим сознанием? Почему я ничего не могу с собой поделать?

— Илинка! Куда тебя рагж уволок? — неожиданно послышался знакомый голос, стук мгновенно стих, ко мне вернулась способность управлять собственным телом, и я от радости чуть не разревелась.

Ясь! Пронырливый, вездесущий Ясь! Он меня нашел! Я готова была расцеловать этого злобного надсмотрщика, вот только сначала нужно было до него добраться.

Я развернулась и побежала на голос Яся, торопясь вернуться в первый зал.

— Где тебя носит, дурная девка? — надрывался помощник домоправительницы. — Ну, погоди у меня! Найду — за косы отгаскаю!

Эта угроза меня не напугала, наоборот. Я была согласна на любую выволочку, только бы вырваться из мрачного подземелья!

— Куда она подевалась? — послышалось тихое бормотание, и впереди показалось пятно света. — Илинка, это ты здесь? — спросил Ясь, выглянув из-за арки.

Я со всех ног кинулась к нему.

— Вот она пропажа, нашлась, — увидев меня, грубо хмыкнул помощник Салты. — Ты чего в подземелья поперлась? Совсем головы нету? А если бы заблудилась?

Да я и сама хотела бы знать, чего меня туда понесло. И главное, как я во сне умудрилась столько пройти и не проснуться?

— Ну чего руками машешь? Пошли уже, дана Салта тебя обыскала. Иди, говорит, Ясь, найди эту лентяйку, это она нарочно, мол, в подвале прячется, от работы отлынивает.

Я попробовала объяснить, что меня закрыли, но Ясь не обратил внимания на мои попытки. Просто схватил за руку и потащил к выходу.

— Это уж ты дане Салте рассказывать будешь, мое дело маленькое — велено доставить, я и доставлю. А там уж сама... — Он посмотрел на меня с хитрым прищуром и добавил: — Ох, и не поздоровится тебе, Илинка! Дана Салта уж больно гневается. Чего лыбишься? Не веришь? Ну так скоро на своей шкуре убедишься.

На меня эта угроза не произвела никакого впечатления. Перспектива остаться в подвале, в котором происходили странные и необъяснимые вещи, была гораздо страшнее. Лучше уж я вопли Салты вытерплю, чем еще раз услышу пробирающий до души стук.

— Ах ты ж, ленивая девка! Прятаться от меня вздумала? — изо рта домоправительницы летела слюна, глаза превратились в узкие щелочки, щеки гневно дрожали и оттого казались похожими на плохо застывший студень.

Я стояла посреди людской, вдоль стенок жались молчаливые служанки, а Салта, уперев руки в бока, наступала на меня и визжала так, что мне хотелось зажать уши ладонями или исчезнуть куда-нибудь подальше. Поначалу я еще пыталась объяснить, что меня закрыли, но старшая спросила Яся, а тот сказал, что дверь не была заперта. Вот и думай, то ли Минка вернулась и открыла, то ли Ясь решил меня подставить.

— В глаза мне смотри! — визг стал еще громче. В висках заломило от боли. — И стой ровно, когда с тобой разговаривают.

Если бы это было так легко! После дня, проведенного в подвале, спина ныла от усталости, а глаза слипались. Мне казалось, еще немного, и я улягусь на пол прямо тут, посреди людской.

— За двоих она отработает! Это ж надо было так врать! — разорвалась старшая. — Что зенки свои вылупила? Ни стыда ни совести нет! И подружка твоя такая же, весь день в постели провалялась! Ну ничего! Я из вас лень-то выбью! Вы у меня еще попомните!

Салта замолчала, и на лице ее появилось напряженно-задумчивое выражение. Наверняка пыталась наказание поизощреннее придумать! Пожалуй, погорячилась я с выбором лучшей участи. Ночь в подвале уже не казалась мне такой страшной.

— Иди за мной! — придя к какому-то решению, прошипела старшая.

Она звякнула ключами и направилась к двери. Я пошла следом. Башмаки казались тяжелыми, я с трудом переставляла ноги, а в голове все еще звучал тихий, настойчивый стук. Он казался мне таким явственным, что я невольно посматривала на Салту — может, она тоже его слышит? Но старшая быстро перебирала своими толстыми ножками и мчалась вперед со скоростью парусника. Она и похожа была на керецкую парусную лодку: тяжелая низкая корма, выступающие бедра-борта, обвисшая грудь — точь-в-точь приплюснутый нос керецки. И руки-весла — короткие, грубые, с маленькими отечными пальцами.

— Хватит мне спину буравить своими глазюками! — на ходу рявкнула старшая. — Все-то по ним видать, все мысли твои бесстыжие!

Да в том-то и беда! Еще матушка говорила, что глаза у меня выразительные, по ним и дуновение мысли видно. Вот Салта и придирается вечно, не нравятся ей, видать, эти дуновения!

— Шаг прибавь, чего еле плетешься? — не унималась домоправительница, сворачивая к кухне. Не успела я вслед за ней войти под низкую арку, как тут же увидела Златку. Та сидела в темном углу и чистила овощи. Соседка подняла на меня глаза и расстроено вздохнула. Вид у нее был такой больной и несчастный, а царапины на шее выглядели так устрашающе, что у меня от жалости сердце дрогнуло. А потом зло взяло. Что ж за зверюга наша домоправительница? Неужто у нее совсем души нет? Глядя на Златку, любой поймет, что ей плохо, а этой бабе все неймется.

— Как с картошкой закончишь, фасоль переберешь, — заявила Салта, шваркнув мне под ноги

плетеную корзину для очисток. — А потом вымоешь всю кухню и кастрюли до блеска начистишь. Не успеешь до утра — можешь собирать вещички.

Старшая взглянула на меня своими змеиными глазками и повернулась к Златке.

— А ты не расслаивайся без дела, тебе еще плиту отмывать.

Златка только вздохнула, а кухарка Богдана, полная, сдобная, похожая на румяную краверскую булочку, сочувственно посмотрела на нее и громко шмякнула на разделочную доску шмат сала. На плите стояла большая кастрюля, из которой шел острый аромат мясной требухи, видать, на завтра на обед крапеецкая похлебка будет. Ее всегда на сале готовят.

Живот громко заурчал от голода.

— Чего застыла? Особое приглашение нужно? — рявкнула Салта, и я аж вздрогнула.

Правильно Микош говорит, злая баба и медведя напугает. Я опустила на табуретку и придвинула бадью с картошкой. Златка молча подсунула мне нож.

— У-у, лишманки! — прошипела Салта и пошла к выходу, шурша накрахмаленными нижними юбками. Похоже, в честь приезда хозяина натянула, решила на арна впечатление произвести. Да только лорд Крон ведь не дурак, видела я, как он на старшую косился.

Стоило Салте выйти из кухни, как Златка разогнулась и посмотрела на меня с сочувствием.

— Как тебя угораздило? — спросила она.

Я попыталась знаками объяснить, что со мной приключилось.

— Минка? — с лету ухватила основную мысль Златка. — Закрыла в подвале? Вот же подлая девка! И чего ей спокойно не живет? К арну приревновала? Ой, дура! Нашла из-за чего пакостить.

— Не скажи, — вмешалась в наш разговор Богдана. — Не просто так она злобится. Илинка — девка справная, ей внимание арна привлечь — раз плюнуть. А там, глядишь, и в старшие выбьется, умом-то ее Скарот не обидел. А то, что немая, так это даже лучше, хоть уши у всех отдохнут после Салты!

— Точно, — улыбнулась Златка. — Я бы не прочь с такой старшей работать.

Она потянулась за картошкой и едва заметно поморщилась.

Я только рукой махнула — придумают тоже, старшая! — и требовательно посмотрела на Златку.

— Что? — спросила та.

Я забрала у нее нож и кивнула на низкую скамью, стоящую в углу.

— Не хочу я лежать, тут работы на двоих до утра, — помотала головой соседка.

Я поднялась и потянула ее за руку.

— Отстань, Илинка! — уперлась Злата. — Ты одна не справишься. Хочешь на улице оказаться?

Я уверенно замотала головой и показала на свои мускулы.

— Сильная? Дурочка ты маленькая! — беззлобно хмыкнула Златка. — Угробить себя решила?

Соседка была на восемь лет старше и считала себя взрослой женщиной, а меня — несмышленым ребенком. Но я не ребенок. Давно уже перестала им быть.

Я решительно потащила Златку к топчану.

— Иди приляг, — поддержала меня Богдана. — Я Илинке помогу. Вот с похлебкой закончу и помогу.

Златка попыталась сопротивляться, но мы с кухаркой ее уломали и заставили лечь, после чего вернулись каждая к своей работе: я — к корзине, а Богдана — к печи. Тонкая стружка кожуры ползла из-под ножа, очищенные клубни падали в бадейку с водой, огонь в печке тихо потрескивал. В тепле кухни мысли в голове ворочались ленивые, неспешные. И произошедшее в подвале казалось просто сном. Не могла же я и вправду непонятный стук слышать?

— Златка, спишь? — нарушила молчание Богдана.

— Нет, — отозвалась моя соседка.

— Болят раны-то? — с сочувствием спросила кухарка.

— Огнем горят, — неохотно призналась Златка.

А мне утром говорила, что не больно совсем! Геройствовала, пугать не хотела. Я покосилась на соседку и вздохнула. Выглядела та не очень.

— А с чего хозяин так озверел? — в голосе Богданы прозвучало недоумение. — Раньше-то, бывало, девки мечтали в постель к нему попасть, говорили, такой уж он по мужской части изобретательный да горячий. Да только не было того, чтобы зверя своего сдержать не смог. Вот лорд Годимир, тот страшный был. Сколько он девок покалечил! Да и не только девок. Говорят, первая жена его, леди Благика, от ран скончалась, не выдержала мужниной любви звериной. Ее в закрытом гробу хоронили, сказали, что болезнь лицо миледи обезобразила. Лорду Штефану тогда всего пять годков было. Граф после того притих, из Старкона в Брод переехал, затаился и лорду Вацлаву на глаза не показывался, очень уж тот невестку свою любил. А десять лет как прошло, так граф опять жену в дом привел — молодую, красивую, образованную. Леди Верика, говорят, в столицах жила, на трех языках говорить могла, на арфе музыку играть умела. Да только не спасло это ее от зверя! Недолго она в графинях проходила. Через три годочка и померла. То ли от страха, то ли от тоски.

Богдана вздохнула, вывернула содержимое большой сковороды в кастрюлю и, помешивая ложкой похлебку, задумчиво сказала:

— Лорд Штефан папеньку не любил. Как в пятнадцать из родительского дому ушел, так с тех пор больше и порог его не переступал. Кто говорит, граф сына выгнал, к юной жене приревновал, а Огнежка-травница сказывала, что молодой лорд сам сбежал.

— А ты откуда все это знаешь? — спросила Златка.

— Так мамашка моя кухаркой у старого хозяина была, лорд Вацлав ее стряпню любил, она ему самолично обеды и ужины в покои носила. Ну а я при кухне выросла, а тут ведь чего только не услышишь. Сама знаешь, к теплу печки все слухи тянутся.

Богдана накрыла кастрюлю крышкой и передвинула на край плиты. А потом села рядом со мной, взяла из корзины большой клубень, и из-под ее ножа зазмеилась тонкая стружка кожуры. На кухне стало тихо. Только дрова в печи уютно потрескивали.

Веки налились тяжестью. Я встряхнула головой, пытаюсь прогнать сон, и потянулась за очередной картошкой.

— А он и сейчас горячий, — неожиданно произнесла Златка. В голосе ее послышались незнакомые нотки — томные, тревожные, будоражащие.

— Кто? — посмотрела на нее Богдана.

— Лорд Штефан.

— Что, правду девки баяли?

Златка кивнула, а потом, спустя пару минут, добавила:

— Только вот любовь у него звериная, неласковая. Я как в баню вошла, так у него когти на руках и появились. И клыки. А взгляд такой сделался, будто угли в печи горят — алый, полыхающий. Страшный.

— А ты что?

— Да я с перепугу чуть не померла! А он ко мне шагнул и за руку взял. И все. Пропала я. Это уже потом, как все закончилось, боль почувствовала, а тогда...

Она бросила на меня взгляд и осеклась.

— Ладно, чего уж там вспоминать? Было и было.

Златка поморщилась и неловко повернулась на бок, а я разжала сжатые до боли пальцы. На правой ладони красный след от ножа остался. А в сердце словно кто ржавую иглу вогнал, так оно заныло. Не хотелось мне о любви арна слушать. И не слушать не могла.

— Погоди, я тебе наливки налью, она боль притупит, — подхватила Богдана. — А ты, на вот, булку держи, — протянула она мне калач, а потом полезла в шкаф, достала пузатый графин, плеснула в стакан темно-красного напитка и поднесла его Златке.

— Вишневая. В прошлом году делала, — пояснила кухарка.

Я впилась зубами в мягкое, сдобное тесто и блаженно зажмурилась. Вкусно. Моя соседка одним махом выпила наливку.

— Сладкая, — улыбнулась Злата.

— Ложись. Через пару минут полегчает. Верное средство, — Богдана ласково погладила графинчик и убрала его на полку. — А что, девки, — повернулась она к нам. — Говорят, в Белвиле управляющий новый будет. Сегодня приехал. Ладный мужик, только сразу видать, что не здешний. Волосы светлые, в какие-то мудреные косицы заплетены, и глаза такие, будто зелень болотная в них разлита.

— Откуда ж он такой взялся? — спросила Златка.

— Ясь обронил, что пришлый с хозяином вместе много лет воевал. Правой рукой его был. Вот теперь, стало быть, у нас тут всем заправлять станет.

— А как же Лершик?

— А что Лершик? — пожала плечами кухарка. — Он как был дворецким, так и останется. Его ж никто не гонит.

Я прислушивалась к разговору, жевала калач, а сама думала. Хорошо это или плохо, что начальство сменилось? Винкош хоть и считался управляющим, да только нас не трогал. Сидел себе в Западной башне, письма отчетные строчил и ратицу трескал. А этот, новый, кто его знает? Вдруг он такой же, как хозяин? Тут от одного не знаешь, куда скрыться, а если у него еще и товарищ появился... Ох, как бы беды не вышло!

Я сдула со лба мешающие волосы.

— А вдруг он такой же зверь, как и милорд? — словно подслушав мои мысли, спросила Златка.

— А ты посмотри поближе и узнаешь, — послышался от арки низкий насмешливый голос.

— Ох, лишеньки! — громко вскрикнула Богдана и резко обернулась, отчего ее крупная грудь мягко колыхнулась в вырезе блузки. — Напугали, дан.

— Да? — незнакомец вышел из темноты, и оказалось, что он такой же высокий и крупный, как арн. Только вот на этом все сходство и заканчивалось. Волосы мужчины были светлые, с выжженными солнцем белыми прядями, в глазах темная зелень мелькала, а крупный кривой нос красноречиво говорил о профессии хозяина. Видать, не раз его в драке ломали. Или в бою.

— Неужто такой страшный? — посмотрев на меня, подмигнул незнакомец.

— Скажете тоже, — смутилась Богдана. Она скомкала в руках полотенце, потом расправила его, тут же снова смяла и засунула в карман фартука. — Очень даже представительный мужчина, — румянец на полных щеках кухарки заиграл еще ярче. — Вот только имени вашего не знаем, — она вопросительно взглянула на гостя.

— Бранко Кражич, — представился тот. — Новый управляющий Белвиля.

Он обвел взглядом помещение, посмотрел на прикорнувшую у печи Златку и уставился на меня.

— А что это вам, красавицы, по ночам не спится? — тон мужчины изменился. Из него полностью исчезли игривые нотки. — Или хозяин вам за позднюю работу приплачивает?

Он снова настойчиво посмотрел на меня, видимо, ожидая ответа. Ага. Прямо угадал, нашел самую разговорчивую...

— Чего молчишь, красавица? — не отставал пришлый.

— Так немая она, дан, — пояснила Богдана. — Слышать слышит, а говорить не может.

— Вот как? — в глазах мужчины мелькнуло сожаление. — Ну, а эта? — он кивнул на Златку. — Тоже немая? Или убогая?

— Нет, — хрипло ответила Златка.

— А чего свернулась вся, как старая кожа? — хмыкнул он и подошел к печи. — Это кто ж тебя так? — разглядев царапины и синяки, посерьезнел дан.

— Никто, — буркнула Злата. — Упала неудачно.

— Упала, говоришь? — задумчиво повторил мужчина.

Он внимательно оглядел мою соседку, перевел взгляд на меня и спросил:

— Почему не спите?

— Так наказанные они, — снова встряла Богдана. — Старшая велела до утра все овощи перечистить и кухню отдраить.

— Что натворили?

— Да вот эту дуреху в подвале заперли, она не успела к ужину вернуться, а эта...

Кухарка замялась, не зная, как объяснить, что со Златкой приключилось.

— Хворая она, хозяин велел ей лежать, а старшая подняла и наказала.

— Понятно, — кивнул дан.

Он посмотрел на бадью с чищеной картошкой, перевел взгляд на короб с фасолью и заявил:

— Уберите за собой все и можете идти спать. Я отменяю наказание. Со старшей сам поговорю.

Он нахмурился, хотел что-то добавить, но промолчал и пошел к выходу. Вскоре его крупная фигура растворилась в темноте.

— Вот и познакомились с новым начальством, — задумчиво сказала Богдана и встрепенулась: — Ладно, давайте, девоньки, приберем тут все быстренько, да и по кроватям.

Глава 3

Штефан

Небо висело низко, задевая городские ворота. Острые шпили башен вспарывали свинцовые тучи, высокая каменная стена терялась в клочьях тумана, наплывающего со стороны леса. Стобард. Древняя столица его графства. Небольшой, захудалый городишко, затерявшийся в самом сердце Алмазных гор, который давно уже утерял свою былую славу и величие. Наверное, только сами стобардцы могли считать его настоящей столицей.

Сердце тоскливо зануло. Вспомнился шумный и многолюдный Оленден, его широкие проспекты и богатые особняки, дорогие современные экипажи и магические повозки. Стобард ни в какое сравнение не шел с главным городом империи.

Штефан еле слышно выругался. Прошло уже больше седмицы с его возвращения на родину, а он все никак не привыкнет к местной бедности и разрухе. Будто в другое время попал.

— Ох и погодка! — донесся до него хриплый голос Кражича.

Штефан обернулся.

Бранко, задрав голову, недовольно смотрел на серую муть, притворяющуюся небом. Конь под ним тихо всхрапывал.

— Привыкай, — хмыкнул Штефан. — Здесь всегда так. Полгода дождь, полгода снег. А солнце если пару раз за год выглянет, считай, повезло.

— И за что ж Создательница Стобард так невзлюбила? — проворчал друг, поднимая воротник дорожной куртки.

— А она над нашими землями не властна, — пришпоривая коня, хмыкнул Штефан. — Тут Скарот правит, а у него для каждого немилостей с лихвой отмерено. — Он смахнул со лба противную морось и крикнул другу: — Шевелись, Бранко, иначе на обед к наместнику опоздаем.

— Думаешь, нас там ждут?

Кражич догнал его и пристроился рядом. Выложенная черным бренским камнем дорога стала шире, позволив им свободно ехать вдвоем.

— Сегодня срединник, в этот день в особняке вся местная знать собирается, так еще со времен деда заведено было, — ответил Штефан.

Он вспомнил, как лорд Вацлав собирался на эти встречи. Дед готовился к ним загодя. С вечера просматривал отчеты, делал для себя пометки, сверялся с учетными книгами. А на следующий день вставал раньше обычного, мылся в бане, надевал свой лучший камзол и велел закладывать карету. «Без хозяйского пригляда ни дом, ни город не выстоят, — любил повторять дед, заставляя Штефана терпеть ежеседмичную повинность. — Запомни, внук, холопам твердая рука нужна, даже если эти холопы высокие должности занимают».

— Не боишься, что за столько лет все изменилось? — в голосе Кражича прозвучало недоверие.

— В Стобарде перемен не бывает, — усмехнулся Штефан. — Здесь веками традиций держатся. Знаешь, как тут любят говорить? Обычай старше закона. Вот так.

— Ну, положим, у нас в Авертине традиции тоже чтут, — вспомнил родину Бранко. — Особливо, ежели они веры касаются или, скажем, семьи.

Друг неожиданно замолчал, и Штефан понял, что тот о своей неверной невесте подумал.

— А помнишь, как мы в Герцвене квартировали? — поспешил он перевести разговор. — Вот уж где традиции, так традиции!

— Еще бы не помнить! — воодушевился Кражич. — Каждому победителю ежегодных бегов бочку пива и девушку в придачу. Эх, хорошие времена были...

За разговорами они миновали ворота и, въехав в город, направились по главной улице к особняку наместника.

Штефан огляделся. За годы его отсутствия ничего не изменилось. Все те же невысокие

двухэтажные домишки, похожие, как близнецы, прилепившиеся друг к другу стенами, словно родные. Все та же мощенная брусчаткой дорога. И все тот же аромат можжевельника, бражки и выпечки, доносящийся из открытых окон кабачков.

— Это что же, наместник тут вместо тебя всем заправляет? — рассматривая выцветшие вывески лавок и пивных, спросил Бранко.

— Еще один обычай, — кивнул Штефан, отмечая, что фасады выглядят облезлыми, словно побитая молью одежда. Бедно живут люди. Непростительно бедно. — Когда Кроны были королями, в каждой области Стобарда правил королевский ставленник. Времена изменились, королевства больше нет, а традиция осталась.

— И сколько у тебя таких наместников?

— Пятеро. По числу крупных городов графства.

— И все подчиняются Кронам?

— Да.

— Выходит, ваше сиятельство, вы тут как были правителем, так и остались, — усмехнулся Бранко.

— Формально, — хмыкнул Штефан. — А на деле никто даже не помнит, как я выгляжу.

— Вот сейчас и вспомнят, — ухмыльнулся Бранко, и лицо его озарила улыбка, с которой друг обычно шел на самые отчаянные дела. — Ох, чувствую, тут тоже скоро головы полетят! Как думаешь, они уже знают о твоём возвращении?

— Вряд ли. Сам видишь, дорога какая. По такой грязи далеко не находишься, мы и то три часа потеряли, а повозка с провизией в Белвиле только раз в десять дней появляется, так что некому было доносить, что в замке делается.

Штефан придержал коня и остановился у высокого добротного особняка, парадное крыльцо которого выходило прямо на площадь Ахенве.

— Видишь, экипажей сколько? — спешиваясь, спросил он. — А ты говоришь, переменялось... Сколько бы лет ни прошло, а тут все одно и то же, ничего не меняется.

Он привязал коня к деревянному столбу и грохнул кулаком по двери. Спустя пару секунд та медленно приоткрылась, и в образовавшуюся щель выглянул длинный нос.

— Лорд Драговец не принимают, — раздался гнусавый голос, и дверь попытались закрыть, но Штефан не позволил. Он легко потянул на себя створку, отодвинул с порога тщедушного, плюгавенького дворецкого и вошел в дом.

— Идем, Бранко, — позвал он друга. — Посмотрим, чем таким важным наместник занят, что своего господаря встретить не пожелал.

За его спиной что-то упало. Штефан обернулся.

— Ваше сиятельство, простите, не признал, — залепетал дворецкий, пытаясь протиснуться мимо Кражича. На полу Штефан заметил осколки фарфоровой вазы. — Его милость сейчас обедают. Я немедленно доложу о вашем приезде.

— Не нужно, — остановил его Штефан.

— Не торопись, дружок, — Бранко попридержал рвущегося вперед дворецкого. — Его сиятельство дорогу знает.

— Но... Его милость... Без доклада... — заюлил перепуганный старик.

Штефан не стал слушать бессвязный лепет и пошел к столовой, которую помнил по прошлому визиту в Стобард. Он тогда приезжал на похороны отца и заехал потом к наместнику, обговорить новые пошлины и сборы. Интересно, Драговец все такой же толстый боров, каким был двадцать лет назад?

Ответ на этот вопрос Штефан получил уже спустя несколько минут. Стоило ему войти в большую, заполненную людьми столовую, как он тут же увидел среди гостей тучную фигуру хозяина дома. Кастимир стал еще толще и уродливее, чем он помнил. Наместник сидел во главе стола и с аппетитом обгладывал баранью ногу. Руки и губы его лоснились от жира, на щеках ярко алел румянец, толстые, унизанные перстнями пальцы цепко держали добычу. Справа от него сидела молодая красивая женщина в дорогом шелковом платье, слева — щуплый мужчина с узким,

вытянутым лицом и тонкими, почти бескровными губами. Штефан узнал в нем лорда Стрена, наместника Старкона. Напротив разместился Крейчек, глава местной гильдии купцов. Справа от него сонно клевал носом Прачек, владелец нескольких подворий для бедных, а рядом с ним сидел судья Пиверень.

На Штефана никто из них не обратил никакого внимания. Лишь женщина подняла глаза, и он увидел, как быстро меняется их выражение. Сначала в них было недоумение, а потом появилась томная поволока и откровенный призыв. Что ж, животное начало во многих сильно. Вот и эта почувствовала его зверя, потянулась, потекла, готова хоть сейчас перед ним ноги раздвинуть.

Дворецкий, ужом вывернувшись из хватки Бранко, тоненько выкрикнул:

— Ваша милость, тут к вам лорд Крон пожаловали!

Жирные руки Драговеца дрогнули. Наместник поднял взгляд, уставился на Штефана и затрясся, задрожал весь, став похожим на енецкий студень. Баранья нога выскользнула из его ослабевших пальцев и смачно шлепнулась в тарелку, оставив на белоснежной скатерти некрасивые бурые пятна.

— Ваше сиятельство...

Желеобразная гуша попыталась подняться.

— Ваше сиятельство, да как же это? — бормотал Кастимир, и складки на его животе некрасиво колыхались. — Вы бы предупредили, мы бы вас встретили. Ох!

Хозяин дома выбрался наконец из-за стола и, задыхаясь, двинулся к нему.

— Ну что вы, лорд Драговец? К чему лишние хлопоты? Я ненадолго. Хотел посмотреть, как в Стобарде дела обстоят, а заодно и своего нового управляющего представить.

— Нового? — в поросячьих глазках наместника мелькнул страх. — А с даном Винкошем что случилось?

— А нет больше дана Винкоша, — Штефан сделал паузу, в упор глядя на Кастимира.

В столовой стало так тихо, что слышно было тиканье часов в нагрудном кармане судьи.

— Как нет? — сипло переспросил наместник, потянув-узел шейного платка, и остановился, будто не в силах идти дальше.

Женщина поднялась со своего места, оказалась рядом с Кастимиром и взяла того под руку. Но взгляд ее так и оставался прикованным к лицу Штефана. И губы призывно атели, приоткрывшись в своей влажной сочности.

— Дан Пиверень, какое наказание полагается за крупное воровство у господаря? — усмехнулся Штефан, позволяя клыкам удлиниться и показывая их присутствующим. Давненько здесь арнов не видели, позабыть успели, кому служат. Ну да ничего. Он напомнит.

Судья растерянно оглянулся по сторонам, словно в попытке найти поддержку среди сидящих за столом, но гости отводили глаза и молчали.

— Дан Пиверень? — поторопил Штефан.

Председатель местного суда дернулся, как от удара, и торопливой скороговоркой пробормотал:

— Ежели по имперским законам — отрубание руки. А ежели по нашим, стобардским, тогда казнь через повешение.

— Вот видите, — улыбнулся Штефан, с удовлетворением заметив, как побледнели окружающие. — Вы сами ответили на вопрос, куда делся мой бывший управляющий.

— Ваше сиятельство, вы его что, казнили? — испуганным шепотом переспросил наместник и закашлялся. Его крупное тело содрогалось, на лбу выступил пот, руки тряслись, отыскивая что-то в карманах штанов.

— Вот, возьмите, дорогой, — тихо сказала женщина, подавая Кастимиру тонкий белоснежный платок.

Значит, Драговец все-таки женился. И эта дамочка — его супруга.

Наместник утер пот и дрожащим голосом переспросил:

— Ваше сиятельство, это ведь не шутка, нет? Дана Винкоша... казнили?

— Именно так, лорд Драговец, — подтвердил Штефан. — Чтобы прочим неповадно было.

Он обвел взглядом застывших истуканами гостей и жестко добавил:

— Жду всех завтра в Белвиле. С собой возьмите необходимые счета и документы. Дан Кражич проверит их и доложит мне. Безоблачного дня, даны.

— Ваше сиятельство, не соблаговолите ли присоединиться к нашему скромному обеду? — попыталась остановить его леди Драговец.

Призыв в ее глазах стал почти очевиден.

— В другой раз, миледи, — небрежно поклонился Штефан.

Он резко развернулся и вышел из столовой. Бранко молча последовал за ним.

— А говорил, на обед останемся, — хмыкнул друг, спускаясь с лестницы.

— А у меня аппетит пропал, — в тон ему ответил Штефан. — Ничего, мы с тобой сейчас к Дымарю завернем. Таких колбасок с чесноком больше нигде не найдешь. А какое у него крапивное пиво! Лучшее в крае.

Дверь захлопнулась за их спинами, отрезав взволнованный гул голосов, и Штефан, вскочив на коня, направил его к Старо-Кроне, улице мясников и пивоваров.

— Здесь самые главные кабаки Стобарда расположены, — пояснил он другу. — А вот и заведение дана Дымаря!

Они с Бранко как раз подъехали к невысокому, выкрашенному охрой дому. Его низкие окошки почти вросли в землю, дверь была открыта нараспашку, приглашая всех желающих зайти и отведать знаменитой похлебки из свиного желудка и острых колбасок. Изнутри доносились веселые звуки скрипки и крепкий мясной дух. Яркая, недавно подновленная вывеска раскачивалась на ветру и уныло скрипела.

— Пахнет вкусно, — повел носом Бранко.

Штефан ничего не ответил, только усмехнулся. Что еще друг скажет, когда Дымарь перед ним блюдо с лоснящимися от жира бандерскими колбасками поставит!

— Никак его сиятельство пожаловали?

Не успели они с Кражичем войти, как невысокий грузный хозяин торопливо выбрался из-за стойки и низко поклонился. В глазах его не было страха. Скорее, удивление и... радость.

Штефан хмыкнул. Надо же, признал. Спустя столько лет признал...

В душе шевельнулось что-то вроде благодарности. Поди ж ты! Первый человек в Стобарде, который рад его видеть.

— Надолго к нам, ваше сиятельство? — подошел ближе Дымарь.

Хозяин кабака был и сам похож на бандерскую колбаску — крепкую, тугую, с тонкими перевязками и кружочками жира.

— Надолго, Блажден, — ответил Штефан и именно в этот момент понял то, что подспудно зрело внутри вот уже несколько дней. Он обвел глазами темный зал, сидящих за столиками и напряженно прислушивающихся к их разговору людей, остановившего игру скрипача и добавил: — Навсегда.

— Так за это ж не грех и жватицы выпить, а, ваше сиятельство? — на полном благодушном лице Дымаря появилась лукавая усмешка, а музыкант провел смычком по струнам и заиграл задорную «Кецку».

— Неси, — кивнул Штефан, усаживаясь за стол. — И пива крапивного неси, и колбасок, и похлебки своей знаменитой.

— Ото ж разом! — кивнул хозяин кабака и гаркнул, обернувшись к двери кухни: — Квитка! А ну тащи сюда все, что есть!

— Дан Блажден, так тут много чего есть! — высунулась из проема веснушчатая физиономия.

— Вот все и неси! — махнул рукой Дымарь.

— Что, и плацинды?

— От дурна девка! Если я сказал все, значит, все! У нас сегодня праздник. Господарь наш вернулся!

Дымарь вытащил из-за пояса фартука чистое, вышитое по краям полотенце, утер им потное, будто промасленное лицо и мечтательно добавил:

— Ото ж какая теперь жизнь у нас начнется! При законном-то правителе! — он отвлекся на тощую веснушчатую девицу, выскочившую из кухни с огромным подносом. — Квитка, я ж тебе сказал, все неси!

— Так у меня всего две руки! — беззлобно огрызнулась девка, полоснула по Штефану любопытным взглядом и бухнула поднос на стол. — А я одна! И помощницу вы мне уже какой месяц обещаете, да никак не наймете.

Она ловко выставила горшок с похлебкой, блюда с румяными плациндами, две глиняные миски, ложки, сунула им с Бранко полотняные полотенца и снова побежала на кухню.

Штефан наблюдал за мельтешением худых жилистых ног, выглядывающих из-под короткого подола вышитой национальной юбки, и неожиданно вспомнил другие ножки — маленькие, ладные, в грубых кожаных башмаках, торопливо летящие над грязью белвильской тропинки.

И глаза вспомнил. Синие, большие, прозрачные, до самой души пробирающие. Наверное, сложно с такими жить. Не каждый взгляд их выдержит.

— Вы уж простите Квитку, ваше сиятельство, — отвлек его Блажден. — Язык у девки что помело, но не выгонишь, уж больно хорошо готовит. А вот и пиво вам, — на столе оказались большие запотевшие кружки. — Отведайте, господарь.

Старое обращение неожиданно пришлось по сердцу, затронуло какие-то струнки в душе, потянулось к корням. Оно словно бы соединяло его с этим местом, с людьми, с вечно хмурым небом и непроходимыми лесами Стобарда.

Штефан поднял кружку, кивнул Бранко, приглашая попробовать, и коснулся губами пышной, пахнущей имбирем и солодом пены.

— Доброе пиво, — довольно крикнул Кражич, одним махом выпив кружку и потянувшись за второй.

— Доброе, — согласился Штефан, и Дымарь облегченно выдохнул и довольно заулыбался.

— Колбаски вот, закусывайте, — грохнула тарелками Квитка.

От горячих, с пылу с жару, бандерских шел острый чесночный дух, и Штефан почувствовал, как рот наполняется голодной слюной. И то, с утра, кроме яишни, считай, не ел ничего. Некогда было.

Он придвинул большую глиняную тарелку.

Бранко тем временем уже успел ухватить румяную колбаску. Друг откусил ее и расплылся в довольной улыбке.

— Вкусно, — одобрил Кражич. Он обвел взглядом посетителей кабачка и обратился к Блаждену: — Хороший у вас повар, дан Дымарь, — похвалил друг.

— Ото ж золотые слова! — смущенно крикнул хозяин заведения и, поклонившись, торопливо направился к кухне. Вскоре его сбитая фигура в длинном черном фартуке исчезла за раздвижными деревянными дверями.

— Дымарь никому не доверяет колбаски жарить и пиво варить, — пояснил другу Штефан. — Сам все делает. И секретов не выдает.

— Дельный мужик, — одобрительно заметил Кражич и неожиданно посерьезнел. — А вот наместник у вас, ваше сиятельство, дерьмо человек, — понизил голос друг. — Нутром чую, такой же вор, как и Винкош.

Штефан отставил кружку и задумчиво посмотрел на Бранко.

— Предлагаешь и его вздернуть?

— А почему бы и нет? Видно же, что вор и мошенник.

— Не выйдет, — покачал головой Штефан. — Драговец — барон, и в покровителях у него сам герцог Краунец. Как бы мне ни хотелось избавиться от него прямо сейчас, действовать придется

осторожно.

— Эх, ваше сиятельство, привыкли вы все просчитывать и продумывать, — хмыкнул Бранко и усмехнулся. — А видали, как они струхнули, когда про Винкоша услышали? Особенно этот жирный боров.

Штефан кивнул. Струхнули, да. Потому как повязаны тут все.

Он вспомнил предрассветную темноту двора, испуганные лица слуг, темный силуэт виселицы, рыдающего Винкоша. Жалел ли он о том, что пришлось казнить вороватого слизняка? Нет. Заслужил. Столько украсть за двадцать лет... От богатого некогда имения почти ничего не осталось. И ладно бы только его обворовывал, так ведь и у слуг последние крохи отбирал, страже гроши платил. Цифры сами за себя говорят.

А вот с остальными все не так просто. Винкош подельников сдал, а доказательств их вины нет. И дворецкий, и глава стражи перед законом чисты. И хоть знает Штефан, что оба заслуживают наказания, а сделать ничего не может. Пока не может.

Он нахмурился. Слишком долго графство жило без хозяина. Слишком распоясалась местная верхушка. И наместники, и чинуши, и судейские. До них он пока добраться не может, но вот устроить, поставить на место, чтобы не зарывались, показать, кто здесь господарь, вполне способен. Теперь, когда они знают, что в графстве снова действует старый закон, поостерегутся так уж явно на рожон лезть.

— Ничего, командир, — словно подслушав его мысли, тихо сказал Бранко. — До всех доберемся, никто от расплаты не уйдет.

Штефан кивнул. Как всегда, друг без слов понимал все, что он думал.

— Доберемся, — подтвердил он и усмехнулся. — Ешь похлебку, Бранко. Остынет.

Обратно возвращались уже в темноте. Грязь под копытами лошадей чавкала особенно мерзко, с какими-то злорадными всхлипами, деревья нависали над дорогой угрюмыми черными стражами, луна скрылась за тучами, и им с Бранко приходилось пробираться едва ли не на ощупь.

Нужно было раньше выезжать, при свете. Но как тут уедешь, когда Блажден такой пир закатил? Да и не хотелось ему в замок, оттягивал, как мог, возвращение под мрачный кров родового гнезда. Тяжело ему там было, маотно. И зверь беспокойно себя вел, далеко не уходил, к самой коже пробивался, принюхивался ко всему, присматривался. Не доверял.

— Слышь, командир, — нарушил молчание Бранко. — Я тут спросить хотел...

Друг замолчал, и Штефан почувствовал его напряжение.

— Спрашивай, — поторопил он.

Почему-то казалось, что Кражич хочет спросить о неприятном, о том, о чем сам Штефан предпочел бы не говорить.

— Ты со зверем своим в ладах?

Голос Бранко звучал настороженно.

Штефан усмехнулся. Что ж, вот он и прозвучал, неприятный вопрос. Знает его Кражич, ой как хорошо знает! Долго примерялся, седмицу целую, а теперь вот спросил.

— Почему спрашиваешь? — уточнил он.

— Да я тут на днях девчонку на кухне видел, — ответил друг. — Уж больно раны у нее... приметные.

Штефан поморщился. Ту первую ночь под родной крышей он помнил плохо. Можно сказать, выпала она из его жизни, словно и не было. Что творил, где его носило — одному Скарогу ведомо. Знает только, что зверь на свободу вырвался, не смог он его удержать, а еще почему-то прикосновение маленькой крепкой руки к животу запомнилось, жар, от нее по телу прошедший, и глаза любопытные, синие, как вода в Затонке, и такие же прозрачные, кажется, посмотри подольше — и всю душу до самого дна увидишь.

— Сильно я ее?

А голос сипит, как не его.

— Раны глубокие, — после паузы ответил Бранко.

— Скажи, пусть лекарь осмотрит. И денег выдай. Двадцать стависов.

— Сделаю. Но ты не ответил, командир. Со зверем твоим что?

Друг редко обращался к нему на ты. Только наедине, когда никого поблизости не было и никто не только услышать, но и увидеть их не мог.

— Со зверем я разберусь, — уверенно ответил Штефан. — Ты мне лучше скажи...

Он не договорил. Поднял руку, призывая друга к молчанию, и настороженно прислушался. Впереди, эрах в пятидесяти, кто-то был. Он слышал биение сердца, ощущал исходящие от чужака волны злобы и страха, чувствовал зловонное дыхание. О, а вот и еще несколько... Подальше от первого, в засаде сидят, а этого, судя по всему, дозорным выставили.

— Помнишь Стройденские болота? — придерживая коня, негромко спросил Штефан.

— Еще бы не помнить, — настороженно отозвался Бранко.

Да, тогда им пришлось туго. Вдвоем против десяти наемников.

— Пятеро.

Друг понял его мгновенно. Спешился, взял коня под уздцы и шагнул к нему, забирая поводья и дожидаясь, пока Штефан окажется рядом, на скользкой грязи. Та уныло хлюпнула под ногами.

— Привяжи лошадей, — тихо сказал Штефан, а зверь уже пробивался из-под кожи темной шерстью, когтями, мышцами перевитыми. И глаза менялись, перестраивая зрение, обостряя очертания окружающего мира, подстраиваясь под темноту ночного леса.

Бранко молча выполнил приказ.

— С дозорным я разберусь, — еле слышно сказал Штефан. — Вон то дерево видишь? — он указал на ствол орсты, белеющий далеко впереди. — Там четверо. Заходи справа.

Кражич кивнул, и Штефан нырнул в придорожные кусты.

Ничего не подозревающего дозорного он обошел по дуге. Высокий, нескладный детина прятался за деревом и наблюдал за дорогой, нетерпеливо вытягивая шею. Приближения Штефана он даже не почувствовал. Только в последний момент, когда рука с когтями накрыла его лицо, дернулся и попытался закричать, но тихий хруст позвонков пресек этот бесполезный порыв.

Штефан оставил бездыханное тело и двинулся дальше, заходя в тыл оставшимся врагам. Интересно, кто их наниматель? Император? Или наместник? Кто из них? Обоим его существование поперек горла. Георгу не нужен живой герой Варнийской войны, гораздо удобнее чтить память погибшего военачальника, а со временем вычеркнуть его имя из исторических хроник и приписать победу над сильным и, как считалось, непобедимым врагом себе. Да, император вполне мог натравить на него наемников, чтобы потом представить все как обычный разбой. А наместник... Тут тоже все понятно. Драговецу невыгодно присутствие в крае законного господаря Стобарда. Столько лет самолично правил, творил, что хотел, и был уверен в собственной безнаказанности, а тут хозяин вернулся. Конечно, Кастимиру не по душе его возвращение, да и смерть Винкоша могла спровоцировать наместника на отчаянные действия.

Штефан беззвучно крался по мягкому, пружинящему под ногами мху и напряженно размышлял. В том, что ждали именно его, он не сомневался. По этой дороге в такую распутицу почти никто не ездит, и уж тем более ночью. Мог ли наместник так быстро среагировать?

Впереди показались гладкие стволы орст, а за ними — спины четверых наемников. Штефан не стал медлить. Отдал всю власть зверю, и тот молнией метнулся к ничего не подозревающим воинам.

Бранко выступил из темноты одновременно с тем, как он свалил первого наемника. Короткие вскрики, шум борьбы, довольные чавкающие звуки поливаемой кровью грязи — сражение было недолгим. Всего пять минут — и враг оказался повержен. Зверь удовлетворенно рыкнул и исчез, а Штефан огляделся вокруг. Трое убитых, один раненый. Он специально одного оставил, выяснить хотел, откуда пташки прилетели, кто их надоумил.

— Имя нанимателя? — резко спросил Штефан у оставшегося в живых наемника.

— Пошел ты! — грубо бормотнул тот и грязно выругался.

— Я-то пойду, — посмотрел на него Штефан. — Только сначала ты мне имя скажешь.

— Все одно помирать, — со злостью выплюнул наемник. Его заросшая физиономия скривилась от

боли.

Луна выглянула из-за туч, и в ее свете стало хорошо видно рваную рану на груди и распоротое бедро, из которого толчками текла кровь. Штефану хватило одного взгляда, чтобы понять, что парень не жилец.

— С чего бы мне тебе одолжение делать? — просипел наемник.

— Помнится, была у меня собака, — вмешался Бранко, неторопливо вытирая тряпицей окровавленный нож. — Хорошая, понятливая. Только вороватая. И сколько я ее ни учил, а она так и норовила что-нибудь стащить. И ладно бы только у меня тащила, так ведь к соседям полезла. В курятнике поозоровала, птицу передушила. Знаешь, что я с ней сделал? — посмотрел друг на раненого. Тот напрягся, настороженно наблюдая, как Бранко проверяет острие ножа. — Я ее к дереву подвесил и кишки выпустил, — спокойно сказал Кражич. — Долго она умирала. Ты как хочешь? Как человек умереть, быстро и легко, или как та собака — до утра висеть и на внутренности свои любоваться? Выбирай.

Друг посмотрел на наемника, а Штефан усмехнулся. Историю эту он уже не раз при схожих обстоятельствах слышал. Только вот не было никогда у Бранко собаки. И кишки он никому, кроме врагов, не выпускал. Это у друга такая воспитательная байка была, как он сам говорил, для добровольного выбора, чтоб нагляднее показать непонятливым, что их ждет. «Мы ведь толстокожие, командир, нас угрозами не проймешь. А вот историей жизненной — запросто».

Похоже, наемник проникся. Глаза его забегали, дыхание участилось.

— Скажу, если отпустите, — прохрипел он.

Штефан помолчал, а потом кивнул:

— Говори.

— Поклянись Создательницей, что отпустишь, — потребовал раненый.

— Райна мне свидетель, — ответил Штефан.

— Сам я нанимателя не видел, — задыхаясь, произнес наемник, — но слышал, как старший его лордом Свардом называл.

Значит, все-таки император. Не захотел по-хорошему. Через нового главнокомандующего избавиться решил.

Штефан посмотрел на Бранко. Тот помрачнел, глаза его недобро сверкнули, а губы шевельнулись, беззвучно прошептав проклятие. Друг тоже понял, откуда ветер дует.

— Что ж, ты свободен, — бросил Штефан наемнику.

Тот дернулся, пытаясь встать, но не смог и, застонав, пополз в сторону дороги. Грязь смачно чавкала от каждого его движения, радостно принимая кровавую жертву, а Штефан наблюдал за раненым, думая о том, как сильно в человеке желание жить. Из последних сил, но ползет, от смерти уйти пытается.

— Зря отпустил, — Бранко сплюнул, глядя на жалкие попытки наемника сбежать.

— Ты рану его видел? Ему от силы полчаса осталось, — ответил Штефан и добавил: — Поехали. А то эти олухи опять мост поднимут, их тогда не дозовешься.

— Разогнать бы всех к рагжу, — поморщился Бранко. — Не замок, а сборище кретинов.

Штефан только хмыкнул. Эти плохи, а где других взять? Кого ни найми, еще хуже окажутся.

— А что, командир, может, кого из наших ребят позовем? — не отставал Кражич.

Он уже думал об этом. С самого первого дня в Белвиле. И даже хотел написать, да все недосуг было.

— Если император решил тебя убрать, он ведь не остановится, — мрачно добавил Бранко. — В замке нам верные люди нужны, а не тот сброд, что на воротах стоит.

— Напиши парням, предложи приехать и пообещай хорошее жалованье, — сказал Штефан. — И подъемные.

— Сделаю, — повеселел Кражич.

Друг отвязал лошадей, подвел Штефану его коня, вскочил в седло и добавил:

— Ох, и обрадуются ребятки! Это ж куда лучше, чем наемниками идти.

— Главное, чтобы согласились, — не спешил радоваться Штефан. — Стобард — не столица, здесь не всякий приживется.

— Эх, командир, плохо ты о наших парнях думаешь, — упрямо мотнул головой Кражич. — Они за тобой хоть к рагжу пойдут, не то что в Стобард.

— А это почти одно и то же, — тихо пробормотал Штефан, трогая коня.

Они проехали совсем немного, когда увидели раненого наемника. Тот лежал посреди дороги, раскинув руки и уставившись в небо пустыми неподвижными глазами.

— Помер, — обронил Кражич.

Штефан ничего не ответил. Он думал о том, что это только начало. Император не отступится. За этими наемниками последуют другие, в ход пойдут проклятия и наговоры или высшая императорская милость — бокал с ядом. Только вот и он не привык отступать. Штефан любил жизнь. Любил сильно, неистово, жадно. Так, как может любить человек, хорошо знающий, что она способна оборваться в любой момент.

— Подзадержались мы, — сказал он и пришпорил коня. — Не отставай, Бранко! Дома ратица ждет и банька горячая!

— И бабы? — в голосе друга послышался смешок.

— И бабы, — подтвердил Штефан.

А перед глазами снова маленькая точеная фигурка мелькнула, и он тряхнул головой, прогоняя непрошеное видение. Не хватало еще на девчонку заглядываться! Хороша синеглазка, да только не такая ему нужна. Зверю крепкие девки нравятся, сильные, в теле. А эта... Сожми покрепче, и пополам переломится.

Штефан пришпорил коня и помчался вперед. Кражич несся следом. Грязь летела из-под копыт лошадей, ветер бил в лицо, а он вдыхал полной грудью влажный ночной воздух и чувствовал себя удивительно живым, будто кто сил прибавил.

Не дастся он. Не раз уже смерть обманывал и сейчас сдюжит. К рагжу императора и его свору. Он, Штефан Крон, потомок стобардских королей, никому не позволит распоряжаться своей жизнью!

Глава 4

Илинка

— Как думаешь, зачем нас всех собрали? — шепотом спросила Златка, беспокойно поблескивая глазами.

Я только плечами пожала. Кто знает, что за блажь арну в голову пришла?

— Что, если опять кого казнить вздумают? — не унималась соседка.

После смерти Винкоша в замке только и разговоров было о том, кто следующим будет. Лершик с Салтой затаились, даже на нас кричать перестали, глава стражи который день трезвым ходит, а сами стражники по ночам не спят, замок охраняют, выслуживаются. Новый управляющий, дан Кражич, спуску им не дает, тренироваться заставляет, сам с мечом против них становится, по двору гоняет, как кутят малых. А девки наши из окон кухни наблюдают и млеют. Уж больно им пришлый дан по сердцу пришелся, целыми днями шушукуются, Милку, которая ему в бане прислуживала, расспрашивают, а та и рада стараться, расписывает то, что под одеждой у дана скрыто, во всех подробностях. И волосы, дескать, у него по всему телу золотые, и руки крепкие, а уж по мужской части так и вовсе удалец. Только мне ее байки не интересны. Была нужда про чужие утехи слушать!

— Вон и стол поставили, как будто к суду готовятся, — не унималась Златка. — Ой, гляди, дан Кражич идет! — голос соседки изменился, в нем появились мягкие, воркующие нотки. Подруга поправила ворот нового форменного платья и выпятила грудь. — Вот сейчас и узнаем, для чего нас всех собрали.

Она приосанилась, во взгляде ее загорелся огонек, как и всегда, когда Златка видела дана Кражича.

Я знала, что подруге нравится новый управляющий. «Арн, конечно, хорош, — рассуждала она. — Да только больно уж он от нас далеко, мы для него и не люди вовсе, а так, грязь под ногами. А дан Кражич из простых, и обхождение у него простое. И не боюсь я его ничуть». Златка мечтательно вздыхала и норовила управляющему на глаза попасться. Да и тот на нее с интересом поглядывал. Правда, больше никак не выделял. И в баню третьего дня не Златку позвал, а снова Милицу. Та потом сутки напролет взахлеб рассказывала, какой дан Бранко сильный да обходительный и как с женщинами обращаться умеет.

— Все здесь?

Управляющий обвел взглядом собравшихся в малом зале слуг и прошел к деревянному креслу. Работники настороженно замерли. За ту седмицу, что с возвращения хозяина прошла, жизнь в замке совсем другой стала, что ни день, то перемены. Арн из города артель привез, те специальные отводы для воды делают, и двор бренским камнем мостят. Внизу, на первом этаже, тоже перестройка идет. Всю рассохшуюся мебель граф приказал на заднем дворе сжечь, а в пустых комнатах полы заново перестилают да стены затирают рофусом. От него камень как новый становится, и потемневшие швы светлеют. А еще арн велел всю прислугу переодеть в новую форменную одежду, как в настоящих благородных домах. «Чтобы я этого убожества больше не видел», — сказал хозяин, разглядывая переминающихся перед ним с ноги на ногу слуг. Вот и сейчас, видать, опять какие-то новшества будут, не зря же нас всех собрали.

— Лорд Крон распорядился составить на каждого из вас сказ, — усевшись за стол, произнес управляющий. Голос у него был громким, в самом дальнем уголке большой залы слышался. — Имя, место рождения, возраст, должность. Знакомы ли с грамотой, есть ли родные, сколько лет в Белвиле служите.

Мать-Создательница! Только этого не хватало.

Я невольно поежилась. С чего вдруг такая блажь? Зачем арну знать о нас все подробности? И что, если он их проверить решит? Сердце тревожно екнуло.

— Я называю имя, вы подходите и отвечаете на вопросы. Понятно? — спросил дан Кражич, и его пристальный взгляд прошелся по слугам.

Те молча закивали головами.

— Вот и хорошо, что понятно, — усмехнулся управляющий. Он взял в руки перо и произнес: — Станислав Лершик.

Дворецкий, шаркая, вышел вперед и остановился перед столом.

— Год и место рождения, — посмотрел на него дан Кражич.

— Тысяча семьсот двадцатый, Стобард, — с достоинством ответил дворецкий.

Его длинный нос чуть дрогнул, кустистые брови нахмурились, а складки век скрыли зоркий обычно взгляд.

— Родственники есть?

Дан Кражич не поднимал головы от бумаг, но мне почему-то казалось, что он прекрасно видит и Лершика, и всех стоящих вокруг.

— Сестра проживает в Старконе.

— Грамоте обучен, — это не было вопросом, но дворецкий замялся. — Дан Лершик?

Управляющий посмотрел на старика. Тот продолжал мяться.

— Понятно, — негромко сказал дан Кражич и задал следующий вопрос: — Сколько лет служите в Белвиле?

— Шестьдесят два года, — с достоинством ответил Лершик. — Начинал с младшего лакея, потом несколько лет был камердинером лорда Вацлава, а после его сиятельство меня до дворецкого повысил.

Ничего себе! Получается, Лершик всю свою жизнь в замке провел.

Управляющий кивнул и махнул рукой, показывая, что дворецкий может идти.

— Салта Кранер, — прозвучало следующее имя.

Старшая, сменившая цветастую юбку и блузку с пышными рукавами на темное форменное платье, засеменила к столу. Связка ключей у нее на поясе тихо позвякивала в такт торопливым шагам.

— Безоблачного дня, дан Кражич, — поклонилась управляющему домоправительница. Голос ее звучал льстиво и угодливо.

Правда, на дана Кражича это особого впечатления не произвело. Он еле слышно хмыкнул и принялся задавать те же самые вопросы.

Старшая отвечала на них непривычно елейным голоском, но, когда речь зашла о грамотности, так же, как и дворецкий, смущенно замялась.

Дан Кражич посмотрел на нее и обернулся к нам.

— У вас тут что, грамотных вообще нет? — в его тоне послышалась растерянность.

— Да как зачем нам грамота, дан Кражич? — отозвалась старшая. — Слава Скарогу, нам и без нее неплохо. А все эти учености только характер портят да неповиновению учат.

О да, у самой-то старшей характер явно неспорченный!

— Так что? Грамотные есть? — не отставал управляющий. — Хоть кто-нибудь?

Слуги молчали. Дан Кражич покачал головой и взялся за перо, собираясь вызывать следующего, но тут меня кто-то с силой толкнул в спину, и я вылетела вперед, прямо к столу.

— Ага. Ты, — удовлетворенно кивнул управляющий. — Ну-ка, иди сюда. Не бойся, — видя, что я пячусь назад, успокоил меня дан.

Я оглянулась и увидела ехидно ухмыляющуюся Минку. Вот же дрянь! Это она меня выпихнула.

— Напиши свое имя и возраст, — дан Кражич придвинул мне бумагу и протянул перо.

Из толпы слуг донеслись смешки.

— Да куда уж ей, убогой? — послышался тонкий голосок моей напарницы Милицы.

Вот уж парочка ехидн, что Минка, что Милка, недаром имена у них похожи!

Я посмотрела на своих врагинь, увидела сочувственный взгляд Златки, решительно взяла перо и вывела в книге: «Илинка Бранд, восемнадцать лет».

Дан Кражич молча наблюдал за тем, как я пишу. Слуги тоже примолкли. Те, кто стоял ближе к столу, вытянули шеи, пытаясь рассмотреть появляющиеся на бумаге строки.

— Молодец, — удовлетворенно кивнул управляющий. — Пиши место рождения и сколько лет служишь в Белвиле.

Я написала. Правда, вместо своего родного города указала соседний, Мардис. Ну а два года, что в Белвиле провела, скрывать было незачем, потому честно и признала.

— Еще грамотные есть? — спросил управляющий.

Слуги молчали. Минка с Милицей спрятались за спинами работников.

— Какая у тебя должность? — снова повернулся ко мне дан.

Я приписала под своим именем: «Младшая служанка».

— Как работает? — спросил дан Кражич старшую.

Та замешкалась с ответом, видимо, пытаясь предугадать, к чему начальство клонит.

— Смышленая? — уточнил дан.

Салта подошла чуть ближе и ответила:

— Смышленая. Только ее направлять нужно и лень выбивать, потому как всем им тут если волю дай, так они и работать не будут.

Она заглянула управляющему в глаза и угодливо улыбнулась.

— Ну вот вы и будете направлять. Назначаю ее вам в помощницы. Негоже грамотным людям в золе копошиться.

Я от неожиданности вздрогнула, и на бумаге появилась некрасивая клякса. Мать-Создательница! К Салте в помощницы? Да она ж меня теперь со свету сживет! Ох и удружил дан управляющий!

— Илинку? — переспросила Салта, и в голосе ее появились прежние визгливые нотки. — Так она же немая!

— И что? — посмотрел на старшую дан Кражич.

— Такие убогие только для черной работы годятся, — убежденно заявила Салта.

— Вот мы и проверим, — усмехнулся управляющий и незаметно мне подмигнул.

Только не было у меня желания новой должности радоваться. Дану что? Он свое дело сделал, а Салта теперь точно со свету сживет. Не простит моего возвышения.

Я представила, какая жизнь меня ждет, и неожиданно разозлилась. А вот не сдамся! Раз уж появился шанс, надо его использовать, глядишь, и выберешь из той ямы, в которую судьба загнала.

Я вскинула подбородок и смело посмотрела в болотные глаза дана Кражича.

Тот, словно прочитав мои мысли, улыбнулся и сказал:

— Ну и ладно, с одной разобрались.

Управляющий отвернулся и взял перо, собираясь вызвать следующего работника.

— Дан Кражич, а что Илинке делать-то, вы не сказали, — не отступала старшая. Она подошла к самому столу и уставилась на управляющего.

— Илинка Бранд будет вести записи всех дневных работ, расходов и трат.

— Это еще зачем? — не сдержалась старшая. — Сколько лет без записей обходились! У нас все по заведенному раз и навсегда порядку делается, и отчеты все дан Винкош с моих слов сам писал.

— Оно и видно, что сам, — хмыкнул дан. — Так хозяйское добро разворовали, концов не сыщешь.

— Да я...

Договорить домоправительница не успела.

— Дана Салта, не испытывайте мое терпение, — угрожающе произнес управляющий и полоснул старшую таким взглядом, что та поспешно отступила на шаг назад. — После обеда зайдешь ко мне, покажу, как книги учетные заполнять, — посмотрел на меня дан Кражич и, отвернувшись, вызвал следующего: — Злата Собжич.

Златка шагнула вперед. Щеки ее покраснелись, на губах играла чуть смущенная улыбка.

Управляющий принялся задавать Златке те же вопросы, что и всем, но я не слышала ее ответов. Слишком уж красноречивым взглядом меня Салта одарила, видать, придумывала, как со свету сжить.

И ведь придумала.

Когда дан Кражич опросил всех слуг и ушел, мерзкая баба подкралась ко мне и больно дернула за руку.

— Что, радуешься? — прошипела она. — Думаешь, коли личиком смазливый дану угодила, так он тебя от работы избавит? Нет уж. Одна у тебя начальница — я. И подчиняешься ты мне, так и знай. А я не потерплю, чтобы какая-то девка безродная нос задирала. Учет свой будешь по вечерам вести, а днем в горничных походишь, не развалишься. Минка со Станкой не справляются, им давно уже подмога нужна, вот ты и пойдешь. — Она задумалась ненадолго и добавила: — И чтобы не вздумала жаловаться. А то знаю я вас, неблагодарных! Кто тебе работу дал, когда ты в замок чуть живая приползла? То-то же! А ты все норовишь поперек поступить, все тебе дана Салта плохая. Заботишься о них, как о родных, и что в ответ? Одно нытье да недовольство.

Старшая говорила, а сама недобрым взглядом меня буравила.

— Иди на хозяйский этаж, в комнатах милорда убраться нужно. Раз уж ты у нас грамотная такая, вот тебе и повышение.

Она криво усмехнулась и пошла к двери, а я осталась стоять, глядя ей вслед. Знала злобная баба, как мне отомстить. Самый верный способ выбрала.

Сердце тревожно заныло. Всю минувшую седмицу я от арна бегала. А тот, будто чуял, все время где-то рядом оказывался. То на кухню спустится, то встанет спозаранку и по дому ходит, указания рабочим раздает, а то и сам в работу впрягается. А еще пробежки свои устраивает по утрам, как раз когда я золу выношу. Я уж и к бочке за водой ходить перестала, стараюсь вечером на кухне набирать. И в лес без надобности не суюсь.

А теперь что же? Получается, напрасно я пряталась? И ведь не от него пряталась, от себя. От чувств своих глупых, что с головой накрыли. От взгляда алого, мрачного, от души звериной, что лютым волком в сердце стучится, впустить требует. И от того орнамента, что перед глазами вьется, на ткань полотняную просится. Никогда со мной такого раньше не было. Обычно вирош частями открывается: вышьешь начало, оно за собой следующий фрагмент тянет, после него еще один — и так, пока до самого конца не дойдешь. А тут я все целиком увидела, сразу. И узор мудреный такой, необычный, с острыми углами и переплетениями потайными. Руки так и тянутся иглу взять и на ткань его перенести.

Я посмотрела на огрубевшие от работы пальцы. Еще неизвестно, получится ли? Обережная вышивка тонкости требует.

— Илинка! Ты чего застыла? — окликнула меня Златка, и я отвлеклась от своих мыслей, глядя на подошедшую подругу. — Рада, что новую должность получила?

Я выразительно посмотрела на нее и вздохнула.

— Что, думаешь, Салта отомстит?

Я кивнула.

— Ох, и то верно. С этой станется. Обязательно напакостит, такая уж баба злобная.

Я показала, что буду настороже.

— Правильно. Да и дан Кражич тебя в обиду не даст. Он справедливый, не то что наши изверги, им бы только со свету кого сжить, а дан Бранко никогда попусту не орет и со слугами уважительный.

Златка потащила меня к двери, на ходу рассказывая, как управляющий на нее смотрел, да какие у него глаза необыкновенные и голос ласковый. А я только удивлялась, что любовь с людьми делает. Жила себе Златка спокойно, с Яцеком иногда по углам обжималась и знать не знала ни о каком дане Кражиче, а теперь сама не своя, глаз с него не сводит, каждое слово ловит и так и норовит

рядом оказаться.

— Ты сейчас куда? — спросила Златка, когда мы вышли из зала.

Я показала на хозяйскую половину.

— А чего ты там забыла?

Подруга знала, что я от арна бегаю. Пришлось объяснять, что Салта для меня новую работу придумала.

— Вот же злыдня! — выругалась Златка. — Тебя же ей в помощницы приставили. Надо дану Кражичу сказать, пусть разберется.

Я помотала головой. Это ничего не даст, только хуже будет. Салта выкрутится, а на мне потом сполна отыграется.

— И то верно, — будто подслушав мои мысли, согласилась Златка. — Это лихо завсегда найдет, как жизнь испортить. Ладно, беги, пока не попало.

Она махнула рукой и пошла к лестнице, а я направилась к кладовке, в которой находились тряпки и метлы для уборки хозяйских покоев.

В комнате арна было тихо. Как я ни прислушивалась, из-за двери ни звука, ни шороха не долетало, только где-то в конце коридора оконная створка от ветра хлопала. Наверное, слуги забыли закрыть.

Я помялась, не решаясь войти, а потом постучала и снова замерла. Тишина.

Толкнув дверь, протиснулась в покои и огляделась. Графа в спальне не было. Только портрет его со стены глазами алыми смотрел, в душу заглядывал. И такое в ней будил, что лучше бы оно и дальше спало до времени!

Я поспешно отвела взгляд от сурового лица и прислушалась к собственным ощущениям. Странно. Вроде бы арн тут уже больше седмицы живет, а мне снова кажется, будто пустое все вокруг, неправильное. И не понять, откуда это ощущение берется. Паница учила меня, что магия в любом живом существе есть, даже в том, кто ее проявлений никак не ощущает. И эта невидимая сила оставляет отпечаток на предметах, которыми человек пользуется, и в каждом из них своя частичка иса появляется. Правда, чувствуют ее немногие. Только обережники да еще лекари иногда, у которых дар есть суть вещей видеть. А придворные маги в ис не верят и нас шарлатанами считают. Паница говорит, это потому, что гордыня им разум затмевает и сердце нечувствительным делает. Еще бы! Мы-то привыкли к каждой крошечке живой силы с почтением относиться, а у имперских магов этой силищи столько, что они такой мелочи попросту не замечают. И над нами смеются.

Мне вспомнилось, как пять лет назад в монастырь лорд Скаверец заезжал. Первый маг империи возвращался из поездки в Редень и решил остановиться в нашей обители на ночлег. Сестры гостя со всеми почестями приняли, ужин в его честь устроили, самые лучшие яства на стол выставили, мы такие только по праздникам видели, а лорд Скаверец достал из ножен нож, потыкал им в кабанчика запеченного, перевернул картофель румяный и брезгливо поморщился. И ни к чему больше не притронулся, только вина ежевичного выпил. А потом с Паницей разговор завел. Об берегах, которыми монастырь славился. И все так пренебрежительно, через губу, тихим голосом. И рожа его мерзкая гаденькой улыбочкой кривилась. Нет, внешне-то все благопристойно выглядело, только я к тому времени уже научилась немного в души заглядывать, вот и разглядела нутро поганое. А наставница перед магом навтыжку два часа простояла, пока он ее допрашивал и высмеивал. Ух, как у меня руки чесались яблоком ему промеж глаз засветить, но Паница, будто услышав мои мысли, посмотрела на выстроившуюся у стены шеренгу воспитанниц и, остановившись взглядом на мне, отрицательно качнула головой.

А гость все цедил сквозь зубы, что разогнать нужно нашу богадельню, что деньги, из казны выделяемые, мы впустую проедаем и толку от бережной магии никакого нет. «Суеверия это все, дремучее наследие прошлого, — вещал он. — Я лично убеждал его величество, что негоже поощрять старые верования, но наш правитель слишком милостив, не хочет против народа идти. Дозволяет вам за былые заблуждения предков держаться. Пока позволяет, — многозначительно добавил лорд Скаверец. — Но уже не за горами тот день, когда империя освободится от тьмы суеверий, и я лично сделаю для этого все возможное».

Я тогда все же не удержалась. Нащупала ниточку жизни, да и завязала узелок на конце, чтобы не получилось у мага задуманное. Не знаю, сработало ли...

Из коридора донесся какой-то шум, и это заставило меня отложить размышления и взяться за уборку. Ну как арн вернется? Или Салта зайвится?

Я подошла к окну, вытерла с подоконника пыль и снова поймала себя на мысли, что тяжело мне в комнате находиться. Маетно. Иса совсем нет, будто выкачал его кто-то. Может, у арнов всегда так? Но ведь в покоях лорда Вацлава, бывшего хозяина Белвиля, этого нет. И в остальных комнатах. Только здесь, у лорда Штефана, мертвое все.

Я обвела спальню взглядом, стараясь не задерживаться на портрете. Вроде бы обычное все. И как понять, что не так? Может, мне просто мерещится? Я закрыла глаза и попыталась посмотреть внутренним зрением, так, как обычно на вышивку обережную смотрела. Пространство тут же окрасилось в разные цвета. Вот ярко-красные зигзаги портрета, дальше — зеленые линии жизни по всем стенам тянутся и куда-то вниз уходят, на полу белые петли возврата... А это что? Там, где должны были быть охранные серые сеточки, черные спутанные клочки видны.

Не открывая глаз, подошла к тому месту, где чужое колдовство вплетено оказалось, и протянула руку, пытаюсь нащупать край невидимой нити. Та скрывалась, извивалась под пальцами, в изнанку судьбы уходила.

Я напряглась, начертила обережный знак, отыскала обжигающе-холодный кончик...

— Что ты здесь делаешь? — резкий вопрос раздался так неожиданно, что я вздрогнула, и нить моментально выскользнула из пальцев.

— Ну? — голос арна звучал настойчиво, отзываясь в душе лютым холодом.

Я медленно обернулась и наткнулась на тяжелый изучающий взгляд. Ох, сколько в нем ненависти было! Я аж задохнулась, так она в сердце ударила.

Граф закрыл за собой дверь и шагнул ко мне. От его крупной фигуры веяло угрозой.

— Кто тебе разрешал входить? — сурово спросил он.

Я попыталась объяснить, что меня прислали убрать в его комнате, но лорд Штефан ничего не пожелал понимать. Он мгновенно оказался рядом и схватил меня за руку. Ту самую, которой я пыталась конец нити распутать.

— Кто тебя послал? — встряхнув меня, прорычал граф. — Ну? Свард? Наместник? Что ты тут ворожить пыталась?

Я замотала головой. На глаза от боли слезы навернулись.

— Тебе велели наговор на смерть сделать? — не унимался арн.

Глаза его полыхали яростью, клыки удлинились, зверь к самой коже пробился, я отчетливо видела в лице графа волчьи черты. А еще говорят, что арны перекидываться не умеют!

— А может, ты и не немая вовсе? — пришла в голову лорда Штефана новая мысль. — Ну-ка, открой рот.

Я испуганно попятилась, только куда уж мне с разъяренным арном тягаться? Тот надавил на щеки, заставив открыть рот, мрачно кивнул и неожиданно, каким-то неуловимым движением, вывернул мне руку за спину. От боли в глазах потемнело и дыхание сбилось. Но это бы ничего, любую боль вытерпеть можно, но вот когда душа болит... А она болела. От недоверия, от сгустка черной злобы, что в сердце графа кипела, от ненависти, с которой он на меня смотрел.

— Молчишь? — рявкнул арн.

— Ваше сиятельство, там стобардская знать пожаловала, — послышался за нашими спинами бодрый голос дана Кражича, и дверь громко хлопнула, пропуская управляющего в комнату. — Что-то случилось? — увидев происходящее, тут же посерьезнел он.

— Вот, пытаюсь узнать, кто ее подослал, — не отпуская меня, сказал граф. — Захожу, а она над кроватью руками водит, ворожит.

Да не ворожила я! Спаси от проклятия хотела, только разве ж это объяснишь? Мать-Создательница! Что же мне делать? Если признаюсь, что владею обережной магией, арн захочет выяснить, как я в его замке оказалась и почему в служанках хожу. И что я ему скажу? Как объясню, что со мной случилось?

Я с мольбой посмотрела на управляющего. Может, он сумеет арна убедить, что я ему зла не желала?

Дан Кражич нахмурился. Видно было, что принял слова хозяина всерьез.

— Думаете, Свард подослал? — подходя ближе, спросил он.

— А почему нет? С наемниками не получилось, решили девицу задействовать, — зло обронил граф. — Старая уловка.

Он еще что-то добавил на непонятном языке, а я пыталась справиться с той бурей, что от его слов внутри поднялась. Как он сказал? С наемниками? Это что же, его убить пытались? И тут, в комнате, наговор на смерть... Меня будто холодной водой из Затонки обдало.

— А вот пусть она нам и напишет, так ли это, — положив на стол лист бумаги, которую принес с собой, и придвинув стоящую на краю чернильницу, предложил управляющий. — Раз уж говорить не может.

— Это еще выяснить надо, правда ли не может, — сказал граф, но руку мою отпустил и к столу подтолкнул.

— Ну, красавица, пиши, как в комнате милорда оказалась и что тут делала, — голос дана Кражича стал обманчиво-мягким.

Я попыталась взять перо, но правая рука не слушалась.

—левой пиши, — тон графа был ледяным, из него исчезло все человеческое. А глаза алым полыхали так, что смотреть в них страшно было. — Чего мнешься? Не тяни время.

Я сжала зубы от боли, вцепилась в перо пальцами и, как могла, принялась писать. Буквы получались корявыми, в слова с трудом складывались, но я упорно нанизывала одну на другую, торопясь объяснить, какая нелегкая меня в комнату арна привела.

— Старшая послала? Убраться? — читал выползающие из-под пера каракули управляющий. — Что за глупости? Я ведь тебя ее помощницей назначил, а не горничной.

Я зашкрябала по листу с удвоенной скоростью.

— Рук не хватает? А тебе все равно заняться нечем? Рагж! Вот же упрямая баба! — сквозь зубы выругался дан Кражич, в то время как арн молча сверлил мой затылок прожигающим взглядом.

Я чувствовала, что его зверь близко — очень близко! — и что только и ждет, чтобы в шею мне клыками вцепиться. Вполне отчетливо это его желание услышала. Зверь не верил никому и ничему, он был озлобленным и настороженным. А еще мне показалось, что у него болит что-то. Рядом с сердцем. Ну, или что там у существей вместо сердца?

— А руками чего над кроватью шарил? — грубо спросил арн, подходя ближе, почти вплотную касаясь моей спины и заглядывая через плечо. И так остро я его присутствие ощутила, что жаром всю обдало и щеки запылали. — Паутину снимала? — прочитал лорд Штефан мое объяснение. — Надо же, как просто, — словно про себя, заметил он и снова замолчал.

Но не отступил, продолжал стоять близко-близко, так, что я дыхание его горячее слышала.

— Выходит, зря вы, ваше сиятельство, на девчонку осерчали, — уже более мирно сказал дан Кражич. — Ее к вам убирать послали, хотя, видит Создательница, я это самоуправство просто так не оставлю!

Я дернулась и схватила управляющего за руку.

— Что? — удивился тот.

Я помотала головой и умоляюще посмотрела в болотные глаза.

— Хочешь сказать, что согласна двойную работу делать? Или боишься, что Салта отомстит? — догадался дан Кражич.

Я закивала, радуясь такой понятливости.

Управляющий бросил взгляд на графа. Я тоже осмелилась посмотреть на его сиятельство. Тот отошел к окну, сложил руки за спиной, и на лице его застыло странно отрешенное выражение. Словно мыслями он не здесь, а где-то далеко.

— Эта баба может, — задумчиво произнес управляющий. — Выгнать бы ее, да только договор, что лорд Годимир с ней заключил, невозможно нарушить.

— Пожизненный? — спросил граф, и я поняла, что не так уж и далеко он мыслями ушел.

— Да. Понять бы еще, за какие такие заслуги милость сия пожалована и как договор расторгнуть.

Дан Кражич провел пятерней по заплетенным в мудреные косы волосам и посмотрел на арна.

— Пятая поправка, — негромко сказал лорд Штефан.

— Предлагаете...

Договорить дан Кражич не успел.

— Чего замерла? — повернувшись ко мне, перебил его граф. — Ступай пока, потом уберешься, когда я обедать буду. Никакого порядка, — устало пробормотал он, и я заметила, что лицо его снова выглядит бледным и осунувшимся. — Во всех нормальных домах слуг не слышно и не видно, а в Белвиле от них проходу нет. В собственном доме незванным гостем себя чувствую.

Он махнул рукой, прогоняя меня прочь, правда, не успела я забрать ведро с ветошью, как он резко приказал:

— Стой. Подойди.

Я подошла.

— Вот, возьми, — граф протянул мне ставис.

Он не стал объяснять за что, только взгляд на руку кинул, что я к себе неловко прижимала.

— Бери, — видя, что я не тороплюсь протягивать ладонь, арн сунул мне деньги в карман и слегка подтолкнул к выходу. — И чтобы я тебя сегодня тут больше не видел. Убираться нужно, пока хозяин обедает, а никак не утром или вечером, как у вас тут заведено, — он посмотрел на управляющего и устало добавил: — Бранко, донеси до сведения домоправительницы эту истину и скажи, что, если это еще раз повторится, я выставлю всех на улицу и найму новую прислугу.

— Не волнуйтесь, ваше сиятельство, — миролюбиво улыбнулся дан Кражич. — Все сделаю. Иди, Илинка, — кивнул он мне. — Вернешься, когда милорд обедать будет.

Я не стала больше медлить и выскочила за дверь. И только отойдя от графских покоев, утерла мокрые от слез глаза. Почему он так со мной? Я же ему добра хотела! А он...

— Чего реवेशь? — слышался ехидный голос Минки.

Я подняла голову и наткнулась на жадно ощупывающий меня взгляд.

— Что, выгнал арн? Не понравилась ты ему?

Горничная загородила мне дорогу, не позволяя пройти. Зря она это сделала. У меня и так на душе темно, а тут еще эта гадина издевается. Я посмотрела на новую форму Минки, перевела взгляд на ведро с водой, подхватила его и одним махом выплеснула на врагиню.

— Ты что творишь, скаженная?! — взвизгнула та. — Совсем из ума выжила?

Она кричала, а я с удовлетворением наблюдала, как по светло-серой ткани темные потеки расползаются. Пусть знает, что я не безответная и за себя постоять могу!

— Я это так не оставлю, я управляющему пожалуюсь! — кричала Минка. — Пусть тебя выпорот!

— Что тут еще за вопли? — выглянул из комнаты арна дан Кражич. — Забыли, где находитесь?

Он строго посмотрел на меня и перевел взгляд на Минку.

— Дан Кражич, эта девка меня облила! — кинулась та к управляющему. — Совсем из ума выжила! Вы должны ее наказать!

— Должен? — насмешливо переспросил дан.

— Вы ее не знаете, дан Кражич, это она только с виду беззащитная, а сама — змея змеей, так и норовит какую пакость сделать.

Я слушала Минку и диву давалась. Уж не себя ли она описывает?

— Ну-ка, помолчи, — поморщился дан. — За что ты ее? — спросил он у меня.

Я развела руками, и в плече что-то хрустнуло. Мать-Создательница, больно-то как! Надо же, а ведро поднимала, ничего не чувствовала...

— Что? — переспросил управляющий.

Я показала на ведро, потом — на себя и попыталась объяснить, что не заметила Минку, столкнулась с ней и случайно облила.

— Случайно, говоришь? — понял меня дан Кражич.

Мне оставалось только покаянно кивнуть и честно взглянуть в болотные глаза.

— Видишь, она говорит, ненароком все вышло, — хмыкнул управляющий.

— Да врет она все! — взвизгнула Минка, но дан не стал ее слушать.

— Еще раз повысишь в моем присутствии голос, отправлю на конюшню и велю высечь, — тихо сказал он, глядя на Минку так, что даже мне страшно стало. — Понятно?

Горничная мелко закивала головой и попятилась.

— Займитесь лучше делом. И чтобы я больше ни одной жалобы не слышал. Не хватало еще бабьи дразги разбирать, — он сердито насупил, развернулся и пошел к комнате арна.

— Не думай, что тебе это с рук сойдет, — дождавшись, пока за управляющим закроется дверь, прошипела Минка.

Она посмотрела на меня с такой ненавистью, что мне не по себе стало. И откуда в ней столько злобы? Как она в сердце-то вмещается?

— У-у, лишманка!

Минка отпихнула меня и пошла к лестнице, а я подхватила ведро и отправилась в другую сторону, лишь бы с дурной девкой не сталкиваться. Вскоре хозяйский этаж остался позади, а я оказалась у черного хода.

В Белвиле для слуг специальные коридоры были. Они шли в стенах замка, в обход хозяйских и гостевых покоев, чтобы прислуга господам на глаза не попадалась. Вот в один из таких коридоров я и свернула. Миновала второй этаж, спустилась на первый, дошла уже почти до цокольного и тут неожиданно услышала знакомый звук. Тук-тук... тук-тук... — раздавалось в пустынной тиши. Этот звук заставил меня остановиться и напряженно прислушаться. Он шел откуда-то снизу, из подвала, и мне показалось, что стены вибрируют ему в такт. Было ли мне страшно? Только в первый момент. А потом стук незримо проник в кровь, потек по венам, подстроился под биение сердца, отдаваясь внутри тонким, еле уловимым призывом. Он звал. Он просил. Он требовал.

«Чего ты от меня хочешь? Что тебе нужно?»

Ответа не было, только неожиданно возникло желание в подzemелье спуститься. Да такое сильное, что я едва воспротивиться ему смогла!

«Не пойду! — внутренне крикнула неведомой силе. — Даже не уговаривай!»

Хватит с меня неприятностей. И так уже по самую маковку увязла.

Но зов не умолкал. Он звучал и звучал у меня в душе, тянул вниз, упрашивал. И я бы, наверное, не выдержала, если ты не заглянувшая в коридор Станка.

— О, Илинка, вот ты где! — обрадовалась она. — А тебя управляющий зовет, велел найти и привести.

Чего это он меня ищет? Только что виделась.

Не успела я так подумать, как настойчивый стук исчез, словно его и не было.

— Ну, чего ты тут встала? Идем! — позвала меня Станка и потянула за руку. За ту самую, что арн выворачивал. В плече снова что-то хрустнуло, тело пронзила боль, а потом она прошла, будто ее и не было, и рука ныть перестала. Чудеса!

Я недоверчиво подняла ладонь, покрутила в разные стороны...

— Идем скорей! — поторопила Станка.

Она сновахватила меня за локоть и потащила за собой.

— Надо же, как жизнь-то переменилась! — на ходу рассуждала Станка, и ее длинные русые косы подпрыгивали за спиной в такт шагам. — Разве думали, что все так выйдет? А теперь гляди, и

платья-то у нас новые-красивые, и фартуки справные, и денег прибавили. А все хозяин. Правильно он Винкоша вздернул. Еще бы Салту с Лершиком выгнал, так мы и вовсе бы зажили!

Она вздохнула, и ее остренькое лицо озарила мечтательная улыбка.

— Я уже не дождусь, когда ярмарка будет. Хочу Йонасу в новом платье показаться. Он мне тогда точно предложение сделает!

Станка болтала, а я ее почти не слушала. У меня из головы не шел странный стук. Почему я его слышу? Кто меня зовет? Вдруг кому-то нужна моя помощь? Как бы это узнать? Неужели придется в подземелья спускаться?

— Ну, иди, дан Кражич в кабинете ждет, — отвлекла меня от размышлений Станка. — Давай я ведро в подсобку отнесу, не с ним же к управляющему идти? Эх, Илинка, и повезло тебе, — по-доброму сказала она. — Глядишь, так и в начальство выбьешься.

Я только рукой махнула, отдала ведро с тряпками и пошла к лестнице.

Глава 5

— Видишь эти книги?

Управляющий указал на лежащую на столе стопку. Я кивнула.

— Это учетные записи, — открывая темную обложку, пояснил дан. — Будешь их вести.

Он придвинул книгу ближе, и я с любопытством в нее заглянула. Чистые, еще не использованные листы пахли так знакомо: новой бумагой, краской, выдубленной кожей...

— Сюда внесешь имена слуг, дальше напишешь их должности и сумму ежемесячной платы, — палец дана ткнулся в первую страницу. — А потом заполнишь все, как тут.

На стол лег толстый фолиант.

— Это тебе образец для примера, — сказал управляющий, перелистывая разлинованные страницы. — Здесь пишешь число и месяц, ниже указываешь дневные расходы.

Я вопросительно посмотрела на дана. Откуда ж мне знать эти самые расходы?

— Цифры у старшей будешь брать, — пояснил тот и поморщился.

Видно было, что Салта ему не нравится и говорить о ней он не расположен.

— Сегодня запишешь вот это, — дан Кражич положил передо мной заполненную угловатым почерком бумагу. — А с завтрашнего дня придется самой сведения добывать, — он сделал паузу и уточнил: — Вопросы есть?

Я пробежала глазами по документам, прикинула и отрицательно качнула головой. Все понятно, да и сложностей, на первый взгляд, никаких нет. Кроме одной очевидной — как договориться с Салтой? Вряд ли она так уж легко согласится мне помочь.

— Если старшая заартачится, говори мне, я сам с ней разберусь, — сказал дан Кражич и озабоченно нахмурился. — Ладно. Садись и пиши. Поглядим, что у тебя получится.

Я села за стол и взялась за перо. Рука еще немного ныла, но уже не так сильно, как раньше. Буквы ложились на бумагу ровно, без усилий.

Управляющий постоял немного, наблюдая, как я заполняю колонки, хмыкнул непонятно чему и пошел к выходу.

— Сегодня здесь поработаешь, а с завтрашнего дня найдем тебе что-нибудь подходящее, — пообещал он. — Раз в седмицу будешь подводить итоги и ко мне на доклад приходить. Посмотрим, как справишься.

Он уже почти дошел до двери, но потом обернулся, с сомнением посмотрел на меня и спросил:

— Ты считать-то умеешь?

А не поздно ли дан Кражич спохватился? Надо было раньше спрашивать, когда на новую должность меня определял. А он только сейчас узнать озаботился. Интересно почему? И что это за назначение такое странное?

— Илинка? — переспросил управляющий.

Я торопливо кивнула. Еще бы не уметь! Сестра Драгомира меня всегда в пример ставила, она считала, что моя любовь к арифметике достойна похвалы и подражания. «Берите пример с леди Скерци, — говорила сестра остальным воспитанницам. — При своих природных способностях к точным наукам она проявляет завидное прилежание. А это много значит. Мало иметь талант, нужно еще и развивать его, побеждать лень, трудиться». Я вспомнила худое, с тонкой желтоватой кожей лицо сестры Драгомиры, ее серьезные серые глаза, высокую худощавую фигуру, низко надвинутый на лоб белый покров...

— Ладно, разбирайся тут, — густой бас дана Кражича заставил меня забыть о прошлом и вернуться в настоящее. — Если будет что непонятно, приходи, объясню.

Управляющий пригладил кончики своих мудреных кос и бросил на меня задумчивый взгляд. Мне почудилось, что дан хотел что-то добавить, но он только нахмурился и вышел за дверь. А я дописала в крайней левой колонке имена слуг, отложила перо и огляделась вокруг. Дан Кражич выбрал под свой кабинет одну из отремонтированных комнат на первом этаже. Мебели в ней было немного:

добротный письменный стол, стул, на котором я сидела, высокий шкаф, забитый книгами и бумагами, два кресла у окна, между ними еще один столик, только маленький, на нем графин с вином и пара бокалов. И часы большие в углу. А штор нет. И пол голый, без ковра, только доски свежевывкрашенные блестят. Все просто и без изысков, как и сам управляющий.

Я окунула перо в чернильницу и продолжила писать. Часы уютно тикали, в камине дрова потрескивали, в воздухе аромат хвои витал, и это неожиданно напомнило мне келью Паницы. Наставница тоже всегда сосновыми поленьями печь топила, от них точь-в-точь такой же живой дух шел.

«Вот выйдешь замуж за своего Дамира, — помешивая кочергой угли, говорила Паница. — Уйдешь из стен обители, да и забудешь все, чему тебя учили. Жизнь мирская закружит-унесет, душу в полон заберет, и ничего от прежнего в тебе не останется. Только потом уж, на старости лет, оглянешься, вспомнишь, как тихо и светло на душе было, когда в монастыре жила, да и поймешь ценность того, что позади оставила». Я тогда наставницу вполуха слушала. Мир за пределами обители казался мне интересным и загадочным, душа рвалась на волю, к новой жизни... Кто ж знал, какой эта жизнь окажется? Сейчас и рада бы вернуться в обитель, да только поздно уже. И ничего не исправить.

Тут мои мысли снова вернулись к лорду Штефану, и я задумалась. Кто ж ему зла желает? Кто ненавидит до такой степени, что даже на смертельное колдовство решился? Из слуг вряд ли кто магией владеет, я бы почувствовала. Но тогда откуда наговор взялся? Да еще и такой сильный!

Я вспомнила, как правую руку ледяным огнем обожгло, и поморщилась. Не везет ей сегодня. То в чужую злобу влезет, то арну попадет... Эх, как же не вовремя он вернулся! Еще немного, и я бы сумела с проклятием разобраться, а теперь думай, как его вывести, чтобы лорд Штефан ничего не заподозрил. Может, как убираться пойду, у порога ведро поставить? Захочет арн войти, оно и загремит, предупредит, поможет от кровати отойти. Или лучше выждать, пока граф из замка уедет?

Голоса, раздавшиеся за дверью, заставили меня отвлечься от размышлений.

— Уверен, что работает? — очень тихо спрашивал какой-то мужчина.

В душе нехорошее предчувствие заворочалось, и я настороженно прислушалась.

— Не сомневайтесь, — отвечал второй. Его голос показался мне смутно знакомым, где-то я его уже слышала. — Сделаю все так, что комар носа не подточит, или, как в Стобарде говорят, никто запах крысы не учует.

— Смотри, если заподозрят...

— Обижаете! Никто не догадается. Порошок легко в вине растворится, через пять минут и следа не останется.

— Проследи, чтобы арн выпил.

— Не волнуйтесь. Лорд Штефан завсегда перед сном бокал иргинского пьет.

Я вспомнила стоящий на столе в спальне у арна графин с вином, и душу сдавило нехорошее предчувствие.

— Вот, держи.

За дверью что-то звякнуло.

— Сделай все, как нужно.

— Не извольте беспокоиться.

В коридоре послышались удаляющиеся шаги, а потом все смолкло.

Я вытерла о фартук вспотевшие ладони и задумалась. Арна снова пытаются убить. Мать-Создательница! И что мне делать? Рассказать дану Кражичу? Или попытаться самой злодеев выследить? Нет, самой нельзя. Если граф меня в своей комнате застанет, да еще и с отравленным вином, точно убьет. Лучше управляющего найти и ему все объяснить, а уж он пусть арну докладывает. Только бы успеть...

Я быстро набросала на бумаге то, что слышала, выбежала из комнаты и помчалась по коридору.

— Куда несешься, сварнова дочка?

Салта, будь она неладна, словно из-под земли выскочила. В руках у нее было то самое ведро с

тряпками, что я Станке отдала. И как старшая успевает? Следит она за мной, что ли?

— Я тебе чем велела заниматься? — завелась злобная баба. — Ты почему в комнате у милорда не убралась?

Я попыталась знаками объяснить, что наведу порядок в покоях во время обеда, но старшая не обратила на мои объяснения никакого внимания.

— Что ты мне тут машешь? Опять самовольничаешь? — насупилась она. Красная родинка между ее бровями угрожающе дрогнула. — Делай, как я велела! И нечего умничать, тут и поумнее тебя найдутся!

Салта схватила меня за руку и потащила к лестнице.

— Вот же негодная девка, — на ходу шипела она. — Что ни скажи, все по-своему сделает! Никакого сладу с ней нет! Чего глазюками ворочаешь? У-у, лишманка!

Она тянула меня за собой, не переставая поливать отборной бранью, а я смотрела на ее короткую шею, на крупные уши с толстыми мочками, на трясущиеся от гнева щеки и представляла, что старшая неожиданно взлетает в воздух и оказывается далеко-далеко от Белвиля. Вот хоть в снежном Берцике, где кроме медведей да морских котов никто не живет.

— Все-то вас толкать и пинать нужно, чтобы вы работали, — без устали ворчала старшая. — Ленивицы!

Она запыхалась, но темп не сбавляла и вскоре уже стучалась в графскую спальню.

— Милорд? — приоткрыв дверь, позвала старшая и обернулась ко мне. — Видишь, нет никого, — буркнула она, втокнула меня в комнату и вошла следом.

Я тут же увидела стоящий на столике графин с вином. Интересно, отраву уже успели подсыпать? Может, разбить его ненароком? Пусть уж лучше меня выругают и денег лишат, чем арн в эор отправится...

— Ну? Чего стоишь? — не унималась Салта. — Ждешь, что я уйду? Не дожدهшься. Я тут останусь, прослежу, чтобы ты убралась как следует. За вами, бездельниками, целый день присмотр нужен!

Она сложила на груди свои толстые руки и злобно насупилась.

— Чего мнешься? Бери тряпку и начинай!

Мне не оставалось ничего другого, как взяться за уборку. Я сходила за водой, под пристальным взглядом Салты вымыла полы и протерла пыль, и уже собирала тряпки, когда дверь открылась и в комнату стремительно вошел арн. Создательница! Все-таки не успела...

— Что вы тут делаете? — уставился на нас хозяин. — Почему ты опять здесь?

Взгляд его остановился на мне, стал темнеть, наливаясь алой злобой, на руках когти появились.

Я торопливо поклонилась и указала на старшую. Вот и пусть теперь отдувается, с меня-то взять нечего, я приказ выполняла. А кто его отдал? Верно. Дурная баба.

— Я ведь, кажется, предупреждал, чтобы мои покои убирали, когда я обедаю? — обратился граф к Салте.

— Ваше сиятельство, так я думала, пока вы с гостями заняты...

Старшая побледнела. Видать, не ждала от хозяина такой отповеди, привыкла, что все под ее дудку пляшут. Забылась.

— Вы слишком много думаете, дана Салта, — резко сказал арн. — В то время как должны просто выполнять мои приказы. Это понятно?

Глаза его ярко полыхнули.

Старшая струхнула и сделала крошечный шаг назад, но потом опомнилась и попыталась улыбнуться. Только вот губы у нее дрожали, никак в угодливую улыбку не складывались, отчего лицо казалось жалким и старым. Видно было, что старшая боится — сильно, до одури, до мурашек. Но характер поганый и тут не давал покоя, не могла она замолчать да смириться, все норовила на своем настоять.

— Я спрашиваю, понятно? — снова спросил лорд Штефан и, подойдя к столу, налил в бокал вина, а

меня будто холодной волной изнутри ударило. Мать-Создательница! А если отравы уже там?

Раздумывать было некогда. Я шагнула вперед, будто собираясь ведро забрать, споткнулась о край ковра и, падая, зацепилась за арна, выбив из его рук бокал. А там и столик с графином не устоял. Правильно сестра Драгомира нас учила! Главное, верно рассчитать траекторию.

— Рагж! — выругался лорд Штефан, разглядывая растекающиеся по серому камзолу винные потеки. — Что ж ты такая неловкая? — посмотрел он на меня.

Как ни странно, злости в его голосе не было. Скорее, недовольство на произошедшее. И глаза снова синими стали. И мелькнуло в них что-то, за сердце взяло, в душу проникло...

— А я вам говорила, милорд, что девка бестолковая, — встряла Салта, обрывая мои мечтания. — Все у нее из рук валится, работать не любит, со старшими пререкается...

— Немая пререкается? — хмыкнул арн.

Он схватил меня за ворот платья и поставил на ноги. Но не отпустил, продолжая крепко держать за плечо.

— Очень интересно, как ей это удастся? — нажим стал сильнее.

— А вы не смотрите, что она говорить не может, вы, милорд, на глазюки ее бесстыжие взгляните! По ним все видать, все мысли ее непокорные!

Салта полоснула по мне злым взглядом и снова заискивающе улыбнулась графу.

— Вы бы, ваше сиятельство, разобрались, вернули убогую на ее прежнее место. Дан управляющий пока плохо тут всех знает, вот и этой неумехе должность дал, а она...

— Решения дана Кражича обсуждению не подлежат, — оборвал лорд Штефан старшую. — Как и мои. Вон отсюда. Обе.

Он махнул рукой, Салта понятливо отступила к двери, я двинулась следом, но арн неожиданно передумал.

— Хотя нет. Ты останься, — кивнул он мне. — Приберись тут.

Арн указал на мокрое пятно на полу, а потом отошел к окну, распахнул створки и высунулся наружу, словно ему дышать нечем было.

— Чего ждешь? — не оборачиваясь, уточнил он.

Я вернулась, сполоснула тряпку и принялась вытирать разлитое вино. Хорошо, что оно на ковер не попало. Интересно, успели в него отраву кинуть или нет? Как бы узнать? Жаль, что камня заветного больше нет... С маленьким кусочком сарегуса, доставшимся мне от отца, я никогда не расставалась. До того самого злосчастливого дня. Как бы он мне сейчас пригодился...

Граф тем временем отошел от окна, скинул камзол, за ним — рубаху и принялся рыться в шкафу, выбирая одежду. Мышцы его размеренно ходили под смуглой кожей, широкие плечи загораживали висащие на специальных пренах камзолы, штаны сидели низко, открывая поясицу и ложбинку ягодиц.

Я забыла об уборке. Распрямылась, да так и застыла, жадно разглядывая арна. У него было так много шрамов... Некоторые из них напоминали мне узоры того самого вироша, что вот уже пятый день перед глазами вился. А некоторые вызывали желание дотронуться, провести пальцами по белесым полоскам, попытаться их разгладить. И такая жалость душу скручивала, что хоть плачь! Это ж сколько раз его ранили? Наверное, только сейчас, глядя на лорда Штефана, я впервые отчетливо поняла, что он — воин. Нет, я и до этого знала, что арн — бывший командующий императорской армией, только вот не задумывалась, что это значит. Мне казалось, что лорд Крон в штабе сидел и оттуда указы раздавал, а получается, он своими руками победы добывал, наравне с обычными воинами. И все эти шрамы...

— Хватит на меня пялиться, — не поворачиваясь, буркнул арн, и я поспешно отвела глаза.

Как у него это получается? Чувствует он мой взгляд, что ли?

— Ты закончила?

Я кивнула и только потом сообразила, что арн не может меня видеть.

— Иди уже, — рыкнул лорд Штефан, и я поторопилась исполнить его приказ.

Дверь захлопнулась за мной с насмешливым скрипом. Тоже, кстати, странность. Когда в комнату входит арн, она открывается бесшумно. Будто знает, что хозяин вошел. А вот остальным не так повезло. Каждый раз звук меняется. То он унылый, то грустный, а то и устрашающий.

Я отнесла ведро в кладовку и пошла вниз, искать управляющего. В замке сегодня было шумно. Из Стобарда целая делегация пожаловала, все местное начальство во главе с наместниками, а с ними — слуги, четверо кучеров, стражники. Господа наверх пошли, в гостиную, а сопровождающие внизу остались и теперь на кухне чай с пирогами пили да со служанками заигрывали.

— Гляди, Мирос, какие тут девки ладные работают! — услышала я, проходя мимо двух здоровенных бездельников в форме городской стражи. — Слышь, красавица, ты на ярмарку в срединник придешь? Приходи! — не дожидаясь ответа, зачастил он. — На каруселях прокатимся.

Ага. Делать мне больше нечего! На ярмарке и без того есть чем заняться.

— Придешь? — круглое веснушчатое лицо парня расплылось в улыбке.

Я помотала головой и пошла быстрее.

— Ишь, гордая какая, — сквозь зубы процедил второй. — Думает, коли в замке работает, так может нос задирать. Ничего, и не таким рога обламывали.

В голосе его слышались злые нотки.

— Да ладно тебе, Мирос, — усмехнулся его собеседник и крикнул мне в спину: — Слышь, красавица, а я все равно ждать буду! У шатра со сладостями.

Я только головой покачала. Не нужны мне поклонники. Совсем не нужны. Мне о другом думать нужно. Вот куда управляющий делся? Ползамка обошла, а его нигде нет.

— Так он в кабинете милорда, с гостями, — подсказала встреченная на лестнице Светица. — Видела, сколько народу понаехало? Два наместника, судья, глава стобардской стражи... Все к милорду с отчетами. В Большой столовой обед скоро будет, Богдана расстаралась, столько вкусного наготовила! Может, и нам потом чего перепадет.

Светица мечтательно вздохнула. А я задумалась. Если управляющий занят, меня к нему не пустят. И что же теперь делать? Как мне его предупредить? Или попробовать самой с графом поговорить?

Я вспомнила взгляд арна и поежилась. Поверит ли? Вряд ли. Зверь его точно не поверит. Он никому не доверяет, даже самому арну, как мне кажется.

— А тебе управляющий зачем? — спросила Светица.

И как ей объяснить? Я неопределенно покрутила в воздухе пальцами.

— Ничего не поняла, — помотала головой служанка. — Срочное что-то?

Я закивала головой.

— Так я как раз с поручением к нему иду. Если хочешь, могу и про тебя словечко замолвить.

Я недоверчиво посмотрела на Светицу.

— Меня Лершик отправил, — довольно заявила та. — Велел узнать, все ли обедать останутся. Ну что, спросить про тебя?

Я снова закивала и показала знаками, что это очень важно.

— Да уж понятно, — усмехнулась Светица. — Ты ж теперь при должности, считай, правая рука дана Кражича.

Она вздохнула и не без зависти сказала:

— Повезло тебе, Илинка! Можешь к дану управляющему хоть по десять раз на дню бегать. А я мечтаю хоть украдкой его увидеть. Такой уж он красивый да обходительный. Вот бы он на меня внимание обратил! Уж я бы для него все-все сделала!

Я улыбнулась. Похоже, так думала не только Светица, но и все остальные служанки. Кроме, пожалуй, Минки. Та на самого хозяина нацелилась, что ей какой-то управляющий?

— Ну вот, жди здесь, — остановившись у кабинета, сказала Светица.

Она тихо постучала и приоткрыла дверь, из-за которой доносились громкие голоса.

— Кто там еще? — недовольно спросил управляющий.

— Дан Кражич, меня послали узнать, когда обед накрывать?

— Какой обед? — хмуро спросил дан. — А, обед... Нам бы тут до вечера управиться!

— Так что мне дворецкому сказать?

— Через час, — ответил управляющий.

— А как же...

— У тебя все? — перебил Светицу дан Кражич.

— Тут еще Илинка с вами поговорить хочет, говорит, важное что-то, — растерявшись, пискнула служанка.

Я думала, дан ее не услышит, но он подошел к двери, уставился на меня и спросил:

— Что у тебя?

Я протянула ему сложенную бумажку.

Управляющий развернул ее, прочитал и посмотрел на меня с задумчивым прищуром.

— Сама слышала? — тихо спросил дан и, увидев мой кивок, пригладил кончики светлых кос. — Рагж вардан! — выругался он. — Жди здесь. Я сейчас.

Он исчез в глубине комнаты, но вскоре вернулся и протянул мне мою же бумагу.

— Иди к милорду, он сейчас у себя в покоях, отдай ему это и ответь на все вопросы, поняла? — он посмотрел на меня с сомнением и добавил: — Да не бойся. Хозяин тебя не обидит.

Я вздохнула. Хозяин-то может и не обидит, а вот зверь его... Тот запросто в глотку вцепится. Недаром который раз уже примеряется.

— Чего стоишь? Бегом! — рыкнул на меня дан Кражич, и я сорвалась с места.

Штефан

Он держал в руках бумагу и смотрел на запыхавшуюся девчонку. Щеки ее покраснелись, глаза сверкали, грудь под платьем взволнованно поднималась. Хороша... Рагж! Очень хороша. Вот сейчас, когда рядом стоит и он может рассмотреть чистую нежную кожу, губы сочные, цвета спелой малины, маленькие, совсем не крестьянские руки, пальчики крохотные...

Почему-то представилось, как эти самые пальчики касаются его живота, развязывают тесемки штанов, пробираются ниже...

Зверь настороженно принюхался. Не верит. Никому не верит, особенно таким, с виду безобидным.

— Значит, ты слышала, как двое неизвестных разговаривали под дверью кабинета? — переспросил он, не отводя взгляда от прозрачных, быстрых, как вода в Затонке, глаз.

А на душе темно. Тягостно. И муть со дна поднимается, не дает вздохнуть. И видение влажных губ, что смыкаются на горячей плоти, жаром опаляет, наизнанку выворачивает, заставляет чувствовать себя слабым.

Зверь пробился ближе, вылез наружу когтями, потянулся к запаху нежному, девичьему. Не было у девчонки никого. Не знала она мужчину, в чистоте жила, цвет свой сохранила. Интересно почему?

Штефан поморщился. Не о том думает. Нужно убийц искать, а не на прелести юные заглядываться. Сколько он их за свою жизнь перевидал? И эта от остальных ничем не отличается. Разве что говорить не может.

Вот и сейчас ему что-то объяснить пытается, руками своими в воздухе водит.

Он подошел к столу и взял перо.

— Пиши, — протянул его девчонке.

Как же ее зовут? Имя такое странное. Интересно, откуда она в его замке взялась?

— Местная? — спросил он, наблюдая за появляющимися на бумаге словами.

Служанка на миг замерла и отрицательно качнула головой.

— Откуда?

Почему-то это казалось ему важным. Гораздо важнее, чем забота о собственной безопасности.

— Мардис? — вчитался в круглый, похожий на ученический почерк. — А лет тебе сколько? Восемнадцать?

А так и не скажешь. Он бы больше шестнадцати не дал. Уж больно миниатюрная, хотя все, что полагается иметь женщине, наличествует. Это он еще тогда под штопаной рубахой разглядел, а уж теперь, когда девчонка в новой форме, красиво облегающей грудь и бедра, только слепой их не заметит. А он не слепой.

Штефан усмехнулся. Плохо на него мирная жизнь влияет. Раньше на баб особо не засматривался, брал свое и забывал, а тут нашло что-то, будто наваждение какое. А может, оно и есть? И не просто так эта девка перед ним руками своими водит?

Зверь снова пробился к коже, злобно скаля клыки. Девчонка, словно почувствовав, подняла взгляд и уставилась прямо в глаза, из которых тот выглядывал-присматривался. Зрачки ее расширились, она прерывисто вздохнула, но не отступила. Ему даже показалось, что, наоборот, к нему потянулась. Но не с похотью, нет. Животное начало он всегда за несколько эров чуял, а тут другое что-то. Разобраться бы что, да времени нет. Со всех сторон обложили, чувствует он, как кольцо сужается, а из верных людей только Бранко рядом. Вся надежда на него да на амулет родовой, старинный, от прадеда доставшийся. И все равно маетно. Скорее бы уже парни до Стобарда добрались...

Он раздумывал, а сам смотрел на служанку. Зацепила она его чем-то, заинтересовала. И ведь не поймешь чем. То ли глазами чистыми, то ли сутью женской, что из них выглядывает, то ли своей непохожестью на остальных обитательниц Белвила. Среди крупных и рослых стобардских баб эта казалась экзотическим цветком, выросшим на раскисшей грязи затерявшегося в Алмазных горах замка.

Зверь рассерженно заворочался внутри. Не принимает. Опасается. Помнит, чем его последнее увлечение закончилось. Не хочет привязываться.

Девчонка ткнула рукой в сторону стола. Бумага. Что-то она там написала.

Штефан наклонился, вглядываясь в ровные строчки.

— Почему сразу ко мне не пришла? — спросил и тут же вспомнил, как она из его рук бокал выбила. — погоди, выходит, ты специально тогда?.. — не договорив, повернулся к служанке.

Та неловко прикусила губу и кивнула, не сводя с него настороженного взгляда. А глазищи так и сверкают! До души достают.

— Значит, я тебя поблагодарить должен?

А зверь не верит в такое благородство. И ум уже варианты просчитывает. Слишком подозрительная девчонка. И на обычную простолюдинку не похожа. Сейчас, когда одета не в рванину, это особенно в глаза бросается. И дух у нее такой... вольный. Свободный. Чувствуется, что не под гнетом выроста. Мардис... Как она из приморского города в Алмазных горах очутилась? Не самый ближний путь.

— Родители живы? — спросил он.

В ответ — небольшая заминка, а следом отрицательный взмах ладони.

— Как оказалась в Белвиле?

Ага. А глазки-то потемнели. И прозрачность из них исчезла, непроницаемыми сделались, как зеркало. И губы плотно сжались, словно девчонка боится слово лишнее ненароком обронить. Выходит, не всегда немая была?

Из-под пера побежали-поскакали торопливые буквы.

«Работу искала», — прочитал он.

— Далеко же от дома ты ее нашла, — усмехнулся он, а зверь шептал: «Не верь, обманет!»

Служанка развела руками и подняла взгляд вверх, словно бы говоря: «На все воля Создательницы». А у него так и свербело внутри недоверчивое, ворочалось то тяжелое, что в душу влезло, едва в Белвиле оказался. И зверь злился. Злился и не верил. «Все бабы лгут, — непримиримо рычал он. — Никому веры нет, любая обмануть может».

Штефан подошел к столу, взял графин и вылил в стакан оставшиеся на дне несколько капель вина. А потом достал из дедовой шкатулки саретус — камень, определяющий яды, — и опустил его внутрь. Серый невзрачный кусок породы мгновенно засиял ярким алым светом.

Штефан нахмурился. Все-таки успели яд сыпануть.

— Сможешь голоса узнать? — посмотрел он на служанку.

Та задумалась, а потом неуверенно кивнула.

— Будешь за обедом прислуживать и к гостям присматриваться. Как услышишь злодеев — дашь знать.

Девчонка подняла на него взгляд. В прозрачной синеве застыл вопрос.

— Глазами укажешь, я пойму, — пояснил Штефан. — Иди пока. Передай дворецкому, чтобы обед через полчаса в Большой столовой накрыли.

Илинка

— Ваше сиятельство, позвольте мне от лица всего населения Стобарда выразить нашу радость в связи с возвращением истинного господаря, — голос наместника звучал так сладко, что хотелось чего-нибудь выпить, чтобы избавиться от ощущения попавшего в горло липкого сиропа. — Целых двадцать лет мы были сиротами, пока наконец наш любимый отец и благодетель не вернулся на родину, — вещал лорд Драговец, и на его полном, похожем на ноздреватый блин лице сияла неискренняя улыбка. — Ах, как же долго нам пришлось ждать этого события! Но вот оно свершилось, и мы верим, что теперь нас всех ожидают прекрасные времена, а наш любимый край снова обретет свою былую славу.

Наместник заливался соловьем, я подносила новые кувшины с вином, уворачивалась от потных рук, норовящих незаметно огладить мои бедра, а сама прислушивалась и приглядывалась к сидящим за столом гостям, пытаюсь понять, есть ли среди них убийцы. Трудное занятие. Попробуй уследи за пришлыми, если то и дело отвлекаешься — то на лакеев, что подножки норовят подставить, то на дворецкого, что шипит неодобрительно и неумехами величает. Несколько раз я чувствовала на себе вопросительный взгляд арна и всякий раз отрицательно качала головой. Не слышала я тех самых голосов. Может, не было злодеев среди гостей, а может, опасались себя выдать, помалкивали.

— Эй ты, налей еще вина! — дернул меня за руку худой, вертлявый дан, сидящий с краю, и обратился к своему соседу: — Смотри-ка, каких ладных девок милорд набрал, одна другой краше. Небось и в постели хороши, а? — подмигнул он мне, пытаюсь обнять за талию, но я вывернулась из его захвата и отступила к буфету, куда Грильда новые кувшины с вином подносила.

— Ты гляди, недотрога какая! — хмыкнул дан мне вслед. — Небось от милорда так не бегаешь.

В голосе гостя послышались обиженные нотки. И глаза нехорошо блеснули. Моя бы воля, ушла бы подальше, но как уйдешь, когда злодеи не пойманы?

Я стиснула зубы, подхватила большую глиняную баклагу и вернулась обратно. Вертлявый довольно осклабился, обнажив редкие, торчащие вперед зубы.

— Наливай! — приказал он, взмахнув кубком и с грохотом ставя его на стол. — Да полнее лей, не жалей! Доброе у лорда Штефана вино, давненько я такого не пил, — дан пьяно икнул и поднял на меня мутный взгляд. — Как звать? — цепкие пальцы ухватили меня за юбку. — Чего молчишь? Не хочешь говорить? Гордая? Ну и ладно, — неожиданно отступил гость. — Тогда другу моему вина плесни, — он кивнул на сидящего напротив маленького лысого человечка, но тот отрицательно покачал головой и недовольно поморщился. — Слышь, Зоран, а ты чего это не пьешь? — не унимался вертлявый. — От графского угощения только дурак откажется!

— Отстань, Живко, — сквозь зубы процедил Зоран, и моя рука дрогнула, а вино пролилось мимо чаши. Мать-Создательница! Неужто повезло и я смогла найти одного из злодеев? Мысли

заметались. Выходит, все-таки пришлые постарались, а я было на своих грешила.

— Вот же косорукая! — выругался вертлявый, глядя на расплзающееся на белой ткани скатерти пятно. — Смотри, куда льешь! Дура-девка, чуть камзол мне не испортила, — продолжал бормотать он, а я торопливо поклонилась и отступила за широкую спину младшего лакея Владко. Обычно за обедом только мужчины прислуживали, но сегодня арн распорядился четверых служанок в помощь им отрядить. Якобы из-за того, что гостей много, а на самом деле чтобы меня в столовой оставить. Выходит, не зря традицию нарушил...

— Илинка, ты чего на месте топчешься? — обернулся ко мне Владко. Из всех лакеев он был самым добродушным и спокойным. И не заносился над простой прислугой, всегда готов был помочь. — Что, устала небось?

Я кивнула и покосилась на лорда Штефана. Граф разговаривал с управляющим, но мгновенно почувствовал мой взгляд, и глаза его блеснули алым.

— Вина мне! — негромко сказал он, повелительно взмахнув в мою сторону рукой.

— Иди, — шепнул Владко. — Видишь, его сиятельство тебя зовет.

Еще бы ему не звать! Для того и к столу приставил. Я схватила с буфета кувшин и двинулась к арну.

— Полную, — протянув серебряную чашу, велел граф и еле слышно добавил: — Узнала?

Я слегка наклонила голову.

— Кто?

Губы арна были неподвижны, но я хорошо слышала обращенный ко мне вопрос.

— Укажи, — так же незаметно произнес лорд Штефан, и я посмотрела на Зорана.

— А плесни-ка и мне вина, красавица, — пророкотал сидящий рядом с графом дан Кражич. — Из твоих ручек оно вкуснее кажется.

Он обменялся с арном взглядом, а потом уставился на меня и весело подмигнул.

— Ух, сладкое какое! — одним махом опрокинув в себя содержимое большого кубка, улыбнулся управляющий. — Чисто мед. Ну-ка, налей еще.

Я выполнила его просьбу и отступила от стола, но далеко не ушла, незаметно разглядывая арна и его гостей. А посмотреть было на что. Граф усадил дана Кражича на самое почетное место, от себя по правую руку, в то время как наместникам пришлось сесть слева от хозяина. Похоже, их это не сильно обрадовало, но даны скрывали недовольство за лъстивыми улыбками. Наместник Стобарда, барон Драговец, то и дело утирал потное лицо и пил одну кружку за другой. Второй наместник, приехавший из Старкона, был осторожнее. Он почти не прикасался к вину, поднимая небольшую чашу лишь во время здравиц и тут же ставя ее на стол. Да и разговорчивостью не отличался. Все больше молчал и поглядывал по сторонам. А взгляд из-под нависших век был острым и приметливым. Мне даже показалось, что лорд оценивает происходящее как-то иначе, не так, как все. Рядом с ним сидел стобардский судья, а чуть дальше — глава городской стражи и представители купечества.

— Еще вина! — подозвал меня дан Кражич. — Полнее наливай, красавица! — гремел над столом его низкий голос, перекрывая шум разговоров. — Чтобы жизнь полной была, как эта чаша!

Я наливала из кувшина вино, а сама с тревогой наблюдала за арном. В глазах его все сильнее разгорался алый огонь, и у меня сердце занималось. Только бы лорд Штефан сумел удержать своего зверя! Только бы с графом ничего плохого не случилось. И тут же вспоминались темные нити-змеи, вплетенные в канву жизни, и душу тревога одолевала. Как глубоко проникло чужое колдовство? Сумею ли я его убрать до того, как оно на арна подействует?

— Ваше сиятельство, дозвоьте здравицу в вашу честь произнести, — поднялся из-за стола стобардский судья.

Его худое, некрасивое лицо покраснело, обвисшие щеки мелко задрожали, в глазах затаился страх, а на губах застыла жалкая, угодливая улыбка. Ишь как быстро спесь-то сошла.

Мне однажды довелось видеть судью Пивереня в Стобарде. Важный, холеный, высокомерный, он стоял рядом с каретой и выговаривал кучеру за какую-то оплошность. И взгляд у него такой стылый был, на несчастного слугу, как на букашку, смотрел. А сейчас в выцветших глазах плескался страх.

— Ваше сиятельство, — продолжил дан Пиверень. — Господарь, — голос его окреп, в нем появилась

уверенность. — Двадцать лет назад, когда умер лорд Вацлав, а вскоре вслед за ним отправился в эор и лорд Годимир, Стобард осиротел. Все мы на себе испытали тяготы жизни без хозяина. Что говорить? Арны испокон веков были главной силой нашего края, его защитой и опорой. Без них ни город не стоит, ни село не живет. Вы, ваше сиятельство, много лет защищали нашу империю от врагов. Мы знаем, сколько славных побед вы одержали, помним, сколько славы принесли родному отечеству. И теперь, когда война окончена и вы вернулись, Стобард забудет о своем невольном сиротстве и сможет снова зажечь под крепкой дланью хозяина.

Судья разошелся, щеки его покраснелись еще больше, и я ненароком подумала, как бы с ним удара не случилось от такого безудержного витийства.

— Вот и лорд Стрен подтвердит, что без Кронов этой земле не выстоять, — повернулся он к наместнику Старкона и вынудил того согласно кивнуть.

Богдана сказывала, что лорд Стрен управлял своей областью не в пример лучше лорда Драговеца. И люди там не так бедно жили, и работу было проще найти. Но и нрав у старконского наместника покруче был, чем у стобардского.

— Так ведь, лорд Стрен? — не удовлетворился безмолвным ответом дан Пиверень.

— Так, — раздался чуть глуховатый голос. — Арны — истинные хозяева Стобарда, — подтвердил наместник, и я замерла, застигнутая врасплох неожиданным открытием.

Я уже слышала этот голос. Там, под дверью кабинета. Вот, значит, кому помешал лорд Штефан. Наместникам. Не хотят власть отдавать, привыкли за столько лет Стобардом править. Не нужен им никакой хозяин, и без него хорошо живется. Видно, всех устраивало, пока арн своей кровью поля Варнии поливал, а как вернулся, так сразу мешать стал.

Я уставилась на арна, пытаюсь указать ему на второго убийцу, но граф не обращал на меня внимания. Он смотрел куда-то в сторону и выглядел так, словно вообще никого не видел. Взгляд его казался остекленевшим, лицо побледнело, губы приоткрылись, и из них с трудом вырывалось хриплое дыхание.

— Ваше сиятельство?

Судья тоже заметил, что с графом происходит что-то неладное.

— Милорд?

Дан Кражич вскочил со своего места, и в тот же миг арн захрипел и упал на пол, корчась в конвульсиях. Гости испуганно замерли, в зале стало так тихо, что аж в ушах зазвенело.

— Лекаря! — разорвал эту тишину громкий крик управляющего. — Быстрее!

Дан оказался рядом с графом, пытаюсь тому помочь, но лорд Штефан дернулся, выкрикнул что-то неразборчивое и затих. И эта неподвижность, это безмолвие были страшными. От них потусторонним чем-то веяло, неживым.

— Итван, чего стоишь? — придерживая голову арна, рявкнул дан Кражич одному из растерявшихся лакеев. — Беги за лекарем!

— Мать-Создательница! Да что же это?! — тоненько завизжал наместник Стобарда. — Убили! Господаря нашего убили, изверги! — верещал он, нелепо размахивая руками и пытаюсь встать из-за стола. — Отравили! Нас всех хотели отравить!

Толстые щеки его мелко дрожали, в глазах плескался ужас, складки на животе колыхались. Сидящий рядом наместник Старкона по сравнению с лордом Драговецем казался каменным изваянием. Лицо лорда Стрена заледенело, губы плотно сжались, превратившись в тонкую нить, взгляд стал холодным и пустым. Я отмечала все это краем сознания, почти невольно, а внутри билось отчаяние. Как же так? Я ведь сама то отравленное вино из рук арна выбила! Почему оно за столом оказалось? Кто его принес? Кроме меня да лакеев никто к графу не подходил... Или это наговор сработал? Мать-Создательница! Душу окатило удушливой волной страха, и мне, чтобы избавиться от него, захотелось очутиться рядом с арном, коснуться пальцами его бледного лба, убедиться, что нить жизни цела, к дыханию прислушаться.

— Это что же такое делается? — продолжал причитать лорд Драговец, а я смотрела, как дан Кражич разрывает завязки рубашки арна и пытается привести того в чувство, и отчаянно молилась. Только бы лорд Штефан выжил! Только бы он не сдался!

— Ох, беда! — по-бабьи подвывал наместник. Он сам и был похож на глупую распутившуюся тетку. — Уби-и-или! Душегубы проклятые, погубили арна нашего! Как же теперь? Что же будет?

Осиротел и-и-и...

Неприятный вой бередил душу, заставляя поверить в худшее, убивая веру, лишая надежды. И я не выдержала. Поставила кувшин на стол, шагнула вперед, желая своими глазами увидеть, что граф жив, сумела разглядеть за широкой спиной управляющего бледное, почти посиневшее лицо арна...

— А ну, отойди! Не путайся под ногами! — задел меня плечом вернувшийся Итван. — Чего вылупилась? Дай лекарю пройти!

Он отпихнул меня, да так сильно, что я споткнулась и налетела на отставленный кем-то стул. Колено прострелило болью.

— Осторожнее, — придержал меня за руку Владко. Тяжелая ладонь легла на мою спину, но я толком не замечала происходящего. Образ умирающего арна стоял перед глазами, а сердце отчаянием окатывало, будто прибором, затапливало все внутри водой солено-горькой, пеной безнадежности прокатывалось.

— Что случилось? Дан управляющий, что с его сиятельством? — послышался голос лекаря Кранца, а вскоре и сам дан появился рядом с графом. — Милорд! Вы меня слышите?

Старик посмотрел на графа, зачем-то приподнял его веки и заглянул в синие, лишившиеся малейшей красноты глаза, а потом приник к груди графа и принялся сосредоточенно слушать. Время шло, лекарь хмурился все сильнее, а потом поднялся с колен и с сомнением посмотрел на управляющего.

— Ну что? Не молчи! — громким шепотом спросил дан Кражич. От напряжения на лбу его выступила испарина. — Что с милордом? Он жив?

— Жив, — кивнул лекарь. — Сердце бьется. — Старик еще раз взглянул на арна и добавил: — Видать, отравили его сиятельство.

— Так чего ты ждешь? Сделай что-нибудь! — взревел дан Кражич.

— А что я могу? — голос Кранца дрогнул. — Яд неизвестный, поди узнай, какое противоядие нужно? Остается только на Скарога надеяться и ждать. Может, выживет милорд, а может, и нет.

— Пошел вон! — рявкнул управляющий. — Не лекарь, а гадалка старая!

Он посмотрел на неподвижно лежащего арна и повернулся к испуганным гостям.

— Из столовой никому не выходить. Владко, Стан! — позвал он лакеев. — Заприте двери и никого не выпускайте. Велимир! Иди сюда, поможешь милорда перенести.

Управляющий с Велимиром подняли арна и понесли его к выходу, а слуги заперли за ними двери, и в столовой наступила зловещая тишина, нарушаемая лишь едва слышными звуками икоты барона Драговеца.

Гости молча переглядывались, лица были испуганными, но, похоже, еще не все понимали, что их ждет.

— Слышь, Илинка, а ведь нас теперь допросами замучают, — подошел ко мне Владко. — Дознаватели понаедут, будут все выспрашивать да вынюхивать.

Я почувствовала, как по спине побежали мурашки. И сразу вспомнились холодные глаза дана Збежича, его бесцветный голос, бесконечно повторяемые вопросы...

Я невольно потеряла враз занывшие запястья.

— А на нас больше всего подозрений, — продолжал нагнетать Владко. — А еще на кухарке. Отравы явно или в вине, или в еде была. А кто тут все подносил-наливал? — он многозначительно посмотрел на меня и кивнул. — То-то же. Ты да я. Ну и Стан с Велимиром. Вот на нас все и повесят. А что? Не господ же обвинять?

Владко наклонился ко мне и заговорщицки прошептал:

— Ты как хочешь, а я не собираюсь дожидаться, покуда меня повесят. Бежать надо, пока не поздно. — Он придвинулся еще ближе и предложил: — Могу тебя с собой взять. Пойдешь?

Я отрицательно покачала головой. Убегать без денег и документов глупо. Все решат, что мы виноваты, в розыск объявят, а когда поймают-даже допрашивать не станут, вздернут — и вся недолга.

— Дура ты, Илинка! — продолжал шептать Владко. — У меня дядьку так ни за что казнили. Дознавателям правда не нужна, им бы только найти, на кого вину свалить. Нет, ты как хочешь, а я сбегу. Пойду к морю, в портовых городах легко затеряться, и умельцы там есть, что документы делают.

Он продолжал убеждать то ли меня, то ли себя, а я слушала его и вспоминала темную, сырую темницу, тонкий лучик света, падающий из крошечного окошка, звон цепей. И вонь. Невыносимый смрад немытых тел, нечистот и затхлой воды. Даже сейчас, спустя два года, я отчетливо помнила каждый день, проведенный в городской тюрьме, ощущала въедливый запах нечистот, слышала надсадный кашель заключенных и грохот кандалов.

— Илинка! — выдернул меня из мрачных воспоминаний голос Велимира.

Я подняла глаза и увидела, как лакей машет мне рукой, стоя у приоткрытой двери.

— Тебя дан Кражич зовет! — крикнул парень.

— Ну вот, что я тебе говорил? — прошептал Владко, и его круглое веснушчатое лицо побледнело. — Началось! Сейчас управляющий тебя допрашивать будет, потом и до меня очередь дойдет... Оборони нас всех Скарот! Точно казнят! — голос лакея дрогнул и сорвался.

— Илинка, давай быстрее! Дан управляющий ждать не будет! — не унимался Велимир, и я, провожаемая взглядами всех, кто был в столовой, медленно поплелась к двери.

В душе прочно поселился страх: за себя, за арна, за его и свою жизни, за неясное настоящее и зыбкое будущее. Если приедут дознаватели и всплывет та старая история — мне конец. А если лорд Штефан умрет... Нет, он не может умереть, только не он! Я ему самый лучший вирош вышию, защиту от смерти, своими руками от нее закрою! У меня получится, я знаю!

— Ох, что теперь будет! — захлопнув за нами двери, зловеще произнес Велимир. Глаза его возбужденно блестели, длинные пальцы подрагивали, кадык при каждом слове ходуном ходил. — Дан управляющий в ярости, за дознавателями в город послал, а милорд так и не очнулся, лежит, как колода неподвижная. И тяжелый такой же. Пока несли, у меня чуть пупок не развязался!

Я с сомнением покосилась на лакея. Парень был крупным, высоким, и кулаки имел пудовые. Ему бы не в лакеях ходить, а на кузне молотом махать.

— Ох и здоровенный лорд Штефан. Еле доволокли, — не умолкал Велимир. — А вот наследника-то у него и нет. Как помрет — кому все достанется? Это ж, выходит, не будет больше в Стобарде господаря! И арнов не будет, если только из соплеменников его кто приедет.

Лакей говорил, а мне хотелось остановиться и со всей силы ударить его по дергающемуся кадыку и заставить замолчать. Не может лорд Штефан умереть! Не такой он слабак, чтобы его какой-то поганый яд одолел! И вообще, я ведь ему вирош еще не вышила... И...

— Ну, иди, — остановился перед спальней графа Велимир. — Дан Кражич велел тебя привести и в столовую возвращаться. Так что я пошел.

Он постучал, открыл уныло заскрипевшую дверь и впихнул меня внутрь. Дверь с громким стуком захлопнулась, а я замерла у порога, уставившись на кровать и на ноги в кожаных сапогах. Грубая обувь поверх шелкового покрывала выглядела так неуместно, что это заставляло поверить в худшее.

— Пришла? — послышался голос дана Кражича, и я очнулась от своего непонятного ступора. — Иди сюда.

Я придвинулась ближе и вытянула шею, пытаюсь рассмотреть за широкой спиной управляющего бледное лицо арна.

— Ухаживать за больными умеешь? — тихо спросил дан.

Я кивнула. У нас при монастыре лазарет был, так Паница воспитанниц к тяжелым больным приставляла. «Выйдете из обители, начнете своим домом жить, придется вам не только о себе, но и о семье, и о работниках заботиться. Вот тут-то знания и пригодятся», — любила повторять наставница.

— Останешься с милордом, — сказал управляющий.

Он поднялся, постоял минуту, хмуро глядя на арна, и снова повернулся ко мне.

— Дверь никому не открывай, кто бы ни пришел. И следи тут. Тряпку вон на лбу меняй, чтобы влажная была, пот вытирай.

Я посмотрела ему в глаза. Они словно незнакомцу принадлежали: болотная зелень уступила место непроницаемой черноте, стала жесткой и страшной. Да и сам дан Кражич будто потемнел весь, как дуб мореный.

— Не подведи, Илинка, — внушительно произнес он и положил руку мне на плечо. Ее тяжесть придавила, не позволяя сдвинуться с места. — Арну нашему сейчас без помощи никак, слишком уж плох. Не отходи от него ни на минуту, поняла? — голос дана звучал напряженно. В нем слышались озабоченность и толика сомнения, словно бы управляющий не был уверен в том, что можно арна на меня оставить. — И не подпускай никого к милорду, ясно?

Я снова кивнула и указала на стол, где бумага лежала.

— Что? — переспросил дан Кражич.

Я вывернулась из его захвата и быстро написала имена тех двоих, что лорду Штефану смерти желали. На глаза наворачивались слезы, капали на белый лист, буквы расплывались.

— Чего реवेशь? — грубовато спросил дан. — Не умрет милорд, крепкий он. И не из таких передрыг выкручивался. Значит, наместник Старкона тоже в деле? — задумчиво спросил он. — Что ж, это было ожидаемо.

Я подняла глаза и знаками спросила, надолго ли дан уходит.

— Не переживай, вернусь. Надо с гостями дорогими разобраться, допросить всех как следует. А ты за милордом присматривай.

Я торопливо мотнула головой, скрывая все, что чувствовала. Страх лютый, неуверенность проклятую, жалость, что сердце на куски разрывала. И обиду: на судьбу, на жизнь, на обстоятельства, что самой темной стороной поворачивались.

Когда за управляющим захлопнулась дверь, я прислушалась к удаляющимся шагам, подошла к кровати, склонилась над арном и положила руку на влажное полотенце. А потом закрыла глаза и нащупала ниточку жизни. Она была тонкой, едва заметной, почти неощутимой в моих руках. И неожиданно мне представился так и не вышитый ви рош, а пальцы, неподвижно лежащие на полотенце, словно бы почувствовали иглу, и перед внутренним взором тут же стежки возникли. Они ложились один на другой ломаным узором, в них вплетались изгибы безвременья и петли бесконечности, а в голове звучали слова древнего, как сам Стобард, наговора. «Хараэд вIRON барефди, — плелись слова силы. Я их будто в огненной вязи видела. — Эсвари эгус, арон идоби...» Мудреные орнаменты плыли, торопились, цеплялись один за другой, в судьбу вплетались и становились частью чужой жизни, а передо мной видения былых сражений проходили, холод и зной враждебной земли, лица друзей и врагов. Нить петляла, тянулась, связывала все воедино, уходила на изнанку и возвращалась двойным швом и петлями бесконечности. Я закрепила все последними стежками и добавила цветок райса, что жизнь долгую и богатую обещал. Тот расцвел под моими пальцами ярким пламенем, полыхнул алым золотом, а потом растворился в прозрачной вышивке и исчез. И в тот же миг мне показалось, что арн под моими руками шевельнулся.

Я открыла глаза, вглядываясь в лицо лорда Штефана, но оно оставалось неподвижным. Правда, уже не таким безжизненным. И к щекам бледным кровь вернулась.

«Я не дам вам умереть, милорд, — глядя на арна, беззвучно крикнула в пространство. — Вы не увидите. Невидимая нить вас не отпустит!»

Руки сами собой сжались. Эх, сюда бы Паницу! Наставница живо подняла бы лорда Штефана на ноги! Она знала так много всего, могла даже самого безнадежного больного спасти. А я... А у меня только немного дара да горячее желание вернуть арну жизнь. Может, этого хватит? Паница говорила, что вера способна творить чудеса. Главное, сомнения отринуть.

Я смотрела на графа, на его мужественное лицо, на широкие плечи, на руки — крупные, с длинными пальцами, на одном из которых сиял необычный перстень, и истово молилась Создательнице, чтобы не забирала она графа, чтобы сохранила нить жизни целой. Вера обязательно должна нам помочь, ведь так? А иначе чего она стоит?

Переведа дух, собралась с силами и потянулась к тому месту, где обрывки чужого колдовства виднелись. И глаза снова закрыла, переходя на внутреннее зрение. Ага. А вот и он, кончик потайной нити. Извивается, спрятаться пытается. Нет уж! Не путцу!

Я ухватила верткий, словно змея, конец, сжала его пальцами и потянула на себя, не обращая внимания на обжегшую руку боль. Ничего, это я вытерплю. Главное, что арн теперь в безопасности. Моих сил хватит, чтобы со злом справиться. А если и не хватит, у жизни займы возьму. Три-четыре года — не та цена, о которой раздумывать стоит.

Нить извивалась, сопротивлялась, норовила выскользнуть из горящих огнем пальцев, но я не сдавалась. «Архани адан, жгер имон», — звучало внутри. И нить, повинувшись силе древних слов, растворялась, таяла на глазах, уходила туманом темным, пока окончательно не сгинула. Все. Нет больше чужой злобы. Чисто вокруг.

Я обвела комнату взглядом. Больше никаких странностей. Предметы обстановки выглядели так, как им и полагается: совершенно обычными, каждый со своей историей и каплей иса.

Отерев лоб, присела на кровать и посмотрела на болезненные волдыри, вздувшиеся на пальцах. Эх, не умею я, как Паница, работать! У наставницы никогда ожогов не было, а у меня по-другому не получается. Всегда приходится болью расплачиваться. И голова кружится. Сейчас бы ложку меда съесть или лакрицы кусочек...

Я вздохнула, справляясь с тошнотой, и взглянула на арна. Вроде бы уже не такой бледный. И дыхание ровное. Сняв высушенное полотенце, намочила его в плошке с водой и снова расправила у больного на голове. А потом посмотрела на разорванную рубаху графа, на его обутые в сапоги ноги и задумалась. Если попробовать все это снять, управляющий ведь ругаться не будет? Самому-то лорду Штефану все равно, кто его раздевает, а вот дан Кражич может и наказать за самоуправство. Но ведь в мокрой одежде и простыть недолго, да и выглядит она не очень. Негоже графу в таком виде лежать. А, была не была!

Я осторожно стянула с арна обувь, а потом попробовала снять обрывки рубахи. Там, в столовой, управляющий не церемонился: рванул ворот и разорвал сорочку сверху донизу, оставив от нее жалкие ошметки, и сейчас я один за другим аккуратно тянула их на себя.

Арн не шевелился. Сердце его под моей рукой билось ровно и спокойно, будто и не при смерти он, а просто крепко спит. Только вот брови сурово сведены вместе, и губы бледные плотно сжаты. И так захотелось мне наклониться и коснуться их своими, напоить жизнью, вкус поцелуя узнать...

Но я не решилась.

Вместо этого провела ладонью по размеренно поднимающейся и опускающейся груди, пригладила густую темную поросль, дивясь ее мягкости. А потом нащупала несколько старых рубцов — длинных, неровных, будто кривыми стежками стянутых. Пальцы дрогнули и тут же торопливо прошлись по ним в попытке разгладить. Если бы это было возможно! Это не вышивка, тут отметины жизни, нитью судьбы прочерченные, так просто не исправишь.

Скрипнувшая дверь заставила меня убрать руку и оглянуться.

— Как он? — тихо спросил вернувшийся дан Кражич. — В себя не приходил?

Я отрицательно покачала головой.

— Раздела? — заметил мое самоуправство управляющий. — Молодец. Правильно. Надо и остальное снять. Найди в сундуке ночную рубаху, — велел он мне, а сам подошел к другу и принялся распутывать завязки его пояса. — Ничего, ваше сиятельство, мы тут всех на чистую воду выведем, — бормотал он, с тревогой поглядывая на графа. — Никто от расплаты не уйдет. — Он повернулся ко мне и поторопил: — Чего ты там копаешься? Быстрее давай!

Крышка сундука оказалась тяжелой. Стоило ее откинуть, как в комнате остро запахло верицей — пряной травкой, уберегающей одежду от моли. Ага, а вот и ароматный мешочек, под тонким полотном прячется.

Отложив его в сторону, достала лежащую сверху рубаху.

— Помоги, — велел управляющий, приподнимая графа.

Вместе мы быстро одели лорда Штефана, а потом дан Кражич бросил взгляд на часы и сказал:

— Останешься здесь на ночь. И не вздумай спать. Чтобы глаз с милорда не спускала.

Я схватила лист бумаги и перо и задала вопрос: «А вы?»

— А я буду доказательства вины наместника искать, — невесело усмехнулся дан.

«Но ведь я же их слышала!» — торопливо написала в ответ.

— А это ничего не значит, — серьезно посмотрел на меня дан Кражич. — Что стоит свидетельство немой служанки против слова аристократа? Нет, нам нужны такие доказательства, чтобы ни у одного судьи сомнений не возникло.

Я только руками всплеснула. Да где ж их взять, эти доказательства?

— Все, оставайся здесь и никуда не уходи, — нахмурившись, распорядился управляющий. Видно было, что не по душе ему арна оставлять.

«Может, охрану у двери поставить?» — предложила я.

— Уже стоит, — ответил дан Кражич и добавил: — Если милорд придет в себя, пошлешь одного из стражников, я в столовой буду.

Он бросил последний взгляд на арна и ушел, а я осталась в гулкой тишине комнаты, наедине с неподвижно лежащим на постели графом.

Время тянулось медленно. Часы пробили четыре раза, потом — пять, шесть и семь, за окном сгустились сумерки, с гор спустился туман, в комнате по углам затаились тени. Они осторожно наблюдали за мной, незаметно подползая все ближе и робко касаясь моих ног. Словно бы испытывали: можно? нам ничего за это не будет?

Я поднялась со своего места и зажгла свечу, отогнав осмелевшие щупальца. Темнота обиженно отступила. Теперь, когда в комнате снова заиграли живые искорки иса, каждый предмет, каждая маленькая вещица обрели свой голос и свою историю. Вот старый шкаф. Когда-то он стоял в комнате одного из прежних владельцев Белвиля. Хозяин каждый день открывал и закрывал его сам, не полагаясь на слуг, выбирал одежду, и шкаф помнил его руки, его голос, раскатистое «р» и мягкое, гортанное «л». Такое, какое встретишь только у жителей Алмазных гор. Я закрыла глаза, вслушиваясь в отдаленные перекаты неторопливой речи. Она звучала глухо, неясно, стертая прошедшими веками и перекрытая наслоениями чужих голосов, но шкаф признавал хозяином именно того далекого предка лорда Штефана, а все остальные были для него всего лишь бездушными тенями, ис которых не затрагивал его верной деревянной души.

А вот кровати было все равно. Она исправно служила всем своим владельцам, с одинаковым равнодушием наблюдая за их сном и пробуждением, за рассветами и закатами их жизнью, за сменой одного другим. Стоящий рядом с ней столик был гораздо живее. Сделали его не так давно — при лорде Вацлаве, и он не успел утратить капельку иса, вложенную лично мастером. В нем словно бы бурлило то молодое, задорное и живое, что заставляло краснодеревщика петь, вырезая гнутые ножки и полируя инкрустированную столешницу.

Я рассматривала вещи, стараясь отвлечься от тяжелых дум, но те все равно прорывались, ломали выстроенную защиту, бередили душу. Что готовит мне завтрашний день? Вдруг дознаватели заинтересуются моими бумагами? Нет, Паница сказала, что они чистые, но ведь это в обычной жизни, а тут будут каждую мелочь проверять, могут и докопаться, что никакой Илинки Бранд не существует, а есть Элиния Мария Скерци, дочь лорда Скерци, бывшая воспитанница монастыря Золотого Сердца и беглая преступница.

В груди стало холодно. И снова вспомнилось прошлое, тот злосчастный день, когда я увидела подозрительного мужчину, который крадучись выходил из дома напротив, и не удержала своего любопытства, заглянула к соседу, дану Креждену. Перед глазами снова заплясали красные круги. Кровь... Она была повсюду: на полу, на ковре, на белоснежной некогда рубашке дана Креждена. И на моих руках. Сама не знаю, зачем я потянулась к страшной ране, зачем попыталась стянуть ее края и пробормотала слова наговора... Быть может, если бы я сразу закричала, позвала кого-нибудь из соседей, да хотя бы просто выскочила из дома, все могло бы сложиться иначе. Но я осталась там, в страшной окровавленной комнате, торопясь ухватить ускользающую ниточку жизни. Она была еле заметной, но все-таки была, тихо искрилась в теряющем силы теле и едва заметно пульсировала под моими пальцами. Я держала ее. Держала крепко, не позволяя дану уйти. Но все оказалось напрасно. Появившиеся дознаватели оттащили меня от тела соседа, и нить исчезла, ушла с последним ударом остановившегося сердца. А вместе с ней пропал и мой голос. Я до сих пор не знаю, отчего это произошло. То ли смерть прогневалась, что я пыталась из ее рук дана Креждена вырвать, то ли Создательница за самонадеянность наказала, только не могла я больше говорить, и даже мычать не получалось: ни звука изо рта не вылетало.

Я утерла вспотевший лоб. Почему мне никак не удается забыть свое прошлое? Почему оно преследует меня, вновь и вновь возвращаясь воспоминаниями и кошмарами?

Дознаватели... В детстве я легкомысленно смеялась, когда матушка пугала меня этими черными стражами. Что они могут? В них и силы-то нет, в ищейках имперских, один нюх нечеловеческий. Горазды неимущих да убогих притеснять, перед властями выслуживаясь, а у самих души черные, как одежды форменные, и жадность непомерная. И только столкнувшись с ними лицом к лицу, я поняла, что любые выдуманные страшилки ничто по сравнению с реальностью. Мне пришлось на себе узнать, что дознавателям неведома жалость и слезами их не проймешь. Раз с разом дан Збежич задавал мне одни и те же вопросы, а я молчала, не в силах объяснить, что видела. А перо и бумагу мне не давали, считали, что притворяюсь, от наказания уйти пытаюсь. «Запирательство вам не поможет, леди Элиния, — равнодушно глядя мне в глаза, цедил главный дознаватель. — Молчите? Не хотите говорить? Что ж, тогда я скажу. Вы знали, что ваша маменька, леди Илария

Скерци, одолжила у дана Креждена четыре тысячи стависов? Нет? А вот я думаю, что знали. Как знали и то, что вернуть она должна была их еще три месяца назад. Только вот отдавать ей было нечего, о чем вы так же прекрасно осведомлены». Он не отрывал от меня своего стылого взгляда, а у меня по спине холодный пот лился. И руки дрожали. Все так и было. Не осталось у нас денег, все, что за особняк выручили, в оплату оставшихся после папенькиной смерти долгов ушло, а тут лорд Эливан объявился, карточные расписки предъявил, деньги вернуть потребовал. «Вот видите, леди Элиния, вы не отрицаете, что знали о бедственном положении вашей семьи, — в глазах дознавателя появился холодный блеск. — Как знали и о том, что дан Крежден собирается взыскать долг в самое ближайшее время. А потому и убили его. И теперь молчите, не желая признаваться в содеянном». Упертый баран! Ему было плевать, кого в преступлении обвинить, лишь бы перед Советом отчитаться, что убийца уважаемого ростовщика найден! И как я ни пыталась отрицательно мотать головой и знаками объяснять, что произошло на самом деле, дан Збежич не желал меня понимать. Он молча писал что-то в маленькой книжечке, с которой приходил на допросы, и не обращал внимания ни на мои отчаянные попытки доказать свою непричастность к преступлению, ни на умоляющие взгляды, ни на просьбы матушки. Вот так и оказалось, что всю вину за произошедшее возложили на меня. И если бы не Паница, которая сумела подкупить стражников и устроить мой побег, меня давно бы уже в живых не было.

«Забудь о том, кто ты, девочка, — глядя на меня своими удивительными бесцветными глазами, говорила наставница. — Забудь, чему тебя учили. Думай, как простолюдинка. Веди себя, как простолюдинка. Живи, как простолюдинка. Нет больше Элинии Скерци, есть простая девушка Илинка, осиротевшая в младенчестве дочь кузнеца. Затаись, пережди беду. Я найду способ тебе помочь, но мне нужно время, пока не знаю, сколько именно. Прости меня, девочка, — вытирая мои слезы, шептала она. — Всею я тебя научила, а от злобы людской не уберегла, — наставница помолчала и уже другим тоном сказала: — Завтра в Алмазный край обоз отправится, есть у меня там знакомый, поможет тебе в замке тамошнего лорда устроиться. Сам Крон в Белвиле не бывает, так что опасаться нечего, главное, веди себя тихо, никуда не лезь, ни с кем не сближайся и жди. Я тебя обязательно извещу, когда придет пора вернуться».

Первый год я еще верила, что так и будет, что найдет наставница доказательства моей невиновности. А потом... Веры этой все меньше с каждым днем оставалось, а жизнь своим чередом шла, только успевай поворачиваться.

Я вытерла повлажневшие глаза и посмотрела на арна. Отблески света падали на его лицо, и оно казалось таким красивым... И мне так захотелось его коснуться! Трудно было удержаться от искушения. Протянув руку, дотронулась до щеки, провела пальцами по отросшей за день щетине, обвела контур губ...

— Валдер, ты что, не понимаешь, с кем разговариваешь? — послышался из-за двери визгливый голос.

Салта. Принесла же нелегкая!

— Ну-ка, отопри дверь!

— Дана Салта, не положено, — смущенно пробубнил охранник.

— Я тебе покажу, не положено! — наступала на него старшая. — Открывай, кому говорят!

В коридоре послышалась какая-то возня, а потом дверь распахнулась, и на пороге появилась домоправительница. Волосы ее растрепались, щеки раскраснелись, глазки злобные по сторонам бегали.

Я поднялась и встала так, чтобы загородить собой лежащего на кровати арна.

— А ты чего это здесь? — спросила Салта, сияясь разглядеть лежащего за моей спиной графа. Она дернулась в одну сторону, потом в другую, но моя широкая юбка закрывала ей весь обзор.

— За милордом ухаживаешь? — увидев стоящую на прикроватном столике плошку с водой, спросила старшая. — И как он? В себя не приходил?

В ее голосе послышалось жадное любопытство.

Я помотала головой.

— Что, даже глаз не открывал? — не отставала Салта.

Она подошла ближе, бесцеремонно отодвинула меня и уставилась на лорда Штефана таким взглядом, что мне снова захотелось его собой заслонить.

— Чего вылупилась? — повернулась ко мне Салта. — Говорю, и глаз не открывал? Выходит, Кранц

правду говорил, что совсем худо милорду-то, — увидев на моем лице ответ, задумчиво сказала домоправительница.

И почему-то мне показалось, что ее это не сильно печалит.

— Дана Салта, вы бы вышли, — робко позвал от двери второй стражник, Урас. — А то, не ровен час, дан управляющий вернется.

— А и вернется, и что? Неужто я не могу узнать, как здоровье хозяина? — зыркнула на него Салта.

— Все равно, непорядок, — мямлил горе-охранник. — Никого пущать не велено. Шли бы вы, дана, пока не поздно.

— Ладно, ухожу, — фыркнула старшая. — У меня дел невпроворот, за всем следить нужно, прислуга распустилась, так и норовят под шумок работу бросить. И ты смотри, — погрозила она мне. — Хорошо за милордом ухаживай, старайся. Коли помрет он, так мы все тут без денег останемся.

В глазах ее мелькнуло что-то непонятное. Я не успела уловить, то ли это беспокойство было, то ли злорадство, то ли предвкушение.

— Видишь, иду уже, — усмехнулась старшая, протискиваясь мимо стражника. — И вовсе не обязательно было так причитать.

Парень что-то пробубнил в ответ, но я не расслышала — дверь закрылась, отрезая от меня и визгливый голос домоправительницы, и глухой басок стражника. Они еще какое-то время пререкались, а потом все стихло.

Я потеряла занывшие виски. Интересно, зачем вообще нужна охрана, которая пропускает в комнату графа всех подряд? С таким же успехом можно было и вовсе никого не ставить. А что, если убийцы надумают вернуться и довершить свое черное дело? Разве смогу я с ними сладить?

Взгляд заметался по комнате в поисках чего-нибудь, что могло бы сойти для обороны. Не собиралась я просто так сидеть и ждать, пока арна прикончат.

А пальцы уже выписывали оберег защитный, тайный, что Паница велела только в самых крайних случаях употреблять, потому как слишком много силы он отбирал. Что ж, похоже, наступил он, этот самый случай — я нутром чуяла, что ночь нас тяжелая ждет. Враги графа не оставят его в покое, как пить дать. Слишком многим возвращение лорда Штефана поперек горла встало. Я ведь не слепая. Видела, как наместники на милорда смотрели, и судья Пиверень, и глава городской стражи. Да оно и понятно. Казнь бывшего управляющего всем им не по вкусу пришлась, как и ревизия, которую лорд Штефан устроил.

В голове теснились мысли. Интересно, удастся дану Кражичу доказательства найти? А если нет? Неужто убийцы безнаказанными останутся? А вдруг они попытаются повторить попытку? Ну как надумают в спальню графа пробраться? И что мне делать? Как защитить лорда Штефана?

Я осматривала комнату, пытаюсь найти хоть что-нибудь, способное сойти за оружие. Шкаф, комод, сундук... Взгляд зацепился за тяжелый бронзовый подсвечник, стоящий на столе. Что ж, вполне подходящая вещьца!

Прихватив его, села на кровать и положила подсвечник рядом с собой. На всякий случай. Как говорит Микош, береженого и Скарог бережет.

Время потянулось дальше. Свечи оплыли, потекли по канделябру восковыми слезами. За окном окончательно стемнело. С кровати доносилось тихое дыхание арна. Лорд Штефан лежал неподвижно, даже не шелохнулся ни разу, только грудь его равномерно поднималась и опускалась.

Я смотрела на него, а перед глазами новые узоры вироша вились, манили за собой, уговаривали. Не выдержав, отвернула воротник, достала приколотую к нему иглу и подхватила со стола клочок рубахи. Графу эти обрывки все равно без надобности, а для меня они на вес золота. Где я еще такую тонкую ткань найду? В лавке у Горина цены кусаются, а на ярмарке все больше простые полотняные да льняные ткани продают, про батист там и не слыхивали.

Я потянула за край и принялась распускать основу — аккуратно, осторожничая и вздыхая, когда нить на волдыри обожженные попадала.

Вскоре вместо длинного лоскута передо мной кучка белых нитей лежала. Эх, раньше я бы на них и не посмотрела, матушка мне всегда шелковые нитки покупала, а когда был жив папенька, так я и золотом вышивала. А теперь...

Взяв со стола второй кусок, заправила иглу и сделала первый стежок. Перед глазами замысловатый

узор поплыл. Непонятный и странный, я таких раньше ни разу не видела, но пальцы, вспомнив былое, уже мелькали, а игла выписывала на ткани тонкие стежки. Короткие, длинные, обратные и двойные, уходящие в потайные слои и возвращающиеся с изнанки.

Свечи, которые я поменяла, растаяли до основания, слизанные жадным пламенем, а белая лента под моими руками оказалась почти полностью заполнена. Я залюбовалась готовым вирошем. Никогда так быстро не вышивала. Обычно каждый новый фрагмент приходится сутками ждать, а чтобы вот так сразу, этого даже у опытных мастериц не бывает. А тут — чудо какое-то!

Я сделала последний стежок, спрятала конец в петле возврата и вздохнула. Все. Готов оберег. Получился он таким же сложным и непонятным, как и сам арн. Осталось только место найти, куда его убрать, чтобы никто не заметил, и тогда все хорошо будет.

Я посмотрела на лорда Штефана, перевела взгляд на его портрет и задумалась. По-хорошему, вирош нужно с собой носить, тогда сила его во много раз увеличивается. А если попробовать с обратной стороны портрета оберег спрятать? Может, этого будет достаточно, чтобы беду отвести?

Я поднялась и осторожно потянула на себя раму. Картина, висящая на двух лентах, легко подалась вперед. Ага. А вот и место удобное. В украшенной резьбой раме на обратной стороне оказалась достаточно глубокая щель между деревом и холстом. Вот туда-то я оберег и засунула.

А после вернулась к кровати и села рядом с арном, взяв его за руку и сама шалея от своей смелости. Ночью, в полутьме спальни, все казалось проще. И любые мечты реальностью оборачивались. Сейчас я была не безродной немой служанкой, а девушкой из благородного, пусть и захудалого рода. И смотреть на арна могла смело, не таясь, и на запястье его, венами перевитом, браслет брачный, из серебра черненого, представлять.

Шорох, долетевший из коридора, заставил меня мгновенно выкинуть из головы глупые мечты и насторожиться. Неужели гости пожаловали?

Я повернулась к двери, привстала и уже собиралась подкрасться к выходу, но в этот момент мою ладонь сжала крепкая рука.

— Сядь, — тихо приказал лорд Штефан. Глаза его смотрели твердо, в лице не было и следа былой бледности и слабости. — Сядь на стул и сделай вид, что спишь, — повторил он, а я смотрела на него и понимала, что все то время, что считала его умирающим, арн всего лишь притворялся!

Мать-Создательница! А я тут вирош вышивала... И ладонь графа из своих не выпускала...

— Садись! — приказал лорд Штефан, подтолкнул меня к стулу и снова закрыл глаза.

Получается, решил сам убийц поймать? Думает на месте преступления их взять? Я извожусь, за жизнь его переживаю, а с ним все хорошо? Хорошо... Холод, что внутри ледяной глыбой застыл, медленно начал таять, и я такое облегчение испытала, что слезы на глаза навернулись! Пусть обманул, пусть обида где-то в самой глубине души зашевелилась, но ведь живой! Не отравили его!

В этот момент бронзовая ручка опустилась вниз, дверь медленно поползла в сторону, и я тут же склонила голову на скрещенные руки, как арн велел, и сделала вид, что сплю. Секунду-другую ничего не происходило, а потом по ногам холодный сквозняк пробежал, половицы скрипнули под чьими-то осторожными шагами, в воздухе лимонной мятой повеяло. Я приоткрыла глаза. Осторожно, из-под ресниц, так, чтобы ни арн, ни вошедший не заметили. А сапоги-то у гостя дорогие, яловые. И штаны из добротного сукна. Сразу видно, состоятельный дан. Вспомнить бы еще, у кого из гостей такая одежда, так ведь я больше к голосам прислушивалась, а на обувь внимания и не обращала. Да и как? Не под стол же заглядывать?

Неизвестный постоял немного, привыкая к полутьме спальни, осмотрелся и осторожно к кровати направился. А дальше все случилось так быстро, что я и вздохнуть не успела. Злоумышленник поднял одну из подушек, поднес ее к лицу арна, и в тот же миг оказался на полу, а лорд Штефан, соскочив с постели, склонился над поверженным врагом и насмешливо сказал:

— Безоблачной ночи, лорд Стрен. Пришли убедиться, что со мной все в порядке?

Арн говорил легко, даже беззаботно, а у меня мурашки по спине от его голоса бежали. Были в нем обманчивое спокойствие и сила звериная.

— Господарь, вы меня неправильно поняли, — попытался оправдаться наместник. — Я не хотел ничего дурного...

— Разумеется, — кивнул лорд Штефан. Он держал несостоявшегося убийцу за горло, не позволяя тому пошевелиться. — Что дурного в том, чтобы отправить своего правителя в эор?

— Ваше сиятельство, пощадите! — сдавленно выкрикнул лорд Стрен. — Я не виноват, это всего лишь недоразумение!

— Неужели? — хмыкнул арн, встряхивая наместника за шиворот, и зычно крикнул: — Валдер!

— Ваше сиятельство?

В комнату протиснулся стражник, при взгляде на которого наместник скривился и что-то еле слышно пробормотал.

— Беги за управляющим.

— Да, ваше сиятельство, — закивал Валдер и выскочил из комнаты. Дверь скрипнула, и в коридоре послышался грохот тяжелых сапог.

— Ну а мы с вами, лорд-наместник, побеседуем, — спокойно произнес граф и подтолкнул лорда Стрена к креслу.

Я вжалась в спинку стула и затаилась, наблюдая за происходящим. Только бы арн про меня не вспомнил. Уж больно узнать хочется, что наместник скажет, как объяснится.

— Лорд Крон, уверяю вас, это ошибка, — лорд Стрен вскинул голову и попытался принять независимый вид, даже воротник камзола поправил, но пальцы лорда дрожали, а в глазах плескался страх. — Я всего лишь хотел удостовериться, что с вами все в порядке.

— И исключительно для этого приложили к моему лицу подушку, не так ли? — усмехнулся арн и спросил уже совсем другим тоном: — Сами надумали от меня избавиться или приказал кто?

Голос лорда Штефана зазвучал вкрадчиво. Только вот от вкрадчивости этой еще страшнее стало. Мне даже показалось, что сейчас перед нами не арн, а его вторая ипостась. Наместник вскинул взгляд на графа. В глазах его плескался ужас, но лорд молчал. Только дыхание стало тяжелым, да на лбу крупные капли пота выступили.

— Понятно. Значит, по-хорошему не желаете, — кивнул лорд Штефан.

Он медленно обошел кресло, в котором сидел лорд Стрен, встал за спинкой и чуть наклонился вперед. Глаза его полыхнули алым, а на руках, которые легли на плечи наместника, появились длинные загнутые когти.

Я почувствовала, как к горлу подкатил комок. И руки взмокли. Мне пришлось сжать их в кулаки, но зверь почувствовал мой страх.

— Выйди, — коротко приказал лорд Штефан, бросив в мою сторону повелительный взгляд. — Бегом! — видя, что я замешкалась, рявкнул он.

Меня словно ветром со стула сдуло. Подхватившись, выскочила за дверь, прислонилась к стене и только тогда перевела дух. Похоже, не просто так арн меня выгнал. Видать, опасается, как бы я чего лишнего не услышала. Или не увидела.

Из комнаты донесся тонкий вскрик. Мать-Создательница! Неужто это наместник? Крик стал громче, переходя в какой-то всхлипывающий вой.

— Видала, что делается? — спросил Урас — лохматый, темноволосый, с виду неповоротливый детина. Он поправил висящий на поясе меч и добавил: — Ох, полетят теперь головы по всему Стобарду! Никому от расплаты не уйти.

Я вопросительно покосилась на парня.

— А ты как думала? — продолжил тот. Видно было, что ему не терпится с кем-нибудь мыслями поделиться. — Это ж не один наместник удумал, наверняка тут все замазаны. Ну да ничего! Ужо лорд Штефан всех на чистую воду выведет.

Глаза парня заблестели, и я с удивлением поняла, что дан Кражич сделал правильный выбор, поставив у дверей спальни графа именно Ураса и Валдера.

— Что? — переспросил стражник, заметив мой взгляд. — Дан Бранко велел, чтобы мы пропускали всех, кто к арну рваться будет.

Вот так. Одну меня ни о чем не предупредили, за арном умирающим ходить поставили. А он и не собирался умирать, смотрел небось, как я за руку его тискаю, да посмеивался!

И тут в голове словно молния вспыхнула. А что, если лорд Штефан и меня проверить хотел? Лежал

неподвижно, беспомощный на вид и не имеющий сил за себя постоять, и ждал, что я делать буду. Выходит, подозревает? По спине холодок пробежал. А что, если арн почувствовал осторожную магию? Нет, обычные люди ее не ощущают, но то люди, а граф... Он ведь не совсем человек.

Не успела додумать эту мысль, как в коридоре послышались шаги, а вскоре и дан Кражич появился.

— Ты чего тут стоишь? — поравнявшись со мной, спросил он.

Я знаками объяснила, что арн меня выгнал. Управляющий провел рукой по волосам и устало выдохнул:

— Иди спать, Илинка. Ты здесь больше не нужна.

Не обратив внимания на Ураса, дан открыл дверь и вошел в комнату графа.

— Не завидую я наместнику, — хмыкнул стражник. — Арн из него всю душу вытрясет, до самого доньшка, а управляющий остатки ухватит и веревку из них совет.

Он довольно улыбнулся, но тут же напустил на себя важный вид и сказал:

— Ладно, иди, нечего тут стоять. Иди, кому говорено! Чего глазами хлопаешь? Слышала, что дан Кражич сказал?

Урас приосанился и посмотрел на меня свысока, а я вздохнула, развернулась и устало побрела к лестнице.

Глава 6

Ночь кралась по коридорам замка, проскальзывала в окна, играла с лунным светом. Она заглядывала в богато обставленные покои хозяйского этажа и жалкие комнатунки слуг, подсматривала за бодрствующими и навевала сны спящим. Вот только у меня сна не было. В голове мысли роились, душу воспоминания мучили, на сердце камень лежал, и давил, давил...

То, что арн меня способной на убийство счел, жгло внутренности каленым железом. Неужто поверил, что вред причинить желала? Неужто хотел узнать, на что еще пойду, как с ним расправлюсь?

Нет, умом я его понимала, но все равно на душе было обидно и горько. Ох, какая ж нелегкая угораздила меня в графа влюбиться? Почему именно рядом с ним мое сердце бьется так сильно, как никогда прежде?

А ведь раньше я думала, что люблю Дамира. Мне нравились его поцелуи, тепло объятий, ласковые руки. И будущее виделось простым и понятным: пройдет чуть меньше года и мне исполнится семнадцать, а там и обучение к концу подойдет, и мы с Дамиром поженимся. И будем жить так, как жили отец с матушкой — мирно и счастливо, в любви и согласии. Матушка говорила, что истинные чувства такими и бывают, что они должны радость и покой в душу приносить.

А вот сейчас я совсем другую любовь узнала — мучительную, горькую, безнадежную. И безудержную. Умом понимаю все, а с сердцем сладить с каждым днем все труднее. Вижу арна, и внутри все обмирает, кажется, душу рагжу отдам, только бы он рядом был, только бы посмотрел на меня этим взглядом своим особенным, от которого у остальных волосы дыбом встают.

Я утерла мокрые щеки, поправила набитую сеном подушку и закрыла глаза. Не буду об арне думать. Не хочу. Слишком много всего на душе скопилось. Вот наступит утро, тогда и разберусь, что к чему. Нечего мучить себя мыслями тяжкими.

Ночь будто того и ждала: подобралась ближе, укрыла темными руками-крыльями, завела песню колыбельную, ту, что матушка мне в детстве пела, заурчала кошкой ласковой. И сон навеяла — яркий, правдивый, живой, из моего благополучного и счастливого прошлого.

Мне снилась родина. Широкие центральные проспекты и узкие окраинные улочки, просторные площади и белоснежная набережная, главный храм Создательницы и многочисленные церквушки и часовни. Я снова видела выложенную красным камнем площадь Архайне и затейливо украшенное каменным кружевом здание городского собрания. Ощущала тепло летнего дня, моего лица касались солнечные лучи. Они ласкали, давали жизнь и надежду, грели застывшее в вечной сырости Стобарда сердце. Ветер, долетающий с моря, нес аромат соли, водорослей и жареной кратицы — мелкой рыбешки, что в изобилии водилась в прибрежных водах. Я даже слышала громкие голоса рыбаков, латающих сети, скрип лебедек в порту, выкрики мальчишек-носильщиков и визгливый смех торговков, продающих жареную рыбу и креветок.

А потом все изменилось. Видение приморского города исчезло, ускользнуло, как мое недавнее счастливое прошлое, а меня утянуло в непроглядную темноту, в холод и мрак иной реальности, в узкие катакомбы какого-то подземелья.

Я спала. Знала, что сплю, но видение было таким реальным! И ощущения от него тоже. Руки озябли, тело покрылось мурашками, сердце стучало все быстрее и быстрее, казалось, еще немного, и оно выпрыгнет из груди. Мимо проплывали неровные стены, забранные решетками крошечные полукруглые окошки и низкие своды, а меня все несло куда-то, тянуло неведомой силой. А потом, в один миг, все прекратилось. Я ощутила под босыми ногами ледяной каменный пол и увидела огромное красное пятно. Оно мерцало на одной из стен, с каждой минутой становясь все больше. Мать-Создательница! Куда меня занесло?

Я огляделась по сторонам. Пещера показалась знакомой. Неужели Белвиль? И в тот же миг тишину нарушил знакомый настойчивый стук. Он шел из-за стены, звал меня, просил... О чем? Я не понимала. Не понимала, но чувствовала, что в этом звуке нет угрозы. В нем была мягкая мольба и что-то такое, что тянулось к моему сердцу и умоляло о помощи, как мог бы просить потерявшийся ребенок или немощный старик. Стук становился все сильнее, громче, настойчивее. И я сдалась: приложила руки к светящимся камням, закрыла глаза и попыталась рассмотреть стену внутренним зрением. Передо мной оказалась плотно переплетенная решетка. Она выглядела монолитной, но пальцы уже ощущывали призрачные квадраты, отыскивая замок. Откуда-то я знала, что он непременно должен там быть.

И я его нащупала. Тонкий, незаметный, скрытый от посторонних глаз. Он медленно растаял под моими ладонями, стена поддалась, стала мягкой на ощупь, и каким-то образом я прошла сквозь нее и оказалась в узком, похожем на длинный тоннель коридоре. Его стены и пол мягко мерцали и пульсировали в такт раздающемуся стуку. Они будто подталкивали меня вперед, заставляя идти все

быстрее, и я уже почти бежала, а проход так и не заканчивался. Он вел меня все дальше, неуклонно уводя куда-то вниз, в глубину горы, на которой стоял Белвиль.

Коридор закончился внезапно. Только что я шла по мягко пружинящему полу, и вот уже стою под сводами огромной пещеры, в центре которой находится большой неровный камень, от которого и исходит тот самый загадочный звук. Я сделала шаг, другой, а потом остановилась и огляделась.

Высокие своды терялись в темноте, напоминая купол монастырского собора, стены отсвечивали красноватым светом, в них виднелись круглые отверстия, а за ними — коридоры, точно такие же, как и тот, что привел меня сюда. А внутри камня все раздавался загадочный стук — ровный, убыстряющийся с каждой минутой, и пол дрожал под моими ногами, отзываясь на этот настойчивый звук. Он звал меня. Просил подойти и прикоснуться. Умолял. И я не смогла противиться призыву. Подошла, протянула ладонь, коснулась холодной, даже ледяной поверхности — и...

— Илинка! Вставай, на работу проспичь! — вплелся в убыстряющийся стук голос Златки. — Илинка! Ты слышишь?

Я открыла глаза, резко, не совсем понимая, что происходит, села в постели и удивленно огляделась. Вокруг была привычная обстановка нашей со Златкой каморки.

— Ты чего разоспалась? — спросила соседка и зевнула.

Она сидела на кровати и расчесывала свои густые темные волосы редким гребнем. Вид у нее был заспанный и недовольный.

Я пожала плечами. Ладони до сих пор покалывало. Неужели это был всего лишь сон? Но какой реальный...

— Ох, ну и ночка выдалась! — вздохнула Златка, откладывая гребень и ловко заплетая косу. — Да и сегодня денек не лучше будет. Вчера дознаватели понаехали, полный замок, допрашивать всех будут.

У меня внутри похолодело. Как ни готовилась, а все равно новость врасплох застала.

— Как бы беды не вышло, — не унималась Злата. — Господам-то что? Выкрутятся, как всегда, а нам отдувайся. Не слышала, где яд нашли? — спросила она. — Дан Кражич ничего не говорил?

Я отрицательно качнула головой, думая о том, успели дознаватели бумаги работников просмотреть или не до того им было?

— Если отраву в вине найдут, это еще ничего, — не унималась Златка. — А вот если в еде, так ведь всех кухонных допросами замучают. Ох, лишеньки! — пригорюнилась она. — А ну как помрет хозяин? Что ж с нами-то будет? Где работу искать?

Я только усмехнулась. Эх Златку из стороны в сторону швыряет! То допросов боится, то из-за работы беспокоится. А на арна ей плевать: выживет, не выживет — какая разница?

Я невольно сжала кулаки.

— Что? — повязывая фартук, спросила соседка, а я в который раз подивилась тому, как легко она мои мысли улавливает. — Только жизнь налаживаться стала, и на тебе! А я уж было понадеялась приданое собрать, с такими-то деньгами.

Златка расправила складки форменного платья, провела ладонями по крутым бедрам и снова вздохнула:

— Как думаешь, если арн помрет, разрешат нам одёжу себе оставить или заберут? — Потом взглянула на меня и добавила:

— Вот вроде и страшный лорд Штефан, от одного взгляда мурашки бегут, а хозяином хорошим оказался. И одел, и денег дал, да и еды больше стало, видала, сколько Богдана всего на стол выставляет? Раньше одну похлебку ели, а теперь и разносолы всякие, и мясо когда-никогда перепадает. А если арн помрет, где работу искать?

Я не ответила, продолжая раздумывать над своим ночным видением. Паница учила, что к снам нужно относиться внимательно. Иногда они вещие бывают. Может, и мой такой?

— Какая-то ты сегодня странная, — задумчиво покосилась на меня соседка. — С тобой все нормально?

Я только кивнула и принялась приводить себя в порядок. Толку что-то Златке объяснять, если сама

не понимаю, что со мной происходит? Сон этот, стук, который меня преследует, камень, под руками оживший, зов, что в сердце тонкой серебряной змейкой вьется...

Умывшись, торопливо натянула платье, заплела косы и зашнуровала новые ботинки.

— Ох, до сих пор не верится, какие платья справные нам сшили! — не унималась Златка. — Обидно будет, если отберут.

Я только вздохнула. Одежда — последнее, о чем стоит переживать, уж я-то это знала.

— О, третий удар уже! — заслышав колокол, встрепенулась соседка. — Идем, а то опять Салта орать будет.

Златка прихватила платок и потянула меня вон из комнаты.

Штефан

Замок был похож на угрюмое воронье гнездо, обитателей которого согнали с насиженного места. Дворецкий, экономка, слуги — все они суетились, дрожали за свою шкуру, боялись и одновременно сгорали от любопытства. Штефан ловил на себе жадные, трусливые взгляды и видел в них один общий вопрос: «Как же ему удалось выжить? Неужто арнам и яды не страшны?»

Он усмехнулся. Если бы так и было... Нет, он всего лишь использовал сонный корень, чтобы всех в заблуждение ввести. Нужно было создать иллюзию мнимого отравления, понаблюдать за окружающими, чувства и мысли их узнать. И ведь купились. Поверили.

Хотя разубеждать он никого не станет. Пусть знают, что хозяина не убить. Может, попыток меньше будет? Или же они станут изощреннее?

Кстати, насчет попыток. Что все-таки значит тот лоскут, что девчонка за картину спрятала? И что за символы на нем вышиты? Он таких никогда не видел. Оберег? Смертельное заклятие?

Он расправил белую ленту и разгладил ее рукой, вглядываясь в тонкую, едва заметную вышивку.

— Ваше сиятельство, а откуда это у вас? — вкрадчивый голос дознавателя Зданича заставил отвлечься от непонятных символов.

— А вы знаете, что это? — вопросом на вопрос ответил Штефан и поднял взгляд на главу имперских ищеек.

— Вы позволите?

Зданич придвинулся ближе и протянул руку, и Штефан поймал себя на том, что не хочет отдавать ему вышивку девчонки. Свербело что-то внутри, не доверяло чужаку.

Преодолев внутреннее сопротивление, он придвинул кусочек ткани дознавателю.

— Интересно, — пробормотал тот, разглядывая искусные стежки. — Полагаю, это какой-то оберег, навряд ли тех, что на побережье делают. В наших местах такие редко встретишь. Кто вам его дал, милорд?

В глазах Зданича зажегся холодный огонек, который совсем не понравился Штефану. Вспомнилась хрупкая фигурка, взгляд доверчивый, что умеет в душу заглядывать, руки, в которых игла ловко мелькает... Нет, с девчонкой он сам разберется, негоже ее этим гиенам на растерзание отдавать.

— Бывшая зазноба подарила, — хмыкнул он, забирая из рук дознавателя ленту и небрежно засовывая ее в карман. — Сказала, на удачу.

— Что ж, удача лишней не бывает, — задумчиво произнес Зданич, буравя его колким взглядом.

Ох и не любил Штефан такие взгляды! Сразу вспоминались имперские прихвостни, что при штабе армии ошивались, рожи их мерзкие, вопросы двусмысленные, без которых ни один военный совет не обходился, носы длинные, любопытные, и доносы, что императору под покровом ночи передавались. Сколько вытерпеть пришлось, сколько сил потратить, чтобы людей своих защитить. Вместо того чтобы о боевых сражениях думать, он бумажные вел, писал, доказывал, что измен в его армии нет.

Штефан прищурился, глядя на Зданича. Завелся дознаватель, почуял, что не все с оберегом гладко,

взял след.

— Так что там с ядом? — спросил Штефан, желая отвлечь ищейку.

Его люди — это его забота. Сам разберется и с девчонкой, и с лоскутом, ее руками расшитым.

— А с ядом, ваше сиятельство, не все так просто, — ответил Зданич и осторожно коснулся темного флакона, в котором остатки смертельного зелья плескались. — Зоран признался, что яд ему наместник Старкона дал, а лорд Стрен утверждает, что впервые эту склянку видит. И следов его на флаконе магический троум не выявил. По всему выходит, что предъявить наместнику можно разве что нападение на ваше сиятельство, но и это под вопросом. Любой суд учтет, что вы были под воздействием яда и вам вполне могло померещиться, что наместник хотел вас убить.

— А свидетели?

— Помилуйте, милорд, ну кто поверит слугам? — тонко улыбнулся Зданич, и Штефан в который раз пожалел, что приходится иметь дело с имперскими гиенами. У тех всегда все навыворот получается, и страдают от их произвола только слабые, а сильные да богатые откупаются, уходят от наказания и живут припеваючи.

— Значит, нападение на графа и бывшего командующего императорской армией останется безнаказанным?

В душе плеснулась горечь, и он позволил зверю выглянуть из глаз.

Дознаватель ошутимо поежился.

— Что вы, ваше сиятельство, — тут же залезбил Зданич. — Виновные обязательно понесут наказание. Вот Зоран, например. Он ведь сознался, так ему и отвечать.

Штефан задумчиво посмотрел на имперца. Что ж, значит, придется решать вопрос по-другому, без привлечения закона, так, как во время войны с врагами разбирался. Прав был Бранко — мирная жизнь ничем от привычной им не отличается, те же битвы, только оружие иное. Друг сразу предлагал не тянуть, а самим справиться, но ему захотелось посмотреть, как закон сработает. Что ж, посмотрел. И понял главное: ниточки все наверх ведут. Стрен — всего лишь пешка, исполнитель, а вот инициатор его смерти повыше сидит, и достать его сложно будет. Но он достанет. Найдет способ, уберет врага, надо только обдумать все и подготовиться.

От этой мысли на душе посветлело. Стоило принять очевидное решение, как все встало на свои места, и Штефан почувствовал, что снова управляет своей судьбой. Как ему ни хотелось остаться в стороне от дворцовых интриг, как ни надеялся скрыться от тени императора, только не выйдет уже. Нужно принимать бой. А воевать он любит. Наверное, это единственное, что он любит и умеет.

— А Зоран не говорил, чем я ему помешал? — спросил Штефан, уже спокойно глядя на дознавателя.

— Он признал, что хотел род Крон истребить, освободить Стобард от гнета господарского, — ответил тот.

— Вона как, — хмыкнул Штефан. — Освободитель, значит? Радетель человечества?

Это гиены хорошо придумали. Наместники в стороне, а виноват бунтарь-одиночка. Только вот непонятно, как отравитель в его комнату пробрался? И откуда привычки его знает?

Он посмотрел на дознавателя и поднялся из-за стола.

— Что ж, раз преступник найден, я вас больше не задерживаю. Вот, это вам за труды, — Штефан достал из ящика мешочек, в котором было пятьсот стависов, и протянул его Зданичу. — Благодарю за помощь.

— Но мы должны остаться и допросить всех слуг, — уперся дознаватель. — Может, у Зорана сообщники были, вот хоть те же лакеи или кухонные девки. Кто-то же отраву в вино добавил? И потом, мы только приехали, еще и не разобрались толком...

— Не трудитесь, дан Зданич, — оборвал его Штефан. — Думаю, дальше мы и сами справимся.

Не хватало еще терпеть в своем доме имперских ищейек дольше положенного! Знает он, как они работают. Перебаламутят весь Белвиль, поставят все с ног на голову, запугают прислугу, съедят все припасы, и никакой силой их из замка не выставишь. Нет, нужно сразу выпроваживать, пока во вкус не вошли. А со своими он и сам разберется.

Штефан тяжело оперся о стол и снова позволил зверю проявить себя, выглянуть из глаз, расцветить их алым.

— Как скажете, ваше сиятельство, — тут же покорно склонил голову Зданич.

Что ж, дознаватель ему попался опытный. Знает, когда нужно отступить.

— Вас проводят до Старкона, — сказал Штефан и позвал: — Бранко!

— Да, милорд, — в дверь тут же протиснулся Кражич.

Лицо друга было напряженным. Бранко не хуже его знал, что от дознавателей больше вреда, чем пользы, и был настороже. Стоял за дверью, сигнала ждал.

— Вели накормить наших гостей, — велел Штефан. — И выдели им сопровождение до города.

Он хотел быть уверен, что имперцы не останутся поблизости и не будут чинить препятствий с дальнейшим расследованием.

— Хорошо, — кивнул Бранко.

Друг всегда понимал его с полуслова. Чувствовал. И ни разу не ослушался, даже если и не разделял его убеждений.

— Прошу за мной, дан Зданич, — обратился Кражич к дознавателю. — Ваши люди ждут в столовой.

Штефан не сумел скрыть усмешку. Молодец, Бранко! Не позволил гиенам по дому шастать, собрал всех в одном месте, отрезал от остальных обитателей Белвила.

— Стол уже накрыт, все только вас ожидают, — выпроваживая гостя из кабинета, прогудел Кражич.

— Бранко! — дождавшись, пока узкая, обтянутая черной хламидой спина дознавателя исчезнет за дверью, позвал друга Штефан.

— Да, милорд?

— Вызови ко мне девчонку, что за мной ухаживала.

— Илинку? — в голосе друга послышалось напряжение.

— Именно, — кивнул Штефан.

— Хорошо, — после секундной паузы ответил Кражич и вышел за дверь, а Штефан достал из кармана небрежно скомканный клочок ткани, сев, расправил его на столе и принялся рассматривать искусно вышитый орнамент. Занятая вещица. Стежки все ровные, тонюсенькие, один в другой перетекающие и словно бы переливающиеся теплым светом. Он даже ощутил это тепло. Вроде и не должен бы магию чувствовать, но на миг ему показалось, что на лицо падают солнечные лучи, а в ушах звенят детские голоса и слышится шум прибоя. Значит, все-таки оберег. Правду Зданич сказал, не обманул. Вышитая удача. Да, непростая девчонка, ох какая непростая... И в замке его не просто так оказалась.

Короткий стук в дверь заставил Штефана оторваться от созерцания замысловатого узора.

— Войдите! — отозвался он и откинулся на спинку кресла, глядя, как в кабинет проскальзывает служанка.

«А поклон-то мог быть и пониже», — отметил он и тут же поймал себя на мысли, что не прочь полюбоваться прелестями юными, что в скромном вырезе платья едва видны. Но ведь видны же? И воображение будят, и в руки просятся...

Штефан нахмурился. Да что ж его на этой странной девчонке заклинило? Точно, приворожила! А иначе как объяснить, что целыми днями только про нее и думает? Стоит вон, глазами своими бездонными смотрит, душу выворачивает, а ему хочется за руку ее дернуть, подол задрать и...

— Садись, — отмахнувшись от заманчивых видений, приказал он и придвинул служанке бумагу с пером и чернильницу. — Пиши.

А в ответ — красноречивый взгляд. Что ж она так смотрит-то? Права Салта, этой и языка не нужно, все глазами скажет.

— Что писать? — озвучил он безмолвный вопрос. — Все. Кто такая, кто твои родители, как оказалась в Белвиле, откуда грамоту знаешь, где вышивать училась и зачем эту тряпицу за раму портрета спрятала, чего добиться хотела? Что застыла? — хмыкнул он, заметив, как заледенело лицо девчонки. — Пиши.

Штефан надавил голосом и придвинул бумагу еще ближе, вынуждая служанку подчиниться.

Та упрямо закусила губу, посмотрела на него с непонятым раздумьем и взялась за перо. А он наблюдал, как быстро заполняется ровными буквами лист и не мог отделаться от мысли, что где-то в глубине души хочет, чтобы объяснение оказалось правдивым, сняло все подозрения и позволило бы ему... Что позволило? Да все. На миг он представил, что можно было бы сделать с этой девочкой, с губами ее спелыми, с телом нежным, что недосказанностью дразнит, с грудью, что в вырезе платья мелькает, прелестью своей манит. Плоть тут же откликнулась, дыхание потяжелело, и зверь насторожился, подошел ближе, принюхался, заворчал неодобрительно. Рагж!

Штефан, не отрываясь, смотрел на склоненную головку, на ровный пробор, на тяжелые косы, что до самой талии спускались, и ему хотелось снять вплетенные в них веревочные завязки, растрепать темные локоны, в губы сочные впитаться, выпить их сладость, вкус распробовать...

Девчонка, словно прочитав его мысли, оторвалась от бумаги и подняла взгляд — такой чистый и безмятежный, что он тут же мысленно отвесил себе затрещину. Нашел о чем думать! Мала она еще, чтобы голод зверя выдержать. Тому бабы крепкие нужны, сильные, опытные, которые знают, чего от них мужчина хочет, и готовы страсть разделить, не осторожничая. А с девицами одна маета да глупые сантименты. Разве сможет эта девчонка дать ему то, чего он ждет? Разве сумеет понять, что он чувствует, на что надеется?

Штефан посмотрел на бумагу.

— Написала? — нарочито грубо спросил он, пытаясь избавиться от непонятого притяжения. — Давай сюда.

Лист оказался у него в руках. И снова он поразился, что безродная служанка грамоте обучена и изъясняется складно, не задумываясь, и мысли легко в слова превращает.

— Значит, ты сирота, выросла при монастыре из милости? — пробежав глазами по ровным строчкам, спросил он. — И монахини тебя читать и писать научили. А вышивка? Тоже научили? Это где ж такие сестры добрые, что задарма крестьянскую девку во все премудрости посветили?

Взгляд синих глаз потемнел. Понятно, сердится. Не хочет тайны свои раскрывать. Но и он отступить не намерен.

— Или ты не крестьянка?

Ишь, как головой замотала. А косы-то так и скачут за спиной, в руки просятся...

Штефан и сам не заметил, как пальцы потянулись к темным змейкам. А они ведь и на ощупь, как живые. Гладкие, что шелк, тяжелые. Он провел ладонью по всей длине, коснулся мягких завитков на шее, спустился к плечу... А девчонка под его руками замерла вся, застыла, затаилась, даже дышать перестала. И взгляд на него вскинула, а в нем... Ох, и ударило его, закрутило, утянуло в глубь синюю!

Забыл, о чем спрашивал, обо всем забыл, утонул в глазах колдовских-погибельных! Еще немного, и...

— Уходи, — пересилив себя, просипел он. — Убирайся!

А на руках уже когти появляются, и зверь под кожей бьется, рычит, крови требует... Штефан едва сдержался. Из последних сил оттолкнул девчонку к двери и рявкнул:

— Вон пошла!

И та наконец очнулась от своего ступора, дернулась, как от пощечины, и из кабинета выскочила.

Штефан вздрогнул. Грохот захлопнувшейся двери резанул по сердцу и привел его в чувство.

Рагж... Что с ним не так? Никогда раньше не терял контроль над зверем, а как приехал в родовой замок, так сладить с ним не может, будто взбесился страж его, с ума сошел. Или это он? Он с ума сошел? А как еще назвать то, что в душе и в сердце творится?

Штефан с силой потер лоб, пытаясь избавиться от навязчивого видения ладной фигурки, лица чистого, глаз прозрачных. И ведь все насмарку, толком и допросить не смог, забылся. Как заглянул в синь бездонную, так и пропал.

Он выругался и смял исписанную аккуратным почерком бумагу, но потом одумался. Расправил, даже руками разгладил и снова вчитался в ровные строчки.

Я сирота, подкидыш, воспитывалась при монастыре из милости. Когда подросла, сестры обучили меня своему искусству, и я помогла им вышивать обереги на продажу. Три года назад монастырь сгорел, матушка настоятельница погибла, сестры разошлись по другим обителям, и я осталась одна. Сначала перебивалась случайными заработками, жила на улице, а потом добрые люди подсказали, что в Алмазном краю можно работу найти. Я в обоз напросилась, что в Стобард отправляюсь. А уже оттуда в замок пришла. А вам оберег вышила, потому что помочь хотела, за жизнь вашу испугалась.

Штефан хмыкнул. По виду правдиво, но внутри все равно сомнение гложет, не дает поверить в слова складные, бесхитростные. Но и во лжи ее не уличишь! Молчит девчонка, ни слова из нее не выжмешь. Ни звука. И ведь не притворяется. Он тогда специально руку ей вывернул, проверить хотел, закричит или нет. Не закричала. Побелела вся, губу прикусила и глазищи свои на него подняла, а там... Он поморщился. Нет, не сможет он больше боль ей причинить. Вроде в плече у нее хрустнуло, а ножом у него внутри полоснуло. Вот и пойми с чего. Не иначе, магия какая. Недоговаривает служанка. Не просто она обереги вышивала, видать, и наговоры знает. Да и как не знать? В приморских монастырях издавна две веры исповедуют: имперскую и местную, древнюю, от дедов и прадедов идущую. А та и наговорами богата, и шептаньями, и приворотами незаконными. Наверняка девчонка не один из них в памяти хранит.

Он отложил бумагу в сторону и задумался. Невеселое ему наследство досталось, маетное. Дворецкий с экономкой мутные, что твое болото, слуги себе на уме, стража — сброд сплошной, ни на что не годный. Выгнать бы всех к рагжу, да ведь где лучших взять? И жалко их, дурней. Сколько лет в замке болтаются, считай, частью Белвиля стали. Правда, это не помешало кому-то из них смерти ему желать.

Штефан откинулся на спинку кресла и уставился в окно. Утренний туман уже рассеялся, оставив на стекле мелкие капли. Попробуй сосчитай. Трудная задачка. Вот и ему непросто все ниточки воедино свести. Рука потянулась к перу. Штефану всегда лучше думалось, когда он мог записать свои подозрения, воочию их увидеть. Он перевернул лист, на котором служанка признание свое писала, и принялся набрасывать имена. Стрен, Зоран, Лершик, Салта... Каждый из них мог желать ему смерти. И каждый имел возможность подсыпать яд в вино. Только вот незадача. Вино отравили не за обедом, а в его покоях, а туда посторонним ходу нет, значит, у Стрена и Зорана сообщник был, из местных, который и привычки его знал, и время удобное.

Штефан замер. Вспомнилось, как рыхлая копна к нему приходила, убедиться хотела, что он не выживет, как вопросами девчонку донимала, с каким затаенным нетерпением на него посматривала. А ведь не иначе как разведка была. Увидела, что слаб он, при последнем издыхании, и к наместнику побежала. Бранко выполнил его приказ, отпустил всех именных гостей по комнатам, а сам в столовой слуг и мелкий люд допрашивал. Вот Стрен и повелся, рискнул дело черное сам довершить. Видать, сильно припекло, раз свидетелей не побоялся. Или... Неожиданно вспомнилось, с какой настойчивостью Салта девчонку в его покои посылала, и мысль забрезжила. А ведь нашли бы, на кого вину свалить. Кто в комнате арна убирался? Кто мог отраву подсыпать? Служанка. Это она яд пронесла, больше некому. А ухаживал за умирающим кто? Опять же, девчонка немая. Она и придумала арна, по злобе своей да скудоумию.

Штефан поморщился. Ловко придумали. Получается, Стрен яд Зорану дал, тот с Салтой договорился, а та его в покои провела. Или сама отраву сыпанула, тут по-разному может быть.

— Валдер! — позвал он.

— Да, милорд? — просунулась в дверь веснушчатая физиономия стража.

— Иди проследи, как дознаватели уедут, вернешься и доложишь.

— Слушаюсь, милорд.

Физиономия исчезла, а он снова разгладил на столе вышитую ткань. Выходит, пожалела его девчонка. Пожалела... Штефан потер лоб. Странное ощущение. Незнакомое. Надо же, больше сорока лет на свете прожил, и никто его не жалел, а тут-девчушка, пичуга мелкая, что она в жизни понимать может? А поди ж ты...

Стук в дверь прервал его размышления.

— Ваше сиятельство, уехали дознаватели, — протиснулся в комнату Валдер. — Дана Зорана забрали и уехали.

Парень замер у входа, глядя на него преданным взглядом. Все-таки у Бранко поразительный нюх на подходящих людей. Штефан всегда доверял чутью друга, и то еще ни разу не подвело. Вот и в Белвиле среди всех Кражич с самого начала троих выделил: Валдера, Ураса и... девчонку. Вот так.

— Приведи ко мне Салту, — велел он стражнику и снова коснулся рукой оберега.

— Слушаюсь, милорд.

Что ж, пришла пора проверить свои догадки. Он махнул рукой, отпуская стражника, поднялся из-за стола и подошел к окну, так и не выпуская из рук вышитого лоскута.

Парень исчез, а Штефан уставился на угрюмую зелень растущих внизу грабов. Ничего. Теперь от него никто не уйдет. Всех достанет: и наместника, и прихвостней его, где бы те ни находились.

Илинка

Я сидела в кабинете управляющего и смотрела на лежащие передо мной учетные книги. Ровные колонки цифр, твердый, угловатый почерк, короткие сокращения и непонятные закорючки в углу — дан Кражич велел провести подсчеты за прошедшую седмицу, но я никак не могла заставить себя сосредоточиться. Все мысли были только о вчерашнем происшествии.

Я думала об арне. О его подозрениях и недоверии. О пламени алом, что в глазах разгоралось. И о руках, что на моих плечах замерли. Ночь прошла, а я до сих пор прикосновения графа чувствовала, будто следы горячие на коже остались. И внутри обмирало все при одном воспоминании о том, как арн на меня смотрел. Раньше я такие взгляды уже видела. У Дамира.

В памяти всплыли шальные темные глаза, широкая улыбка, ямочка на подбородке. Все-таки удивительно жизнь устроена. Когда-то я думала, что влюблена в своего кузена. Ждала редких встреч, радовалась его приездам в монастырь и до слез смущалась, когда Дамир пытался меня поцеловать. А жених смеялся и говорил, что маленькая я еще, неопытная, ничего о настоящей любви не знаю. Ох и сердилась же я на него! Еще бы! В шестнадцать лет я казалась себе такой взрослой. Разве можно меня с несмышленищем сравнивать? Многие мои ровесницы уже замуж выйти успели, а я чем хуже? Могу хоть завтра под венец пойти!

Я подперла щеку кулаком и вздохнула. Прав был Дамир. Ничего-то я тогда не понимала ни в себе, ни в людях, ни в чувствах, что до самого доньшка испепелить способны. Пришла ко мне любовь, да не так, как думалось. Зверем диким в душу заглянула, сердце в полон взяла, болью и горечью напоила, отравой сладкой в тело проникла. И не избавиться от нее, не закрыться, не спрятаться. Вижу арна — и обмираю вся. И хочется в глаза его, не отрываясь, смотреть. И губами губ коснуться. И руками от всех бед защитить. Ну как снова убить попытаются?

Не верила я, что все закончилось. Не могли чужаки сами все повернуть, не сумели бы, не справились. Помогал им кто-то из местных. Но кто?

Я попыталась вспомнить, кого вчера рядом с комнатой арна видела. Дан Кражич заходил, Минка на хозяйском этаже ошивалась, а больше никого и не было. Только Салта туда-сюда таскалась, будто ей заняться нечем. Перед глазами возникло оплывшее лицо домоправительницы, и я замерла от неожиданности. А с чего это старшая в покои лорда Штефана зачастила? И зачем настаивала, чтобы я тоже там была? Уж больно настойчиво она меня убираться у лорда Штефана заставляла, даже гнева его не побоялась.

Я задумалась. И чем дольше думала, тем страшнее мне становилось. А ведь, похоже, история повторяется, и на меня снова собирались убийство повесить. Вот для чего Салта меня выбрала. Вот почему арна бояться перестала. Знала, что недолго тому править.

У меня внутри все похолодело. Лорд Стрен уехал из замка, Зорана дознаватели с собой увезли, но ведь старшая здесь осталась! Что помешает ей довершить начатое?

Я вскочила из-за стола и кинулась к двери, но на полдороге опомнилась, вернулась и набросала на бумаге свои подозрения. А потом вылетела из кабинета и помчалась к лестнице, что на хозяйский этаж вела.

— Илинка! — неожиданно послышался громкий оклик. — Ты куда так бежишь?

Я оглянулась и уткнулась в широкую грудь Владко. Тот вырос словно из-под земли и заступил мне дорогу, не пуская к лестнице.

— А я тебя везде ищу! — пробасил лакей, и его круглое лицо осветилось улыбкой. — Уже и на кухне был, и в людской.

Я махнула рукой, в которой была зажата бумага, и попыталась обойти Владко, но тот и не думал

отступать в сторону.

— Да погоди ты! — хмыкнул он. — Меня дан Кражич за тобой послал, велел привести.

Я вопросительно посмотрела на лакея.

— Да почему же я знаю зачем? — пожал могучими плечами Владко. — Ты ж у нас теперь правая рука управляющего, мало ли чего ему от тебя понадобилось?

Лакей подтолкнул меня к выходу, но я не двинулась с места. Дан Кражич подождет, мне бы арна предупредить.

— Илинка, не дури, дан управляющий ждет, — в голосе парня послышалось нетерпение. — Куда ты собралась?

Я попыталась объяснить, что к арну иду, но Владко не захотел разбираться в моих торопливых жестах.

— Ничего не знаю, у меня приказ управляющего, велено найти тебя и привести, — ухватив за плечо, заявил лакей и потащил прочь из замка. — Да не упирайся ты, — уговаривал он. — Успеешь еще к хозяину. Узнаешь, чего дан Кражич хочет, тогда и пойдешь.

Я только вздохнула. Придется управляющему бумагу отдать, пусть сам к арну идет и с Салтой разбирается. На душе стало тоскливо. Я так надеялась еще раз увидеть лорда Штефана, заглянуть в его глаза, предупредить... Да что там? Мне просто хотелось быть рядом с арном, дышать одним с ним воздухом, знать, что все хорошо.

— Да, Илинка, вот и выбралась ты из грязи, — идя по двору, разглагольствовал Владко. — Хорошо вам, бабам. Титьки вывалили, задом покрутили — и считай, дело сделано, добились своего. А нам потеть и рисковать приходится, чтобы в люди выбиться.

Он посмотрел на меня и добродушно усмехнулся.

— А что, Илинка, нравится тебе дан Кражич? — спросил лакей.

Я неопределенно дернула плечом.

— Да ты не смущайся, я же вижу, как наши бабы на него пялятся. Мечтаете небось в полюбовницы к нему попасть. А от нас носы воротите. Вот хоть Милку взять. Раньше ко мне по ночам бегала, а сейчас в мою сторону даже не смотрит.

Владко нахмурился, и его простодушное обычно лицо стало выглядеть старше, жестче, в нем появились какие-то незнакомые черты, и мне неожиданно стало не по себе. Незнакомец, что шел со мной рядом, будил в душе забытое уже чувство опасности. Как он сказал? На кухне меня искал? Но ведь управляющий знал, что я в его кабинете. Если бы он послал лакея...

Я почувствовала, как внутри все похолодело. Мать-Создательница! Вот оно, недостающее звено преступной цепочки! Вот кто с бандитами заодно был!

Я с отчаянием покосилась на спуск в подземелье и попыталась вывернуться из крепкого захвата, но Владко не позволил.

— Иди уже, не ерпенься, — грубо буркнул он. — Одна маета с тобой.

Лакей больно сжал мое плечо и с силой толкнул в открытую подвальную дверь. Я не удержалась на ступеньке и рухнула вниз, в сырую тьму. Последнее, что запомнила, это кривую усмешку, перекосившую широкое лицо Владко.

Штефан

Он смотрел на стоящую напротив домоправительницу и испытывал желание сжать толстую жабью шею старухи и заставить Салту умолкнуть.

— А я же вам и говорю, милорд, вы к этой безъязыкой получше приглядитесь. Уж больно девка подозрительная, — частила мерзкая баба, а он все больше утверждался в собственной неприязни к этой рыхлой копне.

Нюхом чуял, что-то она скрывает. Глазки черные так и бегают, губы лживые дрожат, и улыбка на

них жалкой и неискренней выглядит.

— А в тот день она все в комнате вашей крутилась, — не умолкала домоправительница. — Я данам дознавателям так и сказала, что это она вам яд подсыпала. А кто ж еще? Видит Скарот, больше некому!

— А с чего ей меня убивать? — спросил Штефан.

Он наблюдал за Салтой, обдумывая не ее слова, а то, что за ними скрывалось.

— Ох, милорд, дак ведь деньги лишними не бывают. Видать, заплатили ей, хорошо заплатили, — маленькие глазки домоправительницы алчно сверкнули. — А девка безродная, неблагодарная, вот и польстилась.

Копна продолжала говорить, а он смотрел на нее и представлял, как медленно сворачивает противной бабе шею. Ложь. Все ложь. От первого до последнего слова. Ох и оставил дед наследство! Змеиный клубок, а не прислуга.

— К тому же пришлая она, — заливалась домоправительница. — А от пришлых завсегда одни беды, ко всякому злу они приучены. Кормишь их, поишь, а вместо благодарности — злоба стылая. Вы вот, ежели сомнения развеять хотите, вызовите гадюку, да и спросите прямо, чего она в ваших покоях делала, — предложила Салта, и в ее взгляде мелькнуло что-то, отчего в душу закралось неприятное предчувствие. И лицо девчонки вспомнилось, ресницы длиннющие, синь, из-под них выглядывающая.

— Что ж, и спрошу, — кивнул он и дернул шнур звонка, вызывая камердинера.

— Ваше сиятельство? — возник на пороге худошавый, похожий на сучковатую жердь слуга.

— Найди Илинку и приведи ее сюда, — велел Штефан.

— Слушаюсь, милорд.

Слуга исчез, а мерзкая баба снова завела свою песню о том, какие все вокруг неблагодарные. Штефан слушал ее, но мыслями был далеко. Что-то свербело в душе, тревожило. И даже расследование больше не волновало. То, что домоправительница в покушении замешана, он уже не сомневался. Как и в том, кого она на роль «отравительницы» выбрала. Он не торопился ее обличать, ждал подходящего момента, но и сам не заметил, как все это отошло куда-то в сторону. Девчонка... С ней что-то не так. Слишком уж уверенно Салта себя ведет... Слишком... Рагж!

Он рывком поднялся с кресла, и в тот же миг дверь кабинета открылась и показался Данко.

— Простите, милорд, — испуганно проблеял слуга. — Но Илинку с утра никто не видел.

Проклятье! Вот что ему покоя не давало! Живой этим выродкам девчонка не нужна!

— Я же говорила, милорд! — торжествующе выпалила Салта. — Это она отраву подлила, потому и убегла! Испугалась, что...

Договорить копна не успела. Штефан одним прыжком оказался рядом с домоправительницей, сжал ее толстую шею и рывком:

— Где она?

Копна захрипела, забила в его руках, а Штефан сжимал их все сильнее, заставляя мерзкую бабу ответить.

— Говори, где девчонка? Что вы с ней сделали?

— М-милорд... — просипела Салта.

— Ну? — чуть ослабив хватку, спросил он.

— Я ни при чем! — клацая зубами от страха, проблеяла домоправительница. — Это все Лершик! Это он! Он меня надумил!

— Где Илинка?

— Я скажу, все скажу, — захлебывалась и глотала слова Салта. — Меня заставили! Я не хотела! Я только проучить ее собиралась, а они...

— Да ты скажешь, наконец, куда девчонка делась? — не выдержал Штефан и крепко стиснул пухлое

плечо домоправительницы.

— В подвале она! Владко ее запер, — зачастила Салта. — Ему Лершик велел! Он всем тут заправляет, рагж старый, крутит, как хочет, никто ему не указ! С бандитами дружбу водит, и начальник стражи с ним в доле, вместе свои делишки проворачивают. Я вам все расскажу, ваше сиятельство, всю правду! — торопилась сдать подельников Салта, но Штефану было не до ее запоздалых откровений.

— Девчонка жива? — появившиеся когти вспороли обвислую кожу копны.

— Я не знаю! — взвизгнула Салта. Колени ее подогнулись и она стала заваливаться на бок. — Ох, плохо мне... Помираю!

— Прекращай представление, — Штефан грубо дернул бабу за шиворот и заставил встать ровно. — Пошли, — толкнул он ее к двери. — Покажешь.

— Милорд, я не виновата, — семена к выходу, причитала домоправительница. — Мне угрожали! Меня заставили...

— Заткнись! — не выдержал Штефан.

Он больше не мог слушать противный голос. Внутри все черной злобой наливалось, хотелось придушить мерзкое отродье.

— Да, милорд, как вам будет угодно, милорд, — всхлипывая и икая от страха, проныла копна.

Она выкатилась из комнаты, Штефан вышел следом и подозвал Валдера.

— Найди дана Кражича, пусть возьмет людей и идет в подземелья, — вполголоса велел он стражнику. — И Владко пусть найдет и с собой приведет.

— Слушаюсь, милорд, — кивнул Валдер и кинулся выполнять его поручение.

— А ты иди давай, — Штефан подтолкнул домоправительницу к выходу. — Показывай, где девчонку закрыли.

Салта покачнулась и попыталась упасть в обморок, но Штефан был настроен решительно.

— Ты мне эти бабьи глупости брось, — резко сказал он и снова встряхнул домоправительницу за шиворот. — Пошла! — приказал он, и копна бодро потрусила к лестнице.

Илинка

Я открыла глаза. Голова пульсировала болью, по шее текло что-то холодное и липкое. Вокруг было темно и сыро, а воздух казался затхлым. Что за лиховщина? Рука нащупала в кармане сложенную записку, и тут ко мне вернулись воспоминания о Владко, о злобной усмешке, перекосившей его широкое лицо, об обмане, которым он меня из замка увел. И все встало на свои места. Выходит, бросили меня в подземелье, заперли. Непонятно только зачем? Спрятать хотели? Или избавиться?

Я вытерла ладонью густую струйку, бегущую по виску, и поморщилась. Видать, хорошо о пол приложилась. До сих пор голова гудит и кружится и мушки белые перед глазами плывут. А главное, поди узнай, сколько я без чувств провалялась? День сейчас или вечер? А может, ночь уже?

Я пошарила вокруг, пытаюсь понять, где нахожусь, нащупала каменную кладку, осторожно села и прислонилась спиной к ледяной стене. Дышать стало легче. Ну, Владко! Вот, значит, кто у наместника в пособниках ходил! А ведь таким добреньким прикидывался, сроду бы на него не подумала. Как он меня бежать уговаривал! Выходит, уже тогда подставить хотел. Дознаватели разбираться не стали бы — раз из замка скрылась, значит, виновна. И тут меня словно ледяной водой окатило. А ведь все решат, что это я арна отравить пыталась, а как не вышло, так в бега подалась. От этой мысли стало так больно, что я ударила кулаком по неровному полу. Рагж! А ежели лорд Штефан тоже поверит?

Сердце вздрогнуло и затарахтело так, что его грохот в ушах отдавался, дыхание зачастило, сбилось. И захотелось арна увидеть, объяснить, что ни при чем я, что зла ему не желала, что это Салта с Владко отравить его хотели! Мысль, что граф меня виновной сочтет, была слишком мучительной. Не смогу я с таким грузом на душе жить. Не выдержу.

Рывком разогнувшись, поднялась и оперлась о стену, переживая головокружение. Нужно

выбираться. Не собираюсь я тут сидеть и ждать, пока вражины решат, что со мной делать. Глаза потихоньку привыкли к темноте, и я медленно двинулась вперед. Шаг. Еще один. И еще... Казалось, дело пошло на лад, но тут ноги подкосились, пол оказался слишком близко, прыгнул ко мне, подхватил обессиленное тело, и я сама не заметила, как растянулась на холодных камнях. По щекам покатились слезы — от боли, от обиды, от собственной беспомощности. Что ж я, совсем непутевая? Наверху, в замке, мое доброе имя с грязью мешают, а я тут разлеглась и встать не могу?

Нет уж. Ничего у злодеев не выйдет. Не собираюсь я их грехи на себе нести!

Я встала на четвереньки, дождалась, пока голова перестанет кружиться, поднялась и медленно, осторожно, останавливаясь и отдыхая, двинулась вдоль стены. Эх, сейчас бы факел! Или огниво. А то ведь в этой крошечной темноте и не поймешь, куда идти и в какой стороне выход. Руки нащупывали шершавый камень, ноги спотыкались о неровные плиты, где-то вдалеке раздавался тихий звук падающих капель. Я шла на этот звук, стараясь не думать о том, как буду выбираться из запертого подвала. Главное, до двери дойти, а там уж чего-нибудь придумаю. Греметь буду, ногами колотить, руками, но выберусь.

Стук капель приблизился, стал чуточку громче. Я попыталась идти быстрее, но тут же запнулась и едва не упала. Хорошо, за выступ стены уцепилась. Отдышавшись, снова двинулась вперед.

Сколько так шла — не знаю. Время под землей тянулось иначе, чем на поверхности, трудно было сказать, минута прошла или час. Я брела, потеряв представление о том, как долго уже иду, и почти отчаялась, когда дорогу мне преградила выложенная из песчаника стена. Я не помнила, чтобы в тех залах, которые видела в прошлый раз, были такие стены. Душу захлестнул страх. А что, если не сумею выбраться? Что, если не найду выход?

Отчаяние придало сил, и я снова двинулась вперед, вдоль шершавой на ощупь стены, убеждая себя, что рано или поздно она закончится. Время шло, а стена все тянулась и тянулась, сворачивала куда-то и вновь выпрямлялась, пока я не поняла, что хожу по кругу. Вернее, не по кругу, а по периметру большого каменного мешка, из которого не было выхода.

Испугавшись, я ускорила шаг, торопясь убедиться в своей правоте, и наткнулась на узкую, почти незаметную щель, наглухо закрытую досками. Мать-Создательница! Это что же, меня тут замуровать решили? Как крысу?

Перед глазами все поплыло. Я прислонилась к камням, пережидая слабость, а потом принялась колотить по деревянной преграде, пытаюсь ее выломать.

Если бы это было так просто! Прибита она оказалась на совесть и стояла намертво.

Давай, Илинка, думай! Должен быть какой-то выход! Нельзя просто так сдаваться.

Я закрыла глаза, глубоко вздохнула, стараясь прогнать панику, и представила, что смотрю на вышивку. Если это в комнате у арна сработало, может, и здесь поможет?

Темнота ожила. Она больше не была пустой и вязкой, нет. Все пространство вокруг мерцало красными нитями, похожими на жилы, наливалось силой, дышало. Нити тянулись по стенам, пульсируя и мерца, и я внезапно поняла, что уже видела подобное. Там, в моем сне. Я коснулась одной из жил и почувствовала под ладонью тепло. Казалось, камень ожил. Он тонко звенел под моей рукой, торопил, звал за собой.

Прислушиваясь к этому зову, я двинулась вперед. Нити сплетались и расходились, их становилось все больше, они выступали из стены, и мне казалось, что я очутилась внутри какого-то гигантского животного. словно бы гора, на которой стоит Белвиль, и не гора вовсе, а разумное существо, которое живет, дышит, мыслит и принимает решения. Я не знала, доброе оно или злое, не понимала, почему слышу его зов, но надеялась, что эта неведомая сила мне поможет.

Между тем нитей стало так много, что они почти полностью заполнили стену, скрыв ее под плотной канвой. Они шевелились, словно живые, манили, вели меня за собой. А потом я почувствовала его. Замок. Тот самый, из моего сна. И стена поддалась, прогнулась, пропуская меня вперед и выводя в длинный круглый коридор, подсвеченный алым мерцанием. Дальше все было знакомым: пещера, огромный пульсирующий камень, тихий равномерный стук. Он снова звучал у меня внутри, просил, умолял, требовал. И я сдалась. Подошла к камню, приложила к нему ладони и замерла, сраженная тем, что увидела. Внутри, в самой сердцевине, виднелась огромная плита — древняя, отполированная до блеска, похожая на те, что когда-то давно для жертвоприношений использовали. Вокруг нее стояли курильницы с дымящимся фимиамом, а в воздухе, прямо над плитой, парил большой изогнутый нож.

«Помоги!» — услышала я беззвучный крик, и в душе что-то дрогнуло, отозвалось на этот призыв. Я снова закрыла глаза и попробовала посмотреть на камень внутренним зрением. Преграда исчезла. Я протянула пальцы к сверкающему ножу, коснулась криво изогнутой ручки, и... в ту же секунду

какая-то неведомая сила отбросила меня назад, поволокла и выкинула из тоннеля, и я очутилась в том самом каменном мешке, в котором меня оставил Владко.

Штефан

Он торопился. Тащил по двору мерзкую бабу, а сам ругал себя на чем свет стоит. Не уследил. Подставил девчонку под удар, не подумал, что на ней отыграться могут. А этим тварям все мало. Не смогли его извести, так за служанку взялись, ни в чем не повинную душу погубить решили.

Штефан скрипнул зубами. Рагж! За то время, что его не было, Белвиль превратился в настоящее змеиное гнездо. Не замок предков, а вертеп разбойников!

Он завернул за угол и вышел к спуску в подземелье. Дверь в подвал была распахнута. Плохо. Значит, где-то в тайных ходах девчонку закрыли, а их под замком столько, что и за сутки не обойти. Дед когда-то показывал ему старые замковые коридоры, но предупредил, что большинство из них ловушками да тупиками заканчиваются.

Штефан нахмурился.

— Ну? — встряхнул он Салту. — Где девчонка?

Копна испуганно охнула, но ответить не успела.

— Ваше сиятельство! — послышался голос Бранко. Звучал он так радостно, что Штефан удивленно оглянулся и увидел торопливо пересекающего двор друга. — Ваше сиятельство, парни наши приехали, — подходя ближе, доложил Бранко, и он почувствовал, как на душе, впервые за последние дни, светлее стало.

— Где они?

— На конюшне, лошадей распрягают.

Друг кивнул на Салту и спросил:

— А с этой что? Чего она как студень трясется?

— Бери парней и бегом в подземелье, — не ответил на его вопрос Штефан. — Эти изверги девчонку там заперли.

— Илинку? — потемнел лицом Бранко.

— Да. Ты Владко нашел?

— Нет его нигде. Стражники ищут.

— Плохо, — процедил Штефан, снова почувствовав навалившуюся тьму. — Ладно, иди за парнями, а я пока сам...

Он не договорил, толкнув домоправительницу к спуску в подвал.

— Я быстро, милорд, — откликнулся Кражич, но Штефан его уже не слышал. Вслед за Салтой он спустился в подземелье и зажег прихваченный с собой факел.

— Ну? Где она?

Он огляделся по сторонам.

— Я не знаю, милорд, — задыхаясь, проныла баба. — Это Лершик с Владко, я ни при чем. Не знаю я, где они девку закрыли!

Штефан посмотрел в лживые черные глаза. Правда не знает? Или врет?

В этот момент со стороны входа послышался шум, и в подземелье ввалилась толпа.

— Безоблачного дня, ваше сиятельство! — раздался могучий бас Давора, старого верного друга, прошедшего с ним бок о бок всю войну.

— Добрались-таки, — улыбнулся Штефан.

Он обвел взглядом шестерых воинов, что заполнили полутемный зал, и ощутил, как тепло стало на душе. Сам не думал, что так обрадуется, когда знакомые лица увидит.

— Парни, а командир-то на освещении экономит! — ехидно протянул Гойко — его бывший ординарец и первый балагур полка. — Видать, зря Бранко двойную плату обещал, поди, обеднел наш граф, гостей в темноте встречает!

— Да, непорядок, командир, — поддержал друга Славен. — Мы думали, нас с дороги застолье ждет и банька горячая, а тут, похоже, опять воевать придется?

— А ты рассчитывал, что я вас зову на перинах бока отлеживать? — усмехнулся Штефан и, раскинув руки, направился к Славену. — Где ж вас рагж носил, когда вы мне так нужны? — обнимая друга, спросил он.

— Так мы, ваше сиятельство, и рады бы раньше приехать, да мост через Дрину смыло, пришлось в объезд скакать, через Гацлов, — ответил Славен. — А там дорога не ахти, еле из болот Краденских выбрались.

Штефан кивнул. Знал он тот путь. Извилистый и почти непроходимый, по топям да по лесам дремучим.

— Ладно. Про ваши злоключения потом расскажете, — сказал он. — Бранко, бери Вука и Станко и возвращайтесь в замок. Нужно Владко найти. А мы пока подземелье обыщем.

— А чего ищем-то, командир? — посерьезнел Гойко, и его худое лицо заострилось, а оттопыренные уши стали казаться еще больше.

— Девчонку, — ответил Штефан и пояснил: — Она немая, ответить нам не сможет, поэтому будьте внимательны. Давор, иди с Бранко, возьми факелы и возвращайся. А мы пока вперед пойдем.

— С этой что делать? — спросил Кражич, указывая на Салту.

— Запри в пустой комнате наверху, пусть посидит, потом с ней разберемся.

— Милорд, я не виновата! — завывала молчавшая до этого копна. — Нет на мне греха, наговоры одни! Я вам верой и правдой служила, это они все, душегубы проклятые!

Она упала на колени и поползла к Штефану.

— Простите, милорд, рагж попутал, послушалась упырей проклятых! — хватая его за ноги и целуя сапоги, причитала Салта. — Пощадите, не губите душу невинную!

— Пошла прочь, — едва сдержавшись, чтобы не отшвырнуть мерзкую тварь, сказал Штефан.

— Ну, слышала, что милорд сказал? — Бранко поднял бабу на ноги и пихнул кулаком в толстый бок. — Иди давай!

Друг ухватил Салту за шиворот и поволок к выходу, а Штефан, подняв факел повыше, двинулся вперед, в темноту подземелья.

Илинка

Время остановилось. Я не знала, сколько уже нахожусь в проклятом подвале. Руки и ноги давно окоченели от холода, но мне было все равно. Поначалу я еще пыталась двигаться, но сил оставалось все меньше, а голова болела все сильнее, и мне пришлось сесть на пол и привалиться спиной к ледяной стене.

Тихий стук капель действовал усыпляюще. Глаза сами собой закрывались. Я знала, что спать нельзя, понимала, что могу не проснуться, и пыталась бороться со сном, но веки тяжелели, и с каждой минутой мне было все сложнее удерживать сознание.

«Спи-спи, — слышалось в тихом перестуке. — Спи-спи...»

Эта песня воды заставляла расслабиться и забыть обо всем: и о нависших надо мной обвинениях, и о страхе, и о собственной жизни. Сил оставалось все меньше, сердце билось медленно, почти неслышно, и постепенно скованное холодом тело погружалось в сон.

«Спи... Закрой глаза и усни, оставь позади тревоги и страх...»

Темнота больше не была врагом, она стала заботливой подругой, обнимала невесомыми руками, укачивала и шептала слова колыбельной. Той самой, что пела мне матушка.

В чистом поле деревцу До зари не спится. В чужедальние края Разлетелись птицы. И не вьют они гнезда На ветвях упругих, Хлещут дерево дожди, Гнет лихая вьюга...

Знакомые с детства слова звучали внутри, проникали в сердце, убаюкивали. И лишь где-то на самом краю сознания раздавался еще один голос. Хриловатый, низкий, встревоженный.

— Илинка! Где ты? Отзовись!

Я слушала его, поражаясь вывертам собственной фантазии. Все-таки правильно Паница меня мечтательницей называла. Еще недавно браслет брачный представляла, а теперь вот и голос арна слышу, и беспокойство, что в нем звучит.

Мысли были вялыми, неповоротливыми. А стук капель усыплял, обещал, что скоро мне не будет больно, что все мучения останутся позади...

— Илинка! Где ты, девочка?

Почему арн так взволнован? Что его расстроило? Ему не нужно расстраиваться. Я ведь рядом и никому не дам его в обиду, оберегом укрою от врагов, нитями удачи оплету, наговорами светлыми путь жизни выложу.

Внутри шевельнулось вялое: надо открыть глаза... Я должна. Я нужна лорду Штефану, он без меня не выживет... Его убьют...

Но сон, наводимый подземельем, утягивал все глубже, а голос арна звучал все глуше и глуше.

— Илинка! Ты здесь? Да куда ж подевалась эта проклятая девчонка? — раздавалось вдалеке, а я не могла найти в себе сил, чтобы сбросить оцепенение. И мысли были неповоротливыми, медленными.

Почему граф назвал меня проклятой девчонкой? И отчего в его интонациях страх мне чудится? Лорд Штефан никого не боится. Он не может бояться... Он — воин, и у него есть вторая ипостась... И эта ипостась меня ненавидит. Вернее, она всех ненавидит.

— Милорд, нужно возвращаться. Мы уже все здесь обыскали, тут никого нет. Видите, дальше тупик, проход заложен.

А этот голос мне незнаком. Низкий, будто из бочки. Наверное, он принадлежит толстяку...

— Илинка! — раздается снова.

Арн. Он рядом. Это не сон.

Я сумела наконец стряхнуть вязкую пелену, окутавшую тело в ледяной саван, и попробовала встать на четвереньки. Руки и ноги казались чужими, голова кружилась, по шее снова потекла тонкая струйка крови.

— Ты прав, Давор. Здесь ее нет. Идем, — слышится из темноты, и мне становится страшно. Как это нет?! Вот же она я! Не уходите, милорд! Не уходите...

— Попробуем поискать в другом крыле, — басит спутник лорда Штефана, а я захожусь немym криком, пытаюсь поползти до стены, из-за которой доносятся звуки удаляющихся шагов. Не успею. До нее слишком далеко.

— Ох и холодно тут! — говорит толстяк, но голос его звучит глухо, растворяется в сыром воздухе подземелья, и я понимаю, что арн со своим спутником уходит. Уходит! А я остаюсь в этом проклятом каменном мешке. От отчаяния, от злости на собственную беспомощность у меня прибавилось сил. Рванув вперед, добралась до забитой досками щели и ударила по ним кулаками. Подземелье наполнилось грохотом.

Создательница, только бы арн услышал! Только бы он вернулся...

Это было последнее, что я успела подумать. Голова закружилась, в ушах что-то зазвенело, и темнота стала еще гуще, поглотив меня целиком.

Глава 7

Пробуждение вышло странным. Я очнулась в какой-то незнакомой комнате, пропахшей сушеными травами, среди бесчисленных склянок и бутылок, стоящих на полках высоких шкафов. Подо мной была узкая кровать, застеленная чистым бельем. Из небольшого, забранного решеткой окна падал пасмурный свет уходящего дня. В Белвиле сложно было сказать наверняка, утро сейчас или вечер, но я научилась отличать одно от другого. Вот и сейчас беглого взгляда на серый сумрак оказалось достаточно. В нем не было робкой надежды, скорее глухая усталость вечера и тихая грусть.

Я попробовала подняться. Голова немного закружилась, но рана больше не болела, и мне удалось сначала сесть, а потом и встать на ноги. А следом пришло понимание, что это флигель дана Кранца. Лекарь жил отдельно от остальных обитателей Белвиля и почти никогда не выходил из своего небольшого домика, стоящего у самой стены замка. Правда, сейчас дана Кранца в доме не было. Я обошла все три комнатухи, заглянула на кухню, но хозяйина дома не нашла. Странно, конечно. Хотя кто знает, что в замке происходит? Может, опять кому помощь лекаря понадобилась?

Я поправила смятую одежду и пошла к двери. Меня гнало беспокойство. Хотелось узнать, догадался ли арн, кто настоящий злоумышленник. Сумел ли злодеев к стенке припереть? И все ли с ним самим в порядке, или опять кто на жизнь его покушался?

Я медленно шла через двор, стараясь держаться ровно, но меня все равно немного пошатывало, как после пары кружек слоберского пива. Неприятное ощущение.

— Илинка?! — удивленный возглас заставил меня обернуться.

От дровяного сарая спешила Златка. Лицо соседки было обеспокоенным, а во взгляде, которым она меня окинула, тревога затаилась.

— Ты куда пропала? — останавливаясь рядом, спросила Злата. — Тут такое творится, а тебя незнамо где носит! Слышала? Лершика с Салтой в темнице закрыли, говорят, завтра в стобардскую тюрьму переведут, по всему замку дознаватели снуют, вернулись, что те падальщики, говорят, новые обстоятельства в деле открылись, расследовать их нужно. А какие обстоятельства? Лорд Штефан и сам со всем разобрался, а тут эти пожаловали, спрашивают-вынюхивают, слуг допрашивают, я уже извелась, все думала, куда ты делась?

Подруга порывисто обняла меня, но тут же отстранилась и уставилась в глаза.

— Это кто ж тебя так? — голос Златки звучал напряженно.

Я вопросительно вскинула на нее взгляд.

— Вот тут, — дотронулась до моей головы Златка, и я поморщилась. — У тебя шишка. О, да тут и рана есть, — воскликнула соседка. — Тебя ударили? Неужто арн? Нет? А кто?

Я развела руками, показав, что не знаю. Мне не хотелось ничего объяснять. Я и сама еще толком не поняла, как у лекаря оказалась и кто меня из подвала вызволил. Последнее, что в памяти осталось, это то, как я по доскам ладонями из последних сил била.

— Упала, что ли? — не унималась Златка, а когда я пожалала плечами, затарахтела: — Ой, тут же еще новость! Представляешь, Владко сбежал. Наши шепчутся, что это он хозяину отраву подлил. Его теперь по всему Стобарду ищут, дан Кражич сам лично в погоню отправился во главе городской стражи.

У меня с души будто камень упал. Слава Создательнице! Выяснил арн, кто злоумышленники, вывел всех на чистую воду!

— Вишь, что делается? Устроили в замке вертеп разбойников, — вздохнула Златка. — А мы теперь отдувайся. Меня уже два раза допрашивали. Такой дотошный дознаватель попался, сам бледный, как смерть, а глазюки белые, прозрачные, так льдом и окатывают. И голос мерзкий — тихий, едва слышный, змеиный. В душу верткой гадюкой влазит, и никакой метлой его оттуда не выметешь.

Златка осенила себя знаком, по местным поверьям отводящим беду, и потянула меня за руку.

— Идем скорее, пока тебя не заметили, а то вопросами замучают.

Это да. Не ровен час, увидит кто или на дознавателей нарвемся.

Я прибавила шагу. Надо быстрее до нашей каморки добраться, подумать, что дальше делать.

— Ох, лишеньки! — прошипела Златка, уставившись на дверь. — Не успели!

Я проследила за ее взглядом и похолодела. На пороге стоял высокий худой мужчина, облаченный в ненавистную черную хламиду.

— Это дан Зданич, — тихо сказала Златка. — Главный дознаватель Стобарда.

Она испуганно покосилась на меня и вздохнула.

— Вот же не повезло! Теперь точно не отвяжется.

Я постаралась унять сбившееся дыхание и успокаивающе погладила подругу по руке.

— Да я не за себя, за тебя волнуюсь, — прошептала Златка. — Как ты мимо этого змея пройдешь? Он ведь наверняка кровь заметит, а не заметит, так унюхает! Ой, не повезло...

Я только головой мотнула, благо та уже не болела, и направилась ко входу в замок. Ноги казались пудовыми, норовили к земле прирасти, не желали с места трогаться. Я переставляла их, а сама молилась Создательнице, чтобы имперец на меня внимания не обратил.

— А вы чего тут бродите? — послышался холодный, лишенный каких-либо эмоций голос.

Я подняла глаза и наткнулась на стылый взгляд дознавателя.

— Да вот, милостивый дан, в подвал припасы относили, — низко поклонившись, напевно произнесла Златка.

— Вы что, не слышали приказ лорда Крона? — спросил имперец. Его бесцветные брови сошлись на переносице, и мне стало не по себе.

— Да ведь работу же никто не отменял, дан дознаватель, — заискивающе улыбнулась Златка. — Вот и приходится изворачиваться.

— А что это подруга твоя молчит все?

Имперец посмотрел на меня, и в глазах его что-то блеснуло. Я знала этот блеск. Ничего хорошего он не сулил.

— Немая она, милостивый дан, — пояснила Златка. — Не может говорить.

Ладонь ее, что мою руку сжимала, стала влажной.

— А с головой у нее что? Откуда рана?

— С головой? — переспросила Златка. — А, дак это... Упала она, ударилась, вот к лекарю идем.

Подруга попыталась подняться на ступеньку, но проход преградила затянута в черное рука.

— Не нужно так торопиться, — тихо сказал дознаватель. — Значит, упала, говоришь? — подошел он ко мне и двумя пальцами приподнял мой подбородок. — Занятно. А кровь-то давно запеклась.

Он пристально посмотрел мне в глаза и уже совсем другим тоном сказал:

— Иди за мной. Расскажешь, где упала.

Имперец ухватил меня за руку и потянул вверх, заставляя подняться по лестнице.

— Дан дознаватель, дак она же немая! — снизу выкрикнула Златка.

— Ничего, у нас и немые разговаривают, — тонкие бескровные губы искривила неприятная усмешка, от которой у меня внутри все окаменело. Знала я эти разговоры. Насмотрелась-наслушалась, пока в тюрьме сидела. С простолюдинами дознаватели не церемонились. Если благородных пытать опасались, то крестьян никто не жалел. «Дыба всем языки развязывает, даже безъязыким», — любил повторять дан Збежич.

Я оглянулась на Златку и попыталась мысль передать, чтобы та к арну бежала. Не знаю, поняла подруга или нет, только кивнула она и на меня с испугом посмотрела.

— Иди-иди, — ощутимо толкнул в бок дознаватель. — Не задерживайся.

Он впихнул меня в дом, провел по коридору первого этажа и открыл кабинет дана Кражича.

— Проходи, побеседуем, — в бесстрастном прежде голосе послышалось предвкушение, от которого у меня мурашки по спине побежали. И так ярко былое вспомнилось, допросы бесчисленные и холод темницы, тюремная вонь и звон кандалов...

— Итак, — усевшись за стол, за которым еще совсем недавно я разбирала учетные книги, дознаватель сложил тонкие, похожие на женские пальцы домиком и уставился на меня стылым взглядом. — Ты немая, — задумчиво сказал имперец.

Я осторожно кивнула, постаравшись придать себе глуповатый вид.

— С рождения? — последовал следующий вопрос.

Я снова кивнула, но, видимо, сделала это недостаточно быстро, и дознаватель мигом учуял неправду. Их ведь в Иреброге учили ложь распознавать.

— Уверена? — вкрадчиво уточнил он.

Я торопливо замотала головой, не сомневаясь, что выгляжу полной дурой.

— Что ты думаешь об арне? — последовал неожиданный вопрос, и я, забывшись, вскинула глаза и тут же попала в капкан чужого взгляда. — Он никогда не подстрекал народ против императора? Может, говорил что-нибудь худое о нашем правителе?

Я развела руками, показывая, что ничего не знаю.

— Только не надо мне тут невинность изображать. Чтобы слуги да не подслушивали?

Я опустила голову, не желая отвечать.

Дознаватель медленно поднялся из-за стола, подошел и остановился у меня за спиной. Я даже дыхание его почувствовала на затылке.

— Не лги, — тихо прошептал имперец, и его рука оказалась у меня на шее. — Я знаю, ты что-то видела. Чувствую.

Я попыталась отодвинуться, но хватка усилилась.

— Не противься мне, — голос зазвучал властно, с нажимом, а у меня к горлу тошнота подкатила. — Я ведь, если захочу, могу тебя одним пальцем уничтожить.

Я дернулась, но дознаватель держал крепко.

— Тебе нужно всего лишь кивнуть, — убеждал меня имперец, и его дыхание коснулось оголенной шеи, вызвав отвращение. — Так что, говорил арн речи неподобающие? Может, с управляющим своим обсуждал, как правителя свергнуть?

Холодные пальцы прошлись по шее, спустились на воротник и остановились, а у меня внутри все обмерло.

— Так-так, а это что? — нащупав приколотую к платью иглу, спросил дознаватель.

Он вытащил ее, развернул меня к себе и навис, разглядывая с холодным любопытством.

Я попыталась сделать лицо поглупее и показала, что игла нужна для шитья.

— Да? — прошипел имперец. — Помнится, давеча я у лорда Крона одну вышивку видел, бережную. И была она весьма странной, на оборванном лоскуте шитой. И символы на ней необычные вились, запретные.

Он резко сжал мою шею и прошипел:

— Твоих рук дело? Отвечай!

Я замотала головой.

— Не хочешь по-хорошему?

Ледяные пальцы впились в кожу ногтями. Воздуха стало меньше, я хватала его ртом и никак не могла вздохнуть. В глазах стало темнеть...

— Что здесь происходит? — голос арна прозвучал так неожиданно, что руки на моей шее дернулись и тут же ослабили хватку.

— Да вот, ваше сиятельство, пытаюсь узнать, где служанка была, когда вас отравить пытались.

Тон дознавателя изменился, стал смиренным и чуточку заискивающим.

— Эту? Допросить? — пренебрежительно хмыкнул арн. Он подошел ближе, остановился напротив и устало махнул рукой. — Можете отпустить убогую, она ничего не знает. Да и умом ее Аэст обидел, даже если бы что и знала, все равно бы забыла.

Он кивнул, приказывая имперцу меня отпустить, и сказал:

— Иди на кухню. Там работы непочатый край, а ты тут прохлаждаешься.

Лорд Штефан глядел сумрачно, как-то мимо, словно бы ему противно было на меня смотреть. Сердце больно сжалось. Правильно. Что для него какая-то служанка! Он даже имени моего не помнит, слышала я, как он дану Кражичу «этой девчонкой» меня называл.

— Ну? Чего застыла? — грубо спросил арн. — Бегом отсюда!

Я сорвалась с места. Меня душили слезы, но я не могла допустить, чтобы мою боль увидели.

— Я ж говорю, убогая, — хмыкнул граф и обратился к дознавателю: — Дан Зданич, у меня к вам одно дельце есть...

Продолжения фразы я не услышала. Дверь за мной закрылась, и я побрела по коридору, не зная, радоваться приходу арна или огорчаться тому безразличию, что в глазах его застыло.

«Возьми себя в руки, Элиния, — впервые за два года я вернулась к своему настоящему имени. — Вспомни о гордости. Пусть сейчас ты простая служанка, но в твоих жилах течет благородная кровь. Не стоит унижаться и мечтать о мужчине, который на тебя даже не смотрит!»

Не сказать, чтобы это внушение помогло унять боль, но хотя бы плакать я перестала.

— О, Илинка, а ты откуда такая растрепанная?

Голос Микошки заставил меня отвлечься от невеселых мыслей. Старик загородил дорогу и прищурился, разглядывая мое зареванное лицо.

Я попыталась объяснить, что тороплюсь.

— А куда теперь торопиться? — философски вздохнул Микош. — Видала, что делается? Нету у нас больше начальников, кроме хозяина. Были все, да вышли. — Он хитро подмигнул и добавил: — Если бы еще замок зверя признал, вот тогда зажили бы мы, как наши предки.

Слова старика задели что-то внутри, встревожили. Что они значат? Почему замок должен зверя признать?

Я даже обиду свою забыла и устала на Микошку.

— Легенда такая есть. Лорд Штефан, может, и не знает, но пока зверь его с душой замка не совладеет, не быть арну настоящим хозяином края, не видать ему Стобарда как своей истинной вотчины. Где эта душа? — понял он мой безмолвный вопрос. — А про то никому не ведомо. Лорд Вацлав ее всю жизнь искал, горы старинных книг прочел, все надеялся отыскать в них разгадку, да так и помер, ничего не добившись. Но у него нутро темное было, безжалостное, и зверь лютый, даром что старый хозяин умел его в узде держать.

Микош оперся на сучковатую палку и переступил с ноги на ногу.

— А вот молодой хозяин, хоть нравом и крут, но справедлив, и сердце у него зачерстветь еще не успело. Глядишь, может и получится у арна с замком договориться.

Мне неожиданно вспомнилось недавнее видение, стук, от камня по всему подземелью идущий, нож острый, над плитой сверкающий, и я ухватила старого конюха за руку, беззвучно спрашивая, что тот знает о душе Белвиля.

— Что знаю? — хитро блеснул глазами Микошка. — А много чего! Белвиль — он же не обычный замок. Вот ты думаешь, его просто так построили? Нет. Деда сказывали, раньше на этом месте алтарь стоял, на котором жертвы Скарогу приносили — козлят молодых, баранов, телят. Их сжигали, а дым к небу шел, к тому месту, где наш суровый бог обитает. Говорят, как раз над Белвильской горой у него пристанище незримое. И он с нашими предками говорил, громом и молниями на вопросы отвечал. А то и трясением, ежели неудобное что просили. Вся гора ходуном ходила. А потом арны появились, потомки его, построили на этом месте замок, кровью своей жертвенник напоили, душу в него вдохнули.

Я слушала Микоша, пытаюсь ухватить ускользающую мысль. Камень, что меня звал... Может, в нем и есть та самая душа замка? Но тогда при чем тут нож? И почему он мне в руки не дался? Или...

— Я тебе что велел? — слышался недовольный вопрос.

Я стремительно обернулась, и наткнулась на пылающий взгляд арна. Мать-Создательница! Ну почему граф снова злится?

— А ты, Микош, опять за свои побасенки взялся? — грозно посмотрел на старика лорд Штефан. — Сколько раз говорить, чтобы ты народ не баламутил? Ступай на конюшню.

Граф недовольно нахмурился, а потом неожиданно схватил меня за руку и потащил за собой.

— Сказал же уйти подальше, — сквозь зубы цедил он, почти бегом пересекая холл и увлекая меня вверх по лестнице. — Так нет же! Стоит, лясы точит! Мало ей приключений! Не успела из подземелья выбраться, тут же в лапы дознавателей угодила! Ты хоть понимаешь, что им тебя сломать — раз плюнуть?

Лорд Штефан взлетел на второй этаж, доволоч меня до своей спальни, впихнул внутрь и закрыл бесшумно открывшуюся в этот раз дверь.

— Сиди здесь, — подтолкнув меня к креслу, рыкнул он. — И не вздумай уходить, пока я дознавателей за ворота не выпровожу.

Я попыталась спросить, что происходит, но граф только рукой махнул.

— Не сейчас. Видела, сколько воронья слетелось? Нюхом падаль чуют, и звать не нужно, сами появятся. Попробуй их теперь выгони!

Он посмотрел на меня, и в глазах его мелькнул огонек. Острый, опасный. Арн нахмурился, пригвождая меня взглядом к креслу, а потом, будто решив что-то, провел рукой по лбу и пошел к выходу.

— Вернусь — поговорим, — бросил он, выходя из спальни.

Дверь захлопнулась с оглушительным грохотом, и я вздрогнула. Что происходит? Зачем арн притащил меня в свою комнату? Почему не отправил вниз, в нашу со Златкой каморку? Или уверен, что мне грозит опасность? Но какая? Это я знаю, чем для меня может обернуться общение с дознавателями, но графу-то об этом откуда известно? Или он выяснил, кто я?

От этой мысли внутри все будто инеем покрылось.

Я вскочила и принялась мерить шагами комнату, пытаюсь сообразить, что делать. Бежать? Или дожидаться графа и выяснить, что он успел узнать?

Инстинкты кричали «беги!», а разум сомневался. Если бы лорд Штефан хотел причинить вред, он бы уже сдал меня дознавателям, а так есть надежда, что все не настолько плохо.

Время шло, за окном стемнело, а граф не возвращался. И за дверью тихо было: ни голосов прислуги, ни движения, ни привычных звуков. Я несколько раз порывалась уйти, но что-то останавливало. То ли алые глаза, глядящие на меня с портрета, то ли глупая надежда, что все не так ужасно, как я представляю, то ли желание еще раз увидеть графа и выяснить, что ему известно.

Наконец, когда я уже совсем было решила бежать, дверь открылась и в комнату стремительно вошел арн. Он молча подошел к окну, резко распахнул створки, оперся о подоконник и высунулся наружу.

Я затаила дыхание, глядя на широкую спину графа, на его обтянутые серым камзолом плечи, на темные волосы. И неожиданно вспомнилось, какие они на ощупь, и я почувствовала, как к щекам прилила кровь.

— Интересно, как это у тебя получается? — не поворачиваясь, глухо спросил арн.

Я растерялась. Что именно?

— Попадать в переplet, — словно услышав мой недоуменный вопрос, пояснил лорд Штефан. — Ведь специально оставил в доме у лекаря, подальше от дознавателей, уберечь хотел, а ты все равно умудрилась им на глаза попасться.

Он отошел от окна, в два шага оказался рядом и склонился над креслом, в котором я сидела. Крупные руки опустились на подлокотники, поймав меня в ловушку. Теперь, даже если бы я захотела встать и уйти, арн не позволил бы.

Я поерзала на сиденье. Внутри творилось что-то непонятное. Сердце билось где-то в горле, дыхание срывалось, и мне не удавалось его выровнять, ладони вспотели. Не от страха, нет. Это было нечто

другое, то, чему я не могла подобрать названия.

— Голова болит? — спросил арн.

Я отрицательно махнула рукой и попыталась спросить, кто меня из подземелья вызволил.

— Да уж пришлось постараться, — хмыкнул лорд Штефан, а у меня сердце заныло при одном взгляде на его склоненное ко мне лицо. Значит, это он меня нашел. Не бросил, вытащил. И такое внутри закрутилось! Вспыхнуло ярким костром, душу в полон взяло...

Арн ничего не говорил, просто смотрел на меня, и в его взгляде все сильнее разгоралось алое пламя — горячее, обжигающее, испепеляющее и мой страх, и любые благоразумные намерения, и решимость встать и уйти. Я не могла. Знала, что последует за этим взглядом, понимала, что назад дороги не будет, и все равно не могла.

А граф, словно прочитав мои мысли, протянул руку и коснулся щеки костяшками пальцев. Мягко, почти невесомо.

— Не бойся, — тихо прошептал он.

Губы лорда Штефана оказались так близко, что я ощутила тепло его дыхания. А потом они коснулись моих, и я забыла обо всем, кроме горячей искры, что бежала по телу, разжигая в нем пожар, обнажая то, чего я в себе даже не подозревала, выпуская наружу так долго сдерживаемые желания. И я ответила на поцелуй. Потянулась и обняла могучие плечи, коснулась волос, зарылась в них пальцами и вздрогнула, услышав, как арн тихо застонал в мои губы.

— Не бойся, — снова повторил лорд Штефан, подхватывая меня на руки. — Я не причиню тебе вреда.

Я заглянула в наливающиеся алым светом глаза. В них сверкали мрачная решимость и что-то такое, чему я не могла подобрать названия, но что будило в моей душе острое, почти болезненное желание отдать всю себя, свое сердце и свою жизнь этому непонятному мужчине.

Тот страх за него, что так долго меня мучил, мои собственные опасения, события последних дней, когда меня захлестывало то надеждой, то отчаянием, — все это сошлось вместе, и сейчас, когда Штефан был рядом и я ощущала его прикосновения, его поцелуи, жар его тела, у меня не было сил оттолкнуть графа, отказаться от того, что он мог мне дать, и от тех надежд, что вспыхнули в моем сердце.

Я не помню, как оказалась на кровати, не успела понять, в какой момент осталась без одежды. Руки графа были настойчивыми, но нежными, они творили со мной такое... Я даже не представляла, что подобное возможно. Видела раньше, что между мужчиной и женщиной происходит, но не думала, каково это на себе испытать и чужую тяжесть, и прикосновения, на которые мое тело отзывалось все усиливающимся жаром, и сладкую боль, пронизывающую самые потаенные уголки плоти. Эта боль становилась все острее, все невыносимее, и мне хотелось утолить ее, но я не знала как, а Штефан продолжал меня мучить, не давая унять полыхающий пожар, в котором сгорели и мой стыд, и мои убеждения, и моя невинность. Он умело управлял моей страстью, но лицо его оставалось сумрачным, а вены на шее и руках были напряженными до предела. Видно, пытался зверя своего сдержать. Не хотел напугать.

Правда, все это я замечала лишь краем сознания, отвлеченно, мысли были обрывочными, и мне не удавалось сосредоточиться ни на чем, кроме того, что творилось внутри, скручивало яростной волной, заставляло все сильнее прижиматься к твердому, словно бы каменному телу и беззвучно умолять. О чем? Не знаю. То ли о том, чтобы все поскорее закончилось, то ли о том, чтобы это не заканчивалось никогда.

А потом стало не до размышлений. Горячая плоть проникла туда, где еще недавно так искусно хозяйничали пальцы, и меня затопило острой болью, которая была совсем не похожа на ту, прежнюю. Она растекалась по телу, захватила, испепелила внутренности и заставила беззвучно кричать. Каждое движение, каждый напористый рык арна резали по живому, и это все длилось и длилось. Создательница...

— Прости, девочка, — словно сквозь пелену, услышала я голос графа.

Моего лица коснулась крупная ладонь, вытерла слезы, отвела растрепавшиеся волосы.

— Боли больше не будет, — напряженно сказал Штефан, и его губы накрыли мои, выпили неслышный стон, попытались успокоить. А потом спустились ниже, туда, где пульсировал жестокий огонь, и коснулись напряженной плоти. И в ту же секунду все изменилось. Прежний жар вернулся, дыхание сбилось, а боль растворилась в ярком наслаждении. И я снова извивалась, горела и беззвучно кричала от того, что делал с моим телом этот невозможный, непонятный и так

безнадежно отныне любимый мной мужчина.

Проснулась я в одиночестве. В комнате было темно, небо за окном только начинало сереть, ветви деревьев казались черными и унылыми. И лишь птицы, робко пробующие голоса, оживляли тишину зарождающегося дня.

Подушка рядом со мной была примятой, на светлой простыне бурело небольшое пятно. Мне стало неловко. Мысли о прошедшей ночи заставили покраснеть. Штефан долго не давал мне уснуть, делая со мной такие вещи, о которых даже думать неловко, но мне это нравилось. И воспоминания о боли отступили далеко-далеко, забылись, стерлись под ласковой настойчивостью губ и рук, под горячим дыханием и острой, захватывающей страстью. Тело до сих пор ломило в самых непривычных местах, но синяков и ссадин, как у Златки, не было. Сумел арн зверя своего унять, не позволил ему меня покалечить.

В душе встрепенулось сладкое, глупое. Может, Штефан тоже ко мне что-то чувствует? Не одну только похоть? А вдруг он меня любит? Разве любви не безразличны сословные условности и предрассудки? Что изменится от того, кто я — служанка или дочь лорда? Душа-то у меня в обоих случаях одна и та же!

Но разум уже очнулся и принялся корить за то, что я забыла о чести, потеряла голову и отдалась мужчине без венца, без обета, без брака. Что я могла ему ответить? Все так и было. Забыла. Уступила взгляду алому, что в самую душу заглянул и сердце вынул, себе его присвоив. Не смогла со своими чувствами совладать, поддалась огню, что внутри горел, вместо того чтобы погасить его, сама кресало поднесла и искру высекла. Жалела ли я о том, что с честью девичьей простилась? Нет. Не жалела. Не после того, что в объятиях графа испытала.

Тихий звук открывающейся двери заставил меня поднять голову.

— Проснулась? — в голосе арна звучали непривычные нотки.

Я кивнула, глядя на ладное, обнаженное по пояс тело, на плотно облепленные подштанниками ноги, на крупные, перевитые венами руки. Дыхание перехватило.

— Иди сюда, — поманил Штефан, и у меня сердце замерло от того горячего, что в глазах его сверкнуло.

Я соскочила с постели и сделала шаг вперед, к тому, кто умел смотреть так, что и без слов становилось понятно, чего он хочет и чего от меня ждет.

Арн одним движением избавился от немногочисленной одежды, развернул меня и подтолкнул к окну. А потом открыл створки и заставил упереться ладонями в отделанные деревом боковины. Миг — и он оказался внутри меня, а его ладони легли на грудь, сжали, задевая соски и вырывая из моих губ судорожный вздох. Первое движение отозвалось небольшой саднящей болью, но с каждым новым она становилась все слабее, а горячая пульсация, наоборот, нарастала, заставляя меня подстраиваться под размеренный ритм, хватать ртом холодный воздух и то возноситься выше гор, то падать в бездонную пропасть.

Перед глазами проплывали искры, светящиеся фрагменты какого-то мудреного ви роша, и мне казалось, что в эту минуту меняется моя судьба, перекраивается, стирается прошлое и рождается будущее — новое, неизведанное, прекрасное. Я видела это в расцветающих узорах, распознавала в ярко блистающих цветах райса, ощущала всей душой и всем сердцем.

А потом огненная вспышка смела мои грезы, и я забилась в удерживающих руках, не в силах справиться с тем, что чувствовала, что горело внутри меня, подожженное арном. Тело снова испытывало то непередаваемое словами и бесстыдное, что делало меня женщиной, будило ненасытную собственницу, заставляло безмолвно кричать о своей любви и о желании принадлежать моему арну.

— Все, девочка, — тихо шептал тот. — Все.

Он держал меня, не давая отстраниться, закрывая своим горячим телом, успокаивая поглаживаниями мозолистых ладоней. Спустя пару минут, позволив немного отдышаться, арн подхватил меня на руки и отнес на кровать.

— Оставайся сегодня здесь, — укрыв меня покрывалом, негромко сказал он. — Завтрак тебе принесут.

«А вы?» — беззвучно спросила я.

— А меня дела ждут, — голос Штефана звучал напряженно. И в глазах алый огонь плясал, но не тот, от которого пальчики на ногах в предвкушении поджимались, а другой, злой и опасный, которым

зверь смотрел-злobilся.

У меня внутри обмерло все. Неужто вернулся? Что ж он так недоволен, зверюга недоверчивый? Почему на меня рычит и злится? Не хочет, чтобы я рядом с арном была?

— Дознавателей я выпроводил, но тебе пока лучше без нужды по замку не бродить. Это воронье, если уж почуяло добычу, просто так не уберется. Не ровен час, вернутся, так что сиди пока здесь, — пояснил лорд Штефан, а потом обтерся влажным полотенцем, быстро оделся и вышел из комнаты.

Время тянулось медленно. Я попыталась немного поспать, но ум, взбудораженный произошедшим за последние сутки, не давал мне забыться. В голове мысли теснились. И об арне, и о том, что я в подземелье видела, и о словах Микошки про душу замка, что в сердце запали и желание пробудили попробовать ее найти. Может, сумею арну помочь. И зверю. Что, если он такой злой только из-за того, что душа замка его зовет-тревожит? Вдруг у меня получится их примирить?

Я поднялась с постели, стянула испачканную простыню, расправила атласное покрывало и, как могла, привела себя в порядок. А потом подошла к окну и закрыла глаза, вдыхая прохладный, пахнущий влажной землей и цветущим жасмином воздух.

— Илинка, ты, что ли? — послышался от двери голос Станки. — Вот, стало быть, с кем арн ночи проводит, а мы-то гадаем, почему он девок в свои покои больше не зовет! Ну, тихоня!

Я обернулась, а горничная бухнула поднос и принялась выставлять с него на стол небольшой изящный чайничек, тарелки с берками — маленькими слоеными пирожками, чашку фарфоровую и блюда с сыром и фруктами.

— Не зря хозяин на тебя так смотрел, — хмыкнула Станка. — Выходит, понравилась ты ему.

Я только улыбнулась. Мысль о том, что остальные заметили, что Штефан ко мне равнодушен, заглянула внутри яркое солнце. Значит, не обманывалась я, когда решила, что арну небезразлична! Не стал бы он просто так зверя своего в узде держать!

— Ешь, пока горячие, — сказала Станка, а я взяла один из пирожков и протянула ей. — Ну, благодарствуйте, миледи, — усмехнулась горничная.

Она быстро умяла слойку и огляделась по сторонам.

— А что, Илинка, граф тебя в постоянные полюбовницы выбрал или так, на одну ночь? Хотя Златке он завтраки в постель не носил, видать, надолго ты в его спальне поселилась, — сама ответила она на свой вопрос. — Повезло, высоко взлетела. Только вот с высоты падать больнее, — остро взглянула на меня горничная. — Что делать-то будешь, когда арн тобой натешится?

Солнце, так ярко вспыхнувшее внутри, потускнело, спряталось за тучи сомнений, погасло. А ведь и правда. Что дальше будет? Надоем я арну, выкинет он меня вон за ненадобностью — и вся любовь. И как мне тогда жить?

— Ой, ты ж, наверное, новость еще не слышала! — воскликнула Станка, и ее остренькое личико расплылось в улыбке. — Из столицы воины приехали, те, что под началом лорда Штефана служили! Ох и справные! Один другого краше! Пятнадцать мужиков, крепкие как на подбор! Я даже про своего Йонаса забыла. А что? Он всего лишь помощник пекаря, а я, может, кого и повыше подцеплю, при моей-то красоте, — ухватив с блюда еще один пирожок, сказала Станка. — Мне один приглянулся, сам здоровенный, а волосы светлые, как лен, и глаза смешливые. Справный парень, за таким, как за крепостной стеной, ничего не страшно. Да и он меня отметил. Смотрит так призывно и усмеяется с намеком. Я такие взгляды завсегда понимаю. Когда у мужика в штанах свербит, все по лицу видать, все мысли нескромные.

Она ухмыльнулась, облизала с губ сладкую крошку и вздохнула:

— Эх, Илинка, хорошо с тобой болтать, но надо идти. Это ты теперь бездельница, знай ноги раздвигай, а нам, честным девушкам, своим трудом стависы зарабатывать нужно. Хозяин вместо Салты Самури старшей поставил, а та, хоть и своя, а спуска никому не дает.

Станка забрала поднос и вышла из комнаты, а у меня от ее слов на душе холодно стало. Вот, значит, как со стороны все выглядит. И никто о любви моей не догадывается, слуги считать будут, что я ради выгоды к арну в постель легла. Впрочем, какое мне дело до чужих пересудов?

Я отломала кусочек слойки, подошла к портрету арна и заглянула в суровые алые глаза. Интересно, что Штефан обо мне думает? И думает ли вообще, или это только непонятная прихоть хозяина, взявшего то, что, как он полагает, принадлежит ему по праву. Ведь в наших землях до сих пор старый закон действует, по которому господин волен делать со своими слугами все, что ему

заблагорассудится, а те и возражать не смеют. Паница потому и отправила меня в Белвиль, что тут хозяина не было. «Главное, веди себя незаметно, и все хорошо будет, — напутствовала она меня. — Управляющий там до баб не охочий, ему мальчишки нравятся, а с остальными как-нибудь справишься». Во всем права оказалась наставница — Винкошу женщины без надобности были, а со слугами я на расстоянии держалась, не позволяла им охальничать. Вот только одного Паница предвидеть не могла, что война закончится и в замок сам хозяин вернется. Лорд Штефан Крон, собственной персоной.

Я всматривалась в живое, дышащее силой лицо и думала о том, что меня в будущем ждет. Мысли эти невеселыми были. Сейчас, когда я служанка и беглая преступница, нет у нас со Штефаном никакого будущего. Любят равных. А с низшими...

Я не стала додумывать. Слишком больно было.

Вздыхнув, отошла к зеркалу и принялась расчесывать спутанные волосы. Как бы там ни было, жизнь сама все расставит по своим местам.

Я не собиралась унывать и расстраиваться. Не сейчас. Не тогда, когда душу переполняли яркие воспоминания о минувшей ночи и о глазах, в которых отблески чувств почудились. Сердце хотело верить, что все возможно. И я верила. Не зря ведь узоры наших с арном ви рошей совпали?

В открытое окно долетел какой-то шум. Во дворе слышались громкие выкрики, ржание лошадей, скрип ворот. Я выглянула наружу, но из комнаты арна виднелись только лес да крепостная стена, и мне не удалось разглядеть, что происходит.

— Чего встали, бездельники? — долетел до меня чей-то зычный бас. — Не видите, госпожа приехала!

Я насторожилась. Что еще за госпожа такая? Сердце кольнуло недобрый предчувствием. Почему-то показалось, что судьба неприятный сюрприз приготовила, наказать решила за то, что со своего пути свернула.

Я торопливо заплела влажные волосы в косу, разгладила ладонями складки платья и вышла из комнаты.

Как сбежала по лестнице, как оказалась во дворе — не помню. Очнулась уже во внутреннем дворике, рядом со стеной, что к замку примыкала.

— Леди Бранимира, осторожнее, — послышалось из-за угла, и я замерла, разглядывая двор, позолоченную карету с каким-то мудреным гербом наверху и высокого, похожего на гору мужчину. Тот низко склонился перед дверцей, отчего полы его темного камзола разошлись в стороны, и протянул ладонь, на которую тут же оперлась затянута в перчатку маленькая ручка.

— Варио, ты выяснил, где Штефан? — раздался женский голос, в интонациях которого слышался отчетливый оленденский говор, и на камни двора ступила высокая блондинка в дорогом шелковом наряде.

Я подобралась, жадно вглядываясь в красивое лицо. Тонкие черты, высокий, увенчанный уложенными в корону волосами лоб, пухлый, капризный рот — ярко-алый, умело подкрашенный мардом, выделяющиеся на белом лице темные брови и черные, искусно подведенные сурью глаза.

Гостя огляделась по сторонам, взгляд ее скользнул по замершим в удивлении стражникам, поднялся выше, прошелся по фасаду замка, и по лицу леди мелькнула тень.

Я смотрела на приезжую красавицу и чувствовала, как на душе становится все беспокойнее. Откуда она взялась? Что забыла в Белвиле? И почему называет арна по имени?

— Бранимира?

А вот и сам лорд Штефан. Я немного отступила за стену, чтобы граф меня не заметил, но уйти не смогла. Мне нужно было узнать, что он делать будет, как красавицу гостью встретит, а внутри уже ревность ножом проходила, душу на куски кромсала.

— Штефан! Наконец-то! Твои олухи не хотели меня пускать, — подходя к арну и бесстыдно целуя того в губы, капризно протянула леди. Столичный говор стал отчетливее, типично растягиваемые гласные ясно говорили о происхождении гостыи. Та явно прибыла из самого Олендена, главного города империи.

— Что ты здесь делаешь? — арн отстранил девушку, но не отпустил ее, удерживая на расстоянии вытянутой руки и хмурясь.

— Может, пригласишь меня в дом? Не будем же мы разговаривать прямо здесь, во дворе? — голос леди звучал нежно, но я уловила в нем едва заметное напряжение, словно бы она не была до конца уверена, как отреагирует арн на ее приезд.

Граф пристально посмотрел на свою собеседницу, обдумывая что-то, и отрывисто бросил: — Идем.

Не особо церемонясь, он ухватил гостью за руку и повел в дом, а я постояла минуту в раздумьях, а потом поторопилась вернуться к черному ходу.

— Илинка, а ты чего здесь?

Златка закрыла за собой дверь и уставилась на меня. День подошел к вечеру, в комнате было сумрачно, и соседка шурилась, пытаясь разглядеть мое лицо. А я его опустила, уткнулась взглядом в колени, не хотела, чтобы подруга увидела следы слез, которые отереть не успела. Врасплох меня возвращение Златки застало. Раньше-то хорошо, если кухонные служанки к ночи освобождались, а теперь все по-новому, дан Кражич велел допоздна не задерживаться.

— Что, выжила тебя приезжая краля? — понимающе усмехнулась подруга, подходя ближе и усаживаясь рядом со мной. — Ну да, она же благородная, не нам чета.

Не нам... Птицу по полету видно, а эта так уж точно издалека прилетела, из краев сытых и благополучных. Непонятно только, чего она в нашем захолустье забыла?

Я взяла Златку за руку, задавая безмолвный вопрос.

— Кто такая? Ясь говорит, зазноба лорда Штефана, леди Бранимира Берден. В Стобарде слухи ходили, что граф за ней несколько лет ухаживал, даже предложение делал, но старый лорд Берден ему отказал.

Отказал? А зачем же она приехала, да еще и одна, без компаньонки и положенных незамужней леди сопровождающих?

— А кто ж ее знает? — пожала плечами Златка, легко прочитав мои мысли. — У благородных свои причуды. Они ведь что хотят, то и делают, никто им не указ.

Это да. К благородным в империи отношение совсем иное, чем к простолюдинам. Это мне на своей собственной шкуре испытать довелось.

— А платье видала какое? Из хольмского шелка, все цветами расшитое, наверное, целое состояние стоит, — вздохнула соседка. — И накидка соболями оторочена.

Златка могла бы и не рассказывать об этом. Я уже и сама все разглядела: и наряд, по оленденской моде сшитый, и меха дорогие, и туфельки с золотыми пряжками.

— Только вот что я тебе скажу, Илинка, — не унималась подруга, — благородная она или нет, а смотрит на нашего хозяина, чисто сука течная.

Я почувствовала, как больно сжалось сердце. Неужто не я одна это увидела? А лорд Штефан? Он-то что? Я проследила, как арн отвел леди Бранимиру в гостевые покои и сам туда вошел. И сколько ни ждала, так больше оттуда и не вышел. И я не знала, что думать и что делать.

— Ох, ну и жизнь, — вздохнула Златка. — Раньше годами ничего не происходило, а теперь что ни день, то что-то новенькое.

Это да. Со времени приезда арна прошло всего чуть больше двух седмиц, а у нас столько перемен! Винкоша казнили, Салта с Лершиком в тюрьме Стобарда суда ждут, старшей Самиру назначили. Да и я... Нет, про себя пока думать не хотелось. Слишком больно было. Гордость раненым зверем выла, а сердце... А сердце болью заходило, беду неминуемую чувало. И было у этой беды лицо белое, губы алые и глаза черные, неприкрытой похотью наполненные.

— Ой, ты ж еще не знаешь, в замке стража новая, — вспомнила Златка. — Старую-то арн выгнал, только Ураса с Валдером оставил, и теперь пришлые всем в замке заправляют. Уж такие красавчики! Ни в чем дану Кражичу не уступают.

Златка принялась рассказывать о сослуживцах графа, а я слушала ее и маялась. В душе зрела решимость пойти к арну и узнать свою судьбу. Понять, как дальше жить. Наверное, сейчас я впервые так остро жалела о том, что не могу говорить. Даже не говорить — кричать: о своей любви, о своей боли, о том, что не хочу арна ни с кем делить...

— Илинка, ты меня слушаешь? — заметила мою рассеянность Злата.

Я кивнула.

— Подожди-ка, — присмотревшись ко мне, всплеснула руками соседка. — Да ты никак влюбилась? Ох, Илинка! — расстроилась она. — Да как же тебя угораздило?

Я только плечами пожала. Откуда ж я знаю как? Увидела арна в тот, самый первый раз, в глаза его заглянула — и пропала! Кто объяснит, откуда любовь берется? Одной искры достаточно, чтобы внутри все загорелось-засияло.

— Ох, дурная девка! — сокрушенно вздохнула Златка. — Нашла в кого влюбляться! Это же арн! Натешится тобой да и выкинет, а ты слезами умоешься!

Она посмотрела на меня с жалостью и спросила:

— Что делать-то будешь? Он же теперь вокруг гостьи вьется, про тебя и думать забыл. Прямо как Яцек мой. Стоило Мельниковой дочке его поманить, так он тут же к ней переметнулся. На приданое богатое позарился.

Златка вздохнула, и глаза ее погрузнели, а я смотрела на нее и думала, что у каждой из нас своя беда. И все из-за чувств проклятых, над которыми ни она, ни я не властны.

— Вот что я тебе скажу, подруга, — голос соседки зазвучал решительнее. — Ты с лорда Штефана денег побольше стяжи, да и забудь про него. Девки слышали, как управляющий кому-то из стражников говорил, что хозяин скоро уедет вотчины свои проверять, долго его не будет. Глядишь, ты за это время графа и разлюбишь. А что? Взять хоть меня. Уж как я Яцека любила, а прошла пара месяцев, так и думать про него забыла.

Я глядела на Златку, кивала, соглашаясь с ее словами, а сама понимала, что не получится у меня арна разлюбить. Не выйдет.

Штефан

Он смотрел на сидящую за столом Бранимиру и сам не знал, что чувствует. Какая-то часть его — темная часть — тянулась к прошлому, в котором были долгие южные ночи, наполненные горячей страстью и бешеным биением сердца, неистовство зверя и надежды на скорый брак, мечты о детях и о той, что будет идти с ним по жизни рука об руку. Тогда, два года назад, он готов был отдать все, только бы назвать Бранимиру своей. Эта женщина свела его с ума изменчивым нравом и резкими переходами от неприступной холодности до разнузданной страстности. Первая красавица Олендена. Дочь советника императора. Ох, сколько усилий пришлось ему приложить, чтобы добиться ее благосклонности! Но ведь добился. Она уверяла его в своей любви. Клялась, что будет ждать, и говорила, что ее сердце принадлежит только ему. А потом он получил то проклятое письмо, перечеркнувшее все надежды и обещания... И вот сейчас она здесь, рядом с ним. Смотрит своими загадочными глазами, а он так и не может понять, что скрывается за их непроницаемой чернотой.

— Так зачем ты приехала, Мира? — жестом отослав служанку, спросил он.

Зверь настороженно замер, прислушиваясь к его словам. Он помнил вкус сладкой плоти, его зверь. Помнил жаркие ночи и безудержную страсть. И он тосковал по той вседозволенности, которую ощущал в объятиях жадных рук Бранимиры. С ней ему не нужно было сдерживаться. Мира любила ходить по краю и смотреть в лицо опасности. Ее не останавливали ни боль от когтей, ни синяки, ни следы укусов. Она готова была на все, лишь бы утолить голод своей плоти. «Ты один понимаешь меня, Штефан, — вспомнил ему ее шепот. — Ты один способен дать мне то, чего мне хочется». Толика магии, доставшаяся Бранимире от бабки, помогала его любовнице легко сносить боль и ласки зверя. И Мира никогда не осторожничала, погружалась в страсть с головой, без оглядки на то, что будет после.

— Я скучала без тебя, Штефан, — словно подслушав его мысли, тихо сказала Бранимира и коснулась его руки своей. Ее голос звучал так нежно, так просительно. Только вот взгляд оставался зеркальным, и, неизвестно почему, его это разозлило. Хотелось заглянуть в душу, прочитать, понять, что думает эта непостижимая женщина, но он видел в темной глубине лишь собственное отражение.

— Я безумно хотела оказаться рядом, и вот я здесь, — шептала Мира. — Как же я соскучилась, Штефан...

Она поднялась со стула и подошла к нему, склонилась, окутала своими волосами, оплела руками, приникла к губам, напоила горечью поцелуя. И он сдался. Вопросы могут и подождать. Сначала он отпустит своего зверя, даст ему то, чего лишился прошлой ночью, позволит утолить черную страсть, а

потом... Потом уже выяснит, в чем истинная причина приезда Миры, что привело ее в Белвиль и заставило быть такой нежной и настойчивой одновременно.

— Штефан...

Женское тело так близко, так доступно. И он отринул сомнения — рванул шнуровку корсета, положил ладони на обнажившуюся грудь, отодвинул мешающую ткань платья и почувствовал, как сорвалось дыхание.

— Возьми меня, Штефан, — как безумная шептала Бранимира, впиваясь ногтями в его спину. — Так, как ты умеешь! — она стонала, извиваясь у него на коленях, подставляла под его губы бесстыдно торчащие соски, умоляла не сдерживаться. — Я не могу без тебя! — горячечно выкрикивала она. — Бери меня, сильнее, выпусти своего зверя, не сдерживай его!

И зверь услышал, вырвался на свободу, взял свое. То, что считал своим по праву сильного. Женщины, враги, добыча — он не различал разницы. Догнать, повалить, присвоить или убить — у зверя все было просто и понятно. И Штефан позволил ему насладиться победой, дал возможность получить то, чего лишил вчера, с той невинной девочкой, безыскусные поцелуи которой до сих пор бередили душу воспоминанием сладости и особого, ни с чем не сравнимого ощущения молодости и весны. Но его все больше затягивало в темный омут, и все осталось позади: и бездонные синие глаза, и неумелые прикосновения маленьких пальчиков, и робкая, как расцветающий варнийский лотос, страсть.

— Ты мой, Штефан! — почти рычала Бранимира, и его зверь согласно рычал в ответ. — Не отпущу... Не отдам...

В той фурии, что скакала сейчас на нем, никто не узнал бы благонравную и утонченную леди Берден. И это сочетание льда и огня, которое в ней было, привычно будоражило, взывая к самым темным струнам его души, искажало реальность, заставляло забыть обо всем, кроме кипящей черной бездны, в которую его утягивало безвозвратно. Застонав, Штефан отпустил себя, позволив зверю делать то, что хотелось, и впился зубами в заманчиво пульсирующую на белой коже шеи вену.

А дальше все слилось в бесконечный kaleidoscope страсти, стонов и одуряющего запаха крови, из которого они оба вынырнули лишь ближе к рассвету — обессиленные, измученные, потерявшие человеческий облик и само представление о том, где они и что с ними происходит.

Илинка

Я стояла у гостевых покоев и с отчаянием смотрела на дверь, из-за которой доносились громкие звуки чужой любви. Приезжая леди не стеснялась в проявлении чувств. Она стонала, кричала, даже рычала, и ее вопли разносились по всему этажу, вызывая понимающие усмешки женщин и одобрительные возгласы мужчин.

Не знаю, какая нелегкая принесла меня к комнатам госты и удерживала, не давая уйти, но я не могла пошевелиться, слушая бессвязные слова и низкий, утробный рык зверя. Я чувствовала, что эту приезжую своенравный зверь арна признает. Возможно, не любит, но и не отталкивает, как меня. Не считает угрозой своему хозяину. И если ему придется выбирать, он выберет Бранимиру Берден, способную разделить с ним животную страсть.

Я стояла, вслушивалась в бесстыдные звуки чужой любви и медленно умирала. Сгорала на острие ревности и боли. Мучилась, но не могла сделать шаг назад.

— Штефан, скажи, что ты мой! — послышался страстный выкрик. — Скажи!

— Твой, — словно ножом ударил меня в грудь низкий голос арна. — Весь твой...

Штефан добавил что-то еще, но я уже не слышала. Медленно, точно слепая, ничего не видя перед собой, побрела к лестнице. Вот и все. Арн сам подтвердил, что принадлежит этой оленденской чужачке, сам отрекся от того, что было между нами. Да что там? Он, наверное, уже и не помнит прошлую ночь. Это для меня после нее жизнь изменилась, а для него все было обычным развлечением.

— Илинка?

Встревоженный голос дана Кражича вырвал меня из тисков боли, что сжали душу и не давали вздохнуть. Управляющего не было в замке минувшей ночью, он за Владко охотился. Видно, поймал,

раз так быстро вернулся.

— Что это с тобой, девочка?

Дан Кражич оказался на моем пути. Я хотела его обойти, но дан не позволил. Крепко взял меня за подбородок и заглянул в глаза.

— Ты чего? — спросил он. — Случилось что?

Я покачала головой. Ничего не случилось. Ничего... И говорить не о чем.

— Идем-ка со мной, — прочитав что-то в моих глазах, решительно сказал дан Кражич.

Он ухватил меня за руку и повел за собой. А я шла и раздумывала над тем, что теперь делать. Нельзя мне больше в замке оставаться. Не смогу я на арна и его зазнобу смотреть. Не выдержу. Уходить нужно. Хватит чужой жизнью жить. Не стоит больше ждать. Паница, видать, забыла про меня, а я сижу, дожидаясь, пока кто-то за меня мою судьбу решит. Нет уж. Хватит. Надо возвращаться. Повидаюсь с матушкой, узнаю, как мое дело продвигается, с Паницей посоветуюсь. А там и решу, как дальше быть.

— Проходи, — открыв дверь своего кабинета, подтолкнул меня в комнату дан Кражич. — Садись и пиши, что с тобой приключилось.

Я посмотрела на чистый лист бумаги, а потом решительно взяла в руки перо, обмакнула его в чернила и вывела: «Прошу выдать мне расчет и документы».

Управляющий склонился надо мной, прочитал написанное, и лицо его потемнело.

— Значит, уходить собралась? — спросил он, задумчиво поглаживая кончик светлой косы.

Я кивнула.

— А причину сказать не хочешь?

Я помотала головой.

— Понятно, — медленно произнес дан Кражич, и взгляд его помрачнел. — Это из-за арна?

Я снова отрицательно помотала головой и придвинула бумагу ближе.

— Да вижу я все, — проворчал управляющий. — Только вот понять не могу, какая нелегкая тебя из замка гонит.

Я взяла перо и быстро дописала: «Хочу вернуться на родину. Надоело в сырости жить, по солнцу истосковалась».

— Ишь ты, — хмыкнул дан. — Солнца, значит, захотелось. Замерзла...

Он снова пригладил косу, отошел к окну и уставился на вершину горы, за которую цеплялись темные тучи.

Я терпеливо ждала, пока он подумает. Про себя-то я уже твердо решила, что и минуты лишней в замке не останусь. Не отдадут документы — так уйду, лишь бы от арна подальше.

— Выходит, влюбилась все-таки? — тихо спросил дан Кражич и повернулся, пристально вглядываясь мне в глаза.

Я не шелохнулась.

— А если я тебе предложу остаться со мной? — напряженно произнес он.

Я вздрогнула от неожиданности и почувствовала, как щеки опалило жаром. Это что же, меня теперь доступной считают? Шлюхой, которой все равно, с кем спать?

— Не бойся, не обижу. Все у тебя будет — и деньги, и одежда справная, и жизнь сладкая.

Я посмотрела на дана, вскочила со стула и бросилась к двери. Мать-Создательница, стыдно-то как! Неужто всякий теперь во мне только гулящую девку видит?

— Стой! — крикнул дан Кражич. — Да стой же ты!

Он легко догнал меня и дернул за руку.

— Дурочка, ну куда ты пойдешь? Ты хоть понимаешь, как опасно за стенами замка? Да тебя ведь любой обидеть может, а ты даже ответить не способна!

Он встряхнул меня, пытаюсь заглянуть в глаза, но я вырвалась и прислонилась спиной к стене, вытянув руку и не позволяя дану приблизиться.

— Значит, все решила, — понял управляющий.

Он постоял немного, глядя на меня с высоты своего роста, а потом резко развернулся, подошел к шкафу, порылся в нем и вернулся, неся в руках мои документы и какой-то мешочек.

— Вот, держи, — протянул их мне. — Твои бумаги и деньги, что за два года работы причитаются.

Лицо его потемнело, болотная зелень глаз подернулась ледяной коркой.

— Только зря ты бежишь, — голос управляющего звучал надтреснуто. — От себя ведь все равно не уйдешь.

Он махнул рукой и уставился куда-то поверх моей головы, а я глядела на могучую фигуру управляющего, на руки его мозолистые, к мечу привыкшие, на простое, дышащее силой лицо... И так мне его жалко стало! И рану, что женской рукой нанесена была и до сих пор кровоточила, как свою ощутила.

Не сдержав эмоций, подошла к дану и погладила его по плечу.

— Что? — посмотрел он на меня. — Пожалела? Не нужно.

Управляющий криво улыбнулся и накрыл мою ладонь своей.

— Береги себя, девочка, — тихо сказал он. — И от дознавателей подальше держись, они по всей округе рыщут, легкую добычу ищут.

Дознаватели... А ведь они под арна копают. Повод хотят найти, чтобы его уничтожить.

Я вернулась к столу и дописала на обороте листа все, о чем меня Зданич спрашивал. А потом свернула бумагу и подала ее управляющему.

— Что там? — спросил он, но я показала, что это не срочно, и поклонилась.

— На кухне еды собери, передай, что я разрешил, — сказал дан Кражич и добавил: — Что ж, прощай, Илинка. Вряд ли когда увидимся.

Дан порывисто обнял меня и подтолкнул к двери, а на меня такой тоской повеяло, что горько стало. Хороший человек дан Кражич. Только душа у него раненая, одинокая. И некому эту рану залечить. Если бы у Златки любви и мудрости хватило...

— Иди уже, — видя, что я застыла на пороге, резко сказал управляющий. — Или передумала? — в его голосе послышалась надежда.

Я помотала головой и выскользнула за дверь.

Глава 8

До Стобарда добралась ближе к ночи. Всю дорогу шел дождь, нудный, морсящий, и полотняный плащ, который я накинула поверх платья, вымок до нитки.

Городские ворота оказались закрыты, но калитку еще не заперли на засов, и я смогла попасть внутрь, на темную и извилистую центральную улицу. Из окон расположенных на ней домов падали тусклые отблески света, а из открытых дверей кабачков и гостиниц долетали звон посуды и аромат жареной картошки и шкварок. Я почувствовала, как рот наполнился голодной слюной.

— Посторонись! — послышался надменный голос, и по улице промчалась карета, обрызгав меня с ног до головы грязью. Я мысленно выругалась и свернула к ближайшей гостинице. Времени на то, чтобы выискивать заведение потише и попримличнее, не было. Да и не примут меня в дорогах постоянных дворах, туда простолюдинам вход заказан.

Я потянула на себя тяжелую дверь, вошла в теплое, пропахшее квасным хлебом и тушеной капустой помещение и огляделась. Зал был до отказа заполнен самыми разными людьми. Кто-то сидел за длинным, вытянутым вдоль стены столом и ел похлебку, кто-то устроился у камина и раскуривал трубку, кто-то громко храпел на лавке, что стояла у противоположной от входа стены. А прямо в центре возвышалась небольшая стойка, за которой дремал толстый, неприветливый на вид гостинник. Одутловатое лицо его заросло темной щетиной, сальные волосы свисали вдоль выступающих щек неопрятными сосульками, нижняя губа некрасиво отвисла, открыв белесую десну.

— Чего тебе? — увидев меня, набылчился хозяин гостиницы и резко добавил: — Милостыню не подаем!

Я помотала головой, показывая, что не собираюсь просить подавание, и достала заранее приготовленный ньер.

— Ишь ты, — недоверчиво пробормотал гостинник. — Настоящий?

Он подслеповато прищурился, разглядывая монету, потер ее и зычно гаркнул: — Ратка! Поди сюда!

На его зов откуда-то из-за стойки вылезла худая, замызганная девчонка.

— Чего? — недобро зыркнув на меня, спросила она.

— Отведи дану наверх, — велел гостинник.

Он сунул ньер в карман и изобразил подобие улыбки, обнажив остатки кривых зубов.

— В комнату, где Гашка померла? — переспросила Ратка.

— В нее.

— Так там еще тюфяк не поменяли, — буркнула девчонка и перекинула на плечо тонкую длинную косицу, кончик которой был похож на унылый крысиный хвост.

— Вот и поменяй, чего глазами лупаешь? У-у, бездельница!

Гостинник замахнулся на служанку грязной тряпкой, и это так напомнило Салту, что мне не по себе стало. — Отродье сварново, — ругнулся мужик и повернулся ко мне. — Ужинать тут будете али в номер принесть? — он снова попытался улыбнуться, рассчитывая выжать из меня еще один ньер, но я покачала головой, показывая, что еда мне не нужна.

Гостинник недовольно насупился.

— Чего встала? — выверился он на девчонку. — Веди давай!

Мужик добавил пару крепких словечек и отвернулся, мигом потеряв ко мне всякий интерес.

— Идемте, что ли, — буркнула служанка.

Она, не оглядываясь, поплелась к лестнице, и я, подхватив заляпанный грязью плащ, отправилась за ней. Жалкий хвостик косы бился у меня перед глазами, мелькая меж худыми, обтянутыми застиранным платьем лопатками. Когда-то платье было ярким, васильковым, нарядным, а сейчас от него осталась лишь тусклая нелепая тряпка. Вот и в жизни так. Все, что поначалу ярким и живым кажется, потом вот в такую застиранную тряпку превращается.

Комната, в которую меня привела служанка, оказалась крошечной каморкой. В ней помещались

только узкая кровать, прибитый к стене обломок доски, заменяющий стол, таз для умывания да кувшин с водой.

— Устраивайтесь, — пробормотала девчонка. — Я сейчас тюфяк поменяю. Гашка уже пять дней как померла, а постель осталась.

Она ухватила с кровати жидкий, набитый соломой матрас, покосилась на меня недобрым темным глазом и вышла, а я развязала плащ, расправила его на досках кровати и, достав из котомки небольшой лоскут, попыталась отчистить грязные пятна.

— Вот, держите.

Служанка вернулась с хиленьким матрасиком. Мне даже показалось, что он тот же самый.

— Новый, — поняла мои сомнения Ратка и посмотрела на меня с намеком.

Я только головой покачала. Теперь понятно, для чего она это представление устроила и покойницу так настойчиво упоминала.

Порывшись в кармане, я выудила полньера и протянула служанке.

— Благодарствуйте, — поклонилась та, и лицо ее изменилось. Все недовольство исчезло, глаза заблестели, и даже кончик длинной тонкой косы больше не казался унылым. — А хотите, я вам горячей воды принесу?

Видно было, что служанка рада полученной мелкой монетке и не знает, как еще услужить.

— Я быстро! — не дожидаясь моего ответа, Ратка сорвалась с места и уже спустя несколько минут вернулась с большой глиняной кружкой, над которой поднимался ароматный пар.

— Я вам липового отвару принесла, — доложила она. — Это лучше, чем простой кипяток.

Я благодарно кивнула. Конечно, горячий чай вряд ли растопит тот лед, что в душе намерз, но хоть тело согреет.

Достав из котомки два пирожка со сливами, что Богдана дала мне с собой, я оставила один себе, а второй предложила Ратке. Та замялась, но отказываться не стала. Шустро ухватила сдобу и тут же откусила от нее большой кусок.

— Вкусно, — с набитым ртом пробормотала служанка и, прожевав, добавила: — Правильно вы, дана, внизу ужинать не стали. Там полный зал дознавателей, простые люди стараются им лишний раз на глаза не попадаться.

Я почувствовала, как внутри все оборвалось. Это что же, я в самое логово имперцев угодила?

— Они весь второй этаж сняли, который день уже задарма пьют-едят, — уписывая пирожок, рассказывала Ратка. — Хозяин ругается, а сделать ничего не может. Они говорят, что граф за все заплатит, да разве ж к нему за платой пойдешь? Ну как зверь евоный на куски порвет?

Темные глаза заблестели.

— Говорят, в замке-то такие ужасы творятся! Девочек он, которые пригожие были, до крови подрал. Управляющего прямо на глазах у слуг надвое разорвал, а домоправительницу свою и дворецкого в тюрьму отправил. Я сама видела, как дознаватели их в клетки железной везли. А Блаждена сказывала, что самый страх в полнолуние начнется. Арн перекинется и пойдет по Стобарду гулять, девочек невинных портить. А потом как натешится, так и убьет всех.

Я смотрела на Ратку, на ее бледное худое лицо и вдохновенно горящие глаза и думала о том, откуда все эти слухи берутся. Арна никто и не видел толком, а небылицы про него уже по всему Стобарду расплозились. Или они потому и расплозились, что хозяина Стобарда не видел никто?

— Ратка! — раздался снизу громоподобный рык гостинника. — Ты куда опять запропастилась? А ну иди сюда, лишманка!

— Опомнись, — скривилась девчонка и запихнула в рот остатки пирожка. — Опять полночи лютовать будет, что имперцы всю сливовицу выудили.

Она осторожно приоткрыла дверь, высунула нос, огляделась и повернулась ко мне.

— Пойду, — как старой знакомой кивнула девчонка. — Ежели что понадобится — вон над кроватью веревка. Дернете — я и прибегу.

Она улыбнулась, показав крепкие белые зубы, и выскользнула из комнаты.

Поднялась я задолго до рассвета. Ночью на втором этаже шумели, дознаватели упились, во все горло имперские гимны распевали, потом драку устроили, и поспать мне так и не удалось. Хотя я бы и так не уснула. Стоило только глаза закрыть, цак тут же мысли всякие бередили, воспоминания. Ревность мучила, что змеей холодной в сердце свернулась. И тоска... Тоска по арну душу глодала. Понимала я все: и что не нужна я ему, и что другой меня с легкостью заменил, и что и не помнит уже. А перед глазами все вирош стоял, с узорами переплетенными, назад меня звал, тянул, нитями опутывал и не отпускал. А разум и причину удобную подбрасывал — пропадет без меня арн, убьют его, изничтожат.

«Ничего, не пропадет, — зло обрывала я своего невидимого собеседника. — О нем теперь есть кому позаботиться». Мысли о приезжей крале были такими горькими, что у меня аж зубы сводило и кричать хотелось. Жаль, что я не могла этого сделать. Так бы выплеснула из себя все обиды, глядишь, и полегчало бы...

Наскоро умывшись, проглотила кусок булки, запила ее оставшимся липовым отваром и, прихватив котомку, тихонько выскользнула из комнаты. В доме стояла сонная предутренняя тишина. Лишь из-за дверей, мимо которых я проходила, доносились бессвязные пьяные бормотания и залиvistый храп дознавателей. Принесла же их нелегкая.

Вниз спустилась без приключений. Плащ, пятна на котором я вчера застирала, был влажным и тяжело оседал на плечах, но я не рискнула нести его в руках. Мало ли кого по дороге встречу? Лучше личиком не светить без надобности, чтобы не запомнили.

Я уже завернула за стойку, когда дверь открылась и в комнату вместе с предрассветной сыростью вошел закутанный в темные одежды мужчина. Он откинул капюшон, и я мысленно застонала. Этому-то что здесь нужно?

— Буди всех, Неждан, — тихо сказал пришлый, обернувшись к вошедшему вслед за ним здоровяку.

— Будет сделано, дан Зданич, — кивнул тот и направился к лестнице, а я нырнула под стойку и затаилась.

Мать-Создательница, только Зданича не хватало! Если он меня увидит, точно задержит. И тогда уж мне никто не поможет.

Я стиснула руки, лихорадочно размышляя, как выбраться из западни, и вдруг увидела два блестящих глаза, глядящих на меня из темноты.

— Прячетесь? — послышался едва уловимый шепот.

У меня от сердца отлегло. Ратка. Девчонка свернулась в самом углу, под какой-то рваной дерюжкой и смотрела на меня с недетской серьезностью.

Я кивнула и приложила палец к губам. Служанка мотнула головой, показывая, что поняла, и прикусила губу. На лице девчонки застыло задумчивое выражение.

— Вывести вас отсюда? — спросила она спустя пару минут все тем же, едва уловимым шепотом.

Я уставилась на нее вопросительным взглядом.

— Тут черный ход есть. Дадите полньера — покажу, — ответила Ратка.

Я торопливо кивнула.

Девчонка осторожно вывернулась из тряпья и прислушалась. Наверху раздались громкие голоса, топот обутых в тяжелые сапоги ног, смешки и ругань.

Ратка удовлетворенно кивнула, потянула меня за руку и поползла к тонущему в темноте столу. Я осторожно двинулась следом, молясь Создательнице, чтобы Зданич нас не заметил.

Негромкий кашель, долетевший от двери, заставил меня замереть на месте и зажмуриться. Время застыло, секунды растянулись в часы, а я стояла на четвереньках и боялась пошевелиться. Ратка тоже приникла к полу.

— Дан Зданич! — послышался громкий возглас здоровяка. — Тут Збержику помощь ваша требуется, у него с головой что-то, видать, память отшиб! Не помнит, кто он и как его зовут.

— Сварновы дети, — послышался в темноте недовольный голос. — Нельзя и на день без присмотра оставить. Скажи этому дурню, что имя ему ни к чему помнить, главное, чтобы не забывал, кому служит!

Зданич дошел до лестницы и поднялся наверх, а мы с Раткой быстро доползли до кухонной двери, ввалились в пустое, пропахшее луком помещение, и оттуда девчонка вывела меня на задний двор.

— Вот по этой тропке ежели пойдете, — указала Ратка, — прямо к городским воротам выйдете. Давайте монету, — тут же ухватила она меня за руку. — Вы обещали.

Я порылась в кармане и протянула ей последние полньера из тех, что на дорогу отложила. Остальные у меня припрятаны под платьем были, но если так и дальше пойдет, то до побережья от них мало что останется.

— Дознаватели сегодня в Старкон поедут, так что вы по тракту не идите, лучше лесочком пробирайтесь, — деловито спрятав монету за пазуху, посоветовала девчонка.

Я кивнула и пошла по указанной тропинке, а Ратка, понаблюдав за мной немного, пробормотала что-то еле слышно и скрылась в доме.

Три дня пути пролетели незаметно. Днем я шла по тракту, ведущему к Мардису, а ночи коротала в крестьянских ригах, благо дожди прекратились. Пару раз мне удалось пристроиться к купеческим обозам, половину пути проехала на попутной бричке, и к срединнику добралась до границы Алмазного края.

Брод — город-крепость, служащий перевалочной базой между двумя провинциями, встретил меня неярким солнцем и теплом. После привычной уже сырости Стобарда несмелые солнечные лучи показались нестерпимо яркими, и я невольно щурилась, разглядывая пушистые белые облака, высокие серые башни городской стены и распахнутые настежь ворота.

Я миновала их, незаметно проскользнула мимо играющих в кости стражников и остановилась рядом с постоялым двором. Он был самым последним в ряду невысоких гостиниц, прилепившихся вдоль пыльной дороги. Узкая, местами вымощенная камнем улочка петляла и поднималась вверх, к центральной площади, но там мне нечего было делать. Я и в город-то вошла только в надежде найти попутчиков до Мардиса. Из Брода на побережье часто отправлялись обозы, везущие выделанные кожи и пиво. Все они проезжали через городские ворота, и мне только и нужно было, что дожидаться подходящего вознищу. Молодых я старалась избегать, предпочитая пожилых и степенных, чтобы в переплет не попасть.

— Ух, погодка-то какая! — послышался напевный мардисский говор. — Благодать! А завтра, не иначе, дождь будет. Ишь, как тарика низко летают!

Я обернулась.

У расположенного чуть поодаль постоялого двора сидела дородная черноволосая баба в расшитом яркими узорами наряде и лузгала семечки. Рядом с ней стоял невысокий плюгавенький мужичок, на лице которого застыло тупое безразличие.

— Слышь, красавица, а ты, случаем, не комнату ищешь? — спросила баба, полоснув по мне быстрым взглядом.

Я отрицательно покачала головой.

— А то смотри, недорого возьму, — напевно произнесла она. — Вот и Блажко подтвердит, что у нас лучший постоялый двор во всем Броде. За два ньера — и кров, и еда. Где еще такое найдешь?

Мужик что-то неохотно буркнул и снова застыл, тупо глядя на копошащихся у забора кур.

— Так что? Останешься? — спросила баба, стряхивая с цветастого подола шелуху.

Я снова мотнула головой и поторопилась отойти от словоохотливой хозяйки гостиницы. Как ни хотелось мне отдохнуть с дороги, но деньги нужно было экономить. Кто знает, что меня в родном городе ждет?

— Посторонись! — раздался громкий окрик.

Я отпрыгнула в сторону и оглянулась. По пыльной дороге медленно ехала бричка, в которой сидел краснощекий толстяк в нелепой приплюснутой шляпе.

— Доброго здоровьичка, дан Костич, — помахала ему рукой хозяйка постоялого двора. — Куда это вы собрались?

— В Мардис, — утирая потное лицо, пропыхтел мужик.

— Хозяйка послала али сами надумали? — в голосе бабы звучало жадное любопытство.

— Да вместе с хозяйкой и надумали, — ответил толстяк и натянул вожжи, останавливая лошадь. — Говорят, в Мардесе завтра корабль из Дракена ждут, вот хотим вин заморских закупить.

— Хорошее дело, дан Костич, — расплылась в улыбке баба, но в черных глазах ее мелькнула зависть.

— Я так хозяйке и сказал, — не замечая этого, довольно кивнул мужик. — Чем наша корчма хуже других? Будем новые порядки заводить. Тем более что хозяин Стобарда вернулся, а за ним и воины его подтянутся, а те к заморским винам привычные. Нет, нашу ратицу они тоже уважают, но мы ж не без понятия, разбаловались они там, по заграницам, затребуют какое-нибудь «Моз-де-Ларе», а мы им: «Вот, пожалуйста, милостивые даны!» Все честь по чести.

— Люди бают, что арн войско собирает, на императора войной идти, — негромко, почти заговорщически, сказала баба. — Земли предков отбирать.

— Брешут, поди, — махнул рукой толстяк.

— Да? А у нас вчера целый отряд стражников останавливался, дорогу на Стобард спрашивали, сказали, к лорду Крону на службу наняты. А зачем ему войско, ежели не для войны?

Я затаила дыхание.

— Ну, то не наше дело, — снова утирая потное лицо, пропыхтел толстяк. — Господарь сам знает, для чего ему воины занадобились, — он сунул платок в карман и добавил: — Прощевайте, дана Боженка, пора мне.

— Чистого пути, дан Костич, — напевно произнесла баба, провожая соседа недобрым взглядом.

Дан причмокнул, понукая лошадь, бричка со скрипом тронулась с места, и я решила. Подбежала к толстяку и жестами попросила меня подвезти.

— Куда тебе? — спросил тот. — До самого Мардеса?

Я закивала.

— А деньги у тебя есть?

Я достала ньер.

— Ну, залазь, — согласился мужик. — Вместе всяко веселей, чем одному.

Он улыбнулся и поправил свою шляпу.

— Да и места у меня много. Не стеснишь.

Я быстро забралась в повозку, та бодро покатила по пыльному тракту, и вскоре Брод скрылся за поворотом.

К Мардису мы подъехали поздним вечером. Всю дорогу возница развлекал меня рассказами о своем постоялом дворе, о хозяйке, оставшейся дома с тремя детьми, о старшем сыне, что на заработки в Ирдень подался, о свинье, которая накануне опоросилась и пяток отличных свинок принесла. Я слушала его, но мыслями была далеко. В Белвиле. Я думала о том, что сейчас в замке происходит, чем арн занят, уехала ли его гостья или лорд Штефан ее хозяйкой своих земель оставил? А еще о ночи той, что меня до небес вознесла, а потом жизнь надвое расколола. И так больно на душе от этих воспоминаний было, что хоть плачь. Только вот слезами ничего не исправить, это я уже давно поняла, потому и крепилась.

— Тебя где посадить? — спросил дан Костич, когда мы миновали городские ворота.

Я знаками показала, что сойду прямо здесь.

— Что, на окраине? — удивился дан.

Я кивнула.

— Ну что ж, дело хозяйское, — крикнул дан Костич. — Да ладно, спрячь ты свои гроши, — отказался он, когда я протянула ему ньер. — Я с них не разбогатею, а тебе пригодятся. Это я специально при Боженке про деньги спросил. Послал же Скарэг соседку — первая сплетница в Броде, растрезвонит по городу, что дан Костич девиц катает, знамо за какие услуги, потом не отмоешься.

Он усмехнулся, а я приложила ладонь к сердцу. Все-таки милостива ко мне Создательница, сколько добрых людей послала! Считаю, за всю дорогу я только шесть ньеров потратила.

— Береги себя, девочка, — неожиданно серьезно сказал дан и осенил меня знаком, отводящим беду. — Пусть пути твои будут легкими.

Я поклонилась, дан Костич тронул свою лошадку, и бричка загрохотала по каменной мостовой. Она удалялась в сторону центральной площади, а я смотрела на нее и думала о том, что прежняя жизнь закончилась и ее уже не вернуть. Назад пути нет. И так горько стало. Снова алые глаза привиделись, зверь непокорный, из них выглядывающий, крупные руки, умеющие быть удивительно нежными...

Создательница! Почему я не могу выкинуть арна из своего сердца? Отчего трепещу вся, стоит только вспомнить, как он над моим телом властвовал?

И зачем терзаю себя этими воспоминаниями? Разве ж от того, что я все время думаю об арне, что-то изменится?

Я утерла повлажневшие глаза и решительно свернула на Урден-нье — улицу гончаров. Когда-то давно мы с Паницей навещали ее старого знакомого, и она мне сказала, что в случае нужды я всегда могу к нему обратиться. Вот сейчас я и решила зайти к дану Скревецу, и попроситься на ночлег. Заодно и о наставнице расспросить. Непокойно у меня на сердце было, все казалось, что не просто так Паница никаких вестей не шлет.

Дом дана Скревеца нашла быстро. Он выделялся высокой, сложенной башенкой крышей и сказочными глиняными фигурками, охраняющими крыльцо. Тут были и крылатые драконы, и диковинные птицы, и стоящие на хвостах змеи. Я дернула шнур звонка и прислушалась. В доме раздался мелодичный перезвон колокольчиков, а следом в окнах второго этажа мелькнул свет.

— Ну, кого там еще принесло? — послышался ворчливый голос. — Ночь-полночь, а им не спится, так и шастают!

Я задрала голову и увидела высунувшуюся из открытых створок физиономию дана Скревеца. Вид у гончара был недовольный и заспанный, а из-под белого ночного колпака торчали взлохмаченные седые волосы.

— Кто такая? — прищурившись, спросил дан.

Я скинула с головы капюшон и скрестила пальцы, надеясь, что гончар узнает знак обережников и сумеет меня вспомнить.

— Ох ты ж, Мать-Создательница! — охнул дан Скревец и тут же исчез из окна, чтобы через несколько минут распахнуть дверь и втянуть меня внутрь.

— Элиния? — неверяще спросил он. — Девочка, ты откуда здесь?

Я попыталась знаками объяснить, что вернулась домой.

— Вот уж неожиданность, — пробормотал старик и коснулся моего лица скрюченными пальцами, провел ими по лбу, по щекам, словно не доверял собственным глазам и хотел убедиться, что это действительно я. — И совсем не изменилась. Повзрослела только.

Я знаками спросила, давно ли он с Паницей встречался.

Старик как-то странно посмотрел на меня и закашлялся. А потом молча взял за руку и потянул на кухню.

— Ты садись, — суетился он, усаживая меня за стол и доставая из буфета накрытую льняной салфеткой тарелку. — Голодная небось? Вот покушай, а я пока чай заварю. Мята в этом году душистая, как никогда, уродилась, — не глядя на меня, говорил дан, продолжая кружить по кухне.

А у меня в душе что-то свербело, скреблось, неприятности чуяло. Не выдержав неизвестности, я ухватила дана Скревеца за руку и заставила посмотреть мне в глаза. Тот без сил опустил на стул и устало вздохнул.

— Нет больше Паницы, Элиния, — грустно сказал он, и я увидела, как из его чистых, похожих на детские глаз потекли слезы. — Погубили ее имперцы проклятые.

Дан Скревец всхлипнул и утер дрожащей рукой мокрые щеки, а у меня внутри будто заледенело все. Как же так? Не могла Паница умереть! И при чем тут имперцы?

Я требовательно посмотрела на дана.

— Давно они на обережников злобились, — пояснил тот, — ревновали, что люди за старую веру держатся и Панину за святую почитают, вот злоба их и нашла выход — подожгли они монастырь.

Ночью с разных сторон одновременно магические огни кинули. Сестры как раз в храме молились, когда все вокруг запылало. Никому спастись не удалось. Паницу у статуи Создательницы потом нашли, колена преклоненной. Не тронул ее огонь, как живая осталась, даже волосы не сгорели.

Я слушала старика и все сильнее стискивала кулаки. Ненавижу! Как же я ненавижу этих мерзких имперских ублюдков! Сколько зла от них, сколько боли! И никакой управы на этих выродков нет...

— Вот так вот, девочка. Ничего от обители не осталось, дотла выгорела. А остатки стены монастырской наместник велел с землей сровнять. Сказал, что на этом месте новый храм построит, Аэсту посвященный, и научит нас, диких, общую веру исповедовать.

Старик говорил, а у меня перед глазами проплывали родные лица сестер, воспитанниц, наставницы, и в сердце такая боль скапливалась, что хотелось кричать — громко, неистово, чтобы всю ее выплеснуть, до последней капли. Но я не могла. Сердце беззвучно рыдало, рвалось из груди, кровью захлебывалось, а с губ только сиплое дыхание срывалось.

— Тихо, девочка, тихо, — бормотал старик, поглаживая меня по руке и с тревогой заглядывая в глаза. — Поплачь, чтобы боль со слезами вышла, — уговаривал он меня, да только напрасно. Не было у меня слез. Закончились. Одна ярость в груди осталась. И неистовое желание отомстить.

— О-хо-хо, деточка, — шептал дан Скревец, и губы его жалко дрожали. — Кто ж знал, что все так выйдет? Да ты кушай пирог вот, с капустой, — подсовывал он мне тарелку. — А я чай поставлю...

Он поднялся и, шаркая, двинулся к печи, но я вскочила из-за стола и остановила его.

— Не хочешь? — понял старик. — Что ж, пойдем, покажу тебе комнату. Отдохнешь с дороги, выспишься, а там уже и решим, как дальше быть.

Он вывел меня в темный коридор, поднял повыше свечу и медленно двинулся к лестнице.

— Вот такая у нас теперь жизнь, Элиния. В Сходнице обитель закрыли и в Бореце, в Корицах последняя осталась, да и ту, говорят, скоро упразднят. Лютуют маги, хотят старую веру под корень извести, выслуживаются перед императором.

Дан Скревец поднимался по ступеням и рассказывал, какие перемены наш край захлестнули, а я слушала и понимала, что за те два года, что на чужбине провела, время не стояло на месте и то приморье, которое я помнила, осталось в прошлом.

— Ну вот, устраивайся, — открыв одну из дверей на втором этаже, сказал старик. — Тут когда-то Маленка, дочка моя, жила. Думаю, тебе здесь удобно будет.

Он посторонился, пропуская меня в небольшую, тесно заставленную мебелью комнатку, и вошел следом.

— Да, как жизнь-то летит, — вздохнул дан Скревец, зажигая стоящую на столе свечу. — Кажется, только недавно по дому маленькие ножки бегали. Такая она у меня хохотушка неугомонная была, хозяйка за ней уследить не могла. А теперь уж солидная дана стала, своим домом управляет, муж, детишек пяток да подворье. Редко ко мне заглядывает.

Старик обвел комнату взглядом и кивнул каким-то своим мыслям.

— Обустройвайся, Элиния, — добавил он. — Ежели что понадобится — стучи, я тут рядом, за стенкой.

Я поклонилась, благодаря гончара, а тот посмотрел на меня грустным взглядом, покачал головой и вышел.

Утро застало меня на ногах. Как ни пыталась я уснуть, ничего не вышло. Глаза сухие были, словно песком засыпанные, в груди комок стоял, будто спеклось там что-то, застыло ребристой глыбой, а в голове мысли зрели — темные, отчаянные. Не могла я смириться с тем, что Паницы больше нет. И смерть ее мученическую принять не могла. И так хотелось имперцам отомстить, уничтожить и их самих, и память о них. Вот только придумать не могла, как этого добиться.

Едва рассвело, я спустилась вниз, растопила печь и поставила на огонь чайник. А потом села к окну и уставилась на улицу, наблюдая, как медленно просыпается город. В домах напротив распахивались окна, из дверей показывались заспанные бабы, выставляющие за порог кувшины для молока, из соседнего флигеля слышалась брань, а где-то вдалеке звенел колокольчик молочника.

Я чуть отодвинула занавеску и увидела, как тощий паренек тащит свою тележку с двумя большими бадьями, останавливается и разливает по кувшинам молоко, а потом снова впрягается и идет дальше, в сторону Керде-нье — улицы пекарей.

— Уже проснулась?

Дан Скревец зашел в кухню и, шаркая, подошел к печи.

— Ишь ты, и чай заварила, — удивился он. — Молодец. В буфете пирог оставался, а в подполе масло и сыр есть, ты бы достала.

Старик кивнул на вбитое в полу кольцо.

Я потянула его и спустилась вниз, в холод подвала.

— Там еще варенье есть, справа на полке стоит, — крикнул мне сверху дан. — Бери и его.

Уже позже, когда мы с гончаром сидели за столом и пили травяной чай, дан Скревец спросил:

— И что ты собираешься делать?

Я попыталась объяснить, что хочу увидеть матушку, узнать, что с моим делом, а тогда уже и решу, как дальше быть.

— Вечером один мой знакомый в Кравер едет, может и тебя захватить, — подумав немного, предложил старик.

Я кивнула.

— Только осторожнее нужно быть, — вздохнул гончар. — Если я тебя сразу угадал, так ведь и другие признают.

Я снова кивнула. Дан Скревец мог бы и не предупреждать, я уже и сама думала о том, что нужно как-то скрыть лицо. И у меня даже идея появилась.

— Что? — спросил старик.

Я показала на себя и изобразила чардаф, что жены каринских мунисов носили.

— А ведь и верно, — одобрил гончар. — Ты пока посиди здесь, а я схожу к дану Строжеку, попрошу тебя с собой взять, ну и на обратном пути к дану Осеку зайду, чардаф куплю. А в нем тебя не только стражи, матушка родная не признает.

Это точно. Мунисы были обитателями равнинной части Кравера. Держались они особняком, жили по своим законам и были до крайности вспыльчивыми и воинственными. С ними даже имперцы старались без надобности не связываться.

— Дан Строжек и сам на муниса похож, такой же заросший, сойдете за семейную пару, — задумчиво произнес гончар. — И вот еще что, ты сразу-то к дому своему не иди, покрутись вокруг, присмотришься, что к чему.

Я кивнула.

— По-хорошему, разведать бы все, послать кого-нибудь к твоей матушке, договориться о встрече, — продолжил дан Скревец, — но ведь тебя не удержишь.

Это точно. Не могла я ждать. Мысль о том, что уже сегодня вечером я смогу увидеть матушку, была тем единственным, что поддерживало меня и не давало скатиться в отчаяние.

— Ладно, — старик поднялся и пошел к выходу, но на пороге обернулся. — Ты только из дома не выходи, — сказал он мне. — И не открывай никому. А уж я постараюсь побыстрее обернуться.

Я согласно кивнула и принялась убирать со стола, а дан Скревец снял с вбитого в стену гвоздя шляпу и вышел из дома.

Поздно вечером я покинула Мардис. Дан Строжек оказался крупным темноволосым мужиком, заросшим настолько, что на лице его одни синие глаза да белые зубы сверкали. А все остальное скрывалось под лохматыми волосами и густой бородой.

— Ну, садись, что ли, жена, — усмехнулся он, когда я подошла к повозке.

— Прощай, девочка, — обнял меня гончар. — Будь осторожна и пусть сохранит тебя Мать-Создательница.

Я поцеловала колючую от седой щетины щеку и запрыгнула на обитую дерюгой скамью.

— Но! Трогай! — прикрикнул на лошадь дан Строжек, и колымага загрохотала по камням мостовой.

Мы проехали улицу гончаров, выехали за городские ворота и свернули на Кравер. Мой попутчик оказался неразговорчивым. Он молча правил лошадь и смотрел прямо перед собой, не болтая и не задавая вопросов. Впрочем, мне это было только на руку. Волнение от скорой встречи с матушкой делало меня невнимательной ко всему остальному.

Дорога долго вилась среди полей, потом пошли виноградники наместника, а дальше повозка проехала предместья, и колеса загрохотали по звонкому камню анкерского тракта.

Когда-то давно все побережье принадлежало керам — древнему воинственному народу, поклоняющемуся двенадцати богам. Неизвестно, что заставило керов уйти, но после них остались сложенные из необычных камней храмы, крепкие ровные дороги, которые соединяли между собой все города и села побережья, и красивейшие акведуки.

— Подъезжаем, — негромко предупредил дан Строжек, но я и без его слов уже увидела раскинувшийся у горы Аут-Кан город. Сердце замерло, а потом забило быстро-быстро. Моя родина... Любимый Кравер.

Дорога пошла вверх, по обеим ее сторонам светились окна загородных особняков знати, а я вглядывалась в них, стремясь обнаружить тот дом, в котором родилась и провела все свое детство. Вот имение Строни, следом огромный дворец Уберни, а дальше наш бывший особняк. Он белел своими стенами, и на их фоне старые кипарисы казались темными стражами, охраняющими покой обитателей поместья. На глаза навернулись слезы. Сколько счастливых лет прошло под этой черепичной крышей, сколько добрых и теплых воспоминаний осталось в сердце. Ах, если бы папенька не пристрастился к картам!

Я вздохнула и посмотрела на дорогу. Впереди темнели высокие городские ворота.

— Не высовывайся без дела, — негромко сказал дан Строжек. — Если остановят, смотри в землю, я сам со стражниками поговорю и все решу.

Он чуть придержал лошадку, заставив ту замедлить ход, и мы въехали под темную каменную арку.

Предупреждение дана оказалось напрасным. Нас никто не остановил, и повозка спокойно проехала мимо воинов и покатила по просторной Артен-нье, а с нее свернула на площадь Роз и двинулась к центру. Я разглядывала знакомые с детства дома, темные окна лавок, узкие улочки и широкие проспекты.

— Дан Скревец сказал, что тебе нужно на Бойнер-нье? — повернулся ко мне дан Строжек.

Я кивнула.

— К самому дому подъезжать не будем, — предупредил дан. — Я подойду и постучу в дверь, а ты со стороны понаблюдаешь. Проверим, кто там живет.

Он свернул на Койлер-нье, миновал ее почти до конца и направил лошадь к Бойнер-нье. Мы проезжали особняки соседей, лавку дана Убжича, новый магазин дана Кольна, меняльную лавку. Слева остался старый храм Создательницы, окна и двери которого были заколочены крест-накрест. И вот наконец показался поворот, а за ним наш дом.

Особняк совсем не изменился. После того как папенька разорился и умер, матушке пришлось переселиться в небольшой двухэтажный коттедж в старой части города. Здесь жили в основном купцы, ростовщики и зажиточные горожане. Конечно, с районом Аут-вар, где мы обитали раньше, Бойнер-нье не шла ни в какое сравнение, но выбирать нам не приходилось.

Я смотрела на увитый плющом дом, на светящиеся в спальне матушки окошки, и сердце билось в груди часто-часто, будто взволнованная птаха.

— Сиди здесь и смотри, — прыгнув с брочки, тихо сказал дан Строжек.

Он поправил рубаху, направился к крыльцу, и вскоре тишину улицы нарушил негромкий стук.

Я затаила дыхание. Надежда увидеть матушку заставляла меня всматриваться в темный проем и до боли сжимать руки. Как мама жила все это время? Что ей пришлось испытать из-за моего побега? Здорова ли она?

— Кто? — послышался глуховатый мужской голос.

— У меня поручение для хозяйки этого дома, — ответил дан Строжек.

Дверь тут же распахнулась, и я удивленно уставилась на высокого мужчину, вышедшего на крыльцо. Дамир. Это был мой жених, я его узнала. Он почти не изменился, только еще больше раздался в плечах и, кажется, стал выше ростом.

— Ну? — спросил он, глядя на дана Строжека.

— Это дом леди Скерци? — переспросил тот.

— Что вы хотите ей передать?

Я не стала больше ждать. Соскочила с повозки и побежала к крыльцу.

— Это еще кто? — недовольно покосился на меня Дамир.

Он нахмурился, отчего его густые темные брови сошлись на переносице, а я размотала чардаф и в упор посмотрела на своего бывшего жениха. В карих глазах отразилось узнавание.

— Элиния!

Дамир едва заметно вздрогнул, шагнул вперед и коснулся моего лица, словно не веря, что перед ним не призрак, а живой человек.

— Элиния, — снова прошептал он. — Это правда ты?

Я кивнула.

— Но как?.. Где же ты была столько времени? — он продолжал касаться моих щек, плеч, рук, будто не в силах поверить, что я действительно стою перед ним.

— Ты его знаешь? — вмешался дан Строжек.

Я утвердительно мотнула головой.

— Стало быть, я могу ехать? — обрадовался мой провожатый. — А то ведь корабль из Денера ждать не будет, а мне еще товар грузить.

Я снова кивнула.

— Ну, прощайте, — торопливо кивнул мой провожатый.

Он смял в руках картуз и пошел к своей бричке, на ходу бормоча что-то о том, что наконец-то сбыл с рук беспокойную девицу.

— Что же мы стоим? — опомнился Дамир. — Проходи в дом, там поговорим.

Он затащил меня внутрь, захлопнул дверь и снова замер, разглядывая каким-то странным взглядом.

— Ты стала еще красивее, — голос Дамира звучал хрипло. — В тебе появилось что-то, в глазах, — он не договорил, снова коснулся моей щеки, провел по ней пальцем и прихватил нижнюю губу. — Повзрослела...

Дамир смотрел на меня, и я видела, как разгорается в темных глазах горячее, порочное пламя.

— Элиния...

Я дернулась и отстранилась. Не нравилось мне происходящее. И в сердце тревога звенела — тоненько, как натянутая нить основы. Что делает кузен в нашем доме? И почему матушка до сих пор не вышла?

— Чего? — переспросил Дамир, когда я попыталась узнать, где маменька.

— Дамир? Кто там? — неожиданно послышался сверху звонкий женский голос.

Я растерялась, а мой бывший жених вздрогнул, будто пришел в себя, но ответить не успел. Ступени лестницы заскрипели под чьими-то шагами, и в холл спустилась миловидная девушка в шелковом халате, накинутом поверх ночной сорочки.

Я смотрела на нее, пытаясь понять, что происходит и кто эта леди? Видимо, девушка занималась тем же.

— Что это за женщина? — подойдя ближе, настороженно спросила она. Ее тонкие брови чуть нахмурились, а в красивых голубых глазах застыло недоумение. — Ну, чего ты молчишь, дорогой? Зачем ты впустил в наш дом эту оборванку?

В наш дом? Дорогой? Я вопросительно посмотрела на своего бывшего жениха, требуя от него объяснений, но ответил он не мне.

— Ланица, успокойся. Тебе вредно волноваться, — взяв девушку под руку, тихо сказал Дамир. На лице его появилось непривычно заботливое выражение. И глаза изменились — в них была нежность. — Это знакомая бывшей хозяйки, она приехала из Эрца, не зная, что леди Скерци уже почти два года как нет в живых.

Создательница... Дамир говорил что-то еще, но я не слышала, оглушенная его словами. Матушка умерла... Умерла. Ее больше нет. Моей доброй, светлой и бесконечно любимой матушки больше нет... Сердце отказывалось в это верить. Не может Создательница быть так безжалостна! За что она отобрала у меня всех, кого я любила? Почему не позволила даже попрощаться?

Перед глазами все поплыло.

— Элиния, ты слышишь меня? — пробился сквозь пелену боли голос Дамира. — Тебе есть куда пойти?

Я с трудом покачала головой. Некуда мне идти. И не к кому. Все. Больше у меня никого не осталось. Никого...

— Дамир, ты ведь не собираешься оставлять ее в нашем доме? — донесся до меня громкий шепот Ланицы.

— Успокойся, дорогая, — тихо произнес Дамир. — Иди в спальню и ложись, я все улажу.

Он осторожно подтолкнул жену к лестнице.

— Не задерживайся, — с намеком сказала Ланица, окинув меня настороженным взглядом. — И денег ей не вздумай давать, а то знаю я таких — вечно они норовят свои беды на чужие плечи переложить.

Она говорила что-то еще, но я не вслушивалась в сердитую речь, наблюдая за всем словно со стороны. В голове билась только одна мысль — матушка умерла... Перед глазами стояли ее нежное лицо, лучистые глаза, сдержанная улыбка, тонкие пальцы, в которых мелькала игла... В ушах звучал тихий напевный голос с легким азиатским акцентом. Как же так? Моя мама была такой молодой, вирош ее жизни еще и за середину не перевалил! Отчего она умерла? Что с ней случилось?

— Идем, нужно поговорить, — дождавшись, пока Ланица скроется наверху, сказал Дамир.

Я только вздохнула. О чем нам разговаривать? О том, что кузен и бывший жених унаследовал дом моей матери? Или о том, что он собирается делать дальше?

— Ты ведь понимаешь, что тебе нельзя здесь оставаться? — спросил Дамир, едва мы оказались в кабинете. — Нет, я тебя не гоню, сегодня можешь переночевать, но завтра утром ты должна уйти. Пойми, Элиния, у меня есть обязательства. Я служу в Совете, моя жена ждет ребенка, нам не нужны неприятности. Если кто-то узнает, что я помог беглой преступнице...

Он не договорил. Хмуро посмотрел на меня и наморщил лоб, раздумывая, как поступить. А я глядела на кузена и думала о том, что он вполне способен выставить меня на улицу прямо сейчас, не дожидаясь утра. Мысли эти были вялыми, они ничего не будили в душе — ни обиды, ни возмущения, ни ненависти. Все это не имело значения по сравнению с тем, что моей любимой матушки больше нет на этом свете. Какая разница, где ночевать? Нет, попадаться на глаза ночным стражам не хотелось, благоразумие подсказывало дождаться рассвета и уже тогда незаметно уйти, но я не могла сейчас сосредоточиться ни на чем, кроме одного. Матушка. Моя милая, любимая матушка...

— Ладно, утром решим, что с тобой делать, — придя к какому-то решению, сказал Дамир. — А пока можешь поспать тут на кушетке.

Я посмотрела на него и горько усмехнулась. Бросил подачку, словно нищенке.

Кузен, видимо, понял мой взгляд. Он как-то неловко дернул плечом, а потом подошел ко мне вплотную и тихо спросил:

— Осуждаешь?

Пальцы его снова коснулись моей щеки, но я отстранилась.

— Осуждаешь, — кивнул Дамир. — Праведницей себя считаешь. Ты вся такая невинная страдальца, а мы — так, грязь под ногами? Да только куда тебя твоя праведность привела?

Он криво усмехнулся и сунул руки в карманы штанов.

— А ведь я любил тебя, Элиния. Когда ты в тюрьму попала, места себе не находил, чуть с ума не сошел. И сейчас ведь как увидел, так в душе все вспыхнуло, хотя столько времени прошло...

Он покачал головой, и в глазах его мелькнуло сожаление и что-то еще, чего я не смогла понять.

— Кстати, этой твоей старухи тоже больше нет, — уже другим тоном добавил он. — Померла. Некому больше людям головы душить. Хоть и говорят, что мертвых только добром помянуть нужно, но туда ей и дорога, вместе с ее бережной ересью.

Я вскинула голову, вглядываясь в повзрослевшее лицо бывшего жениха. Вот, значит, как он запел! Ересь... А ведь когда-то гордился, что я особой магией владею, и перед Паницей заискивал, благословения ее просил.

— Что? — понял мои мысли Дамир. — Глупый был, верил во всякие бредни.

Я горько усмехнулась. А теперь, выходит, поумнел? На имперцев работает, новую веру принял... Да, хорошо же мой бывший жених устроился.

— Вот через этот твой характер поганый у нас и не получилось ничего, — будто услышав мои слова, сказал Дамир. — Как была слишком правильной, так и осталась.

Я не отреагировала на его речи. Подняла взгляд и попыталась знаками выяснить, что с матушкой случилось.

— Когда ты сбежала, ее дознаватели допросами замучили, все выясняли, кто тебе помог. Вот она и не выдержала, после очередного вызова в Тэрн, слегла, да так больше и не встала.

Я сжала кулаки, пытаюсь одержать накатившую боль. Бедная маменька! Это я в ее смерти виновата. Из-за меня она с жизнью рассталась раньше срока...

— Дом, как видишь, мне достался, по-родственному, — хмуро добавил Дамир. — Надеюсь, у тебя хватит ума не пытаться его вернуть? Твое дело так и не закрыли, стоит тебе появиться в Совете, как первый же стражник дознавателям сдаст.

Это я и без кузена знала. Права Дамира можно было бы опротестовать в суде, но соваться туда бессмысленно. Старое здание городского совета напрямую соединено с Тэрном — главной краверской тюрьмой. А там для меня завсегда местечко найдут, можно даже не сомневаться.

— Вот видишь, ты сама все понимаешь, — кивнул Дамир. Глаза его нехорошо блеснули. — Веди себя тихо, — усмехнулся он и вышел из комнаты, оставив меня одну, а я проводила его взглядом, медленно подошла к письменному столу и провела рукой по деревянной столешнице.

Когда-то этот стол стоял в просторном кабинете нашего прежнего особняка. Я словно воочию увидела сосредоточенного отца, разбирающего бумаги, его красивое лицо и длинные темные волосы, небрежно стянутые в хвост, ощутила крепкий аромат краденского табака и услышала солидный бой огромных напольных часов, что стояли в простенке между окнами. Когда мы с матушкой переезжали, часы пришлось оставить, потому что в новом доме для них было слишком мало места. А папенька их любил. Помню, когда я была совсем маленькой, он часто брал меда на руки, останавливался напротив большого, украшенного золочеными фигурками циферблата и вполголоса напевал колыбельную. А часы степенно базили, вплетая свой мягкий бой в слова немудреной песенки. Потом папенька относил меня в детскую, к няне, и вскоре туда приходила матушка, чтобы поцеловать меня и пожелать доброй ночи. Я словно вживую ощутила прикосновения ее теплых рук, увидела склоненную надо мной фигуру и даже золотую подвеску разглядела, в виде маленькой птички. Душа плакала, а слез не было.

Я гладила блестящую столешницу, вспоминала прошлое, нашу спокойную жизнь, наполненную тихими радостями и тысячей мелочей, которые есть в жизни каждой счастливой семьи. Если бы папенька не связался с лордом Керли... Если бы он сумел удержаться от денежных спекуляций и карточной игры...

Взгляд неожиданно упал на один из ящичков. Тот был закрыт неплотно, и я, повинувшись неясному желанию, открыла его и заглянула внутрь. Какие-то бумаги, несколько перьев, связка писем — обычные, ничего не значащие вещи. И вдруг внезапно пришло воспоминание, как матушка отодвигает одну из планок стола и кладет в появившееся углубление старый родовой перстень, что в ее семье из поколения в поколение передавался.

Почти ни на что не надеясь, я нащупала нужную дощечку, нажала на нее, и та легко сдвинулась с места. А под ней тускло блеснул красный, как кровь, рубин. И чем больше я на него смотрела, тем ярче он становился, наливаясь алым светом, почему-то напомнившим мне о Штефане...

Я сжала пальцами холодный ободок, скрывая разгорающееся пламя, и вздохнула, а потом сунула

кольцо за корсаж, в пришитый изнутри кармашек, заговоренный обережным орнаментом. Такая вышивка отводила взгляд, не позволяя посторонним увидеть то, что не предназначено для чужих глаз. Только самые близкие могли спрятанное обнаружить.

На душе стало чуточку легче. Нет, я не смирилась с мыслью о матушкиной смерти, просто сейчас, когда рядом с сердцем было ее кольцо, глухое отчаяние отступило. Словно бы сама мама обняла меня и коснулась губами моего лба.

Я прилегла на кушетку и уставилась в потолок, пытаюсь понять, что делать дальше. Паницы нет, друзей у меня тоже не осталось, дом принадлежит Дамиру. Ничто больше не связывает меня с Кравером. Надо уходить. Оставалось только решить куда. Разумнее всего было бы затеряться за пределами империи, но до границы еще добраться нужно, а с деньгами у меня негусто. Нет, дан Кражич выделил неплохую сумму, но тратить ее не хотелось. Кто знает, как дальше жизнь повернется?

Я решила, что переберусь в соседнюю Артецу, попробую найти работу швеи и поднакоплю немного стависов. А уже тогда буду думать, как границу миновать и стражникам не попасться.

Рассвет выдался алым, как глаза арна. Кромка неба наливалась кровью, разбрызгивала ее по облакам, окропляла их красным, а мне виделось суровое лицо, резкие черты, жесткие темные волосы.

Вот почему так? Куда ни посмотрю — всюду Штефан мерещится, и голос его, и взгляд пламенный, в сердце проникающий. И вроде бы пытаюсь забыть ту ночь, а не могу. Душа болит и назад просится, словно бы и не было никакого предательства, и женщины той, что счастье мое украла, тоже не было.

Глупо... Глупо и недостойно. Не нужна я арну. Потешился да и забыл. У него Бранимира есть, та, что во всем ровня, на ней он хоть завтра жениться может и детей родить. А я...

Тихий шорох, раздавшийся за окном, заставил меня насторожиться. Это еще что? Сердце как-то нехорошо кольнуло, словно об опасности предупреждая. Я легонько отодвинула край занавески и выглянула наружу. Создательница! Напротив дома выстроились стражники. Пуговицы их мундиров ярко блестели в кроваво-алых лучах рассвета, как и острые штыки мушкетов, и у меня внутри все оборвалось. Дамир... Он меня предал...

Взгляд заметался по кабинету в поисках выхода, но было уже поздно. Дверь распахнулась, и на пороге показался мой кузен, а вслед за ним в комнату ввалились дознаватели.

— Элиния Мария Скерци, вы арестованы за убийство Эбенезиуса Креждена, ростовщика второй линии и верного подданного его императорского величества, — послышался бесстрастный голос, и вперед выступил знакомый мне по прошлому дознаватель.

Дан Збежич не изменился. Высокий, бледный, с тонкими, будто бескровными губами и запавшими щеками, он оставался таким же страшным и похожим на злобного ворона, каким я его запомнила. И точно таким же бездушным был его стылый взгляд.

Я смотрела в бесцветные, словно выслуженные морозом глаза и понимала, что это конец. Все мои усилия, все мои надежды, все попытки начать новую жизнь ни к чему не привели. Те два года, что я провела в бегах, лишь отсрочили неизбежное.

— Вытяните руки вперед, — скомандовал дознаватель.

Я не пошевелилась.

— Упорствуете? — голос, как плеть, хлестнул по запястьям, обвинил их колючей веревкой, затянул до крови и заставил меня прикусить губу от боли.

Что ж, за то время, что мы не виделись, дан Збежич весьма преуспел в магии. Да и золотые нашивки на его груди говорили сами за себя. За просто так звание верховного дознавателя не дают.

— Увести, — отрывисто распорядился имперец, и его приспешники ухватили невидимую веревку и потащили меня прочь из комнаты.

Я больше не пыталась сопротивляться. Какой смысл? Только когда проходила мимо Дамира, задержалась на миг и посмотрела в его лживые глаза. В их темной глубине клубились стыд, страх и злоба. А я будто всю судьбу кузена увидела. Не будет ему счастья. И жена его, что первенца ждет, не проживет и трех лет с его рождения. В море погибнет, вместе с сыном.

Я внимательно разглядывала бывшего жениха, а тот дернулся, словно от пощечины, и поспешно отвел взгляд.

— Пошла, — толкнул меня в спину идущий следом дознаватель.

Порог кабинета остался позади, в холле мелькнуло испуганное лицо Латицы, а потом дверь бывшего дома захлопнулась за моей спиной, навсегда отрезая и мою прошлую жизнь, и надежды на будущее.

Глава 9

Штефан

Он открыл глаза и бросил взгляд за окно. Край неба на востоке посерел, предвещая такое же серое утро, а в густых кронах грабов уже просыпались тарики, шумели в листве, пробовали голоса. Теплый, почти летний воздух одуряюще пах жасмином, и этот запах тревожил, будил что-то в душе, заставлял вспомнить... Штефан беззвучно выругался и перевел взгляд на часы. Четыре утра. Он рывком поднялся и подошел к распахнутым створкам, из-за которых сочился неизменный стобардский туман. На душе было мутно. Он и сам не знал, откуда взялась унылая хмарь, осевшая в сердце. Хотя себе-то можно и не лгать. Знал. Только вот принимать не хотел. И совесть заткнул, чтобы с нравоучениями не лезла. Все он правильно сделал. Лучше сразу глупые чувства обрубить, пока далеко не зашло.

Плеснув в лицо водой, Штефан стянул волосы в хвост, недовольно поморщился и шагнул за порог. Наверное, впервые за все время, проведенное в Белвиле, ему не хотелось идти на пробежку. Как-то враз изменилось все, опостылело, будто пеплом седым дороги жизни припорошило.

Он шел по коридору, глядя прямо перед собой, и лишь у дверей гостевых покоев ненадолго замешкался, пытаясь понять, что чувствует и чего хочет. Вчера он ушел от Бранимиры рано, едва только пробило полночь. Несмотря на уговоры, не мог больше оставаться с ней рядом, невольно стало на лицо ее смотреть, в глаза зеркально-черные заглядывать. Зверь злился, но Штефану нужно было вырваться из душного дурмана спальни, из жадных объятий Бранимиры, уйти от ее ненасытных губ и одуряющего запаха страсти.

Зверь и сейчас злобно рычал внутри, все еще обижаясь из-за вчерашнего, но Штефан осадил его и, не раздумывая больше, быстро пошел к лестнице.

Во дворе было привычно сыро, но уже не так промозгло, как раньше. Весна набирала силу, торопилась, бежала навстречу лету, как быстроногая девчонка. Штефан усмехнулся. Странные сравнения в голову лезут. И образ подходящий перед глазами стоит — живое, переменчивое лицо, глаза синие, в которых душу насквозь видать, любовь и ласка, что, не скрываясь, в них светятся, и губы алые, манящие, малиной пахнущие.

Он отер ладонью вспотевший лоб и прибавил шагу. Глупо вспоминать то, что было. Ушла и ушла. Сколько таких вот девочек в его жизни было! А сколько еще будет? «Таких — не будет», — шепнул внутренний голос, но Штефан от него отмахнулся. Неважно все это. О другом думать нужно, с Мирой что-то решать. Четвертый день уже в Белвиле гостит, а так и неясно, для чего приехала. Не верил Штефан в любовь ее, вот хоть убей, не верил. Никогда он дураком не был и сейчас не собирался, ясно же, что прислали ее с особым наказом. Только вот кто и с каким? Если Берден — это одно. А если император...

Влажные ветки хлестали его по рукам, но Штефан не чувствовал боли. Он бежал по узкой тропинке, а в голове мысли тяжелые ворочались. Для того, что он задумал, ему нужно было время и свобода маневров. А какая тут свобода, когда по Стобарду дознаватели рыщут? Из замка он их выдворил, а они в городе застряли, Зданич у Драговеца поселился, мелкая сошка по гостиницам расположилась, пьют и едят от пуза, а гостинники счета к нему несут, денег требуют. И ведь как «своевременно» главный дознаватель провинции в Стобарде оказался! То сидел в Бежине безвылазно, а тут вдруг с инспекцией по городам поехал. Да так удачно! Как раз к покушению на бывшего командующего императорской армией поспел.

Штефан хмыкнул и заправил за ухо выбившуюся прядь. Он отчетливо видел все ниточки заговора, что из столицы тянулись. Георг, скорее всего, поручил это дело Сварду, а тот уже привычными методами действовать стал. Сначала наемников подослал, рассчитывая отделаться малой кровью и выдать все за нападение лихих людей, а когда это не сработало, Стрена задействовал и одновременно Зданича в Стобард отправил, чтобы тот расследование провел и мелких исполнителей наказал. И все остались бы довольны — и его убрали бы, и преступление поскорю раскрыли. Да только не на того напали! Не собирался он доставлять императору и его гиенам такого удовольствия.

А с Мирой нужно что-то делать. Нельзя ее надолго оставлять. Натешился, зверю дал порезвиться, да и хватит.

Он добежал до бочки, зачерпнул студеной, желтоватой, настоявшейся на коре и листьях воды и одним махом опрокинул на себя бадью. А потом еще одну, и еще...

И снова перед глазами воспоминание мелькнуло: лицо девичье, стан тонкий, груди налитые... Рагж! Штефан громко выругался и, не в силах совладать с тоской, охватившей душу, сунул голову в

ледяную воду.

— А чего это вы, командир, с утра пораньше из теплой постельки да в студеной водичке плещетесь? — послышался ехидный голос.

Штефан стремительно выпрямился и оглянулся. Ну конечно. Гойко. Кто еще мог подкрасться так незаметно?

— А тебе чего не спится? — вопросом на вопрос ответил он.

— Да вот, решил по окрестностям прогуляться, покумекать, что тут к чему.

— Покумекал?

— Ну, есть маленько.

— И кто она?

Штефан провел ладонями по мокрым волосам.

— Вы о ком, командир?

— Та, из-за которой ты ночами по двору бродишь.

Он прищурился и посмотрел на Гойко, наблюдая, как вспыхивают худые щеки, как ярко алеют оттопыренные уши, как заливается румянцем лицо его бывшего ординарца. Штефан знал эту особенность Гойко. Тот всегда краснел вот так, чуть ли не всем телом, и парни любили дразнить его, называя даной Гойкой.

— Да есть тут одна, — не стал отпираться ординарец. — Златой кличут. Ох и красивая девка! Я бы на такой женился. Одна коса чего стоит, куда там варнийским бабам! И стать. Такая целый полк сыновей родит. Как думаете, милорд, пойдет она за меня?

Штефан усмехнулся. Молодой Гойко. Горячий, влюбчивый. Глупый...

— А чего ж не пойти? — ответил он. — Пойдет. Бабье дело такое — кто предложит, за того и выйдет. Только ты не торопись. Жениться всегда успеешь, приглядишься пока, обстановку разведай, на характер посмотри-проверь. А дальше видно будет. Если не передумаешь — выделю дом в деревне, чтобы было куда молодую жену привести.

— Спасибо, командир, — Гойко покраснел еще сильнее, а потом вдруг подошел к бочке и сунул свою лохматую голову в воду.

Штефан хмыкнул. Похоже, от любовной лихорадки одно лекарство — ледяная водица.

— Ох, хорошо! — отфыркиваясь, крикнул Гойко. — А что, милорд, ваша-то краля надолго пожаловала?

Бранимиру Гойко не жаловал. Вот как старый Берден Штефану от дома отказал, так Гойко за него и обиделся, и обиду эту на Миру перенес.

— Пока не знаю, — направляясь к дому, ответил Штефан.

Он и правда не знал. Как-то не до того было. Закружило его, затянуло в омут, всю власть зверю отдал, позволил тому натешиться. А сейчас вот отрезвление пришло. И раскаянием затопило. Особенно когда про Илинку вспоминал. И так горько на душе делалось. И страшно. Где она сейчас? Куда подалась, в какие края? И как одна выживет? Ее ведь любой обидеть может, а она и слова в ответ не вымолвит.

Штефан стиснул кулаки. Одна мысль о том, что девчонка бредет одна по дорогам Стобарда, причиняла ему физическую боль. Почему она сбежала?

Глупый вопрос. Гордая. Не вынесла, что он ее на Миру променял. А как было не променять, если зверь дурниной воет, покоя не дает? Один раз он его одержал, а дальше что?

— Что-то не так, командир? — настороженно спросил идущий рядом Гойко.

Все не так. Душа не на месте. Стоило только из угара животного вынырнуть, как маета одолела. Точит и точит. Бедой грозит.

— Это из-за покушений? — не отставал Гойко, и Штефан кивнул.

Не признаваться же, что из-за девчонки безродной мучается?

— Не стоит, милорд. Мы вас в обиду не дадим. Все это осиное гнездо разворошим, всех на чистую воду выведем.

Да некого уже выводить. После той записки, что Илинка оставила, он сам все решил. По-своему. Нет больше ни Салты, ни Лершика, ни Владко. От болотной лихорадки померли. Не стал он ждать, пока дознаватели их допросят. Если девчонку немую свидетельствовать против него заставляли, то уж этих обязательно разговорили бы. И доказательства его «измены императору» сумели бы добыть. Вот и пришлось яд дорника использовать. Старое средство, надежное, ни один дознаватель не подкопается. К тому же и в тюрьму его пронести несложно оказалось, Бранко легко справился. Осталось только до Стрена добраться, но тот опасливый, забился в нору, охраной себя окружил и из Старкона носа не кажет. Ну да ничего. Он терпеливый, подождет.

— Ладно, Гойко. Буди парней, задание у меня для вас будет, — поднявшись по ступеням, сказал Штефан. — И Кражича найди. Пусть ко мне зайдет.

— Слушаюсь, командир, — сверкнул улыбкой Гойко, и уши его оттопырились еще больше. Не иначе, от усердия.

Штефан хмыкнул и пошел к кабинету. Пора было браться за дела.

— Штефан, что ты такое говоришь?

Бранимира смотрела на него с плохо скрытой обидой. Ее красивое лицо исказила неприятная гримаса, пухлые губы искривились, казалось, еще немного, и девушка расплечется, но он знал, что слезы — это не про Миру.

— Куда ты собрался? А как же я? Неужели я для тебя ничего не значу?

Бранимира поднялась из-за стола, оставив завтрак нетронутым, и подошла ближе, уставилась непроницаемыми глазами, словно пытаясь зачаровать его своим темным, тяжелым взглядом. А может, и пыталась? Что он знает об этой женщине? Какие мысли скрываются в ее белокурой головке? Сейчас, когда жар плоти немного утих, он уже мог рассуждать здраво, и любое слово и движение Миры казались ему подозрительными. Зачем он ей? Если раньше, когда перед ним заискивали и его общества искали, Бранимире он оказался не нужен, то что она делает в его замке сейчас? Почему приехала и что заставляет ее оставаться с ним? Да, он богат. Кроны всегда входили в число самых богатых родов Олдена, но война помогла ему еще больше приумножить достояние предков, и теперь Штефан лишь немногим уступал императору. Но ведь деньги для Миры не главное. Она всегда была честолюбива, а что может дать брак с опальным генералом, оставшимся не у дел?

— Перестань, Мира, — поморщился он. — Тебе не идет.

— Зачем ты так, Штефан? — Бранимира смотрела на него в упор, и в ее лице было что-то, что заставило его напрячься. — Я ведь пожертвовала своим добрым именем, послушалась отца, — высокий голос напоминал звон тетивы варнийского лука. — Я целую седмицу тряслась по ужасным дорогам твоей провинции, а ты говоришь, что оставляешь меня? Одну?

Мира чуть наклонилась вперед, выставляя на обозрение колыхнувшуюся в низком вырезе платья грудь, и зверь настороженно замер, приняв себя, выползая из-под кожи когтями, удлиняя клыки, меняя зрение. Штефану пришлось приложить усилие, чтобы взять под контроль взбесившегося в этом проклятом замке зверя. Наверное, он еще и поэтому хотел уехать. Устал сражаться со своей сущностью, надоело постоянно бороться с самим собой. Порой ему казалось, что было бы легче, если бы зверь мог принимать истинный облик. Тогда ему удавалось бы разграничивать свою жизнь и жизнь зверя. Но увы. Времена, когда арны могли перевоплощаться в гигантских волков, остались в прошлом. Да и были ли они, эти времена?

— Штефан, ты меня слышишь? — не унималась Бранимира.

— Не злись, Мира, — поморщившись от звука ее голоса, сказал он. — Если бы ты предупредила меня о своем приезде заранее, я сумел бы уладить дела и посвятить все свое время тебе. А так, прости, но я должен ехать.

Бранимира ничего не ответила, но он видел, как сжались ее кулаки. И губы дрогнули. Наверняка просчитывает, что делать.

— И ты так спокойно бросишь меня тут? Одну, в незнакомом месте?

Темное зеркало глаз подернулось влагой. Грудь прерывисто поднялась и опала на выдохе. Зверь рванулся, но Штефан резко осадил его и спокойно произнес:

— Полагаю, тебе лучше вернуться в Оленден.

Он внимательно наблюдал за стоящей напротив девушкой. Та умело скрывала свои истинные чувства, но все же Штефан сумел учуять острое разочарование и тонкий, едва уловимый запах страха. Мира боялась. То ли гнева отца, то ли негодования императора, он не смог разобрать, но внутри появилось нехорошее предчувствие.

— Кстати, ты так и не сказала, зачем приехала, — поглаживая перстень, небрежно спросил он.

— Разве? — вскинула брови Бранимира. Она уже сумела взять себя в руки и выглядела именно такой, какой когда-то и привлекла его внимание — холодной, ослепительно красивой и безукоризненно аристократичной.

Странно, но его это больше не трогало. Будто пелена с души упала.

— А я думала, это понятно и без слов, — негромко произнесла Бранимира и сделала шаг вперед, положила руки ему на плечи, прижалась всем телом. — Я люблю тебя, Штефан. Люблю и хочу быть рядом. Неужели ты этого не видишь?

Голос Бранимиры звучал искренне.

— Хочешь сказать, что принимаешь мое предложение? — спросил он.

В груди ровно на миг всколыхнулось прошлое. Вспомнился императорский бал, на котором они танцевали модрен, завистливые взгляды придворных, негодование соперников, гордость оттого, что первая красавица Олдена предпочла всем этим напыщенным хлыщам именно его...

— Так что, Бранимира, выйдешь за меня? — повинувшись этому прошлому, спросил он.

Мира замялась.

— Штефан, неужели нам плохо вот так, безо всяких *ненужных* обязательств? — мягко спросила она. — Ты же знаешь, мой отец против нашего брака, он никогда не даст своего разрешения.

— Лорд Берден знает, что ты здесь?

— Нет, — после небольшой паузы ответила Бранимира. — Я сказала, что еду в монастырь Огненного Сердца.

— Занятно. Я слышал, лорд Берден уже подыскал тебе подходящего жениха? — усмехнулся Штефан.

Мира едва заметно передернула плечами.

— И когда свадьба? — небрежно спросил он.

— Через месяц, — неохотно сказала Бранимира. Она больше не пыталась изображать обиду.

— И что жених? Молод и красив собой? Богат и знатен? — он пытался скрыть насмешку, но ему это не удалось, и Мира вздрогнула, посмотрела на него едва ли не с ненавистью.

— Богат, знатен и стар, — резко произнесла она и отвернулась. — Ты это хотел услышать? Да, герцог стар, а стены его замка высоки и неприступны.

— Так вот почему ты приехала ко мне, — понимающе хмыкнул Штефан.

— Да! — повернулась к нему Мира. — Да, Штефан. Мне нужна твоя любовь, мне нужны твоя страсть и твоя поддержка. И я хочу быть с тобой столько, сколько это возможно, пока...

Она не договорила, а он усмехнулся.

— Прости, Мира, но у меня нет времени. Я распоряжусь подготовить твою карету.

В комнате повисло молчание. Штефан не торопился его нарушать, внимательно наблюдая за стоящей напротив девушкой. Все-таки хороша. Удивительно хороша. Не зря Миру называют первой красавицей империи.

— Выгоняешь? — спустя несколько минут спокойно спросила Бранимира, и в этом спокойствии ему почудился дурной знак. — Что ж, я уеду. Только не рассчитывай, что сможешь меня вернуть, Штефан.

Он и не рассчитывал. Наверное, сейчас, когда между ними все стало окончательно ясно, он даже испытал облегчение. И теперь ему хотелось только одного — чтобы Бранимира поскорее уехала и он смог бы наконец заняться делами. И заглушить ими ту тоску, что прочно поселилась внутри.

— Рад был снова тебя увидеть, Мира, — Штефан поцеловал холеную белую ручку и поднял взгляд на прекрасное, но непроницаемое в своей бесстрастности лицо.

— Благодарю за гостеприимство, лорд Крон, — обронила Бранимира и отвернулась.

Больше они не разговаривали. Девушка отошла к окну, а Штефан постоял немного, глядя на ее прямую, обтянутую синим шелком спину, и вышел из спальни. Ему там нечего было делать. И хотя зверь недовольно рычал внутри, Штефан был рад, что четырехдневному безумию пришел конец. Он словно вернулся к себе прежнему. Еще бы совесть унять... И лицо девичье, синеокое поскорее забыть.

Он провел по лбу рукой и посмотрел на серые каменные стены. В душе всколыхнулась старая нелюбовь к родовому замку. Все-таки удивительная штука — жизнь. Думал, никогда больше не вернется в Белвиль, однако из всех мест, куда мог уехать, выбрал именно его — мрачный, холодный дом своего прошлого. Перед глазами неожиданно ярко мелькнуло видение: темнота подвала, дед, держащий на поводке Молнию, тяжесть ритуального ножа и умные синие глаза, глядящие на него преданно и обреченно. Штефан поморщился. Она ведь все понимала, его верная Молния. Знала, что ее ждет, и все равно любила его. И свои руки, обогранные кровью волчицы, он тоже помнил, как и застывшее в неподвижности тело, алые пятна на белоснежной шкуре, пушистый хвост, безжизненно свисающий с каменного стола.

Штефан нахмурился. С чего это его на воспоминания потянуло? Столько лет прошло, думал, забыл уже, а вот поди ж ты, вернулось, всплыло в памяти, душу всколыхнуло. «Молодец, Штефан, — зазвучал у него внутри голос деда. — Ты с честью выдержал испытание. Посмотри на Молнию и запомни, что любые привязанности делают нас слабыми и беззащитными. Ты должен научиться пресекать их, убивать так же, как убил воспитанную тобой волчицу. Никогда не позволяй чувствам управлять твоими решениями и не поддавайся эмоциям. Истинным арнам неведомы ни страх, ни боль, ни человеческие слабости, и сегодня ты доказал, что достоин своих предков и сможешь продолжить славный род Крон». Лорд Вацлав в тот день устроил пир, а он смотрел на огромные куски едва прожаренного мяса и с трудом справлялся с тошнотой. Все ему глаза волчи мерещились и рана на шее, из которой ритуальный нож торчал...

— Ваше сиятельство, дан Кражич спрашивает, карету для миледи закладывать? — ворвался в его мысли голос стражника Ураса, одного из тех, кого Бранко счел нужным оставить.

— Да, — отвлекшись от воспоминаний, кивнул Штефан. — И проследи, чтобы сундуки леди Берден хорошо закрепили.

— Слушаюсь, милорд, — бодро ответил Урас и рванул к лестнице, а он дошел до своих покоев и велел слуге подготовить дорожный костюм и плащ. Зачем откладывать поездку? Проводит Бранимиру и тронется в путь. При хорошей погоде к ночи уже в Стерине будет.

Штефан обвел взглядом комнату, задержался на портрете, подошел к распахнутому окну и прислушался. Снизу доносились голоса слуг, ржание лошадей, шамкающая речь Микошки и громкий смех младших конюхов. Снова Микош побасенками народ балует.

Штефан задумался. Интересно, сколько же конюху лет? Он помнил его еще с детства, и уже тогда тот казался ему старым. А Микошка всех пережил: и деда его, и отца. И все байками своими перебивается, все-то небылицы выдумывает, прошлое арнов узорами лжи украшает.

Штефан недовольно поморщился, вернулся к столу, налил в рюмку ратицы, одним махом опрокинул ее и прислушался к себе. Крепкая сливовая настойка прокатилась по венам, разогнала холод, поселившийся внутри, отогнала дурные мысли. И душа согрелась, словно в теплые руки попала.

Он снова посмотрел на свое изображение, но теперь уже спокойно, без непонятных угрызений совести. Все идет так, как должно. Не стоит ни о чем сожалеть. Привязанности — удел слабых, а он, Штефан, никогда слабаком не был, так что не о чем думать. Осталось только Миру проводить.

Он решительно вышел из комнаты и спустился вниз, во двор, куда уже успела сойти Бранимира. Она стояла у кареты и разглядывала фасад Белвиля. Что ему всегда нравилось в бывшей любовнице, так это ее умение ценить свое и чужое время. Вот и сейчас он внутренне порадовался тому, что Бранимира смогла собраться за считанные минуты. Удивительная женщина.

— На твоём месте я снесла бы этот нелепый замок и построила здесь что-то более гармоничное и изящное, — посмотрев на подошедшего Штефана, сказала Мира.

— Боюсь, эта идея не понравилась бы моим предкам, — усмехнулся он.

— Предки... — в голосе Бранимиры послышалось пренебрежение. — Ушедшим нет разницы, что станет после них. Они давно уже уплыли по водам забвения и не помнят ни своего прошлого, ни своих потомков.

— Арны верят в иное посмертие. Впрочем, не думаю, что тебе это интересно, — ответил Штефан и увидел, как по лицу Бранимиры пробежала тень.

Все-таки обиделась. Не смирилась с его отказом. Не привыкла к тому, что кто-то может ускользнуть из-под ее чар.

— Безоблачной дороги, Мира, — решил он закончить затянувшееся прощание.

— Береги себя, Штефан, — холодно улыбнулась девушка, опираясь на его руку, чтобы подняться в карету, и ему почудился в ее словах намек.

— И ты, Мири, — невольно сорвалось с губ то имя, которым он называл ее очень редко, только в самые жаркие и безумные ночи, когда между их телами полыхал пожар. И зеркальная чернота глаз вдруг дрогнула и пошла трещинами, обнажив живые эмоции, плеснулась ему навстречу отчаянным желанием, горечью, обидой и... страхом. Бранимира боялась — за него ли, за себя, — он не знал, но ощутил на языке вкус полыни, и ему стало не по себе.

— Не дай себя убить, любимый, — еле слышно, одними губами, прошептала Бранимира, глядя на него так, словно прощалась навсегда.

И он ощутил, как дрогнула под его пальцами хрупкая рука.

— Кто, Мири? — задержав ее в своей, спросил он, и по тому, каким взглядом Бранимира посмотрела на своего провожатого, понял, что она ничего не скажет. — Император? — тихо уточнил он. Девушка отрицательно качнула головой. — Советник? — снова нет. — Свард?

Мира быстро опустила ресницы, а потом вновь посмотрела на него и качнулась вперед, обхватывая за шею, и он услышал едва различимый шепот: — Твои бывшие генералы не хотят видеть тебя в живых.

Теплые губы скользнули по его шее, и Бранимира поспешно скрылась в недрах кареты.

Та тронулась с места, колеса загрохотали по двору, а он стоял и смотрел ей вслед, сам не понимая, что чувствует. Что заставило Миру предупредить его? И стоит ли верить ее словам или это виртуозно слитая дезинформация?

— Ваше сиятельство, во сколько обед подавать? — отвлек его от размышлений негромкий вопрос.

Самира. Новая домоправительница. Женщина старательная, но опыта у нее пока мало, а потому она постоянно перестраховывается и делает ошибки. Вот и сейчас прибежала к нему с простым вопросом вместо того, чтобы самой принять решение. И дрожит вся, боится, в глаза не смотрит. Штефан невольно вспомнил столичный особняк. Вот уж где прислуга знала свои обязанности и умела быть незаметной. И сущности его не опасалась.

— Я не буду обедать, — отказался он, решив, что нет смысла тянуть с отъездом.

В глазах стоящей напротив женщины мелькнуло облегчение.

— Хорошо, милорд, — поклонилась Самира и тут же сбежала.

Штефан не мог иначе назвать ее поспешный уход. Зверь раздраженно заскребся внутри, и он усмехнулся. Бедный зверюга... Не любит он чужой страх. Не выносит.

Штефан посмотрел, как закрываются ворота, и пошел искать Бранко, чтобы дать остающемуся за главного другу последние наставления.

Глава 10

Шел третий день его путешествия. Вчера он задержался в Броде, чтобы познакомиться с наместником, и сейчас обдумывал то, о чем они с Леонардом Сторцо говорили за закрытыми дверями кабинета.

«Буду честен, ваше сиятельство, — речь наместника была неторопливой, обстоятельной, да и сам Сторцо казался человеком, который привык обдумывать каждое свое слово. — Ко мне приходили некие люди, — Леонард не договорил, но Штефан понял, о ком идет речь. — Они убеждали меня саботировать ваши приказы и намекали, что в скором времени в Стобардской провинции будет совсем другой господарь».

Что ж, для Штефана это не было новостью.

«Я отказался, — твердо глядя ему в глаза, сказал Сторцо, а потом поднялся из-за стола, хромая, подошел к шкафу, снял с полки древний свод стобардских законов и положил его на стол. — Примите клятву, господарь, — крупная, привычная к мечу ладонь легла на темную кожу обложки. — Я, Леонард Урис Скорцо, клянусь своему повелителю в вечной верности и обещаю выполнить любую его волю. Пусть я умру лютой смертью, если нарушу этот обет».

По старому обычаю наместник приложил правую ладонь ко лбу и к груди, встал на одно колено и поцеловал ему руку.

Штефан сам не ожидал, что древняя вассальная клятва может быть такой весомой и торжественной. И внутри что-то дрогнуло, отзываясь на неподдельное волнение, звучащее в низком голосе наместника Брода. Вспомнилось, с каким восторгом встречали его жители посещаемых им по пути городков и деревень, как толпились вокруг, желая притронуться хоть к краю его плаща, просили благословить детей, веря, что прикосновение господаря способно наделить тех счастливым будущим.

— Ваше сиятельство, куда дальше-то? — поинтересовался Гойко, заставив его отвлечься от размышлений. — Вы вчера что-то насчет Крона говорили. Едем туда?

Да, он собирался навестить тот город, что дал имя его предкам, но сейчас, глядя на перекресток, от которого расходились три дороги, неожиданно засомневался. А не съездить ли сначала в Кравер? Новый лей, подаренный императором, жил своей, особенной жизнью, и было бы неплохо наведаться туда вот так, без предупреждения, посмотреть, чем приморский край дышит, послушать, что жители говорят, оценить обстановку. Он рассчитывал завернуть в Кравер в конце своей поездки, но, оказавшись перед каменным указателем, почувствовал желание все переиграть и отправиться к морю прямо сейчас.

— В Кравер, — направляя коня к широкому тракту, сказал Штефан. Своему чутью он привык доверять.

— На разведку? — понял его Давор. — Хорошее дело. Заодно и в монастырь обережников завернем, у меня там тетушка подвизается, уверен, накормят нас от пуза и баньку устроят. Помню, лет десять назад навещал родственницу, так, скажу я вам, милорд, это был лучший банный пар в мире. Они там и пиво на каменку льют, и особый травяной отвар, а уж какие квасы подносят! Нигде больше подобных нет. И яблоки моченые ничуть не хуже, чем в Белвиле.

Широкое лицо друга расплылось в такой мечтательной улыбке, что Штефан не удержался от усмешки. Уж что-что, а баню Давор в любом месте найдет, а не найдет, так сам соорудит, что обычно в походах и делал.

— Тебе бы только задницу погреть, — хмыкнул Гойко, сворачивая вслед за Штефаном на краверскую дорогу. — Словно бабка старая, все за седалище свое держишься.

— Посмотрим, что ты запоешь, когда веничек можжевелевый испробуешь, — добродушно хохотнул Давор. — А уж когда кваску монастырского попьешь...

Друг не договорил, гикнул и пришпорил коня, вырываясь вперед.

— Ты гляди, как торопится, — насмешливо протянул Гойко. — Как будто его в той бане зазноба вот с такими титьками ждет, — парень показал рукой жест, которым варничцы обычно изображали женщин с пышными формами.

— Молчи, молокосос, — отмахнулся от его слов Давор. — Только и знаешь, что охальничать. Ничего святого.

— Ты мне лучше скажи, сестры там красивые? — не унимался Гойко.

— Тьфу, сварново семя, — выругался Давор. — Одно на уме!

Штефан слушал их шутивную перебранку, а сам размышлял над тем, что неплохо бы вассальную клятву со всех наместников стребовать. Уж больно время беспокойное. И снова слова Бранимиры вспомнились, тронули душу сомнением. Двадцать из тридцати его генералов были арнами, и за каждого из них он мог головой поручиться. А вот остальные десять... Тот же Брен уже давно мечтает его уничтожить. Да и Эйвер не отказался бы нож в спину воткнуть.

— Слышь, командир, далеко еще? — устав пререкаться с Гойко, спросил Давор.

— Десять кье осталось, — отвлекаясь от своих мыслей, ответил он. — Если поторопимся, через два часа будем на месте.

— Это мы запросто, — ухмыльнулся друг и оглянулся на Гойко. — Спорим, что я первым городские ворота проеду?

Смешливые карие глаза хитро блеснули.

— На что спорим? — тут же загорелся бывший ординарец.

— На десять бутылок солдерского, — ответил Давор.

— Готовься пыль глотать, увалень, — пришпоривая коня, выкрикнул Гойко. — Я тебя сделаю!

— Хвалился петух собаку перебрехать, — припустив следом, хмыкнул Давор.

А Штефан только усмехнулся, наблюдая за парнями. Все-таки правильно он сделал, что взял с собой именно этих двоих. Рядом с ними тяжелые мысли сами собой исчезают и на душе не так пасмурно. А зверь затаился, молчит. Как из замка уехали, так и оставил его в покое. Может, и к лучшему.

Он чуть сжал коленями бока коня, и Гордый ускорился, легко обогнал и Гойко, и Давора и понесся по пыльной дороге в сторону невидимого пока, но уже вполне ощутимого моря.

Илинка

Я смотрела на крошечный клочок синего неба, застрявший между прутьями решетки, и не могла заставить себя поверить в то, что это мой последний день на земле. Нет. Душа продолжала надеяться. Непонятно, правда, на что. Если только на чудо, но много ли чудес я в своей жизни видела?

С губ сорвался грустный вздох. Эх, если бы я могла свою судьбу узнать! Получилось же у меня в Белвиле собственный вирош увидеть? А сейчас, как ни стараюсь, все напрасно. Не показывается он больше.

Громкий писк вызвал желание взобраться повыше и поджать ноги. Уж больно наглыми были исконные обитатели тюрьмы. Ничего не боялись, даже днем смело по камере расхаживали.

Я поежилась, а потом подтянулась, приникла к ржавой решетке, сжала ее руками и застыла, глядя на белые облака. Небо. Манящее, вольное, бескрайнее... Оно было так далеко от меня и одновременно так близко. И мне до боли захотелось обернуться птицей, выскользнуть из темницы, улететь высоко-высоко, подальше от людского предательства и злобы. И забыть все. Не думать. Не вспоминать.

Сердце болезненно заныло. Как же так — забыть? Неужели можно вычеркнуть все, что было? Нет. Не забуду. Наоборот. Запомню все, до мельчайшей капельки, до вдоха, до боли, чтобы и в посмертие унести с собой образ мужчины, вознесшего меня выше самых высоких гор, а потом ввергшего в самую глубокую бездну.

Говорят, мертвые не помнят живых. Говорят, за Гранью нет места печальям и радостям. Возможно, и так. Но я верила, что даже там, за водами забвения, я буду помнить алые глаза и несговорчивого зверя, отобравшего у меня мое счастье.

— Эй ты, душегубица! — слышался из-за двери грубый голос. — Покаяться перед смертью не желаешь?

Покаяться? Я мысленно хмыкнула. Нет. Не желаю. Ни об одном дне своей жизни не жалею, ни один не хотела бы изменить, каким бы горьким или тяжелым тот ни был.

— Так чего, исповедника звать? — не унимался стражник. — Стукни по двери, ежели душу облегчить надумаешь.

Я посмотрела на низкую темную дверь, но не шелохнулась. Создательница видит — неповинна я в том, в чем меня обвиняют. И каяться мне не в чем.

— Не хочешь, значит? — неодобрительно прогудел стражник, и я представила его заросшее щетиной лицо и маленькие, злобно сверкающие глазки.

— Да что ты ее спрашиваешь, Раздан? — послышался голос второго тюремщика, того самого, что тащил меня за руку из зала суда, а потом швырнул в темницу так, что я все колени ободрала. — Убивица — она убивица и есть. Ни совести у нее, ни сожаления.

— Так ей же жить осталось до заката, как с такими грехами на душе за Грань уходить? Ведь потонет в водах забвения!

Я горько усмехнулась. Какой заботливый тюремщик попался, о душе моей печется, а того и не ведает, что скоро сам по ту сторону Грани окажется. Я это по глазам его прочла, пока он на меня в суде таращился.

Сам суд вспоминать не хотелось. В отличие от того, первого раза, дознаватели тянуть не стали и провели заседание на третий день после ареста. Да и чего откладывать? Никто ведь не сомневался в моей вине, как никто и не собирался искать доказательства того, что это именно я убила дана Креждена. Зачем? Мой побег из тюрьмы подтвердил все обвинения, и никому и в голову не пришло еще раз их проверить. Судья, дознаватели, защитник — все они искренне верили в то, что я убивица. Слово-то какое мерзкое! И ни один из них не захотел вникнуть в суть дела, почитать предыдущие показания, попробовать увидеть истину.

Долгая речь дана Збежича, короткая — судьи... И вот уже горькое и безнадежное слово подхватили заседатели, а за ними и праздные зеваки, столпившиеся у здания суда. «Убивица! Смерть убивице!» — кричали они, когда стражники тащили меня в тюрьму. А я только выше вскидывала голову и смотрела на небо, чтобы не замечать искаженных злобой и жадным любопытством лиц, не видеть разъяренных ртов, не реагировать на вылетающие из них ругательства и проклятия.

— Эй, ты там живая? — не унимался первый стражник.

— Да оставь ты ее, Раздан, — осадил его второй. — Идем лучше в картишки перекинемся, пока смена не закончилась.

— И то дело, — крикнул первый, и за дверью послышались удаляющиеся шаги.

Я перевела дух и снова потянулась к окну. К тому крошечному кусочку надежды, что, несмотря ни на что, у меня оставался.

Штефан

Кравер встретил их ярким солнцем и свежим, пропахшим солью и старыми рыболовными сетями воздухом. День клонился к вечеру, на улицах царил обычная суэта крупного портового города: проезжали многочисленные кареты и повозки, сновали юркие мальчишки-разносчики, торопились по своим делам прохожие. Но в этой атмосфере всеобщей круговерти и спешки было что-то, что заставило Штефана насторожиться.

— Слышь, командир, — негромко сказал едущий с ним бок о бок Давор. — Тебе ничего не кажется странным? Куда это все бегут?

— Такое ощущение, что здесь происходит нечто, о чем мы пока не знаем, — посерьезнел и Гойко. — Эй, малец! — подозвал друг мальчишку-разносчика. — Куда все так торопятся?

— А вы что, не знаете? — парнишка перехватил поудобнее плетеную корзину с рыбой и поднял чумазое лицо, на котором застыло жадное предвкушение. — Убивицу поймали! На закате на главной площади казнь будет! Там уже и эшафот готов!

— И что за убивица? — уточнил Гойко. — Старуха?

— Нет, милостивый дан, — мотнул головой мальчишка. — Девица. И красивая, как фея. Да только вот, сказывают, душу рагжу продала, столько народу погубила, не счесть! Говорят, она их чарами своими заманивала и убивала, а потом в крови убиенных купалась, а сердце и печень сырыми съедала.

— Так и говорят? — хмыкнул Гойко. — Брешут, поди.

— Вот чтоб мне с места не сойти! — вскинулся парнишка. Он приложил руку к сердцу, подтверждая свою клятву, а потом посмотрел на Штефана, безошибочно определив в нем главного, и спросил: — А хотите, я вам короткую дорогу к площади покажу? Дадите полньера, и я вас дворами проведу. — Мальчишка с надеждой уставился ему в глаза.

— А рыба твоя не протухнет? — усмехнулся Штефан.

Особого желанья наблюдать за казнью не было, но и парнишку лишать честного заработка не хотелось.

— Дак я ж ее по дороге в лавку дана Варича пристрою, — ответил тот. — Вы не сомневайтесь, милостивый дан, не опоздаем. К самому началу казни поспеем.

— Что скажешь, командир? — в глазах Давора мелькнуло сомнение. — Нам оно нужно?

— Отчего ж и не посмотреть? — встрял Гойко. — Особливо ежели убивица так хороша собой, как расписывают.

Штефан молча кивнул. Что ж, можно и посмотреть. Где еще он всех горожан и городской совет разом увидит?

— Дам ньер, если к началу казни успеем, — пообещал он мальчишке, отметив, какой радостью сверкнули серые глаза.

— Не сомневайтесь, милостивый дан, — откликнулся разносчик и добавил: — Вы только не отставайте.

Гойко с Давором одновременно хмыкнули, а парнишка юркнул в ближайший переулок и махнул им рукой, призывая следовать за ним.

— Шустрый мальчонка, — одобрительно заметил Давор.

Штефан ничего не сказал, но чуть пришпорил коня и направил его на узкую улочку, террасами уходящую вверх.

Мальчишка не обманул. Тут было не так многолюдно. Они ехали вслед за своим провожатым, а тот легко бежал впереди, пристроив корзину на голове, и еще умудрялся напевать какую-то шуточную песенку. А потом разносчик оставил рыбу в одной из лавчонок, что располагались по обеим сторонам улицы, и припустил еще быстрее.

— Уже немного осталось, — крикнул мальчишка, добежав до очередного поворота. — Тут до площади рукой подать!

Штефан и сам не знал почему, но от этих слов сердце неожиданно дернулось и забилось сильнее.

— Ох ты ж, лишеньки! — послышался разочарованный голос мальчишки.

— Что там еще? — подъехав к нему, спросил Штефан и тут же увидел ответ на свой вопрос.

Посреди переулка застряла повозка, которую пытались сдвинуть с места двое дюжих мужиков. Они кричали, ругались, пытели, но старая арба, груженная кирпичами, только скрипела, но не поддавалась.

— Вот же дурни, — проворчал Давор. — Назад тащить нужно, а не вперед!

— Не успеем, — расстроено пробормотал мальчишка. — Солнце уже садится, сейчас казнь начнется.

Штефан снова ощутил беспокойство. Что-то гнало его вперед, туда, на площадь, которая виднелась далеко впереди.

— Отойдите, — подъехав к вспотевшим от бесплодных усилий мужикам, велел он и спешил, кинув поводья мальчишке. А потом взобрался на повозку, спрыгнул с другой стороны и посмотрел на старого ишака, неподвижно застывшего в оглоблях. В темных глазах животного читалось полное безразличие к происходящему вокруг, а длинные уши уныло повисли. Казалось, ишак не ждал от жизни ничего хорошего.

— Дурные у тебя хозяева, — пробормотал Штефан, выпрягая его из телеги и привязывая к кованой загогулине над дверью одного из домов.

Ишак посмотрел на него с прежним безразличием и отвернулся. Штефан хмыкнул. Гордая скотина. Вроде и не противится, но и пиетета особого не выказывает.

— Давор! — позвал он друга.

— Иду, командир, — откликнулся тот, и вскоре они вдвоем уже толкали скрежещущую повозку назад, туда, где проход между домами был не таким узким. А сердце все свербело, все гнало его туда, на площадь, где слышались гул толпы и отдельные громкие выкрики.

«Смерть убийце! — доносились высокие женские голоса. — Смерть злобной ведьме! — вторили им низкие мужские. — Смерть! Смерть!..»

Телега неохотно поддалась, пошла вперед, со скрежетом высвобождаясь из каменного захвата. А потом грохнула кирпичами и выкатилась на свободное пространство улицы.

— Благодарствуйте, милостивые даны! — обрадованно закричали мужики, но Штефан их уже не слушал. Он и сам не смог бы сказать, какая сила заставила его взлететь на подведенного мальчишкой коня и, не оглядываясь на спутников, припустить к площади. Его гнало вперед все усиливающееся беспокойство. И зверь тревожился, ворочался внутри. Не поймешь — то ли подгонял, то ли, напротив, недовольствовался.

Штефан на полном скаку вылетел из переулка, резко осадил коня и замер, вслушиваясь в громкий, усиленный магией голос дознавателя.

— Элиния Мария Скерци, убийца дана Креждена, твой час настал!

Штефан перевел взгляд на эшафот и почувствовал, как внутри все похолодело. Этого не может быть. Просто не может быть... Что она здесь делает? Маленькая фигурка, гордо вскинутая голова и взгляд... У него внутренности узлом свернулись, когда он этот взгляд увидел. Захотелось голыми руками всех разметать, пробиться к девчонке и разорвать грубые веревки, стягивающие ее тонкие кисти, укрыть полами своего плаща, защитить от жадных взглядов...

— Милостивый дан, пожалуйста плату, — раздался снизу звонкий голос, а дознаватель уже произносил скороговоркой постановление суда.

Штефан сунул руку в карман, не глядя, достал монету и кинул парнишке, а сам, не отрываясь, все смотрел на свою бывшую служанку.

— Вот те раз, что-то мне кажется, я эту девчонку уже где-то видел! — присвистнул остановившийся рядом Гойко.

— Не иначе как в Белвиле, — задумчиво пробормотал подоспевший Давор. — Мне еще глаза ее запомнились, синие такие, как вода в Вер-озере. Интересно, как она здесь оказалась? Да еще и под суд угодить успела?

Штефан слушал друзей и не слышал. Он прикидывал, как быстрее добраться до помоста. Народ стоял плотно, а до эшафота оставалось несколько эров. Не получится сохранить инкогнито. Уже не получится.

— Перед лицом Аэста я объявляю эту женщину виновной и отказавшейся признать свою вину, — усиленный магией голос дознавателя перекрыл шум толпы. — Пусть свершится правосудие!

Илинку подвели к колоде, и Штефан понял, что времени на раздумья больше нет. Времени ни на что больше нет. А сердце ныло, душу холодом выстуживая, рвалось к застывшей у плахи девчонке.

— Стойте! — громко выкрикнул он. — Остановите казнь!

Народ вокруг возмущенно зашумел, но Штефан приказал зверю проявиться, и люди испуганно замолчали и застыли, а потом отхлынули, освободив ему широкий проход до самого помоста.

— Кто вы такой и по какому праву посмели прервать казнь? — строго посмотрел на него нависший над девчонкой дознаватель, и его острое, бледное до синевы лицо стало похоже на фарфоровую маску.

— Я — новый владетель Кравера и господарь Стобарда, — негромко сказал Штефан, но его услышали все, кто стоял рядом с помостом, и даже те, кто находился на небольшом балконе для знати. Он увидел, как цепенеют лица наместника и его приближенных, как исказилась и пошла трещинами фарфоровая маска дознавателя, как дрогнул в руках палача топор.

Штефан мрачно усмехнулся. Что ж, значит, уже наслышаны.

На Илинку он старался не смотреть, боялся выдать свои эмоции, поэтому остановил взгляд на

дознавателе.

— Лорд Крон? — имперец пытался выглядеть уверенным, но Штефан видел, что тот растерялся от неожиданности. — Рады приветствовать вас на приморских землях, — справившись с собой, с достоинством поклонился дан.

— В чем обвиняется эта девушка? — спросил Штефан, все так же не глядя на Илинку.

— В убийстве уважаемого горожанина, дана Эбенезиуса Креждена.

Дознаватель уже успел взять себя в руки и сейчас выглядел невозмутимым и холодным. Штефан отдал ему должное. Не всякому при встрече с арнами удавалось сохранить присутствие духа.

— Я хочу лично просмотреть ее дело, — сказал он.

— Простите, милорд, но это невозможно, — вежливо, но твердо ответил дознаватель. — Согласно законам империи, если осужденный стоит на эшафоте и приговор оглашен, отменить казнь не может ни наместник, ни даже сам император.

Рагж! Штефан знал этот закон. Он рискнул посмотреть на Илинку.

Девочка глядела на него так... Его словно под дых ударило. А дознаватель, видимо, счел, что дал достаточные объяснения и приблизился к девчонке.

— Чего стоишь? — прошипел дан. — На колени!

Илинка вздрогнула, посмотрела на него и, не отрывая взгляда, медленно опустилась перед почерневшей от времени и пролитой крови колодой. А потом погладила ее ладонью — медленно, словно примеряясь, — и положила голову в углубление на плахе. Народ загудел, а он глядел на тонкую беззащитную шейку, на серый чепец, под который были убраны темные волосы, и чувствовал, как поднимается в душе какое-то незнакомое чувство. Оно все росло в груди, ширилось, подталкивая его к одному, единственно верному решению.

— Приступай, — кивнул палачу дознаватель.

Штефан видел, как в прорезе маски блеснули темные глаза и повелительно вскинул руку.

— Стой! — приказал он поднявшему секиру палачу.

— Простите, милорд, но вы не имеете права мешать правосудию, — тихо, чтобы не слышали окружающие, сказал дознаватель. — Отойдите и дайте нам выполнить то, что должно.

— Что ж, тогда придется действовать по-другому, — так же тихо сказал Штефан и громко произнес: — Я беру эту женщину в жены.

— Но позвольте, — попытался возмутиться дознаватель. — Вы не можете...

— Могу, — оборвал его Штефан и увидел, как расширились зрачки в огромных синих глазах. Рагж, если он не поторопится, через пару секунд девчонка попросту лишится чувств. — По старому закону Кравера, который никто не отменял, осужденный на смерть может избежать наказания, если найдется человек из благородного сословия, готовый вступить с ним в брак.

Дознаватель издал какой-то непонятный звук, но Штефану некогда было оборачиваться, чтобы посмотреть на имперца. Одним движением он вскочил на помост и оторвал от колоды Илинку, ощутив под руками неподатливое, заледеневшее тело. С губ девчонки слетел почти неощутимый вздох, но он услышал, почувствовал его и крепче сжал чуть обмякшие плечи.

— Я не женат, девица тоже никогда не была замужем, так что все условия соблюдены.

— Но она преступница, милорд, — подал голос наместник — невысокий, щуплый человечек, утонувший в складках объемного бархатного плаща. — Неужели вы...

Штефан поднял глаза, и наместник закашлялся, оборвав свою речь на полуслове.

— Кто-то еще хочет высказаться? — он обвел взглядом стоящих вокруг.

Люди испуганно отхлынули назад.

— Что ж, тогда приступайте, — повернулся он к тощему жрецу, вцепившемуся в служебник так, будто это единственное, что осталось незыблемым в пошатнувшемся мире.

— М-милорд? — пролепетал жрец.

— Начинайте обряд, — поторопил Штефан, желая как можно скорее покончить с этим фарсом и забрать девчонку с гнусного позорища.

Жрец растерянно посмотрел на него и с надеждой уставился на дознавателя. Видимо, ожидал, что тот вмешается.

— Начинайте, кор Сабинус, — недовольно подтвердил имперец и отвернулся.

Штефан усмехнулся. Не зря дед заставлял его старые законы соседних провинций учить. Когда-то Кравер, Верен и Ирдог входили в Стобардское королевство, и лорд Вацлав был убежден, что рано или поздно Кроны вернут себе утерянное. Так ли это или нет, пока сказать трудно, а вот знания прошлого ему прямо сейчас пригодились.

— Ну? — надавил он на жреца.

— Во имя Аэста милостивого, — дрожащим голосом начал тот, и Штефан плотнее прижал к себе Илинку, оберегая ее от падения. Он чувствовал, что девочка еле стоит на ногах и с трудом удерживался от того, чтобы смести с помоста всю эту имперскую шваль и забрать свою бывшую служанку.

— Покороче, отец, — поторопил он жреца.

— Пусть этот мужчина возьмет эту женщину и предстанут они перед Аэстом единым целым, — скороговоркой произнес жрец, осеняя их скрещенными пальцами. — Веренаи аредос.

Солнце, будто только и ждало этих слов, медленно скрылось за крышами домов, и с востока на площадь напозла темнота. Она неуклонно отвоевывала у последних отблесков заката небо и погружала в сумерки столпившихся вокруг эшафота людей.

— Объявляю вас мужем и женой, — неуверенно произнес жрец и добавил: — Будьте счастливы.

Штефан не стал дожидаться поздравлений, да их, судя по всему, и не предвиделось. Он подхватил Илинку на руки и спрыгнул с помоста.

— Ваше сиятельство, куда же вы? — тоненько выкрикнул наместник Кравера. — А как же...

— Завтра, — оборвал его Штефан. — Утром я заеду в городской совет, и мы решим все вопросы.

Он поставил Илинку на ноги, вскочил на коня, подхватил девчонку и двинулся к виднеющейся неподалеку гостинице.

Люди расступались перед ним, он ловил на себе любопытные, настороженные взгляды, но думал только о том, как бы побыстрее увезти отсюда Илинку. Нет, потом он разберется с тем, как она оказалась в Кравере и за что ее осудили, но сейчас гораздо важнее скрыть девчонку от этой своры, что разочарованно гудела, лишенная желанного зрелища.

Он укутал Илинку полами плаща, прижал к себе, спрятал ото всех и пришпорил коня. Желанные огни были все ближе, и вскоре Штефан уже спешил у освещаемых магией дверей гостиницы.

— Пиши, — Штефан положил перед Илинкой лист бумаги и придвинул чернильницу с пером. — Правду, — ответил на ее вопросительный взгляд. — Хочу знать, на ком женился, — хмыкнул он и отошел к окну, чтобы избежать искушения до хруста сжать хрупкие плечи упрямой девчонки. — Ничего не утаивай, — грозно рыкнул и отвернулся, злясь непонятно на что.

Сейчас, когда опасность миновала, он испытывал раздражение. На себя, на девчонку, что быстро строчила пером по листу, на обстоятельства, вынудившие его принять необдуманное решение. Никогда раньше он не был подвержен таким вот порывам, никогда раньше не совершал скоропалительных поступков и теперь пытался просчитать, чем аукнется ему собственное благородство. Рагж! Дед небось в гробу перевернулся бы, если бы узнал, что он женился на безродной. Лорд Вацлав никогда не забывал о том, что Кроны были королями, и верил, что однажды корона снова увенчает главу одного из его потомков. Был бы дед жив, вполне мог бы вычеркнуть его из родовой книги за то, что он взял в жены низкорожденную.

Он бросил короткий взгляд на склоненную над столом головку. Сердце дернулось, заняло — то ли от жалости, то ли еще отчего, но он сознательно задушил в себе эмоции. Не время поддаваться слабости. Ему нужно знать, к каким сюрпризам готовиться и чего ждать от своей необдуманной женитьбы. Как обезопасить новоявленную... жену? Будь у него хоть немного времени, он нашел бы другой выход, не ввязывая девочку во всю эту историю с браком. Но теперь... Теперь назад дороги нет, и он должен думать не только о том, как собственную жизнь сохранить, но и как Илинку от беды уберечь. Рядом с ним опасно. Враги не дремлют, да и зверь недоволен, рычит внутри, злобится, не одобряет его выбор, прорывается рыком в голосе, когти норовит показать, зубы скалит.

И не поймешь, чем ему девчонка не угодила, почему зверь так беснуется. Вроде утих в последние дни, а теперь опять рыком заходится, злобствует и лютует. Или это в нем родовая спесь Кронов говорит?

Тихий стук заставил Штефана отвлечься от размышлений.

— Войдите, — ответил он.

Дверь распахнулась, и в проеме возник Гойко.

— На пару слов, командир, — голос друга был серьезным, и Штефан насторожился.

Полчаса назад, когда служанки наполнили для Илинки ванну, он отправил парней потолкаться среди людей, узнать, что говорят. Похоже, вести его ждали нерадостные.

Он бросил взгляд на... жену, но та уткнулась в бумаги и делала вид, что ничего не видит и не слышит. Хотя, по справедливости, с того момента, как они вошли в гостиницу, девчонка избегала на него смотреть. Вот куда угодно глядела, только не на него. Лишь однажды забылась, в душу ему заглянула, но тут же склонила голову и уткнулась в пол.

— Идем, — сказал он Гойко и вслед за другом вышел из комнаты.

— Тут такое дело, командир, — стоило им оказаться за дверью, тихо сказал Гойко. — Девушка, оказывается, из благородного, но обедневшего рода. Отец ее ввязался в какие-то сомнительные спекуляции и прогорел, но вместо того, чтобы спасти остатки состояния, пустился во все тяжкие, проиграл в карты все, что у него оставалось, и от расстройства помер.

Штефан задумался. Вспомнилось имя, которое громко звучало на площади, и он только сейчас осознал, что оно значило. Как там? Элиния Мария... Скорци? Скерци?

— Что еще? — посмотрел он на ординарца.

— После смерти Скерци его вдова продала особняк и вместе с дочерью переехала в домик поменьше. Есть еще кое-что. У вашей... жены был жених, некий Дамир Ставецки. Юноша амбициозный и предприимчивый, но небогатый. Пока его будущий тесть не разорился, он помогал ему с делами и рассчитывал после свадьбы войти в долю, получив свой кусок пирога от состояния Скерци. Да вот только после смерти своего двоюродного дяди быстро смекнул, что обуза в виде нищей жены ему не нужна, и собирался разорвать помолвку, со стряпчим своим советовался, как половчее это дельце повернуть, чтобы вину на себя не брать.

Гойко замолчал, и Штефан молча кивнул. Ему было о чем поразмыслить. Значит, из благородных... Выходит, не прогадал он, женившись, ровню в жены взял.

— Мать ее жива?

— Умерла почти два года назад. Как думаете, кому дом достался?

— Ставецки?

— Ему. А кто леди Элинию дознавателям сдал, когда она в Кравере оказалась?

— Дай угадаю, — криво усмехнулся Штефан. — Неужто женишок бывший?

— Он самый, — кивнул Гойко, и уши его оттопырились больше обычного. — И вот что я вам скажу, милорд, — со значением добавил он. — Думается мне, не просто так леди Элинию обвинили. Уж больно быстро ее на месте преступления взяли. Надо бы в этом деле покопаться, уверен, много интересного найдем.

— Вот, значит, почему она в Стобарде оказалась, — тихо сказал Штефан.

Что ж, кое-что прояснилось. И темное прошлое, и скрытность, и нежелание девчонки признаваться в том, кто она и откуда. Элиния Скерци... Надо же...

— Тут еще кое-что, — осторожно добавил Гойко.

— Что?

— По всему побережью закрыли старые монастыри. А тот, в котором леди Элиния училась, сожгли вместе с сестрами.

— Который?

— Самый известный. Золотого Сердца. Давор расстроился, тетка его там подвизалась и вместе с остальными сестрами мученическую кончину приняла.

— Выходит, новую веру насаждают? Всерьез взялись? — медленно произнес Штефан, все еще видя перед глазами эшафот и стоящую перед темной колодой девочку. — Ладно, Гойко, иди отдыхать. Завтра я в Совет съезжу, потом в суд загляну, узнаю, что тут происходит, тогда и решим, как быть.

Друг кивнул, и неожиданно лицо его осветила лукавая усмешка.

— Желаю счастливой брачной ночи, командир, — брякнул Гойко и, не дожидаясь ответа, исчез в соседнем номере.

Штефан только головой покачал. Знает, шельмец, когда сбежать...

Он открыл дверь, вошел в комнату и замер, глядя на девочку. Та склонила голову на руки и спала. Прямо на столе. Оно и неудивительно. Умаялась. Что у нее силенок-то? Как у котенка...

Штефан осторожно подошел к Илинке, потянул из-под ее локтя бумагу, но читать не стал — сунул в карман. А потом подхватил невесомое тело на руки и понес в спальню.

«Первая брачная ночь», — вспомнились слова Гойко, и он неслышно хмыкнул. Похоже, не будет у него этой самой ночи. Спит его молодая супруга и даже не чувствует, как он снимает с нее купленное в соседней лавке платье, как расплетает длинную косу, как укрывает теплым покрывалом.

Штефан посмотрел на разругавшееся во сне лицо, на длинные, чуть подрагивающие ресницы и не удержался, провел пальцами по бархатистой щеке, поражаясь тому, что никакие испытания не смогли испортить нежной красоты девочки.

— Спи, Элиния, — тихо прошептал он и вышел, осторожно прикрыв за собой дверь спальни.

Глава 11

Илинка

Погода испортилась. До самого Лодно шел дождь, заливая окна кареты, и я не видела ничего, кроме серых потеков, бегущих по стеклам. Может, оно и к лучшему. Перед глазами до сих пор черное пепелище стояло, что на месте монастыря осталось. Не было больше ни белоснежного храма, уходящего ввысь своими золотыми куполами, ни ограды каменной, ни ворот ажурных, ни фонтана, на парапете которого мы с подружками любили сидеть, ни кедровника заповедного, где так хорошо думалось и мечталось.

Карету подкинуло на неровной дороге, и я схватилась за сиденье.

Мы путешествовали уже второй день. Штефан решил не менять из-за меня своих планов и, закончив с делами в Кравере, продолжил инспекцию собственных вотчин. А я... Я сама не знала, что чувствую. Вроде бы радоваться должна, что смерти избежала, а душа болит. Нет, я была благодарна и Создательнице, и Штефану, только вот от грусти избавиться не могла. Все вспоминала первый день своей новой жизни и думала, как дальше быть.

Позавчера, когда я проснулась в чистой, вкусно пахнущей верицей постели, первое, что увидела, — это осунувшееся лицо арна и его направленный на меня взгляд. Пристальный такой. Тяжелый.

— Безоблачного утра, жена, — заметив, что я проснулась, криво усмехнулся Штефан, и я невольно поежилась, разом вспомнив и несостоявшуюся казнь, и наш поспешный брак, и боль в сведенных судорогой руках.

— Болит? — тут же уловил мои мысли арн и кивнул на запястья, где виднелись синие следы от веревки.

Я отрицательно качнула головой, а он нахмурился и, отодвинув стул, на котором сидел, отрывисто сказал:

— Завтрак на столе. Служанка поможет тебе привести себя в порядок. Твою одежду сейчас принесут.

Одежду? Я смутно помнила, что вчера на мне было какое-то новое платье из шуршащей шелковой ткани — холодное и неприятное на ощупь. Не знаю, откуда оно взялось. Наверное, арн посылал за ним в лавку одного из своих стражников, только вот я не могла вспомнить, кто и когда меня переодел. Все произошедшее после обряда как в пелене тумана тонуло. Одни обрывки остались. Вот Штефан несет меня на руках, а я вдыхаю такой знакомый запах — райского табака, верицы, можжевельника — и сильнее прижимаюсь к обтянутой дорожным камзолом груди. А вот я уже в комнате. Вокруг хлопочут служанки, помогают мне снять платье и чепец, усаживают в наполненную теплой водой ванну, моют душистым мылом. А дальше — пустота. Словно больше и не было ничего. Не помню, как до кровати добралась, и как уснула — тоже не помню.

И тут в голове мелькнула мысль, заставившая меня похолодеть. Родовой перстень! Он остался в старом платье...

Я завернулась в покрывало и соскочила с постели, пытаюсь найти свои вещи.

— Что? — нахмурился Штефан, наблюдая за тем, как я кружу по комнате. — Что-то потеряла?

Я кивнула и кинулась к столу, на котором заметила письменные принадлежности. «Где мое платье?» — написала на украшенном магическими гербами листе и сунула бумагу арну.

— Зачем оно тебе? — спросил Штефан. — Хочешь оставить на память? Так поздно уже, выкинул я твое тряпье.

Сердце пропустило удар. Матушкин перстень... Последнее, что осталось от моей семьи... Он ведь был там, в потайном кармашке! На глаза, впервые за последние дни, навернулись слезы. Странно, конечно. Даже когда меня вели на казнь, я не плакала, а вот сейчас разревелась. Да так, что не могла остановиться, только утирала мокрые щеки и смотрела на Штефана сквозь мутную пелену.

— Прекрати, — тихо сказал арн. В его голосе звучала то ли жалость, то ли раздражение, и мне оттого еще горше стало. А Штефан протянул руку, и я увидела на его ладони свое кольцо. — Ты из-за этого расстроилась?

Рубин сверкнул алой каплей. Мать-Создательница!

Я схватила перстень и быстро надела его на средний палец левой руки. Кольцо оказалось мне велико, но спустя пару секунд, прямо на глазах, оно уменьшилось и плотно охватило фалангу. Видно, сработала родовая магия обережников.

— Занятно, — задумчиво произнес Штефан. Он взял мою руку и погладил ярко сверкнувший камень. — Значит, ты, как и каждая женщина твоего рода, владеешь бережной магией.

Арно не спрашивал. Похоже, пока я спала, он уже успел узнать обо мне все, что можно. И, судя по тому, как алели его глаза, что нельзя — тоже. Он смотрел на меня — пристально, так, словно видел впервые, — а у меня внутри любовь и гордость сражались. Любовь шептала: «Какая разница, как вы поженились, главное, теперь ты всегда сможешь быть рядом с арном». А гордость... Гордость заставляла отказаться от той жертвы, что граф принес, вернуть ему свободу. Я ведь все понимала. Штефан поддался порыву, защитить меня хотел, собой пожертвовал. Возможно, сейчас он уже жалеет об этом. А что дальше будет? Арно ведь не любит меня. А пройдет немного времени, так и вовсе возненавидит. Просто за то, что судьбу его изменила. Я смотрела на суровое лицо, на сведенные на переносице темные брови и понимала, что должна сделать. И оттого так больно было, будто душу тупым ножом резали. Может, все не так? Может, сумею любовь арна завоевать? И не нужны ему другие будут... «Как же — не нужны! — насмешливо встрял внутренний голос. — Неужто забыла, как столичная гостя стонала да какие слова говорила? Разве сможешь забыть, какого ответа она от арна требовала?»

— Отдыхай пока, — сказал Штефан. — Сегодня мы останемся в городе, нужно разобраться с делами, а завтра рано утром выедем в Лодно. Тебе что-нибудь нужно? — посмотрел он на меня.

Я отрицательно покачала головой. Единственное, что мне было необходимо, — это остаться в одиночестве и немного подумать.

Арно, будто услышав мои мысли, молча кивнул и пошел к выходу.

— Если что-то понадобится, Давор будет за дверью, — обернувшись на пороге, произнес Штефан, и я поняла, что это намек. Дескать, из комнаты не высовывайся и сиди на месте.

Что ж, я особо никуда и не рвалась. Воспоминания об эшафоте, о площади, запруженной людьми, и об оскорбительных выкриках были так живы, что мне совсем не хотелось выходить из гостиницы. До сих пор внутри все сжималось при одной только мысли о том, чего я избежала. Никогда не думала, как страшно стоять один на один перед жаждущей страшного зрелища толпой! Видеть любопытные, жадные до чужого страдания взгляды, ощущать прикосновения грязных рук, сносить плевки и презрение... Мать-Создательница! Сейчас, когда все это осталось позади, я даже думать боялась, что было бы, если бы арно не приехал в Кравер.

Уже позже, днем, мне принесли новую одежду. Она была куплена в лучшей лавке города, и мое глупое сердце радостно екнуло. Разве стал бы Штефан дорогие вещи покупать, если бы равнодушен ко мне был? Мог бы и в простой лавке заказать, а не в «Шартене». Правда, разум тут же шикнул на разошедшееся воображение. Не в любви тут дело, а в статусе. Негоже леди Крон оборванкой выглядеть.

День прошел как в тумане. В голове столько мыслей и воспоминаний теснилось, что мне хотелось закрыть глаза, сжать ладонями ноющие виски и забыться, не думать, не существовать...

Штефан вернулся лишь поздно ночью, когда я уже лежала в постели.

Он тихо прошел в спальню, постоял рядом с кроватью, будто раздумывая о чем-то, а потом развернулся и ушел в гостиную, и там до самого утра горел магический светильник. В том Кравере, который я помнила по прошлому, редко пользовались имперской магией, но теперь все изменилось. Магия была повсюду, она преобразила город, придав ему сходство с большинством олденских городов.

Да и вся провинция изменилась. Сейчас, когда мы путешествовали по ее дорогам, я видела вокруг сплошные новшества. Улицы городов освещались белыми магическими фонарями, повсюду выросли огромные храмы Аэста — крылатого бога имперцев, на месте старых домов, окружающих центральные площади городов, высились новые, высокие, сооруженные при помощи магии. Империя не теряла времени даром, меняя облик городов, уничтожая старые верования и на их месте водружая знамя своего воинственного божества.

Неожиданно карета остановилась, заставив меня отвлечься от размышлений.

— Приехали, миледи, — дверца открылась, и в проем просунулась улыбающаяся физиономия Гойко.

Я вопросительно посмотрела ему в глаза. Мне нравились друзья Штефана: простые, незаносчивые, надежные. И, что удивительно для воинов, деликатные.

— Милорд велел устроить вас в гостинице, а сам отправился к наместнику, — сказал Гойко.

Понятно. Меня, как надоевшую торбу, снова пристраивают в угол, чтобы не мешала.

Я приняла протянутую руку, вышла из кареты и огляделась вокруг. Дождь немного стих, и я смогла рассмотреть широкую улицу, выходящие на нее дома, витрины лавок, крыльцо гостиницы, в окнах которой сияли яркие огни.

— Миледи, — поторопил меня Гойко, но я по-прежнему стояла в раздумьях.

— Миледи, вы промокнете, — вмешался Давор. — Давайте пройдем внутрь, пока вы не заболели.

Он заботливо взял меня под руку и повел к распахнутым дверям, а я шла и думала о том, что готовит всем нам будущее. Вирош, узоры которого так и вились перед глазами, тревожил меня своей непредсказуемостью. С каждым моим шагом он менялся, обрастал все новыми фрагментами и плотно переплетал воедино наши со Штефаном судьбы. Знать бы только — к добру или к худу?

Штефан

Он смотрел на лежащий перед ним листок бумаги, вчитывался в ровные строчки и чувствовал, как внутри поднимается раздражение. Освобождает она его от данного слова... Надо же! Додумалась. Не хочет лишать свободы. А то, что клятва брачная произнесена, это что, ничего не значит?

Перед глазами возникло нежное девичье лицо, говорящий взгляд, приоткрытые губы — мягкие, манящие, одуряюще пахнущие малиной.

Штефан так ярко представил их вкус, что не выдержал и громко выругался. А потом смял исписанный листок и кинул его в камин. По-хорошему, изорвать бы эту писульку на мелкие клочки, но он не стал этого делать. Не хватало еще злиться на такую мелочь.

Он подошел ближе, наблюдая, как огонь жадно глотает подношение и выплевывает серый пепел на медную решетку. А в душе все свербело неудовлетворение, зудело комаром, клопом противным покусывало.

За минувшие два дня ему так ни разу и не удалось толком поговорить с девчонкой. Избегала она его. Вроде бы не специально, но как-то так получалось, что все время рядом с Элинией кто-то был: то Гойко, то Давор, то служанки. А ему оставалось довольствоваться вот этими... отписками.

— Я освобождаю вас от брачной клятвы, милорд, — недовольно процитировал он и поморщился.

Рагж! Как же с ней трудно. Вроде бы молчит, ни словечка не вымолвит, ни звука, а по глазам видно — не простила. Ни Бранимиру, ни пренебрежения его, ни того, что вину свою не признал.

Штефан снова поморщился. Он никогда не верил в слова. Разве могут они что-либо исправить? Нет. Куда важнее поступки, но упрямая девчонка не хочет этого принимать, ждет, пока он прощения попросит. И не желает понимать, что не может он через себя переступить. Не может, и все. Никогда ничего не просил и сейчас не собирается.

Короткий стук в дверь заставил его отвлечься от невеселых мыслей.

— Милорд?

Гойко вошел в комнату и остановился на пороге.

— Что?

— Бор приехал, — доложил ординарец.

— Рассказывай, — коротко бросил Штефан.

Он отошел к окну и уставился на дождевые капли, стекающие по стеклу. За ними горел огнями Лодно — один из самых крупных городов Краверской провинции. Вспомнился визит к наместнику, умные темные глаза лорда Герца, скупые жесты, уверенные движения крупных рук. Ему понравился местный глава. Было в нем что-то настоящее.

— Нашим парням удалось выяснить, что у Креждена был компаньон, некто Карел Чавир, — доложил Гойко. — Так вот, накануне убийства они сильно повздорили, нашлись свидетели, которые слышали, как Карел грозился прирезать Креждена, если тот не поделится с ним доходом от какой-то сделки.

— Вот, значит, как, — задумчиво сказал Штефан.

Выходит, не зря он магический вестник в Белвиль отправил и подмогу вызвал.

— Судья прислушался к вашей просьбе, — продолжил Гойко, — и сейчас идет тщательная проверка всех показаний по делу убитого ростовщика. Думаю, теперь, когда судебским ничто не застит глаза, они найдут настоящего убийцу.

— А им ничего другого и не остается, — хмыкнул Штефан, вспомнив свой разговор с заместителем и с судьей. Он тогда очень убедительно попросил сделать все, чтобы восстановить доброе имя леди Элинии. И лорды с готовностью пообещали ему это. — Ладно. Дай Бору отдохнуть, утром пусть зайдет.

— Слушаюсь, командир, — поднимаясь, ответил ординарец.

— И вот еще что, Гойко, — добавил Штефан. — Эти письма нужно доставить по адресам, но так, чтобы никто об этом не узнал, — он взял со стола запечатанные послания и протянул другу.

— Сделаю, — забирая их, кивнул Гойко.

Он сунул письма за пазуху и вышел за дверь, а Штефан отвернулся к окну и задумался. Мысли его унеслись далеко, к тем людям, которые провели с ним бок о бок почти двадцать лет. Поверят ли они ему? Пойдут ли за ним? Откликнутся ли на его призыв?

Трудно сказать. Ему оставалось только надеяться, что письма благополучно найдут своих адресатов и те ответят на его предложение согласием.

Штефан распахнул створки и выглянул наружу. Небо на востоке уже начинало сереть. Еще одна ночь подошла к концу. Непонятно почему, эта мысль вызвала сожаление. Он и сам не мог сказать, откуда взялось это странное, ноющее чувство — то ли тоски по чему-то несбыточному, то ли...

Рагж! Не будет он каяться. Он ничего не обещал Илинке, просто взял то, что она сама ему отдала, так почему же чувствует себя подонком? И почему проклятая совесть гложет, который день покоя не дает?

Штефан подставил лицо прохладному ветру и прикрыл глаза. Может, все-таки Скарот и истинные весы равновесия существуют? А иначе как объяснить то, что в его жизни творится? Раньше он всегда старался держать свои чувства в узде, не привязывался к женщинам — дедова наука пошла впрок, — никого не подпускал близко. Даже Бранимиру, на которой собирался жениться, воспринимал, скорее, рассудком и телом, но не душой. Наверное, потому так легко и принял ее отказ. И сейчас так же легко отпустил. А вот с Илинкой... Как эта немая девочка умудрилась пробраться в самое сердце? Глазами своими, руками, губами прямо в душу влезла, занозой сидит, дышать спокойно не дает. Откуда взялось это странное, беспоконное чувство? Почему он не может от него избавиться?

Штефан сжал виски. Глупо... С собой-то можно и не лукавить. Не хочет он ни от чего избавляться. Наоборот. Пора положить конец затянувшемуся противостоянию, разрубить узел, что сам завязал, и вернуть тот взгляд, которым Илинка на него раньше смотрела. Плохо ему без этого взгляда. И без души, что из него выглядывает. Зачем обманывать? Он ведь будто и не живет с того дня, как Илинка из Белвиля сбежала, и легче никак не становится. К рагжу принципы!

Он оторвался от окна и решительно подошел к двери спальни.

Илинка

Я глядела в темный потолок и прислушивалась к тихим звукам, доносящимся из гостиной. Арн не спал. Как вернулся в два часа ночи, так и не ложился. Я слышала, как он расхаживал по комнате, потом к нему кто-то пришел, а теперь вот снова раздался звук шагов.

Душа заняла от желания пойти к Штефану и забрать то письмо, что я написала. И снова оказаться в объятиях рук, что умели обнимать так нежно и сладко. И забыть о гордости. Позволить себе быть счастливой.

«Опомнись, Элиния, — вмешался разум. — Не навязывайся мужчине, который любит другую, не становись посмешищем в собственных глазах!»

А сердце болело, не хотело признавать доводы рассудка, рвалось к Штефану...

Шаги замерли перед дверью, и я замерла вместе с ними. Зайдет? Или нет?

Дыхание сбилось. Только бы вошел! Нет, лучше бы не заходил...

В предрассветных сумерках было видно, как опускается бронзовая ручка, как медленно открывается дверь, как на пороге показывается темная фигура...

Я прерывисто вздохнула и крепко зажмурилась. Не буду смотреть. Не смогу. Мне казалось, стоит нам с арном встретиться взглядами, и я забуду все благоразумные обещания, которые дала сама себе.

А шаги все ближе. Вот Штефан пересекает спальню, вот останавливается у постели... Мать-Создательница! Я почувствовала, как моей щеки коснулась теплая ладонь, и едва сумела унять пустившееся вскачь сердце.

— Элиния.

Я затаилась, боясь себя выдать.

— Я ведь знаю, что ты не спишь, — тихо сказал арн.

Ох, как же трудно было лежать неподвижно! Слышать любимый голос, ощущать ласковые прикосновения и бороться с собой, с собственным сердцем, что птахой глупой в груди билось, с душой, что наружу рвалась.

— Сердишься на меня? — последовал напряженный вопрос.

Создательница! Да как же я могу сердиться на человека, спасшего меня от смерти? Нет, конечно же нет!

— Хочешь, чтобы я признал свою вину? — голос зазвучал глуше, а пальцы обвели контур моих губ, коснулись шеи и соскользнули вниз, к вырезу сорочки.

Дыхание сбилось. Внутри теплом обдало. И так захотелось забыть обо всем и поверить, что не просто так арн на бедной служанке женился. «Ради Златки он бы и пальцем не пошевелил, — шептал внутренний голос. — А тебя, как он думал, безродную, без раздумий замуж взял».

— Хорошо. Признаю.

Арн сказал это почти через силу. И руку убрал, а мне без нее так одиноко стало! И холодно.

— Посмотри на меня, Элиния, — услышала я тихий шепот, в котором появились какие-то незнакомые нотки. — Открой глаза, девочка.

Я почти помимо воли взглянула на арна и... пропала. В его взгляде горело то, на что я даже в самых смелых фантазиях надеяться не могла. Алая мгла схлынула, а в глубокой синеве душа отразилась, вся, целиком, и я будто нырнула туда и ощутила то, что арн и хотел бы сказать, да не мог.

— Я не мастер говорить, — словно в подтверждение моих мыслей произнес Штефан. — Запомни одно. Ты — моя жена перед богами и перед людьми. Я не могу пообещать тебе тихой и спокойной жизни, но клянусь защищать и оберегать от всего, что может причинить тебе боль. Примешь ли ты мою клятву?

Он смотрел на меня тяжело, в глазах его разгорался мрачный огонь, а лицо казалось высеченным из камня — такими резкими и суровыми стали его черты. Но каким же красивым он был в этот момент! У меня дыхание перехватило, а сердцу в груди тесно стало. Разве смогу я бороться против человека, который одним только прикосновением уничтожает все благие намерения и доводы разума?

— Элиния? — переспросил арн.

Я замороженно смотрела на него, не в силах даже кивнуть. Видно, Штефан умел читать мысли, потому что взял мои руки в свои и веско сказал:

— И чтобы с этого дня я не слышал ни о какой свободе, понятно? Ты — моя жена.

Он больше ничего не добавил, но я глядела в алое сияние и понимала все, что осталось несказанным. Чувствовала. Ощущала всем существом. И я поверила. Потянулась к тому огню, что горел в глубине ярких глаз, и осознала, как согревается душа, как тает ледяной комок, застывший глубоко внутри, как легко становится дышать...

Штефан не захотел ждать. Он нетерпеливо притянул меня к себе, и я пропала, потерялась в

головокружительном поцелуе, который смел последние сомнения, заставил мои руки взлететь, обнять обтянутые темным сукном плечи и отдаться тому томительно-сладкому, что зарождалось внутри, гудело, вибрировало и звенело, рвалось на волю криком. Возможно, когда-то я и пожалую, что поверила, простила, сдалась без боя, но не сейчас. Штефан прикусил кожу на шее и резко вошел, заставив меня задохнуться от того, как полно и глубоко я ощущаю его в себе. И я подалась навстречу, стремясь стать еще ближе, слиться с ним так, чтобы забыть все, что нас разделяло, не дать места ни одному сомнению, ни одному воспоминанию, ни одному, даже самому крошечному, сожалению. Сейчас, в этот миг, решалось наше со Штефаном будущее. Вера, любовь, страсть, прощение — так много всего было в этих простых и понятных движениях, в прикосновениях, в поцелуях. «Любишь?» — безмолвно спрашивала я. «Простила?» — читалось в сумрачном алом взгляде. А зверь настороженно приглядывался, принюхивался, прислушивался, подходил к самой коже, и я чувствовала его всем телом, но в этот раз сущность арна вела себя мирно, не стремясь взять над Штефаном верх. Даже когти, которые пару раз появлялись на руках мужа, не причиняли боли.

— Элиния...

Имя, слетевшее с губ Штефана, отогнало последние остатки сомнений, боли и страха, и я безоглядно отдалась мелодии страсти. Она звучала все выше, все пронзительнее, переплетаясь с призрачными орнаментами вироша и сплетая воедино не только наши со Штефаном тела, но и души.

Ночь уходила, небо за окном наливалось розовыми красками, и этот новый день обещал новую жизнь, без страха, сомнений и боли.

Я смотрела на мелькающую за окнами кареты серую морось. Стобард встретил нас мелким дождем — не дождем даже, а водяной пылью, которая оседала на волосах, на гривах лошадей, на крыше экипажа и на плащах мужчин. Мимо мелькали кусты волчьей сыти, вдаль виднелись высокие пики Алмазных гор, а я глядела на знакомые пейзажи и с удивлением понимала, что рада вернуться в вотчину Кронов.

Две седмицы путешествия пролетели быстро, оставшись в памяти яркими красками побережья, встречами и знакомствами, солнечными летними днями и долгими, томительно-страстными ночами. Мы успели посетить несколько городов приморья, проехать по окраинным вотчинам Штефана и теперь возвращались домой, в Белвиль. Позади остались Старкой и Брод, дорога все поднималась вверх, вилась среди Алмазных гор, звенела под копытами лошадей. До Стобарда оставалось чуть меньше десяти кье.

Мерный ход лошадей убаюкивал, и я оторвалась от окошка и прикрыла глаза, намереваясь подремать. Минувшей ночью мы со Штефаном почти не спали, да и будущей, скорее всего, немногим больше поспим, так что разумно было набраться сил загодя. А мысли уже побежали-поскакали, вернули меня в темноту спальни, окрасили щеки румянцем, сбили дыхание. С той, самой первой ночи арн больше ни разу не говорил о своих чувствах, но я ощущала все, что творилось у него в душе, видела, как сплетаются воедино орнаменты наших вирошей, и огонь в глазах подмечала — яркий, живой, страстью полыхающий. А еще муж любил расчесывать мои волосы. У нас это даже своеобразным вечерним ритуалом стало: я садилась перед зеркалом, а Штефан вытаскивал из моей прически шпильки и медленно проводил щеткой по волосам, пропускал их через пальцы, гладил и даже целовал вьющиеся на концах пряди. А потом откладывал щетку и...

— Ваше сиятельство, там впереди река из берегов вышла, дорогу размыло, не проедем, — послышался голос Давора.

Штефан с друзьями сопровождали нанятую в Кравере специально для меня карету верхом. Нет, я пыталась уговорить мужа ехать со мной, но он не согласился. Похоже, до сих пор опасался, что кто-нибудь может нам навредить, и был настороже. Я замечала, каким суровым и собранным он становится, когда думает, что я не вижу. И Гойко с Давором хоть и шутили, но глаза у них серьезными были, да и взгляды, которыми они обменивались, сами за себя говорили.

— А если вброд? — спросил Штефан.

— Можно попробовать, — после небольшого раздумья ответил Давор. — Но как быть с миледи, ведь...

Он не договорил.

Я открыла дверцу кареты, высунулась наружу и нашла глазами Штефана. Тот только хмыкнул, поймав мой взгляд.

— Промокнуть не боишься? — спросил муж.

Я помотала головой.

— Ну, давай руку.

Он подъехал ближе, ухватил меня и усадил перед собой на коня. А потом оглянулся на кучера и велел тому ехать в объезд, через Вотницу.

— Если дотемна не успеешь, оставайся в деревне, — велел он парню.

— Слушаюсь, милорд, — ответил тот и, с трудом развернув карету на узкой дороге, покатил в сторону Гдани.

— Слышь, Гойко, а ты чего приуныл? — с усмешкой спросил Давор, повернувшись к своему другу. — Или опасаясь штаны промочить?

— Кто бы говорил! — тут же завелся Гойко. — Сам небось трясешься за свой драгоценный зад, а на меня волну нагоняешь.

— Кто? Я? — возмутился Давор. — Да мой зад и не в таких переделках бывал, что ему какая-то лужа?

Я слушала веселую перебранку, а сама смотрела на мужа и благодарила Создательницу за то, что у него есть такие друзья. Их поддержка, их преданность, их готовность взять на себя любые заботы и тяготы сделали нашу поездку не такой сложной, какой она могла бы быть. Штефан, будто прочитав мои мысли, усмехнулся, на мгновение прижал меня к себе и прошептал:

— Держись крепче.

А потом тронул коня и направил его вперед, туда, где бурлила вышедшая из берегов Затонка, бросив на ходу:

— Гойко, не отставай!

— Обижаете, командир! — отозвался ординарец.

Он обогнал нас и первым въехал в воду. Река ярилась, норовила сбить с ног коня, но Гойко уверенно двигался вперед и вскоре, миновав стремнину, оказался на другом берегу. Следующим пошел Давор. Он был уже на середине реки, когда до нас долетел непонятный гул. Звук несся откуда-то сверху, напоминая отдаленное громохание грома — такой же грозный и неотвратимый.

— Назад! — выкрикнул Штефан, но было уже поздно. Ревущий поток, сметая все на своем пути, обрушился с горы, вода в реке стремительно поднялась, вздулась, вскипела белыми бурунами, мутным потоком захлестывая и лошадь, и всадника, сбивая их, лишая твердой опоры под ногами, унося вниз, к виднеющимся вдали скалам.

— Бросай поводья, сучий сын! — кричал Гойко. — Давор, слышишь? Оставь своего Серого!

— Не могу! — прорычал Давор, борясь с течением. — Нога в стремях застряла!

— Проклятье! — выругался муж.

Он соскочил с коня и кинулся к взбесившейся реке. Я видела, как Штефан на ходу стягивает камзол, как прыгает в воду, как плывет, сражаясь с течением, как ныряет рядом с испуганно всхрапывающим конем...

Минута, другая... Я с замиранием сердца ждала, когда муж покажется на поверхности, но время шло, Давора уносило все дальше, голова его Серого скрылась в пенных бурунах, а Штефан так и не появился. Не выдержав, я спрыгнула с лошади, взяла ее под уздцы и пошла к воде. Река гудела, бесновалась в размытом русле, билась о выступающие камни, закручивалась водоворотами. Она словно мстила за что-то, срывая злобу на попавших в ее объятия людях.

Я закрыла глаза, пытаясь увидеть мужа иным зрением, и родовое кольцо на пальце нагрелось. Изнутри река была совсем другой. Перед внутренним взором поплыли яростные алые сполохи, перемежаемые черными воронками; крепкие темные нити, что переплетались друг с другом, казались подобием узды. Они тянулись вдоль русла реки, уходя вверх по течению, но у меня не было времени выискивать причину того, что происходит. Нужно было найти в этой бешеной круговерти мужа.

«Штефан!» — беззвучно звала я, вглядываясь в грозно вспыхивающие зарницы. Вода, которая должна была быть синей, виделась мне красной, будто кровь, вытекающая из разверстой раны. Река стонала, мучилась от боли, пытаясь сбросить чуждое иго, крушила все на своем пути и не собиралась успокаиваться. Она рычала, наливалась злобой, гневалась, а я со страхом вглядывалась в ее беснующиеся воды, отыскивая мужа. К сердцу подступало отчаяние. Где же Штефан? Почему я его не чувствую? Почему его нигде нет?

И тут я наконец увидела супруга. Он уже сумел освободить ногу Давора из стремени и сейчас старался подтянуть друга к берегу, но течение относило их все дальше, швыряло и крутило, как щепки, и не давало приблизиться к земле.

— Держите, командир!

Гойко с усилием наклонил растущее над потоком деревце, но вода, разъяренно взревев, отнесла Штефана в сторону, не позволив ему ухватиться за гибкий ствол.

— Впереди скалы!

Гойко метался по берегу, не зная, как помочь, а я решила попробовать усмирить реку. Никогда прежде мне не доводилось управлять стихиями, но я видела, как работала Паница, и попыталась вспомнить все, чему она меня учила: вскинула руку, мысленно обратилась к реке, ухватилась за темные нити, потянула их на себя и едва не упала от обрушившейся на меня боли. Темное колдовство ударило в грудь, обожгло, скрутило внутренности, побежало по венам. Имперская магия — вот что взбесило реку, вот что взнуздало ее и заставило страдать. Кто-то использовал запретное заклятие, разрушающее природные силы и гармонию, грубо попрал законы бытия и решил на убийство. Я больше не сомневалась в том, что на арна снова устроили покушение. Весь Стобард знал, что господарь возвращается домой, а единственная дорога на Белвиль несколько раз на своем пути пересекала Затонку. Видно, убийцы рассчитывали списать все на несчастный случай.

Только вот не позволю я им совершить свое черное дело. На ум, будто само собой, пришло древнее заклинание, кольцо нагрелось еще больше, я отпустила сознание и слилась с водной стихией. Окружающий мир исчез. Звуки исчезли. Страх исчез. Сейчас я сама была страдающей рекой, по моим рукам бежали ее водяные потоки, сердце вмещало весь гнев и ярость Затонки, в глазах закипали слезы, но я должна была усмирить бушующую ненависть и заставить поток вернуться в прежнее русло.

Время растянулось. В ушах шумело, тело заледенело от холода, и лишь перстень нагревался все сильнее, не давая замерзнуть. Мне казалось, что прошла целая вечность, прежде чем река утихла и, словно устыдившись своей разнузданности, осторожно выкинула на противоположный берег Штефана и Давора. Грохот потока стих, остался лишь слабый плеск да ласковое журчание.

— Что это было? — растерянно спросил Гойко, помогая друзьям подняться на ноги. — Какой рагж вселился в эту проклятую Затонку?

— А кто ж ее знает? — хмуро буркнул Давор, разглядывая разорванный сапог.

— Похоже, без человеческого вмешательства тут не обошлось, — задумчиво сказал муж и посмотрел на меня. — Стой там, я сейчас за тобой вернусь! — крикнул он.

Я кивнула, с трудом приходя в себя и освобождаясь от непривычных ощущений. Вот, значит, о чем Паница говорила, когда объясняла, что все вокруг живое. Я погладила коня по крупу и перевела дыхание. Все-таки сливаться с сознанием другого существа — трудное занятие. Столько сил отбирает, что даже шага сделать не могу...

Тихий звук — не звук даже, а какое-то дуновение — заставил меня вскинуть голову. Создательница! На другом берегу, среди деревьев, стоял человек и целился в моего мужа из лука. А Штефан смеялся, что-то говорил Гойко и даже не видел...

Я кинулась к воде и замахала руками, пытаясь привлечь внимание, но супруг меня не замечал. Он наклонился, разглядывая окровавленную ногу Давора, и я с отчаянием поняла, что не успеваю ничего сделать. Горло сдавило от страха, из него вырвался какой-то хрип, а потом я услышала собственный голос:

— Штефан! Сзади!

Муж среагировал мгновенно. Ему хватило секунды, чтобы увернуться от летящей в него стрелы и тут же молниеносно метнуть нож в нападавшего.

Короткий вскрик и шум падающего тела подтвердили меткость броска. Штефан метнулся к деревьям, Гойко побежал следом, и вскоре они уже тащили неизвестного к воде, а я смотрела на них и не верила, что ко мне вернулся мой голос.

— Штефан, — почти беззвучно повторила я имя мужа, но арн услышал — на расстоянии, за плеском воды.

Он поднял голову и посмотрел мне в глаза. А потом что-то негромко сказал сидящему на камнях Давору и шагнул в воду. Река затихла, будто осознала свою вину, Штефан легко преодолел расстояние до берега и вскоре уже крепко сжимал меня в своих объятиях.

— Как у тебя получилось? — спросил он, не позволяя мне отстраниться.

— Что?

— Остановить реку.

— С любым живым существом можно договориться.

— А голос? Как ты смогла?..

Штефан не договорил. Он отвел от моего лба выбившиеся пряди и коснулся ладонью щеки.

— Не знаю. Я просто очень сильно за тебя испугалась.

Я посмотрела в синие, лишённые малейшей красноты глаза и потянулась к таким близким губам, и арн не стал больше ни о чем спрашивать. Он наклонился и поцеловал — крепко, так, что у меня все мысли из головы вылетели, и кажется, я снова потеряла дар речи.

Глава 12

Дома мы оказались ближе к вечеру, когда Восточная башня уже тонула в сумраке, а черепица Западной окрасилась бледно-розовыми отблесками скудного стобардского заката. Я с замиранием сердца смотрела на темную громаду замка. Белвиль встретил нас ароматом цветущего жасмина и тишиной. Правда, стоило только подъехать к изгибу Затонки, как на сторожевой башне прозвучал звук рожка и мост медленно пополз вниз, а ворота распахнулись и нам навстречу высыпали воины.

— Ваше сиятельство!

— С возвращением, милорд!

— Дорогу его сиятельству!

Приветственные крики слышались со всех сторон, я видела широкие улыбки и довольные лица — стражники не скрывали своей радости от возвращения командира.

— Рады видеть, милорд! — гаркнул какой-то громила и чуть не угодил под копыта Гордого.

— Ишь, как Герша выслуживается! — хохотнул седовласый воин.

Штефан кивнул друзьям и улыбнулся, а я подумала о том, как просто он общается с подчиненными, как легко забывает о своем титуле и высоком положении, будто те для него ничего не значат. В отличие от имперской знати, в арне не было ни спеси, ни заносчивости, ни пренебрежения к низкорожденным. Хотя, если возникала необходимость, Штефан легко мог поставить на место любого зарвавшегося богатея. Вспомнить хоть недавний случай, когда мы были с визитом у наместника Брода. Старый чванливый лорд Годэм — столичный аристократ, каким-то непонятным образом оказавшийся в нашей глуши, попробовал было разговаривать со Штефаном свысока, но моему мужу хватило всего пары слов и одного взгляда, чтобы лорд Годэм растерял всю свою важность.

— Гойко, а ты чего это с Давором обжимаешься, чисто с бабой? — хохотнул здоровенный светловолосый стражник.

Я не знала его имени, но помнила, что он дежурил на воротах в тот день, когда я уходила из замка.

— Так ведь любовь у них, — ухмыльнулся невысокий коренастый парень, говор которого выдавал уроженца равнинного Режина. — Видать, и поженились уже, вишь, рожи какие счастливые!

Он подмигнул стражникам, и под сводами ворот громыхнул хохот. Гойко, чей конь нес двойную ношу, густо покраснел и готов был ринуться в драку, но Давор крепко обнял его и добродушно пробасил:

— Мы-то с Гойко пока только думаем, а вот командир наш и правда женился.

— Да неужто кралю свою догнал? — удивился режинец.

— Догнал, — кивнул Гойко и буркнул Давору: — Да отпусти ты меня! Прилип, чисто колючка варнийская!

Он соскочил с лошади и повернулся к стражникам.

— Мало того что догнал, так в тот же день и оженился!

Во дворе стало тихо. Мужчины смотрели на меня настороженно, напряженно, словно раздумывая, чего ожидать, и я порадовалась тому, что предусмотрительно накинула на лицо вуаль. Не по себе мне было от такого внимания.

— Поздравляем, ваше сиятельство! — зазвучал нестройный гул голосов, но особой радости я не услышала.

Арн только усмехнулся и кивнул, а потом посерьезнел.

— Ладно, парни, повеселились — и хватит, — сказал он и тронул коня, направляя того к замку. — Вот этого — в подземелье, — на ходу пояснил он, кивнув на нашего пленника. — Я его позже допрошу.

— Сделаем, милорд, — перехватывая у Гойко веревку, к которой был привязан неудачливый убийца, кивнул здоровенный стражник и посмотрел на пленного. — Ну, идем, смельчак, — почти ласково сказал он, но в сочетании со зверским лицом это выглядело так устрашающе, что даже меня пробрало.

— Какие новости? — пустив коня шагом, спросил Штефан у идущего рядом режинца.

— Ваша сотня прибыла в полном составе, — ответил тот. — Еще одна в двух днях пути.

— Ишь ты, надумали, значит, — хмыкнул едущий за нами Давор. — Не захотели у бабских юбок сидеть.

— Да если бы командир разрешил, они бы сразу с ним отправились! — с горячностью произнес режинец. — А остальные только сигнала ждут, по первому зову откликнутся.

Штефан ничего не сказал, но я почувствовала, как напряглась удерживающая меня рука.

— Сдается мне, недолго им ждать осталось, — хмыкнул Давор.

Он ехал за нами, а Гойко соскочил на землю чуть раньше и уже успел затеряться в толпе окруживших его сослуживцев. Я слышала громкие голоса, беззлые подтрунивания, смех и шутки. Душу захлестывало радостью. Даже вернувшись на родину, я не чувствовала того, что ощущала сейчас. И на мгновение мне показалось, что я наконец-то попала домой.

— С возвращением, ваше сиятельство!

Возле парадной лестницы выстроились слуги во главе с Самирой. Новая домоправительница бросила на арна опасливый взгляд. Видно было, что она побаивается моего мужа. Правда, мялась Самира недолго. Спустя пару мгновений она сумела взять себя в руки и выступила вперед.

— Ваше сиятельство, — старшая низко поклонилась. — Добро пожаловать домой.

Я смотрела на лица слуг, видела настороженные, приправленные любопытством взгляды и с трудом удерживалась от улыбки. Все как раньше. словно бы и не было моего побега, заключения и несостоявшейся казни.

— Управляющий где? — спросил у Самире Штефан.

— На прииски уехал, милорд, — ответила та.

— На прииски?

Муж нахмурился и кинул взгляд в сгущающуюся темноту, туда, где виднелись очертания горных пиков.

— Чего он там забыл? — тихо, словно про себя, пробормотал Штефан, но не стал дожидаться ответа. Соскочил с коня и протянул руки, помогая мне спрыгнуть.

— Ваша новая хозяйка, — отрывисто представил он меня слугам, — леди Элиния Крон. Теперь вы подчиняетесь ей.

Арн откинул мою вуаль и заставил сделать шаг вперед.

— Так выходит, это не леди Бранимира? — растерянно пробормотал режинец, и я поняла, почему стражники встретили известие о женитьбе арна кислыми улыбками. Видно, думали, что он свою бывшую любовницу в жены взял.

По рядам прислуги пробежал тихий шепот. Женщины настороженно смотрели на меня, пытаюсь уяснить, что происходит. Мужчины покашливали в кулаки и поглядывали исподлобья. Разумеется, меня узнали. Вот только не понимали, как реагировать. Не ожидали в роли хозяйки бывшую служанку увидеть.

Первой пришла в себя Златка. Она несмело улыбнулась и низко поклонилась. Остальные будто опомнились.

— Миледи, — слышались вразнобой громкие возгласы. — Ваше сиятельство, — присела в кнессе стоящая рядом Самира.

— Идем, — взял меня за руку муж и повел в дом. — Подготовьте для миледи покои, что рядом с моими, — на ходу приказал он Самире, пристроившейся за нами. — Ужин накроете через полчаса. Баню сегодня топили? Нет? Тогда для миледи ванну наберите.

Штефан посмотрел на меня, и я увидела в его глазах мелькнувшее предвкушение. Похоже, нынешней ночью мне снова не придется спать.

— Элиния...

Шепот обжигает, скользит по коже горячей волной, спускается к груди и вслед за ним дорожку поцелуев прокладывают губы. Они смелые, эти губы. И очень искусные. Им удастся полностью лишиться меня всяческого стеснения, пробудить самые потаенные желания, вынудить умолять мужа о том, о чем еще так недавно я и помыслить не могла.

— Элиния...

Мое имя в устах Штефана звучит искушающе, я и не думала, что можно произносить его так, что у меня все разумные мысли из головы исчезают. Арн не торопится. За две недели нашего брака он многое успел обо мне узнать и теперь безошибочно находит на моем теле те места, прикосновение к которым заставляет меня терять голову. Но только если раньше я лишь беззвучно кричала, не в силах выразить то, что чувствую, то сейчас с моих губ срывался стон, переходящий в имя мужа.

— Штефан...

Как же это чудесно, снова иметь возможность выражать свои мысли и эмоции словами! Я до сих пор не могла поверить, что ко мне вернулся мой голос, и каждый раз удивлялась, когда слышала его звуки.

— Штефан...

А тело уже предает, поддается ласковым рукам, тает от прикосновений.

— Штефан...

Внутри все дрожит от желания, захлестывает горячей волной, туманит разум.

— Да, вот так, — шепчет арн, когда я обхватываю ладонью твердую плоть.

И от этого шепота, от срывающегося дыхания мужа, от тяжести его тела я окончательно потеряла голову и потянулась к губам, утонула в жарком дыхании, стремясь отдать всю себя, без остатка.

Не прерывая поцелуя, арн перевернул меня на живот и вошел, заставив задохнуться от того ощущения, что подхватило, захлестнуло, заставило закрыть глаза и отдаться все убыстряющимся движениям. Кровать скрипела под нами, но этот скрип казался мне самой лучшей музыкой на свете.

— Штефан!

Если бы я могла открыто сказать мужу, что люблю его! Мне так этого хотелось, но я боялась. Боялась, что он сочтет меня навязчивой и будет тяготиться моими чувствами. Решит, что это его к чему-то обязывает. Нет. Я не желала становиться обузой.

— Элиния...

Голос мужа зазвучал сдавленно, напряженно, и меня будто ударило изнутри, сердце тревогой захлестнуло. Создательница... Он вернулся. Зверь, что меня лютой ненавистью ненавидит, вернулся, изменил облик мужа, пробился к самой коже шерстью темной, клыками острыми, когтями заточенными.

Я ощутила, как они вскользь коснулись моих плеч, услышала тяжелое дыхание арна, его сдавленный стон, и неожиданно оказалась одна.

— Штефан? — с болью посмотрела на отошедшего к окну мужа.

— Не подходи, — тихо сказал он, и я увидела ярко-алый взгляд его глаз, из которых выглядывал злобный зверь. У меня по коже мурашки пробежали и душу холодом окатило. — Прости, тебе лучше уйти к себе, — через силу выдавил Штефан, и я видела, как тяжело ему дались эти слова.

— Штефан, пожалуйста, — я соскочила с постели и попробовала подойти ближе, но муж предупреждающе выставил руку.

— Не приближайся. Я с трудом его удерживаю, — через силу произнес он.

Я видела, как у него на руках и на шее выступили вены, как часто вздымается могучая грудь, как еще больше удлинились когти. Не спрашивая больше ни о чем, я отступила и вышла из комнаты. На сердце было тоскливо. Не принимает меня зверь. Две седмицы все хорошо было, а вот сегодня он снова озлобился, вырвался на свободу и не собирается отдавать мне мужа.

Я закрыла за собой дверь и прислонилась к стене. Как же хотелось подойти к Штефану, обнять его, заставить вернуться ко мне, но огромные когти и удлинившиеся клыки говорили сами за себя. Зверь снова взял над моим мужем верх.

— Ваше сиятельство, прибыл лорд Даррел, посланник императора.

Нанятый Кражичем дворецкий вошел в столовую, где мы завтракали, а вслед за ним в зале появился высокий, худощавый мужчина, одетый по имперской моде. На нем были широкие, собранные пышными складками панталоны, камзол с объемными рукавами и плоская шляпа с пером. В Стобарде, как и в Кравере, одевались по старинке, предпочитая простые и практичные вещи, да и Штефан никогда не носил нелепые олденские костюмы, поэтому слуги во все глаза уставились на разодетого в яркий бархат посланца короля и на их лицах отразилось удивление.

— Милорд граф, — гость снял шляпу и поклонился. — Мне поручено передать вам письмо от его величества.

— Благодарю, лорд Даррел, — спокойно ответил Штефан. Казалось, он не удивился этому неожиданному визиту. — Присоединитесь к нам? — арн указал на свободный стул, повернулся к Желану, нашему новому дворецкому, и распорядился: — Приборы его милости.

— Я не голоден, милорд, — несколько высокомерно ответил гость и обвел взглядом присутствующих за столом мужчин.

Я видела, как внимательно он разглядывал Бранко, Давора и Гойко, сидящих рядом с графом, а потом серые глаза остановились на мне, и я почувствовала, как тревожно стало на сердце. Не с добром приехал этот посланник. Ох не с добром...

Я посмотрела на мужа. По старому обычаю, он сидел на противоположном краю стола, и это расстояние казалось мне бесконечно далеким. После вчерашней ночи, когда зверь снова проявил себя, каждая мелочь, на которую прежде я и внимания бы не обратила, теперь больно резала по сердцу.

— Значит, его величество желает меня видеть, — задумчиво произнес Штефан. — Что ж, неожиданно. Но я буду рад предстать перед императором.

У меня внутри все оборвалось.

— Его величество велел передать, что будет с нетерпением ждать этой встречи, — вежливо ответил посланник. — В Стобарде через два часа откроют портал, если поторопимся, сможем уже сегодня оказаться в столице.

— Что ж, хорошо, — после недолгих размышлений сказал муж.

Он отложил салфетку и поднялся из-за стола.

— Не будем заставлять его величество ждать. Давор, Гойко, пять минут на сборы, — посмотрел он на друзей. — Миледи, — мне достался поклон и предостерегающий взгляд.

Я с трудом растянула губы в улыбке. Со вчерашней ночи Штефан не подпускал меня к себе ближе чем на несколько эров. Видно, так и не сумел совладать со своим зверем, и на душе оттого так грустно и больно было, что хоть плачь! Но я крепилась. Слезы — это просто вода. Они еще никогда и никому не помогали.

— Отдохните с дороги, милорд, — обратился арн к гостю. — Я не заставлю вас долго ждать. Бранко, идем, — позвал он с собой Кражича.

А со мной, значит, попрощаться не хочет?

— Дорогая, займите пока нашего гостя, — словно услышав мои мысли, посмотрел на меня муж, и в его глазах на миг мелькнула тоска.

Я по привычке кивнула и только потом вспомнила, что снова могу говорить.

— Лорд Даррел, не желаете ли вина? — проводив взглядом уходящего арна, повернулась к посланнику.

— Не откажусь, миледи, — ответил тот, разглядывая меня с таким интересом, что это выглядело почти неприлично. — Особенно если оно будет из ваших прелестных ручек.

— Желан, налей его милости реджийского, — велела дворецкому и внимательно посмотрела на посланника. — В Стобарде его особенно ценят за деликатный вкус и ненавязчивую сладость.

В чашу полилось темно-рубиновое вино — густое, как стобардский туман, отдающее черной смородиной и ежевикой. Посланник пригубил его и одобительно кивнул.

— Миледи разбирается в винах? — в голосе Даррела прозвучал скрытый намек.

— Я полностью полагаюсь в этом вопросе на авторитет лорда Крона, — сдержанно улыбнулась в ответ.

— О да, милорд граф знает толк в изысканных напитках, — тонко усмехнулся посланник, и глаза его маслено блеснули, утонув в скромном вырезе моего платья. — Говорят, он перепробовал столько... вин, что...

Договорить Даррел не успел.

— Милорд, я полностью к вашим услугам, — послышался от двери холодный голос Штефана.

Муж был в военной форме, и у меня перехватило дыхание от того, насколько красивым он выглядел. За спиной Штефана маячили Гойко и Давор. Лица их были напряженными и хмурыми, как небо Стобарда.

— У вас очаровательная супруга, лорд Крон, — любезно улыбнулся посланник. Он поднялся из-за стола и приблизился к Штефану. — Думаю, его величество был бы рад видеть леди Крон при дворе.

— Леди Крон только вчера вернулась из довольно утомительной поездки и недостаточно хорошо себя чувствует, — отрезал муж. — Идемте, лорд Даррел, — не глядя на меня, сказал он.

— Штефан!

Я поднялась из-за стола и решительно шагнула к мужу.

— Дорогая, — вежливо ответил тот, но я чувствовала, что он недоволен тем, что я ослушалась его безмолвного приказа.

Ну и пусть! Не могу я отпустить его вот так, не попрощавшись!

— Мое отсутствие не продлится долго. Всего пара-тройка дней — и я вернусь домой, — сдержанно сказал Штефан, но в глазах его снова мелькнула тоска.

— Береги себя, — шепнула в ответ, целуя гладко выбритую щеку и незаметно рисуя на плече знак берега.

Муж ничего не ответил. Он молча развернулся и пошел к выходу, но я успела заметить показавшиеся на правой руке когти. Зверь не желал смириться. Он словно бы демонстрировал мне свою ненависть и неприятие.

— Миледи, — посланник поклонился и снова нырнул взглядом в мое декольте. — Рад был познакомиться.

— Взаимно, милорд, — ровно ответила я, в то время как сердце заходило от тревоги за мужа.

Не верила я в добрые намерения императора. Пять неудавшихся покушений... И все это в подвластном Штефану Стобарде. А что ждет его в столице?

— Я непременно доложу императору о вашей красоте и обходительности, леди Крон, — продолжал разглядывать меня Даррел.

— Лорд Даррел, нам пора, — обернулся Штефан.

Вид у него был бесстрастный, но я успела заметить, с какой ненавистью он посмотрел на сыплющего комплиментами посланника. И сердце радостно встрепенулось. Может, не все так плохо?

— Да-да, — спохватился гость. — Уже иду. Всего доброго, миледи.

Мне достался еще один галантный поклон, и столовая опустела.

Замок казался неживым. После отъезда Штефана прошло всего несколько часов, а Белвиль будто вымер. Нет, и слуги, и воины никуда не делись, но у меня было ощущение, что вместе с арном из дома ушла душа.

Я бродила по пустынным коридорам, заглядывала в безлюдные комнаты, вслушивалась в тишину и пыталась побороть тревогу, которая не давала мне усидеть на месте. Мысли металась, перед глазами проплывали видения недавних событий. Почему зверь меня не принимает? Что с ним не так? Или это со мной что-то не так?

— Леди Элиния, — поклонился встретившийся на пути Бранко. Лицо его было бесстрастным, но в глазах затаилась тревога.

— Из столицы нет вестей? — спросила управляющего.

Штефан уже должен был попасть в Оленден и отправить нам магический вестник. Создательница... Даже то, что муж воспользовался предоставленным порталом, не казалось мне хорошей идеей. Мало ли куда выкинет его имперская магия?

— Нет, миледи, — сдержанно ответил Кражич.

— И от Давора?

— Никаких, миледи.

— А что с пленным? Он признался, кто его нанял?

— Наместник Старкона, — после небольшой паузы сказал Бранко, и я поняла, что он не горит желанием делиться со мной подробностями происходящего.

— А с возницей что? Он поправится? — не отступала я.

Сегодня утром мы узнали, что карета, которую Штефан отправил в Вотицу, попала под камнепад. Похоже, противники арна решили подстраховаться, да вот только пострадал не мой муж, а несчастный кучер.

— А маги? Те, что наложили заклятие? Их нашли?

— Ищем, миледи, — коротко отчитался управляющий. — Мои люди прочесывают лес, правда, пока безрезультатно.

С момента моего возвращения Бранко держался отстраненно, словно мы не были знакомы раньше. И в глаза не смотрел. Что ж, я могла его понять. Наша последняя встреча была не из самых приятных и вселяла в нас обоих чувство неловкости. Я ведь видела, что Бранко мучается, вспоминая свое предложение. Да и мне было тяжело размышлять о том времени. Один приезд Бранимиры чего стоил! И зверь Штефана... Нет, не буду об этом! И о Бранимире не буду. Одна мысль о том, что Штефан увидит свою бывшую возлюбленную, будила в душе такую ревность, что мне выть хотелось. А ну как не устоит? Вспомнит прошлое, зверя своего послушает, страсть его побороть не сможет? Сердце тоскливо заныло.

— Дан Кражич, я могла бы вам помочь, — запретив себе думать о плохом, решительно посмотрела на управляющего.

Вчера, после неудавшегося покушения, я думала только о том, что пережил мой муж, а вот сейчас неожиданно вспомнила, как Паница рассказывала о вироше Ауренис, и решила использовать его для поиска. Вдруг у меня получится найти злоумышленников? Чем сидеть здесь и мучиться от страха за Штефана, лучше уж заняться чем-нибудь полезным. Да и с Бранко надо отношения налаживать, а совместная работа всегда сближает.

— Да, миледи? — вежливо спросил Кражич.

В голосе его слышалось недоверие.

— Мне нужно подняться к истоку Затонки. Уверена, я сумею найти следы магии.

Паница много рассказывала об особенностях обережной магии, большинство заклинаний я до сих пор помнила, осталось только повторить действия наставницы и проверить, работает или нет?

— Исключено, миледи, — отрезал Кражич. — Милорд особенно настаивал на том, чтобы вы не покидали замок.

Управляющий нахмурился и пригладил ладонью светлые косы. Сегодня он затянул их очень туго и вплел похожие на обережные ленты. Я даже засмотрелась, пытаюсь разглядеть вышитые на них знаки.

— Откуда это у вас?

Мой взгляд бежал по простеньким орнаментам, расшифровывая узоры. Удача, благополучие, пожелание долгой жизни — мне показалось, я узнала руку, вышившую вирошные орнаменты.

— Это? — переспросил Бранко, ухватив тонкую кисточку, собранную на конце. — Одна варнийская мастерица подарила. Командиру — рубаху, а мне вот ленты для волос. Сказала, они удачу притягивают.

Я вспомнила первую встречу с арном и вышитый ворот полотняной рубашки. Точно! Вот где я

видела похожие узоры.

— А разве варнийцы не враги олденцам? — озадаченно посмотрела на управляющего.

— Эта женщина не варнийка, она переехала в Астарун из Кравера. Лорд Штефан ей и ее семье жизнь спас, отправив их на родину, — ответил Кражич. — Вот она и отблагодарила.

— Понятно, — кивнула я и вернулась к прежней теме. — Так вы отведете меня к истоку реки?

— Простите, миледи, милорд был бы против.

— Но я могу помочь!

Кражич молчал и, нахмурившись, смотрел мне в глаза.

— Каким образом? — наконец спросил он.

То, что управляющий задал этот вопрос, показалось мне хорошим знаком.

— Любая магия оставляет частицу иса, по которой можно отыскать ее носителей, — объяснила я.

— Вы владеете магией?

Я кивнула, а Кражич посмотрел на меня с большим интересом, чем еще пару минут назад. С него словно сошла равнодушная маска, и сейчас передо мной был тот самый Бранко, которого я помнила по недавнему прошлому.

— Арн знает?

— Да.

— Дела, — протянул управляющий, разглядывая меня так, будто видел впервые.

— Дан Кражич, нельзя терять время, — чувствуя, что Бранко колеблется, я торопилась убедить его в своей правоте. — Если мы не попадем к истоку сегодня, завтра остатки колдовства окончательно развеются и найти злоумышленников станет невозможно.

— Хорошо, — после недолгого раздумья ответил управляющий. — Наденьте что-нибудь удобное, идти придется пешком.

— Буду готова через несколько минут, — ответила я и уже собиралась уйти, когда рядом с нами неслышно возник дворецкий.

— Прошу прощения, миледи, — поклонился он. — Прибыли несколько высокородных лордов со свитой. Прикажете разместить их в замке?

— Что еще за лорды? — переспросил Бранко.

— Говорят, что приехали по просьбе его сиятельства, — пояснил Желан.

— Да? Но лорд Штефан не предупреждал меня о том, что стоит ждать гостей, — насторожился Кражич.

— Не могу знать, милорд, — ответил Желан.

Управляющий бросил задумчивый взгляд на дворецкого, но тот не реагировал, невозмутимо глядя куда-то поверх головы Бранко.

— Что ж, пойду посмотрю, кто там пожаловал. Миледи, — Кражич коротко поклонился, собираясь уходить, но я его остановила.

— Полагаю, в отсутствие хозяина замка гостей должна встречать хозяйка, — посмотрела на Бранко.

Правила, привитые матушкой, оказались очень живучими и теперь, когда я перестала притворяться простолюдинкой, снова напомнили о себе.

— Миледи, это может быть опасно, — нахмурился Кражич. — Мы не знаем, кто и зачем пожаловал, и я не могу позволить...

— Вот сейчас и узнаем, — перебила я его и пошла к лестнице. — Дан Кражич, вы идете? — обернулась к управляющему.

Тот недовольно нахмурился, но перечить не стал.

— Иду, миледи, — отозвался он.

Я понимала, что Бранко не нравится мое самоуправство, но возражать открыто он не решался. Видимо, получил от Штефана указание во всем мне содействовать. Что ж, это уже неплохо...

Внизу, во дворе, было шумно. Я не сразу поняла, почему стражники пустили в замок посторонних, но когда присмотрелась к гостям внимательнее, то увидела их несомненное сходство со Штефаном, и меня осенило — это же арны! Легендарная двадцатка арнов империи! Те, что служили под командованием моего мужа и принесли императору победу над Варнией. В их суровых лицах отчетливо читались звериные черты, а высокий рост и могучее телосложение лишь подтверждали мою догадку.

— Не может быть! — тихо пробормотал Бранко, удивленно глядя на заполонившую площадь перед замком толпу. — Что они здесь делают?

При виде нас с Кражичем арны замолчали, а потом приблизились к лестнице и склонили передо мной головы.

— Леди Крон.

Лорд, чьи темные волнистые волосы спускались ниже плеч, посмотрел мне в глаза и перевел требовательный взгляд на Бранко.

— Миледи, позвольте представить вам друзей и сослуживцев вашего супруга, — опомнился тот. — Лорд Хант, лорд Эйзер, лорд Лейд...

Кражич перечислял имена, гости коротко кланялись, а я даже не пыталась запомнить, кто из них кто.

— Рада приветствовать вас в Белвиле, милорды, — улыбнулась гостям, стараясь не выказывать своего волнения. — Мой супруг, лорд Крон, сейчас в столице, но он будет рад увидеть вас, когда вернется. Прошу всех в дом. Слуги проводят вас в ваши покои, — я посмотрела на дворецкого, и тот с готовностью кивнул.

— Мы рады воспользоваться вашим гостеприимством, миледи, — ответил все тот же темноволосый лорд. Кажется, его звали Лейдом.

Остальные промолчали. Под внимательными взглядами их алых глаз мне было не по себе, но я только выше вскидывала голову. Мне не пристало бояться друзей мужа.

— Я распоряжусь, чтобы свиту расположили в казармах, — тихо сказал мне Бранко.

— Проследите, чтобы у них было все необходимое, — так же тихо ответила я и улыбнулась очередному проходящему мимо нас гостю.

— Слушаюсь, миледи, — ответил Кражич, и я почувствовала, что то напряжение, которое было между нами, наконец исчезло.

— Дан Кражич, а как же наши поиски? — с раздумьем посмотрела на управляющего. — Время уходит; но и гостей не бросишь...

— Давайте я отряжу парней, они обыщут место рядом с истоком и доложат обо всем, что найдут или увидят.

— Они не смогут увидеть то, что нужно мне.

— Простите, что вмешиваюсь, миледи, — остановился рядом с нами Лейд. — Если не ошибаюсь, из-за нашего приезда у вас возникли какие-то затруднения?

Я посмотрела на него, потом бросила взгляд на Кражича, решая, стоит ли посвящать посторонних в то, что происходит в Стобарде.

— Думаю, вы понимаете, миледи, что лорд командующий не просто так нас позвал, — Лейд говорил приглушенно, в его голосе отчетливо слышался гортанный аверский акцент. — Мы знаем, что на жизнь лорда Крона уже было совершено несколько покушений, и потому мы здесь, чтобы оказать всяческое содействие в расследовании этих злодеяний и защитить графа и его семью.

— Думаю, лучше будет все рассказать, миледи, — посоветовал Бранко.

Он со значением посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на гостя, безмолвно спрашивая того о чем-то.

— Что ж, пройдемте в дом, — кивнула я. — Там и решим, что делать.

Узкая тропка петляла среди колючих зарослей миртника, рядом журчала по камням Затонка, ветки растущих вдоль ее русла деревьев цеплялись за одежду, преграждали дорогу, словно пытаясь нас остановить. Правда, пятерым арнам, что вызвались идти вместе с нами, все это было нипочем. Они легко преодолевали препятствия, и мы поднимались все выше и выше, к затерявшемуся среди скал истоку реки.

Лес настороженно замер, наблюдая, прислушиваясь, отслеживая шаги. Он не препятствовал нам идти вперед, но и не помогал. Сейчас, когда я научилась сливаться сознанием со стихиями, мне удавалось почувствовать оттенки эмоций и мыслеобразов. Лес не любил чужаков. Древний, нелюдимый, он жил своей собственной жизнью и с трудом переносил постороннее присутствие.

— Кажется, пришли, — негромко произнес идущий впереди отряда Бранко.

Управляющий выглядел хмурым, а взгляды, которыми он изредка обменивался с гостями, были серьезными и озабоченными. Кражич словно бы вел с арнами безмолвный разговор, в котором, я уверена, речь шла о Штефане.

Что ж, Бранко мог бы и не таиться — я и сама чувствовала, что ничего хорошего из поездки мужа в столицу не выйдет, и от души молилась Создательнице, чтобы Штефан не пострадал и вернулся домой невредимым. А еще истово надеялась, что лента бережная, за подкладкой мундира зашитая, сумеет моему арну жизнь сохранить.

— Миледи? — остановившись у пышного куста раkitника, из-под которого журчал звонкий ручеек, повернулся ко мне Кражич.

Арны отступили в сторону, Лейд протянул мне руку и помог подняться на выступающий камень.

— Помощь нужна? — озабоченно спросил Кражич.

Я покачала головой, встала прямо над истоком Затонки и закрыла глаза, окунаясь в эмоции реки. Перед внутренним взором поплыли видения. Раннее утро, двое мужчин в черных хламидах дознавателей, странные движения рук, будто связывающих что-то в воздухе над потоком, тихий шепот, переходящий в гортанный речитатив и обрывающийся громким повелительным «Бреворо!». Я знала это заклинание. Паница рассказывала, что это одно из десяти самых сильных имперских заклятий. Их обычно для убийств использовали.

Создательница... Чем же императору так мешает мой муж, что на его устранение столько сил брошено? Сердце тоскливо заныло. Только бы со Штефаном ничего не случилось! Только бы он вернулся живым и невредимым!

Я видела, как один из магов бросил в воду какой-то серый порошок, а потом откинул капюшон и посмотрел на второго. «Идем, Савир, — сказал он. — В Старконе нас уже заждались». Полы черной одежды обернулись вороньими крыльями, и маги пропали, оставив после себя запах гари, а мое видение исчезло.

Я провела рукой над водой, рассеивая остатки чужого колдовства, и открыла глаза.

— Ну что, миледи? — спросил Лейд, и на его живом, дышащем силой лице появилось настороженное выражение. — Вы их видели?

— Двое. Молодые, худощавые, темноволосые, в одежде дознавателей. Рост — выше среднего. У одного на правой руке не хватает мизинца. У второго, которого зовут Савиром, глаза разного цвета — синий и зеленый. Судя по всему, искать этих магов нужно в Старконе.

— Проклятый Стрен! — выругался Бранко и отбросил косы за спину. — Никак не уймется!

— Думаю, на него давят сверху, — заметил лорд Хант — серьезный седовласый арн с острым взглядом серых, с алыми искорками глаз. — Вряд ли такая мелкая сошка, как наместник, рискнул бы выступить против своего господаря.

— В этом и сомнений нет, — кивнул лорд Эйзер. Он был самым молодым из гостей и чем-то походил на норовистого жеребца, горячего и неукротимого. — Как война закончилась, так арны не нужны стали, а все победы, в кровавых боях добытые, имперские генералы себе присвоили и ордена-медали от правителя получили.

На красивом лице мелькнула обида.

— Остынь, Эйзер, — осадил друга Хант. — Не в наградах дело. Уничтожат Штефана — и нас по одному перебьют, а уделы наши империи отойдут. Или забыл, какую клятву давал?

Арны мрачно переглянулись, а я вопросительно посмотрела на Бранко, пытаюсь понять, о чем идет речь.

— Пятнадцать лет назад император издал закон, по которому земли всех лордов, не оставивших после себя прямого потомства, переходят империи, — пояснил тот.

— А мы, миледи, как вы понимаете, за время войны ни семей, ни наследников завести не успели, — усмехнулся Лейд. — Куда как выгодно по-тихому нас извести, а владения к рукам прибрать.

Я задумчиво кивнула. Вот, значит, как дела обстоят... Теперь понятно, откуда столько рвения у имперских прихвостней и дознавателей. Выслуживаются перед короной, и без разницы им, какими способами своего добиться.

— Нужно в столицу ехать, — резко сказал Эйзер. — Нельзя командующего одного оставлять.

— Харольд прав, — поддержал его Лейд. — Пока мы прохлаждаемся, лорд Крон подвергает себя смертельной опасности, оставаясь в логове врагов!

— Остыньте, горячие головы, — укоризненно посмотрел на них Угер — крупный светловолосый лорд, чье произношение выдавало уроженца Олдберна. — Лорд командующий велел ехать в Белвиль, а никак не в Оленден. Не думаю, что в столице ему что-либо угрожает. Императору не нужны кривотолки, которые неизбежно возникнут, если Крон пострадает в Олендене.

— Полагаешь, его не тронут? — задумчиво спросил Хант, растирая в пальцах сорванные листья.

В воздухе остро запахло пряной мятой.

— Уверен в этом.

Угер поправил тяжелый пояс с серебряной бляшкой.

— А вот когда он назад поедет...

Арн не договорил и посмотрел на небо. Брови его сошлись на переносице.

— Этот туман когда-нибудь рассеивается? — ни к кому не обращаясь, спросил он.

— Это Стобард, милорд, — усмехнулся Бранко. — Край дождей и туманов. Миледи, вы закончили? — повернулся он ко мне.

Я молча кивнула. Привычка объясняться без помощи слов оказалась на редкость живучей.

— Тогда возвращаемся, — сказал Хант, который, видимо, признавался арнами за старшего.

— Да, идем, — кивнул Бранко, подавая мне руку.

Обратная дорога заняла гораздо меньше времени. После того как я убрала остатки злого колдовства, лес успокоился. Мне даже показалось, что деревья сами расступались, освобождая нам путь, и ветки их больше не цеплялись за одежду. Арны шли быстро, почти не глядя под ноги, а я наблюдала за ними и видела ту же звериную грацию и то же умение передвигаться совершенно бесшумно, как и у моего мужа.

Мысли о Штефане причиняли боль. Перед глазами до сих пор огромные когти стояли, что появились на его руке, когда я с ним прощалась. Зверь не сдастся. Он не собирается отдавать мне Штефана. Да только просчитался он. Я тоже так просто не сдамся, не приучена. И мужа верну, чего бы то ни стоило.

Глава 13

Штефан

Он стоял у окна и смотрел на сверкающие огни. Оленден. Столица империи.

Город, в который стекались все дороги мира, город роскоши и богатства, город возможностей и дворцовых интриг, город магов и знати. Давным-давно Штефан мечтал, что будет жить именно здесь, в столице, в особняке, который купил много лет назад, в те дни, когда умер отец и ему достались все богатства Кронов. В том далеком двадцатом году все верили, что предстоящая война с Варнией не продлится дольше нескольких месяцев, и он тоже наивно полагал, что император с легкостью добьется победы над дикими степняками. Это уже позже, когда войска под командованием Георга потерпели несколько сокрушительных поражений, а варнийцы и их союзники с легкостью взяли Длон и Имерень, Штефан осознал, какой нелегкой будет эта «небольшая» война и сколько сил понадобится, чтобы победить хитрого и смелого врага. А тогда... Тогда он был молод, горяч и полон глупых надежд.

Штефан усмехнулся и посмотрел на небо. Да, это не Стобард... Здесь нет тумана, скрывающего красоту звезд, и воздух пахнет иначе — цветущими розами, гиацинтами и ванильным кремом.

Внутри шевельнулась тоска. Интересно, Элиния пробовала главное оленденское лакомство? Воздушные дорские булочки пекли только в столице, а вывоз их из города дальше пятидесяти кье сурово карался.

Ему вспомнилось лицо жены, взгляд, которым его провожала, знак, что, таясь, на плече нарисовала, и он беззвучно выругался. Не было дня из тех пяти, что провел вдаль от дома, чтобы он не думал о том, как все исправить. Как зверя своего усмирить и заставить его принять Илинку.

Стоило только вернуться в замок, как тот снова взбесился. Две седмицы молчал, а в Белвиле будто рагж в него вселился! Штефан до сих пор помнил растерянность и боль, застывшие в глазах жены. Как она на него смотрела... Он готов был на все, лишь бы избавить Эли от слез. У него сердце разрывалось, когда она так смотрела. А поделать ничего не мог. Лютовал зверь, кобенился, не принимал Илинку.

Стук в дверь отвлек его от тяжелых мыслей.

— Милорд?

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Гойко.

— Что, Гойко? — спросил он, подходя к столу и наливая из кувшина в чашу густое барийское вино. Оно текло темной кровью, а ему снова жена мерещилась, руки ее тонкие, плечи белые, груди налитые... Рагж! Пальцы дрогнули, и красные капли упали на светлый камень пола.

— Вестей из дворца так и нет? — спросил вестовой.

На худом, веснушчатом лице застыло озабоченное выражение.

— Нет, — покачал головой Штефан.

Он пригубил вино и скривился. Любимый напиток показался безвкусным.

— Стоило нас с места срывать, чтобы потом заставлять ждать! — недовольно сказал Гойко и подошел ближе. — Можно подумать, нам больше заняться нечем, как сидеть тут без дела!

— Хотят вывести из равновесия, — хмыкнул Штефан. — Проверенная тактика императора — заставить понервничать и только потом принять.

— Так может, ну его? — с надеждой посмотрел на него Гойко. — Если император не торопится нас увидеть, значит, не больно расстроится, если мы уедем в Стобард?

— Думаю, еще пара-тройка дней, и нас примут, — ответил Штефан, снова взяв в руку высокую чашу и разглядывая тонкую чеканку обода.

Мысли были невеселыми. Он хорошо знал Георга и его советников. И даже понимал их мотивы. Не одобрял, но понимал.

— И что, вы вот так это проглотите, командир? — возмутился ординарец.

Торчащие уши Гойко оттопырились еще больше.

— В нашем случае терпение — добродетель, — пожал плечами Штефан и добавил: — Успокойся, Гойко. Бери пример с Давора. Вот уж кто плевать хотел на все дворцовые интриги.

— Да этому увальню все равно, где ратицу трескать — здесь или в Белвиле, — хмыкнул Гойко. — Лишь бы закуска хорошая была.

— А ты, значит, не пьешь? — усмехнулся Штефан.

Нетерпение друга было ему понятно. Гойко рвался в Стобард к своей зазнобе, и каждый день проволочки был для его влюбленной души чистой мукой. Штефан вот тоже рвался, да только терпения и опыта у него поболее было, потому и не показывал ни тоски своей, ни чувств, что душу в узел скручивали.

— Не могу я пить, пока мы в стане врага, — воинственно произнес Гойко, заставив Штефана улыбнуться. — Да-да, командир, можете смеяться сколько угодно, да только живем мы здесь, как в тюрьме. За каждым шагом следят, у ворот стражники дежурят. Думаете, я их не заметил? Вон те двое уже полдня тут околачиваются. А через десять минут смена их появится, — кивнул он на стоящих у фонтана мужчин. — До утра нас пасти будут, как овец неразумных! — Ординарец громко выругался и с надеждой уставился на него. — А может, морды им набить, а, командир?

Уши Гойко покраснели и оттопырились, как бывало всегда, когда ординарец рвался в драку.

— Охолонь, — тихо, но весомо сказал Штефан. — Мы будем сидеть здесь и ждать столько, сколько понадобится. И не дадим имперцам ни одного, — он выделил голосом: — Слышишь? Ни одного повода обвинить нас в неповиновении императору.

— И проглотим все это?

— Да, — твердо ответил Штефан. — Но потом найдем способ и заставим Георга с нами считаться.

— Хорошо бы, — с сомнением покачал головой Гойко.

— И Давору скажи, чтобы со служанками поменьше трепался.

— Думаете, завербовали?

— Думаю, что если дознаватели захотят найти доказательства измены, то слуги будут первыми, кого они допросят, — устало ответил Штефан и добавил: — Иди, Гойко. Мне подумать нужно.

— Безоблачной ночи, командир, — кивнул ординарец и пошел к выходу, правда, не успел взяться за ручку, как дверь распахнулась и на пороге возник дворецкий.

— Послание от императора, милорд, — деликатно кашлянув, сказал Бежин.

— Гойко, возьми.

Штефан кивнул ординарцу, и тот взял с серебряного подноса запечатанный конверт.

— Что там? Читай.

— Его величество надеется, что вы пребываете в добром здравии и изъявляет желание увидеть ваше сиятельство вместе с сопровождающими завтра утром.

Гойко, помня о его словах, старался не показывать при дворецком своего недовольства, но Штефан с легкостью расслышал его отголоски.

— Можешь идти, Бежин, — отпустил он слугу, а потом посмотрел на Гойко и добавил: — Ты тоже иди. Предупреди Давора, что завтра у нас аудиенция у его величества.

— Да, милорд, — почти одновременно сказали ординарец и дворецкий и недовольно переглянулись. А потом так же одновременно шагнули за порог, и дверь за ними закрылась, оставив Штефана наедине с его мыслями.

Илинка

Я прошла в глубь парадной залы и открыла небольшой шкафчик, в котором хранились старинные книги, собранные лордом Вацлавом. Дверца тихо скрипнула, и на меня пахнуло кожей,

слежавшейся бумагой и пылью. Похоже, со смерти старого лорда никто не открывал это пристанище родовых преданий.

Рука коснулась темного переплета. Он была старым, растрескавшимся, уголки его давно стерлись, а от названия остались лишь два последних слова. Пальцы обвели выбитые на темной коже буквы. «Предания Стобарда» — с трудом разобрала я почти исчезнувшую надпись.

— Что, хозяйшкa, решила с наследием мужниных предков разобраться?

Негромкий вопрос заставил меня вздрогнуть и обернуться.

— Микош?

— Он самый, миледи, — прокряхтел застывший в дверях старик и, шаркая, подошел ближе. — О, а эту книжицу я помню, — оживился он, уставившись на толстый фолиант, что я держала в руках. — Знатная книжица. В ней все предания об арнах собраны.

Я открыла обложку и увидела на первой странице древнюю стобардскую вязь. Мать-Создательница! И как же мне быть? Я ведь тут ничего не разберу. И почему на обложке обычные буквы, а здесь — старые?

— Микош, а ты изначальный язык знаешь? — с надеждой посмотрела на старика.

— А то как же, миледи? — усмехнулся тот, и глаза его ярко блеснули. — Почитай, из тех, кто его знал, я один и остался.

— И ты сможешь прочесть, что написано?

Сердце в груди легкой птицей забилось. И казалось мне, будто от ответа Микоша наша со Штефаном жизнь зависит.

— Вот, посмотри.

Я кивнула Микошке на стул и положила книгу на стол, придвинув ее к старику.

— О-хо-хо, — прокряхтел тот, усаживаясь рядом со мной. — Зрение-то у меня уже не то, что раньше. Но древний стобардский разгляжу, постараюсь.

Он придвинул к себе фолиант, провел ладонью по желтому от времени листу и тихо произнес: — Сказания о великих арнах, звериную и человеческую сущности в себе соединяющих.

Я затаила дыхание.

— Арны — возлюбленные дети Скарога, что родились у него от смертных женщин, — перевернув страницу, продолжил Микош. — Грозный бог вложил в них часть своей души и наделил силой великой и справедливостью, чтобы могли они народами править. Всего арнов было тридцать, и каждому милостивый отец свой удел дал, сняв с себя драгоценный пояс, разделив его на тридцать частей и бросив их на землю, где они горами неприступными вздыбились. А горы те камнями-самоцветами наполнились, богатство и успех арновым родам на многие столетия предрекая.

Микошка поднял на меня глаза и хитро прищурился.

— Вишь, как Скарог позаботился, все для них, для арнов, лишь бы те нужды не знали и народами своими мирно правили.

— И что было дальше? — подобралась я. — Есть там об этом?

А сердце стучит-колотится, словно в ожидании чуда.

— Есть, как не быть? Я когда-то читал уже эту книжицу, так вот вкратце тебе расскажу. Арны расселились по Алмазным горам, что до самого океана протянулись, замки построили, на крови заговоренные, уделы свои благоустроили, людьми правили мудро и справедливо. Много веков минуло, а потом, как водится, забыли арны, откуда корни их пошли, и отцом своим пренебрегать стали, потянулись к иным богам. А с тем и часть сущности своей утеряли. Оборачиваться разучились, душой к земле приросли, отяжелели да одряхлели, и на небо, где отец их жил, смотреть перестали.

— Получается, раньше арны могли превращаться в зверей полностью?

— А то как же? — кивнул старик. — Могли. Вот Кроны, к примеру, самыми сильными из всех были, и Стобард считался первым среди остальных уделов. И господар его над всеми остальными властвовал. Да и Белвиль не на простом месте построен, а там, где самый крупный алмаз из пояса

Скарога упал.

— Ты говорил, у него душа есть? У Белвиля?

Я вопросительно уставилась на Микошку. Все-таки удивительная у него память! Хоть и старый, а столько всего помнит.

— Есть, — ответил конюх. — Только спит она.

— И как ее разбудить?

В сердце надежда вспыхнула. Если я сумею отыскать сущность замка...

— А то, хозяйюшка, никому не ведомо, — разом оборвав мои мечты, вздохнул Микошка. — Старые пророчества говорят, что только душа чистая, что в других душах читать умеет, сумеет и душу замка оживить. А что то значит — никому не ведомо.

Я слушала старика, а сама видения свои вспоминала. Явно ведь неспроста они мне посылались! Если бы еще найти тот алтарь... Может, тогда бы и зверь Штефана подобрел?

— А в этих пророчествах есть что-нибудь о том, как зверя приручить? — спросила я Микоша, но тот словно не услышал моего вопроса.

Он осторожно перелистывал страницы и что-то тихо бормотал себе под нос.

— Семь веков, а за ними еще тринадцать, а там и восьмой год, — разобрала я непонятные слова. — Час равновесия близится, скоро...

— Миледи, гости уже собрались за столом, вас ждут, — послышался от двери голос Станки.

Я посмотрела на часы и поняла, что совсем забыла о времени.

— Иди, хозяйюшка, заждались тебя сыны Скарога, — усмехнулся Микош и аккуратно закрыл книгу. — Но прежде на вот, убери книжицу, негоже ей без присмотра оставаться.

Он придвинул ко мне фолиант и с трудом поднялся из-за стола.

— А зверь успокоится только тогда, когда душа Белвиля страдать перестанет, — отвечая на незаданный вопрос, добавил он и, прихрамывая, пошел к двери.

Штефан

К императорскому дворцу они подъехали почти в десять. Хотя до аудиенции оставался еще час, Штефан помнил, сколько досмотров и проволочек ждет его на пути в Лисий зал, а потому решил подстраховаться.

— Ишь, отгородились от всего мира, — тихо бурчал едущий рядом с ним Гойко. — Вон какие стены возвели! Лишь бы от людского горя и несправедливости закрыться. Думают, коли не видят, так, значит, их и нет!

Штефан окинул взглядом высокую каменную преграду, возведенную за то время, что он отсутствовал в столице, и согласился с другом. Кер-Таур выглядел так, будто к осаде готовился. Сторожевые башни ощетинились острыми пиками, из бойниц дула магических орудий выглядывают, ров, отделяющий стену, странно смотрелся на Золотой площади с ее ровными аллеями, изящными статуями и легкими, словно ажурными скамейками. Раньше эта площадь была излюбленным местом для прогулок знати, но сейчас Штефан не видел ни одного прохожего. Только стража неподвижно застыла у тяжелых, украшенных коваными гербами ворот — неприступных и неприветливых. Не ждали здесь гостей, не торопились подданных внутрь пускать.

— Имя? — окрик стражника резанул своей грубостью.

Штефан усмехнулся. Быстро же его забыли! Раньше за несколько эров кланялись, а теперь, гляди-ка, осмелели. Хотя этих парней он что-то не помнит. Судя по толстым белым рокам, явно из Дерта пожаловали.

— Штефан Крон, граф Стобардский, — ровно ответил он, позволив зверю выглянуть из глаз.

— Цель визита? — голос стражника дрогнул.

— Аудиенция у его величества. Мне назначено.

— Я проверю списки.

Стражник исчез в караулке. Его товарищ старался смотреть прямо перед собой, но Штефан видел, как парень то и дело косит в его сторону и как его щеки медленно заливает румянец. Все-таки он оказался прав. Дертцы. Те всегда легко краснеют.

— Похоже, вам здесь не рады, милорд, — хмыкнул Давор.

— А я говорил, нужно было домой возвращаться, — подхватил Гойко. — Чего мы тут забыли?

В этот момент массивные ворота дрогнули и сами собой распахнулись.

— Поздно, Гойко, — усмехнулся Штефан. — Его величество ждет.

Они проехали под тяжелыми сводами и направились к дворцу. Штефан незаметно оглядывался по сторонам, подмечая и огромное количество стражников, и магические ловушки, и оружие, скрытое за фальшивыми арками дворцовых стен.

— Они тут что, к войне готовятся? — удивленно присвистнул Гойко.

— Не иначе, — озадаченно протянул Давор и потянулся к ножнам.

Штефан молчал, но чувствовал, как поднимает голову нехорошее предчувствие, появившееся еще в тот момент, как он уехал из Белвиля.

— Имя? — грубый окрик очередного стража уже не удивил.

— Штефан Крон, граф Стобардский, — ответил он, наблюдая за тем, как смыкаются за его спиной ряды стражи.

— Это что, почетный караул? — напряженно спросил Давор.

— Похоже на то, — сквозь зубы процедил Гойко, а Штефан промолчал, прикидывая шансы. Втроем против десятерых они справятся с легкостью, а вот если вмешаются маги...

— Проходите, милорд граф, — послышался голос стражника.

Штефан шагнул вперед, к открывшимся позолоченным дверям, Давор с Гойко двинулись следом, но наткнулись на скрещенные алебарды.

— В чем дело? — резко спросил Штефан.

— Ваши спутники останутся здесь, — грубо ответил стражник. — Их нет в списке.

Гойко попробовал было возмутиться, но Штефан отрицательно качнул головой, и друг замолчал.

— Я могу идти?

Он бросил взгляд на стражника.

— Пожалуйте, милорд граф, — слегка склонил голову тот, и Штефан вошел в Кер-Таур.

Внутри было непривычно тихо. По прошлым своим визитам он помнил, что во дворце всегда толпились придворные, а сейчас его встретили лишь бесчисленные колонны, среди которых так легко заблудиться, и мрачная стража, застывшая по обеим сторонам Золотого холла.

А лица все незнакомые. Никогда раньше их не видел.

Штефан шел по залам и коридорам Кер-Таура, приглядываясь и прислушиваясь к жизни замка. Она была скрытой, но он знал, что за ним наблюдают, чувствовал настороженные взгляды, нутром чуял чужой интерес и злобу.

Перед Лисьим залом, в котором обычно проходили аудиенции, уже собрались придворные. Он заметил Гершина, с недавних пор назначенного лордом-хранителем Большой печати, графа Дарвена, родственника императрицы, у самых дверей мелькнула лысина Вердена. Отец Бранимиры тоже его заметил и поспешно отвел взгляд. Да и все остальные его сторонились, будто зачумленного, он ощущал это незримое отторжение всей кожей, обострившимися инстинктами, интуицией. Что ж, права была Мира. Дворцовая клика его уже списала.

— Милорд, — легким поклоном поприветствовал он Гершина.

Тот кивнул, но тут же отвернулся и что-то сказал Дарвену.

— Этот? — громко переспросил кузен императрицы, разглядывая Штефана с брезгливым удивлением. — Не думаю, что у его величества найдется для него время.

Штефан понимал, что говорят о нем. Зверь внутри дернулся, но он удержал его и ответил придворному спокойным взглядом. Все-таки жаль, что Георг на лантийской принцессе женился. У той в роду одни шакалы трусливые — перед сильными гнутя, а на слабых твякают.

Он отошел к окну и уставился на дворцовую площадь, по которой сновали военные. И снова предчувствие дурное зашевелилось. Не нравилось ему все происходящее, ох как не нравилось.

— Ваше сиятельство.

Рядом с ним остановился Уго Шрон, один из членов ордена Золотого орла.

— Приветствую, милорд герцог, — посмотрел на него Штефан.

— Любуетесь? — кивнул на марширующих стражников Шрон, и в его выпуклых голубых глазах блеснула ирония. — Его величество решил сменить охрану дворца, специально из Дерта два полка выписал.

— И чем же ему олденцы не угодили?

— Говорят, они слишком привыкли держаться своих привязанностей, — с намеком ответил герцог и кивнул, прощаясь: — Ваше сиятельство.

— Ваша светлость, — поклонился Штефан, заметив, как внимательно наблюдает за ним Гершин.

Он снова отвернулся к окну. Если двор и изменился за время его отсутствия, то уж точно не в лучшую сторону. Тихие шепотки, сбившиеся вместе родственники императрицы, поглядывающие на всех остальных с плохо скрытым превосходством, угодливые лица мелкого дворянства... Нет, все это было и раньше, но он никогда не задерживался в Большом зале, проходя сразу к императору, а вот теперь угодил в самую гущу придворных интриг и подленького любопытства.

Время шло. Двери Лисьего зала открывались и закрывались, церемониймейстер громко произносил имена дворян, удостоенных аудиенции, а про Штефана будто забыли. Что ж, он знал, что Георг не преминет задеть его самолюбие. Судя по тому, что близится время обеда, с императором он сегодня вряд ли увидится.

Штефан обвел взглядом опустевший зал, который торопились покинуть последние придворные. Что ж, это и понятно. Все они спешили занять места, чтобы встретить Георга в Синей столовой, в которой тот будет обедать с императрицей.

— Ваше сиятельство, его величество велел передать, что примет вас завтра, — подошел к нему камергер Ланчек.

— Поблагодарите его величество за милость, — ровно ответил Штефан.

Ему очень хотелось громко выругаться, но он знал, что нельзя показывать свои эмоции. Император именно этого и добивается — унижить его, вывести из себя, заставить почувствовать свою слабость.

— Милорд, — поклонился Ланчек.

Штефан только кивнул ему и пошел прочь, к позолоченным дверям Большого зала, оставляя позади и Лисий зал, и видевшую его унижение кучку придворных, и лживого императора.

Илинка

— А я говорю, хватит торчать здесь и ждать, — горячился Эйзер.

Он расхаживал по столовой, не в силах усидеть на месте, а остальные арны расположились за столом и решали, что делать. Штефана не было уже целую седмицу, как не было и никаких известий о том, где он и что с ним и его друзьями происходит.

— Дождемся, пока казнят нашего командира прямо на Вердской площади, — не унимался Эйзер. — Припишут измену императору и четвертуют!

— Сядь! — резко прикрикнул на него лорд Хант и уже тише добавил: — Хватит панику сеять.

— Эйзер прав, — негромко сказал Войд — рассудительный темноволосый лорд, владетель небольшого Дорского лея. — Пока мы тут сидим, Крона уже могли в тюрьму бросить и к казни приговорить. Надо идти в столицу, вызволять командира.

— Правильно! — загудели остальные арны. — Хватит выжидать! Пора напомнить императору, кто мы, и заставить с нами считаться!

Я смотрела на мужчин, на их воодушевленные лица, на горящие алым глаза и видела орнаменты мудреного вироша, что сменяли друг друга с огромной скоростью, тасовались, как игральные карты, обещая то удачу и успех, то поражение и смерть. И не определить было, какое решение к чему приведет — слишком сумбурным и нечетким казалось мое видение.

— Тихо! — громко произнес Хант, заставив остальных замолчать. Седовласый арн поднялся и обвел взглядом всех присутствующих. — Нужно дождаться вестей от Варко, — веско сказал он. — Доберется он на днях до столицы, придет магический вестник, вот тогда и решим, что делать.

— А если опоздаем? — подал голос светловолосый лорд Грой, молчаливый великан, на лице которого я ни разу не заметила и проблеска эмоций.

У меня от его слов сердце сжалось. Вот уже седмицу я гнала от себя горькие мысли, изо всех сил держалась за то видение вироша Штефана, что долгую жизнь ему обещал, но с каждым днем страх все больше расшатывал мою веру в то, что все хорошо будет. Да и арны, рассуждающие о возможной казни Штефана, выглядели так убедительно, что я поневоле заражалась их настроением и рвалась поехать в столицу, к мужу. Правда, Бранко всякий раз пресекал мой порыв, обещая запереть меня в комнате до возвращения графа, если я не успокоюсь и не выкину из головы эту дурь. Он так и сказал: «Не сомневайтесь, миледи, я это сделаю. У меня и разрешение от милорда имеется».

— Что, если император и правда решит казнить нашего командира? — не отставал Грой.

— Даже если и так, — рассудительно заметил Хант. — Суд — дело долгое, за то время, что улики собирать будут и заседания проводить, мы успеем не только до столицы дойти, но и целую армию собрать.

— Нельзя ждать! — вспыхнул Эйзер. — Если бы с командиром все было в порядке, он давно бы уже вестника прислал, не нам, так жене своей.

Взгляды лордов обратились на меня.

— Так ведь, миледи? — потребовал моей поддержки Эйзер.

Я молча кивнула.

— А вы что думаете, леди Крон? — спросил Хант.

В его светлых глазах мелькнули алые искры.

Я не торопилась отвечать, взвешивая все за и против, прислушиваясь к внутренним ощущениям и пытаюсь понять сменяющие друг друга орнаменты.

— Миледи? — поторопил меня Грой.

— Я бы очень хотела, чтобы вы отправились в столицу и сумели поддержать моего супруга и помогли ему вернуться домой целым и невредимым, — ответила я и, переждав одобрительный гул, добавила: — Но, полагаю, лорд Хант прав. Нужно дождаться вестника и только тогда решать, что делать. Если лорд Штефан в безопасности, а ваш поход на столицу будет расценен императором как угроза, то от этого пострадают все: и мой муж, и вы. А если графу грозят суд и казнь, то вам нужны гораздо большие силы, чем те, что есть сейчас, и ваш поход опять-таки не будет иметь успеха.

В зале стало тихо. Арны смотрели на меня пристально, я видела в их глазах удивление и неверие.

— Миледи права, — негромко произнес лорд Хант. — В обоих случаях мы только все испортим.

Ему никто не возразил, и я поняла, что арны согласились с моим решением. Только вот радости оттого не испытала. Как бы там ни было, но Штефан оставался в столице, среди людей императора, а Гойко с Давором мало чем помочь могли.

— Думаю, пора расходиться, — поднялся из-за стола Войд. — Хватит на сегодня разговоров.

Арны молча встали со своих мест.

— Миледи, — мне достались неглубокие поклоны, и вскоре я осталась в столовой одна.

Штефан

— Его величество очень занят...

— Его величество не может вас принять...

— Его величество велел вам приходиться завтра...

Каждый день новый отказ. Каждый день новое унижение. Каждый день он видит в глазах придворных злорадство и слышит уничижительный шепот, эхом отражающийся от стен.

— Ваше сиятельство, доколе вы будете это терпеть? — Гойко оторвался от стены, которую подпирает в его ожидании, и гневно посмотрел на шпили императорского дворца. Солнце окрашивало их алым, и они блестели, словно облитые свежей кровью. — Надо напомнить кривоному, кто вы такой!

— Уймись ты, сварново семя, — проворчал Давор. — Не слушайте этого дурня, милорд, это у него от жары размягчение мозгов случилось.

— Что, так и проглотим все эти унижения? — вспыхнул Гойко, и его уши воинственно оттопырились.

— Ты что, в чан с бельской настойкой в детстве падал? — Давор насмешливо посмотрел на друга. — Все куда-то торопишься, все на месте усидеть не можешь!

— Я-то не падал, а вот тебя, похоже, в бочку с анирским зельем роняли, уж больно ты трусливый!

— Хватит, — пресек спор Штефан. — Дома поговорим.

Он взлетел на коня и, не оглядываясь, поскакал к Эреон-нье. Внутри у него все бурлило от негодования, но он не позволял эмоциям взять верх над разумом. Годами выработанная привычка не поддаваться чувствам и здесь пригодилась. Рано или поздно Георг его примет, надо только набраться терпения. И он наберется. Вытерпит, переждет, но однажды, когда появится возможность, припомнит императору все — и нынешнее пренебрежение, и былые несправедливости.

Штефан ничего не забыл: ни позорную отставку, ни покушения, ни забвение, которому его предали. Если бы еще знать, что дома все в порядке, но Илинка, видать, обиделась на него, молчит, ни одной весточки за все это время не прислала, ни на одно его послание не ответила. А у него вся душа извелась и сердце ноет, как кости в непогоду. И мысли дурные в голову лезут. Вдруг разлюбит? Вдруг к обиде своей прислушается и сбежит?

— Милорд, как думаете, долго нам еще ждать? — спросил Давор, пристраиваясь с ним рядом. Гойко чуть отстал, видимо, пытаясь остыть от гнева.

— Учитывая мстительный характер Георга, седмицу-другую, — ответил Штефан, все еще думая о жене.

— И что? Будем ждать?

— Если уедем, неподчинение императору могут приравнять к измене.

Бросить бы все да в Белвиль рвануть. К Илинке.

— Снести бы к рагжу и этот проклятый дворец, и его хозяина! — в сердцах выругался Давор. — Значит, пока мы нужны были, так Георг перед вами заискивал, а как нужда отпала, так и показал свое истинное лицо.

— Ничего, Давор, придет время — поквитаемся, — посмотрел на друга Штефан.

Больше они не разговаривали. Молча доехали до особняка, спешились и вошли в дом.

— Милорд, прибыл гонец из Белвиля, — тут же доложил дворецкий.

— Где он?

Штефан почувствовал, как быстро забилось сердце. А перед глазами лицо нежное мелькнуло. Элиния... Если с ней что-то случилось...

— На кухне, — ответил дворецкий, и он расслышал в его голосе неодобрительные нотки.

— Жду его в кабинете, — бросил Штефан, с трудом удержавшись от желания самому ринуться на кухню и узнать, с чем прибыл гонец.

— Да, милорд.

Дворецкий отвесил поклон и пошел к лестнице, ведущей в подвал.

— Неужто случилось чего? — встревоженно спросил Гойко.

— Скоро узнаем, — посмотрел на него Штефан и снова почувствовал, как беспокойно стало на душе при одной только мысли о жене. Плохо они расстались, неправильно. Ни обнять он ее не смог, ни успокоить, а все из-за зверя взбесившегося. Сейчас вон молчит, а тогда рвался зубами в нежную шею Илинки вцепиться, убить хотел.

— Ваше сиятельство! — не успел он войти в кабинет, как дверь открылась и на пороге показался молодой парнишка.

— Кто такой? — спросил Штефан.

— Вестовой лорда Ханта, — вытянувшись, доложил тот.

— Докладывай, — коротко бросил он, стараясь унять волнение.

Рука потянулась к карману, где вышитая обережная лента лежала. Он ее из дома прихватил, не удержался, уж больно хотелось хоть что-то на память о жене взять.

— Меня послали узнать, все ли с вами в порядке и не нужна ли вашему сиятельству помощь, — парнишка слегка заикался от усердия.

— Подожди, — посмотрел на него Штефан. — Я же отправлял магический вестник, в котором подробно описал все, что происходит.

«Или, скорее, чего не происходит», — усмехнулся он про себя.

— В Белвиле его не получали.

— А как ты в Белвиле оказался?

Он прошел к письменному столу и выдвинул кресло. Сидеть не хотелось, но он себя заставил. Нельзя идти на поводу у собственного беспокойства, нельзя показывать эмоции.

— Так с хозяином своим, милорд. Лорд Хант вместе с остальными арнами сейчас в замке гостит. Вот письмо, там все написано, — парень достал из сумки запечатанный свиток и протянул ему.

Штефан сломал печать, развернул лист и вчитался в ровные, написанные рукой Ханта строчки. И чем дольше читал, тем сильнее хмурил брови.

— Что там, командир? — не выдержал Гойко.

— Пишет, что все, к кому я обращался за помощью, прибыли в Белвиль и готовы по первому зову выдвинуться в столицу к нам на помощь, — задумчиво произнес Штефан, прикидывая, как поступить. — Бежин! — позвал он.

— Милорд? — слуга бесшумно вошел в кабинет и уставился на него ничего не выражающим взглядом.

— Кто отправлял магический вестник?

— Лонко, милорд, — без запинки ответил дворецкий.

— Зови.

— Милорд?

— Зови его сюда, — повторил Штефан и кивнул вестовому на кресло, предлагая парнишке сесть. — Вы тоже садитесь, — посмотрел на друзей.

Давор прошел к дивану, а Гойко покачал головой и остался стоять, переминаясь с ноги на ногу и покусывая указательный палец, как делал всегда, когда нервничал.

В комнате дух густым стал, тяжелым. В воздухе ненастье повисло.

— Как обстановка в замке? — прервал тяжелое молчание Штефан. — Как вас принимают?

— Благодарствуйте, милорд, — улыбнулся гонец. — Кормят-поят досыта, казармы просторные, места всем хватает, а что еще служивому человеку нужно?

— А графиня? С ней все в порядке?

— Леди Элиния? — в глазах паренька мелькнуло что-то, что Штефану совсем не понравилось. — Миледи заботится, чтобы мы ни в чем не испытывали нужды. Сама проверяет, что нам на обед дают, и разговаривает со всеми ласково.

От этих слов у него внутри засвербело все. Ишь ты, ласково... А с чего это ей с посторонними мужиками ласковой быть?

— Графиня знала, что тебя в столицу отправили? — переборов гнев, спросил он.

— Да, милорд. Леди Элиния самолично распорядилась, чтобы мне еды с собой собрали.

— А письмо она тебе не передавала?

А сердце бьется о ребра, грохочет, из груди рвется.

— Нет, милорд, — с готовностью ответил гонец, а Штефан с трудом удержался от желания свернуть ему шею.

Значит, для чужого парнишки у Илинки и слова ласковые нашлись, и забота, а для собственного мужа не смогла и пары строк написать...

— Милорд?

В кабинет заглянул дворецкий.

— Лонко здесь, велите ему войти?

Штефан махнул рукой. В груди свербела проклятая обида. И понимал вроде, что глупо, а ничего с собой поделать не мог.

— Ваше сиятельство, — низко поклонился худой неказистый лакей.

— Ты отправлял магический вестник? — пристально посмотрел на него Штефан.

— Да, милорд, — не поднимая глаз, ответил слуга.

— И что? В бюро его приняли?

— Да, милорд, — последовал уверенный ответ, но чуткое ухо Штефана расслышало фальшь.

— Подойди, — негромко сказал он.

— Милорд? — вскинул на него взгляд лакей.

— Ты ведь знаешь, что бывает с теми, кто лжет своему хозяину? — спокойно спросил Штефан и разгладил ладонью послание Ханта.

— Я не лгу, м-милорд, — голос слуги дрогнул.

— Правду, Лонко, — жестко сказал Штефан. — И тогда, возможно, останешься жив. Кому ты отдал мое письмо?

— Ваше сиятельство, простите! — лакей рухнул на колени и уставился на него с нескрываемым страхом. — Они пригрозили, что если я расскажу кому-нибудь, то меня отправят в тюрьму!

— А если не расскажешь, то я велю тебя повесить, — надавил голосом Штефан, и Лонко согнулся от ужаса. — Ну? Говори.

— Я не виноват, милорд. Я хотел сделать, как вы велели, да только стоило мне дойти до бюро, как рядом тут же оказались двое дознавателей. Они сказали, что расследуют ваши преступления и что если я не хочу попасть вместе с вами в тюрьму, то должен отдать им письмо и забыть о том, что видел.

— И ты отдал, — задумчиво произнес Штефан.

Нет, он не винил слугу. Глупо ожидать от наемного работника преданности.

— Простите, милорд. Они мне угрожали, — опустил голову Лонко.

Что ж, значит, он прав. Обложили его со всех сторон, за каждым шагом следят, доказательства вины ищут. Еще в самый первый день, когда он только приехал и попытался разузнать, что происходит, понял, что против него устроили заговор. И он все больше склонялся к тому, что Мира была права. Она ведь многое понимала — с детства при дворе выросла, с молоком матери придворную науку впитала, в суждениях никогда не ошибалась. Какой смысл ей лгать? Что бы ни было между ними, но в одном он всегда был уверен: Бранимира ему не лжет. Все так и есть, как она сказала. И если раньше он думал, что Георг сам заинтересован в его устранении, то теперь склонялся к тому, что все происходящее — дело рук Сварда и его бывших генералов. Уж больно много выгод для них с его смертью открывается: и земли бесхозные, и слава, и влияние. Главное, подать все императору правильно.

— Милорд, я не хотел! — продолжал каяться Лонко, но Штефан его уже не слушал.

— Заприте в комнате для слуг. Я потом решу, что с ним делать, — посмотрел он на Давора и поднялся из-за стола. — Гонца накормить и устроить в гостевых покоях, — приказал дворецкому. — А сейчас все — вон. Мне нужно подумать.

Давор ухватил лакея за шиворот, поднял с колен и толкнул к двери, Гойко молча пошел следом, а за ними вышли и дворецкий с гонцом, а Штефан наконец-то остался один.

Глава 14

Илинка

Я закрыла за собой дверь подвала, подняла факел повыше и спустилась по ступенькам вниз, в холод и мрак подземелья. В душе шевельнулось беспокойство. Снова вспомнилось вероломство Владко, узкая заколоченная щель, темнота...

«Хватит трусить, Эли! — одернула себя. — Не время бояться, от тебя зависит судьба Штефана. Ты должна найти душу замка и узнать, как приручить зверя».

Вокруг было так тихо, что казалось, будто стук собственного сердца слышу. Огонь освещал неровные стены, плясал на низких сводах, выхватывал из темноты ржавые скобы для цепей и скользил по коробам с овощами.

Я остановилась и прислушалась. Вот уже который день приходила сюда в надежде услышать стук и отыскать жертвенник, но замок будто играл со мной в прятки. Залы были похожи один на другой, и я никак не могла отыскать тот, что к каменному сердцу Белвиля вел.

Неожиданно в тишине раздался металлический скрежет. Но не успела я испугаться, как со стороны двери раздался голос Златки.

— Миледи? — позвала она. — Миледи, вы здесь?

— Да, Злата, — откликнулась я. — Что случилось?

— Дан Кражич велел передать, что гости собираются на ярмарку в Стобард и спрашивает, поедете ли вы с ними?

Златка спустилась по ступеням и подошла ближе. Ее милостивое лицо осветила слегка смущенная улыбка, а в глазах затаился вопрос. Подруге было любопытно, что я тут делаю, но она не решалась нарушить ту незримую границу, что всегда отделяла господ от слуг. Что тут скажешь? Как бы мне ни хотелось вернуть наши прежние отношения, но не было больше немой служанки Илинки, а с леди Элинией Крон говорить так, как раньше, Златка не смела. В Стобарде всегда строго придерживались иерархии, и теперь, когда я стала женой господаря, все будто забыли, что еще не так давно я сама чистила камин и целыми днями возилась в золе. «Да, миледи... Нет, миледи... Будет исполнено, миледи» — вот и все, что я слышала теперь от прислуги. Никто из обитателей Белвиля не хотел терять хорошо оплачиваемую работу, а потому они ни словом, ни намеком не показывали, что знали меня раньше. И единственное, что я могла сделать для подруги, это повесить ее и взять к себе в услужение. Пусть за годы жизни в монастыре и работы служанкой я и отвыкла от помощи горничных, но положение супруги лорда Штефана обязывало меня иметь личную камеристку, а кто больше всего подходил на эту роль? Конечно, Злата. Она и относилась ко мне хорошо, и ссоры ей было не занимать, да и не могла я позволить, чтобы подруга на кухне прозябала.

Штефан не возражал против моего выбора, а Златка поначалу смущалась и путалась, не зная, как ко мне обращаться, но постепенно привыкла. А в последнее время, как арн уехал, так и вовсе осмелела. Правда, не настолько, чтобы переступить черту.

— Нет, Златка, не поеду, — покачала я головой, продолжая прислушиваться к тишине подземелья. — Передай, что я желаю арнам хорошей дороги и буду ждать их возвращения.

— В подвале? — переспросила подруга и тут же озабоченно нахмурилась. — Может, помощь нужна? Вы что-то ищете?

И в этом было так много от того времени, когда Златка меня опекала, что я невольно улыбнулась. Какими причудливыми узорами выкладывает судьба нити наших жизней! Как сплетает их с жизнями других, вышивая мудреные орнаменты и соединяя вироси совсем непохожих людей. Взять хоть нас с арном или вот Златку...

— С чего ты так решила? — посмотрела на подругу.

— Что ж у меня — глаз нету? — хмыкнула та. — Целыми днями только в подземелье и торчите, это ж явно неспроста. Да вы не сомневайтесь, я никому ничего не скажу, — посерьезнела она. — Может, еще и подсоблю.

Я с раздумьем глядела в блестящие, будто родник на солнце, глаза.

— Так что делать, миледи? Вы только скажите, я для вас на все готова, — твердо сказала Злата, и я

решилась.

— Ладно, — ответила ей. — Найди дана Кражича, передай ему мои слова и возвращайся.

— Ага. Я скоренько, — с готовностью кивнула Златка и кинулась к выходу. Ее новая юбка из данисской шерсти взметнулась, и из-под нее выглянула вышитая по краю рубашка.

Я невольно улыбнулась. Сбылась Златкина мечта — теперь у нее были такие же рубахи, как у Минки. Правда, сама Минка в замке уже не работала. Пока я добиралась до Кравера, Штефан рассчитал всю прежнюю стражу, а бывшая горничная уехала со своим любовником. Говорят, их видели в Старконе, и якобы Минка похвалялась, что скоро станет женой Ганзы и переедет в дом его матери. Не знаю, так это или нет, но в Белвиле без нее гораздо спокойнее стало.

— Вы только никуда не уходите, — обернувшись на ступенях, крикнула Златка.

— Не уйду.

Я дождалась, пока подруга исчезнет за дверью, и прикрыла глаза, надеясь разглядеть призрачные нити. Как же легко это удавалось мне раньше! Даже усилий прилагать не приходилось, а сейчас перед внутренним взором лишь серый туман плыл, скрывая подземные жилы замка, и только изредка в темной толще тусклые красные искры мелькали. Будто кто завесу плотную повесил и закрыл от меня ту невидимую жизнь, которой замок жил.

«Мать-Создательница, помоги! — взмолилась я. — Или ты над стобардскими землями не властна?»

Возможно, так оно и было, потому что, когда я попыталась проникнуть за пелену и потянулась к едва заметному мерцанию, слабый огонек моргнул и погас, оставив меня в клубах тумана.

Время шло. В подвале отчетливо пахло сыростью и дымом. Где-то вдали слышался тихий стук капель, а я по-прежнему не видела ничего, кроме коротких вспышек и проплывающих мимо серых клочков.

— Я вернулась, миледи.

Высокий голос Златки заставил меня открыть глаза.

— Так что ищем-то? — останавливаясь рядом, спросила подруга. Вид у нее был встревоженный, коса растрепалась, а вдоль щек вились выбившиеся из нее пряди. — Клад, поди, какой?

— Вход в тайные подземелья. — Я серьезно посмотрела на Злату.

— Те, про которые Микошка бает? — Светлые глаза заинтересованно блеснули.

— Да.

— Думаете, они существуют? — На лице подруги застыло недоверие.

— Думаю, да, — ответила я и пояснила: — Арну помощь нужна. Если найдем сердце замка, то, может, пойдем, как лорду Штефану помочь.

— И где его искать?

Златка не стала спрашивать, какая помощь нужна моему мужу, и за это я была ей благодарна. Не хотелось мне признаваться, что зверь арна меня не принимает. Стыдно было. И горько. Как же! Вроде мужняя жена, а к супругу и подойти не могу.

— В одном из залов есть пролом в стене, нам нужно его найти.

Я не стала объяснять, что находится за ним. Не желала раньше времени выдавать тайны Белвиля. Если замок захочет, он сам меня позовет, а если нет...

Я снова закрыла глаза и безмолвно взмолилась: «Прошу, откликнись! Твой хозяин в беде, ему нужна помощь! Позволь мне найти душу замка!»

Поначалу было тихо. Мне даже показалось, что никто меня не услышал, но потом, спустя какое-то время, я почувствовала его. Стук. Он доносился откуда-то издалека, словно бы из-за толщи камня, а потом приблизился, стал громче, потянул меня за собой, и я пошла на этот зов — не оглядываясь, не открывая глаз, держась за появившуюся в руках путеводную нить. Мимо мелькали темные залы, под сводами разносилось эхо наших со Златкой шагов, по стенам вились наполненные невидимой кровью вены. Они пульсировали в такт громкому стуку, и сердце пульсировало вместе с ними, подстраиваясь, перекраивая и мою душу, и мою сущность, и саму жизнь.

— Миледи, осторожнее! — послышался испуганный возглас Златки, и я открыла глаза.

Мы стояли перед неприступной стеной, но я видела призрачную решетку с замком и знала, что должна сделать.

— Не бойся, — посмотрела на подругу. — Нам нужно туда.

— Туда? — удивленно переспросила Злата. — Но ведь это невозможно!

Я протянула руку и коснулась стены. Ладонь с легкостью прошла сквозь камень.

— Видишь? Здесь все не так, как кажется.

— И я тоже так смогу? — удивленно прошептала Златка.

Она прикоснулась к неровной поверхности, но ее рука не смогла преодолеть преграду.

— Не выходит, — расстроилась подруга. — Видать, замок только Кронов признает.

— Тогда жди здесь. Я скоро вернусь.

— Вы куда? — всполошилась Златка. — Одна? А вдруг заблудитесь? Или вас в темноте лихо какое поджидает?

Здесь, в подземелье, подруга будто забыла о нашем неравенстве и вернулась к прежнему обращению.

— Ничего со мной не случится. Главное, никуда не уходи. Я вернусь.

Златка принялась причитать, но я ее уже не слышала — приложила руки к стене, закрыла глаза и... очутилась на той стороне, в знакомом до мельчайших подробностей коридоре.

Штефан

— Ваше сиятельство.

— Ваше величество.

Штефан отвесил поклон и выпрямился, глядя на императора. За то время, что они не виделись, Георг неуловимо изменился. Худое, желчное лицо стало похоже на фарфоровую маску, под глазами залегли тени, уголки губ опустились вниз, придавая монарху скорбный и недовольный вид. Император и раньше не отличался благодушием, а сейчас и вовсе стал похож на въедливого дознавателя. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Три месяца назад Георг объявил себя Главой олденской церкви и Главным дознавателем империи, сместив с этой должности престарелого лорда Поджи. Похоже, бремя дознавательского дара изменило монарха не в лучшую сторону.

— Как вам живется в Стобарде? Довольны ли вы своей вотчиной? — окинув его внимательным взглядом, спросил Георг.

Штефан спиной почувствовал, как напряглись стоящие позади него камергеры.

— Благодарю, ваше величество. Меня все устраивает.

— А Кравер? Вы ведь были в приморье?

— Да, ваше величество, был, и хочу еще раз выразить вашему величеству признательность за краверский лей.

Штефан держался спокойно и уверенно, и только глубоко в душе тонко звенела тревога.

— Мы высоко ценим ваши заслуги, лорд Крон, — бесстрастно произнес Георг, но Штефан заметил легкую морщинку, на миг пролегшую между бровями. — Наша милость заслуженна.

Монарх замолчал, уставившись в окно, а Штефан наблюдал за тонкими пальцами, перебирающими полу камзола, и ему казалось, что это паук плетет свою паутину.

— Ваше величество, — выждав немного, обратился он. — Я хотел бы просить вас еще об одной милости.

— Какой? — в стылых, будто неживых глазах императора блеснул интерес.

— В Кравере закрыли старые монастыри, которые очень почитали в народе. Если вашему величеству будет угодно...

— Нет, — резко оборвал его Георг. — Нам не угодно. Давно пора было уничтожить эти рассадники суеверий. Еще покойный лорд Скаверец предупреждал меня, что монастыри обережников только кажутся безобидными, но я ему не поверил. А после проверки, проведенной дознавательским сыском, слова покойного Главного мага подтвердились — в монастырях приморья были выявлены случаи неповиновения законам империи и попытки взбунтовать народ против нашей власти.

— Ваше величество...

— Молчите, граф. Мы запрещаем вам возвращаться к этому вопросу.

По лицу императора пробежала тень. В Лисьем зале повисла тишина. Штефан смотрел на монарха, на его худую фигуру, утонувшую в недрах украшенного лисьими хвостами трона, и невольно обращал внимание на то, чего не замечал раньше. Парадная зала изменилась. На ее стенах появились новые гобелены с изображением охоты на лис, в простенках между окнами застыли рыжие чучела, на острых мордочках которых по-живому блестели сохраненные магией глаза, на ступенях трона лежали пушистые шкуры.

— Мы слышали о вашей женитьбе, — неожиданно сказал Георг. — Поздравляем, лорд Крон. Мы надеемся, что столь скоропалительный брак все же окажется удачным.

— Спасибо, ваше величество, — поблагодарил Штефан, а внутри уже поднималась тревога. Император редко говорил что-либо из вежливости. Любое слово монарха всегда имело двойной смысл, и сейчас Штефан пытался понять, что значило это поздравление — недовольство тем, что он забрал жертву у дознавателей, или что-то еще, чего он пока не понял?

— Говорят, ваша жена владеет обережной магией? — последовал следующий вопрос, и он похолодел. Если дело коснется веры...

— Леди Элиния провела детство в монастыре Золотого Сердца, как и большинство благородных девиц Кравера, но дар у нее очень слабый, и сестры не смогли его развить, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Вы уверены? — взгляд императора стал цепким и внимательным. Он букашкой полз по лицу, въедался в душу, пытался проникнуть в мысли.

— Да, ваше величество.

— Я хочу ее видеть, — неожиданно заявил Георг.

Унизанная перстнями рука легла на подлокотник.

Штефан лихорадочно размышлял. К чему этот интерес? Что нужно императору от Илинки? Зачем он вызывает ее ко двору? Что это? Простое любопытство или нечто большее?

— Пошлите гонца порталом. Мы будем ждать вас с супругой через три дня.

Георг небрежно пошевелил пальцами, и камергеры сделали шаг вперед, встав по обеим сторонам от Штефана. Он понял, что аудиенция, которой ждал больше двух седмиц, окончена.

— Ваше величество. — Он поклонился и попятился к выходу. Поворачиваться спиной к императору запрещал дворцовый этикет. Штефан видел, как шевельнулись обутые в тонкие башмаки кривые ноги императора, и от души пожелал тому провалиться в эрхейм. Если Георг надумал причинить зло его жене... Рагж! Он этого не допустит. Костью ляжет, но не позволит императору навредить Элинии!

Расписанные лисьими мордами двери захлопнулись за ним, и Штефан снова оказался в Большом зале, под любопытными взглядами придворных.

Илинка

Я шла по круглому коридору, разглядывая проступающие сквозь камень жилы. Алые, мерцающие, они переплетались друг с другом, пульсировали, жили своей собственной жизнью. И мое сердце билось им в такт. Оно словно бы соединилось с венами замка, и мне даже казалось, что я чувствую,

как по ним бежит невидимая кровь.

Вспомнилось, как Паница рассказывала о древних временах, когда магия была разлита в воздухе и любой обережник мог легко ею пользоваться. «Сейчас нам остались лишь крохи той силы, которой владели наши предки, — говорила наставница. — Раньше одаренные никогда не брали больше, чем было нужно, но олденские маги, с их неумейной жадной властью, нарушили равновесие и насильно подчинили себе все стихии, перекрыв доступ к магии всем остальным. Потому и приходится нам довольствоваться крохами. Но и этих крох бывает достаточно для того, кто умеет слышать магию мироздания».

Тогда я не понимала, о чем она говорит, но сейчас, когда мне удалось договориться со стихиями, слова наставницы больше не казались загадкой.

Я смотрела на живые стены Белвиля и шла, подгоняемая биением его каменного сердца.

Тук... Тук... Тук...

Коридор долго петлял в недрах горы, но наконец длинный переход остался позади и я оказалась в том самом зале, в центре которого стоял огромный камень. Меня тянуло к нему, все внутри трепетало, а какая-то неведомая сила подталкивала подойти и прикоснуться к неровной темной поверхности.

Я не стала медлить: сделала последние несколько шагов, мои ладони легли на прохладную поверхность, глаза закрылись, и я отпустила сознание, сливаясь с неподатливой душой белвильской твердыни. По рукам пошел холод. Он поднимался все выше, растекался по венам, я чувствовала, как леденеет тело, как цепенеют ноги, какими тяжелыми и неподвижными становятся руки. Создательница! Я словно бы сама стала камнем. Все чувства притупились, и с каждым мигмом прошлое отступало далеко-далеко, словно его никогда и не было, а на смену моим воспоминаниям пришли иные. Я видела лица незнакомых людей, слышала их гортанную речь, наблюдала за сражениями и ощущала на языке вкус полыни. Времена года сменяли друг друга, люди-тоже, их становилось все больше: крепких суровых мужчин, статных, красивых женщин и больших, гораздо крупнее обычных, волков. А потом все они исчезли, своды замка растаяли, и я увидела жертвенный камень с возложенными на него ягнятами и быками. Вокруг стояли курящиеся камины, повсюду горели толстые восковые свечи, а прямо у алтаря стоял жрец и, воздев руки, громко произносил слова молитвы. Язык, на котором он говорил, был мне не знаком, но я откуда-то знала, что это древнестобардский.

— Орхаш догшер аон, — нараспев произносил старик. — Охани мелед рхаим!

Дым от жертвенника поднимался ввысь, к разомкнувшимся сводам, и исчезал в легких облаках.

— Парэдос оштли! — громко выкрикнул жрец, и я увидела вышедшее из стены замка огромное существо с телом человека и головой волка.

— Мне благоугодны жертвы моих потомков, — послышался раскатистый голос. — Моя сила и мое благословение пребудут с родом арнов!

Скарог. Это был он — древний бог стобардцев. От него веяло первобытной силой, поросшее темной шерстью тело выглядело несокрушимым, крупные руки держали золотые весы. На плоских чашах лежали разноцветные камни: светлые — на одной, а темные — на другой. Они уравнивали друг друга, не позволяя весам отклониться в какую-либо сторону. И даже то, что Скарог двигался, на весы никак не влияло — они были неподвижны.

— Араэрос логни, — пророкотал бог, и тут же все подернулось рябью, и я увидела стоящих полукругом семерых мужчин. Их одежды были из дорогой парчи, на груди у каждого висели толстые золотые цепи, а на пальцах сверкали драгоценные камни.

— Не медли, Велимир, — произнес высокий седовласый мужчина, обращаясь к черноволосому мальчику, застывшему с ножом в центре круга. — Убей его! Докажи свою силу.

Я перевела взгляд на жертвенник и вздрогнула. На темном камне лежал связанный волк. Его длинный пушистый хвост безжизненно свисал с плиты, желтые глаза с мольбой смотрели на мальчика, но тот не захотел увидеть этой мольбы — он опустил руку, и на каменную плиту хлынула кровь.

У меня внутри все сжалось от волнения и страха. Как же так? За что?

— Ты прошел посвящение, Велимир, — выступил вперед тот самый седовласый арн. — Теперь ты один из нас.

Мужчины одобрительно загудели, кто-то похлопывал мальчика по плечу, кто-то хвалил силу его

духа, а я с жалостью смотрела на бездыханного волка и видела то, чего не замечали арны.

Над алтарем, прямо перед жертвенником, возник знакомый силуэт. Скарог. Это был он. Я ощущала, как холодно стало в подземелье, как померк в нем свет и как расходятся от фигуры божества волны гнева и боли.

— Безумцы! — рокотал грозный голос, но мужчины ничего не слышали. Они громко разговаривали и смеялись, и каждый норовил потрепать по голове растерянного, скрывающего слезы мальчишку.

— Вместе с выкормленными вами волками вы убиваете и собственную сущность! — негодовал Скарог. — Но вместо того чтобы раскаяться в содеянном, похваляетесь друг перед другом силой духа. Ароэ! Я отрекаюсь от своих сыновей, проклинаю их и отнимаю свое благословение! Отныне ни один из арнов не сможет увидеть собственного зверя. И ни один из моих сынов не сможет долго быть с той, кого полюбит его сердце, — сущность, которая живет внутри, не позволит этого и рано или поздно убьет избранницу арна так же, как вы убили этих зверей. Да будет так! — Скарог начертал в воздухе какой-то знак и добавил: — А снимется это проклятие только тогда, когда та, кого полюбит арн, не пожалеет своей крови и сумеет пробудить душу Белвиля, а вместе с ней и сущность зверя.

Я открыла глаза и удивленно выдохнула. Камень исчез, а на его месте стоял тот самый жертвенник, который был в моем видении. И нож был тот же самый. Он висел прямо в воздухе, поблескивая украшенной камнями рукоятью, и я осознавала, что должна сделать. Это знание возникло внутри, словно я помнила его раньше, но забыла, а сейчас вдруг вспомнила. Раздумывать было некогда. Пальцы коснулись холодного металла, и нож, будто только того и ждал, с готовностью лег мне в ладонь. Его прикосновение вызвало внутри дрожь. Я понимала, что последует дальше, но понимала и то, что готова пожертвовать жизнью, только бы помочь мужу. Нет, разумеется, мне было страшно! Но разве был другой выход?

Создательница, помоги!

Преодолев страх, я вытянула руку над жертвенником и полоснула тонким лезвием по запястью. Острая боль пронзила ладонь, и поверхность алтаря оросили первые капли крови. Они расплзались алыми пятнами, растекались по неглубоким бороздкам, сходились к центру, наполняли круглое углубление и просачивались вниз, в основание жертвенника. Время шло, кровь не останавливалась, и мне казалось, что вместе с ней камень впитывает в себя и мои силы. Я чувствовала, как слабеют ноги, как замедляется биение сердца, видела, как наливаются красным прожилки мрамора, напоенные моей жизнью, и не могла заставить себя убрать руку. Если так нужно, если я должна отдать все до капли — я отдам безо всяких сомнений. Перед глазами возник образ Штефана, и сердце горестно застонало. Мой любимый... Мой муж. Неужели я умру и никогда больше не увижу его лица, скупой улыбки, взгляда алого, что в душу заглядывать умеет? И в этот момент в основании жертвенника раздался треск, камень раскололся надвое, и над ним появился огромный призрачный зверь. Он чем-то походил на волка, но глаза у него были человеческими.

— Ты не умрешь, — прозвучал в моей голове его голос.

По телу пробежала дрожь.

— Кто ты? — справившись с волнением, спросила у призрака.

— Сущность рода арнов, — ответил волк. Его образ дрогнул и подернулся светящейся серебристой дымкой. Она была частью зверя, вилась вокруг него и то сливалась с крупным полупрозрачным телом, то проступала вновь, скрывая от меня все, кроме алого взгляда. — Много лет я был заперт в этом камне, но ты дала мне свободу, — голос звучал приглушенно, но в нем отчетливо слышались рычащие нотки. — Теперь, когда древнее проклятие снято, все арны обретут мир со своей второй ипостасью и больше не будут бороться со зверем.

Я смотрела на волка, а в голове всплывали воспоминания: стук, жертвенник, голос, просящий о помощи. Внутри вспыхнула догадка.

— Это ты меня звал?

— Да, — подтвердил призрака. — Я много лет ждал ту, что сможет услышать мой зов. И вот ты пришла. Пробилась через каменную толщу, нашла жертвенник и смогла побороть страх, что охватывает любого, кто возьмет в руки Араур.

— Нож? Его так называют? А почему в тот раз у меня ничего не получилось, а сейчас я смогла? — спросила я, вспомнив, как уже пыталась взять в руки нож, но тот не дался.

— Араур подчиняется только тем, кто связан с арнами кровными или брачными узами.

— Подожди, а как же душа замка, которую я должна освободить?

— Я и есть душа Белвиля и всего рода арнов, — ответил зверь, и мне показалось, что он улыбнулся. — А теперь иди, — приказал, глядя на меня своими удивительными сверкающими глазами. — Тебе пора.

— А ты?

— А у меня накопилось много дел, — призрачная пасть растянулась в усмешке. — Слишком долго я не был в вашем мире.

Волк добавил еще какое-то непонятное слово, и меня закрутило в вихре, понесло куда-то, и очнулась я перед той самой стеной, у которой меня ждала Златка.

Штефан

Он смотрел на лежащий перед ним клочок бумаги и пытался понять, правда ли тот от Бранимиры или это всего лишь подделка, с помощью которой его хотят выманить из дома?

«Буду ждать у Барских ворот ровно в полдень, — снова и снова вчитывался он в написанные знакомым почерком слова. — Приходи один. Мири».

Имя, которым была подписана записка, знали только они двое — он и Бранимира, но вдруг это все же ловушка?

Он свернул листок и сунул его в карман. А потом решительно застегнул камзол и пошел к выходу. Как бы там ни было, если его и захотят схватить, то стены особняка вряд ли смогут послужить защитой от слуг императора. Ему бы только от стражи оторваться, но это он умеет.

Потайная калитка вывела его на шумную Авер-орд. Тут вовсю кипела повседневная столичная жизнь. Кареты, всадники, прогуливающиеся прохожие и спешащие по делам дельцы — в Олендене ничего не менялось. Здесь всегда было шумно, многолюдно и суетно. Раньше ему это нравилось, а вот сейчас почему-то торопящаяся жить столица вызывала глухое раздражение. И душу тоска охватывала. Вспоминался Стобард с его серым небом и густыми туманами, тишина утреннего леса, аромат дикой малины и мокрая от росы трава. А еще — нежные руки жены, тепло ее тела, сладкая ложбинка между грудями, ямочки на пояснице... Рагж! Никогда не думал, что способен так тосковать по женщине. Сколько их было в его жизни! Пышногрудые варнийки, узколистые фархидки, белокожие и рыжеволосые зерийки, хрупкие данаирки... Да только ни одна в душу не запала, кроме Илинки, ни у одной таких чистых глаз нет и души, что с его душой говорить без слов умеет. Элиния... При одной только мысли о ней дыхание сбивается и сердце бьется как сумасшедшее! Не видит ее — и будто свет меркнет, вроде и солнечно в Олендене, а ему все равно как ночь кромешная. И жизнь не в жизнь, маета одна.

Штефан с легкостью заметил двоих соглядатаев, стоящих рядом с фонтаном. Высокий худощавый вариец был знаком ему по прошлому, а вот второго он не знал. Видать, из новеньких. Парни о чем-то разговаривали и совсем не смотрели в сторону особняка. Что ж, это существенно облегчало его задачу.

Он дождался, пока мимо проедет высокая телега, и быстро свернул за угол. Вот и все. Можно больше не беспокоиться о тех двоих. Гойко с Давором о них позаботятся.

Он дошел до Вердской площади, свернул на Корен-нье и вышел к Варским воротам. Тут вовсю кипела торговля. Прилавки ломились от ярких овощей и заморских фруктов, с железных крюков свисали тушки птиц, бойкие купцы зазывали в свои лавчонки, повсюду шныряли мальчишки-разносчики.

Странное место выбрала Бранимира для встречи. Не пристало гордой аристократке по ярмаркам расхаживать. Или потому и выбрала, что здесь ее никто увидеть не ожидает?

Штефан огляделся по сторонам. Вокруг шумели люди, громко смеялась какая-то разбитная баба, у ворот лузгали семечки перепачканные в золе мальчишки.

— Дяденька, идите за мной! — неожиданно услышал он тонкий голосок и, обернувшись, увидел рядом с собой чумазую девчонку.

— Кто тебя послал? — спросил он, ухватив грязную тонкую руку.

— Дана. Просила вас привести.

— Где она?

Штефан настороженно оглянулся и принюхался, пытаясь вычленить среди сотни запахов один, хорошо знакомый. Но в той круговерти ароматов, что висела в воздухе, разобрать что-либо было невозможно.

— За воротами ждет, — ответила девчонка. — Так вы идете?

Блестящие черные глаза уставились на него с ожиданием.

— Веди, — решил он.

Девчонка шустро юркнула в толпу, а Штефан пошел следом, настороженно прислушиваясь к своим ощущениям. Ему и хотелось бы понять, что его ждет, но на душе было слишком много всего, и ему не удавалось вычленить из этой мешанины чувство опасности.

— Ты пришел!

Не успел он вслед за девчонкой войти под темные своды старых ворот, как рядом с ним выросла закутанная в чардаф фигура.

— Мира?

Он вглядывался в скрытое за кружевной кисеей лицо.

— Я, любимый, — шевельнулись знакомые губы, а его груди коснулась затянутая в перчатку рука.

— Зачем звала? — отстранился он.

— Ты не рад меня видеть? — в голосе Бранимиры прозвучала едва заметная грусть. — А я надеялась, что ты по мне скучаешь.

Штефан нахмурился. Не любил он все эти бесполезные разговоры о чувствах. И почему женщины не в состоянии понять, когда им говорят нет?

— Ты ведь позвала меня не затем, чтобы вспоминать прошлое? — пристально посмотрел на бывшую любовницу.

— Разумеется, я не настолько потеряла гордость, — подкрашенные губы дрогнули в усмешке. — Я хотела предупредить.

Мира подошла ближе, подняла к нему лицо и сказала, глядя прямо в глаза:

— Вчера у нас был Свард. Он устраивает против тебя заговор, хочет представить императору доказательства твоей измены.

— Какие доказательства? — Штефан пристально вглядывался в блестящие сквозь кисею глаза.

— Я не знаю, — качнула головой Мира. — Мне удалось подслушать только начало разговора. Отец увел Сварда в кабинет, и я больше ничего не слышала. Тебе нужно уехать, Штефан. Возвращайся в Стобард, пока еще не поздно.

В голосе Бранимиры звучало неподдельное волнение. Уж это-то он мог отличить.

— Уверена, что речь шла обо мне?

Он напряженно обдумывал услышанное. Вряд ли Мира лжет. Да и зачем? Что ей даст его отъезд?

— Уверена, — ответила Мира и вцепилась в его руку. — Штефан, я боюсь. Ты не представляешь, как ненавидят тебя твои бывшие генералы и как они мечтают увидеть твое обезглавленное тело. У нас в доме только и разговоров о том, что тебя нельзя оставлять в живых.

— Ты поэтому в Белвиль приезжала?

— Да. Мне хотелось тебя предупредить, но ты... Ты выгнал меня.

Мира замолчала. Он видел, как бурно вздымается под скромным темным платьем высокая грудь, как влажно блестят алые губы, как крепко стиснуты маленькие кулачки... И не чувствовал ни-че-го. Будто и не было никогда в его жизни темной тягучей страсти, будто и не терзал его зверь это роскошное податливое тело.

— А я... Я ведь все равно пришла. Даже сейчас, после того, как ты меня бросил, — в голосе девушки послышались слезы. — Не отталкивай меня, Штефан. Отогрей мое сердце, дай мне то, чего никогда не сможет дать тот мерзкий старик, что через несколько дней станет моим мужем, — как безумная шептала она и пыталась пробраться пальцами ему под камзол. — Идем со мной, тут рядом есть

гостиница. Подари мне хотя бы немного своего огня...

— Прости, Мира, — он с легкостью оттолкнул цепляющиеся за него руки. — Я не могу.

— Но почему, Штефан? Ты ведь помнишь, как хорошо нам было? Кто еще сможет выдержать страсть твоего зверя? Кого еще он полюбит так, как любит меня?

— Прости, я должен идти, — не стал отвечать на ее отчаянный призыв Штефан.

— И что? Ты даже не поблагодаришь меня за то, что я для тебя сделала? — выкрикнула девушка.

— Спасибо, Бранимира, — сдержанно ответил он. — Я ценю твою помощь. Но сейчас тебе лучше уйти.

— Выходит, все было напрасно? — не сдержалась Мира. — Выходит, ты никогда меня не любил?

Штефан ничего не ответил. Да и что он мог ответить? Теперь, когда он узнал настоящую любовь, все прежние чувства казались такими бледными и неживыми, что о них и говорить не стоило.

Бранимира еле слышно всхлипнула, но тут же взяла себя в руки и вскинула голову.

— Что ж, прощай, Штефан. Если тебя убьют, я плакать не буду, так и знай.

Она отступила назад и скрылась в одной из ниш, ведущих за арку ворот. А он постоял еще немного и пошел назад, к дому, раздумывая на ходу о том, что сказала ему бывшая любовница. Если его арестуют... Рагж! Как же не вовремя император решил познакомиться с его женой! Если Эли будет здесь, у него окажутся связаны руки. Но ведь и не подчиниться Георгу и не пойти на аудиенцию он не может. За одно это его могут посадить в Эредровен! Сварду даже стараться не придется, стоит только доложить императору о его пренебрежении императорской просьбой.

Штефан размышлял, идя по широким проспектам Олендена, прикидывал так и эдак, но понимал только одно: пока он ничего не может сделать. Нужно предоставить событиям идти своей чередой.

— Докладывай.

Он смотрел на вернувшегося из Кравера Бора и с трудом сдерживал волнение. Вот ведь странная штука — раньше даже перед самыми опасными сражениями сохранял хладнокровие, а сейчас, стоит только подумать о жене, как тут же сердце вскачь пускается и душа не на месте.

— Нам удалось поймать убийцу, милорд, — сказал Бор, и Штефан незаметно выдохнул. Нет, он и раньше не сомневался в невинности Элинии, но опасался, что убийцу не удастся найти, и тень этого преступления всегда будет висеть над его женой. — Его вина доказана, и он ждет суда.

— Подробности?

А сердце никак не успокоится, стучит набатом, и лицо нежное перед глазами как живое стоит.

— Как мы и предполагали, убийцей оказался компаньон Креждена, Карел Чавир, — принялся рассказывать десятник. — Выяснилось, что он уже давно обкрадывал своего товарища, а когда тот начал подозревать его в махинациях и пригрозил позвать дознавателей, чтобы устроить проверку, Чавир испугался и убил Креждена.

— Доказательства нашли?

— Да, милорд. Сосед ростовщика вспомнил, что видел, как Карел выбегал из особняка Креждена, а спустя несколько минут туда вошла леди Элиния. Чавира допросили, и он сознался, что приходил в дом компаньона в надежде уладить дело миром, но Эбенезиус заявил, что вызовет дознавателей и если те подтвердят, что было совершено мошенничество, то Карел предстанет перед судом. Чавир вышел из себя и в гневе ударил Креждена ножом. Он говорит, что не помнит, что было потом, якобы сам не знал, что делает, но одно то, что ростовщик принес нож с собой, указывает на предумышленность убийства, — Бор говорил размеренно и ровно, нанизывая слова с неспешностью истинного дортца. — По словам Карела, когда он очнулся, Крежден был весь в крови, и комната тоже, — продолжил десятник. — Испугавшись, Чавир бросил оружие, выбежал из дома и в тот же день уехал из города. А потом узнал, что в убийстве подозревают молодую соседку Креждена, и подкинул в Совет письмо, в котором доносил, что леди Элиния владеет обережной магией и приносит человеческие жертвы, и дан Крежден якобы был одной из таких жертв. Дознаватели с радостью ухватились за эту идею — ведь именно в то время в Кравере уже начинались гонения на последователей Создательницы, и в виновности леди Элинии не возникло никаких сомнений.

— А что сейчас?

— С вашей супруги сняты все обвинения, Чавир ждет суда, который состоится через три дня, и,

скорее всего, за все, что он совершил, ему грозит повешение, а потом четвертование и вырезание внутренностей.

Десятник говорил спокойно, так, будто ему не составило труда разобраться в этом деле, но Штефан прекрасно понимал, как нелегко пришлось и ему, и его отряду. Что ж, десятка Ланиса Бора в очередной раз подтвердила, что они лучшие разведчики в Олдене. Во время войны им не было равных, и Штефан радовался, что они согласились поступить к нему на службу, а не остались в императорской армии.

— Вы с парнями отлично потрудились, Бор, — глядя в серьезные карие глаза, сказал он. — Передай, что я не забуду их стараний и все, кто участвовал в поимке преступника, будут вознаграждены.

— Да, милорд. Спасибо, милорд.

— Как обстановка в Кравере?

— Мы передали наместнику ваше распоряжение, и он устроил городское собрание, на котором донес до жителей все произошедшее, вернув леди Элинии ее доброе имя. Также в честь вашего бракосочетания был устроен городской праздник. На нем выступали музыканты и всем желающим раздавали пиво и ратицу. А от имени леди Элинии всем неимущим были розданы хлеб и мясо.

— И что народ?

— Славят нового господаря и хвалят его милосердную супругу.

— Будем надеяться, что так будет и впредь, — задумчиво произнес Штефан.

Как же ему хотелось, чтобы страшное прошлое Илинки исчезло! Он готов был сделать все, чтобы оно растворилось, перестало существовать и сгинуло в небытие, а его жена перестала бы просыпаться по ночам от кошмаров. Но единственное, что он действительно мог сделать, — это изменить настоящее, заставить тех, кто еще вчера кричал «смерть убивице!», благодарить его супругу и прославлять ее добродетель.

— Иди, Бор, отдыхай. Ты достойно потрудился, — посмотрел он на десятника. — Ты и твои люди.

— Вы ведь знаете, милорд, ради вас мы готовы на все, — серьезно ответил Бор.

Штефан кивнул. Слова были не нужны. Его воины привыкли обходиться без них, понимая своего командира с одного взгляда.

Бор пошел к двери, но на полдороге остановился и обернулся. На его суровом лице мелькнуло сомнение.

— Что? — посмотрел на друга Штефан.

— Милорд, вы позволите спросить? — замялся десятник.

— Да?

— Вы уже были у императора?

— Был, Бор. Был.

— И что?

— Его величество пожелал увидеть мою жену, — медленно ответил Штефан.

Десятник нахмурился.

— И что теперь будет? Леди Элиния приедет в столицу?

В глазах Бора он заметил сомнение.

— Да. Она уже выехала из Белвиля в сопровождении нескольких арнов. Если ничего не случится, завтра они доберутся до Зорда, а оттуда порталом перейдут в столицу. Ладно, Бор, иди. Ты заслужил небольшой отдых. Завтра здесь будет шумно, так что пользуйся последней возможностью выспаться, — усмехнулся Штефан.

— Безоблачной ночи, милорд, — попрощался Бор.

— И тебе, друг, — ответил Штефан. — И тебе, — медленно добавил, глядя на закрывшуюся за десятником дверь.

Что-то было не так. С ним. Что-то происходило, чего он не мог понять, но чувствовал, как настороженно замер зверь, как ширится в душе незнакомое и непривычное чувство, как поднимается изнутри нечто, чему он не мог дать определения. А потом перед глазами возникла яркая белая вспышка, и зверь заскулил, как щенок, — радостно и в то же время испуганно.

Сердце забилося так часто, что Штефану с трудом удавалось дышать, а перед глазами всеплыли яркие разноцветные круги, увлекая его в какой-то невероятный магический танец. Кружилось все: комната, мебель, шторы, книги... И он сам кружился, втягиваемый в сверкающий водоворот. Сознание ускользало, и как он ни пытался ухватиться за реальность, радужные крути подхватили его, спеленали по рукам и ногам и утянули в безвременье.

Илинка

В столицу мы прибыли на рассвете.

Когда портал перенес нас с арнами в Главную порталную Олендена, я не смогла одержать вздох удивления. Раньше мне не раз доводилось слышать о роскоши и богатстве главного города империи, но я даже представить не могла, насколько они велики. Магический порт, которым могли пользоваться только самые знатные имперцы, был украшен золотом и изумрудами, а кристаллы, служащие для переноса, сверкали ярче самых драгоценных камней.

— Дариллий, — видя мой интерес, пояснил Эйзер. — Редкий и дорогой камень, добываемый только в Варнии. Именно из-за него столько лет шла война.

— Выходит, утверждение о том, что Варния вероломно напала на империю, — ложь?

— Конечно, — кивнул идущий рядом Хант. — Выдумка политиканов. Видите ли, миледи, в основе любой войны всегда лежат низменные интересы. Но они ведь слишком неприглядны, а потому их обязательно прикрывают какой-нибудь красивой идеей.

Он взял меня под руку, склонился к лицу и тихо добавил:

— Только об этом никто не говорит вслух, миледи. Понимаете меня?

— Я не из говорливых, лорд Хант, — улыбнулась в ответ.

— Да, я заметил, — кивнул тот, помогая мне спуститься со ступеней.

В столице было по-летнему жарко. И солнце светило так ярко, что я, выйдя из здания порта, поневоле зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела перед собой мужа и почувствовала, как радостно забилося сердце. Он пришел! Штефан ждал меня и пришел встретить! Напрасны были страхи. Мой он. Только мой. И никаким столичным красавицам этого изменить не удалось.

— Миледи, — мне достался короткий официальный поклон, но взгляд, что не отрывался от моего лица, сказал все, чего не смогли бы заменить и тысячи слов.

— Милорд, — я ответила кнессом, и моя рука тут же оказалась в ладонях мужа. Солнце засияло в душе, и я замерла, купаясь в тепле такого долгожданного прикосновения, радуясь, что мы со Штефаном снова вместе и теперь, когда проклятие снято, его зверь больше не будет меня ненавидеть. Ведь не будет же?

— Что это? — резкий вопрос заставил меня вынырнуть из раздумий.

Штефан смотрел на тонкую белую полосу, оставшуюся на моем запястье после жертвоприношения, и хмурил брови. — Кто это сделал?

Его взгляд загорелся алым, на щеках заходили желваки.

— Это так, пустяки, — я попыталась вытащить руку, но нажим пальцев усилился. — Просто порез, ничего страшного.

— Порез? — недоверчиво переспросил Штефан и поглядел на меня с сомнением. Прошла минута, за ней другая, а супруг так и не отпускал моей руки.

— Штефан, все в порядке, правда, — я погладила обтянутое тонким сукном плечо супруга. — Тебе не о чем волноваться.

— Да? — недоверчиво протянул муж, и я поняла, что не смогла развеять его сомнений. — Что ж, мы

потом обязательно об этом поговорим. Хант, дружище, рад тебя видеть, — не отпуская моей руки, обернулся он к стоящим в стороне арнам. — И тебя, Эйзер.

— А мы думали, тебя тут в темнице держат, — хмыкнул Эйзер. — На подмогу торопились.

— Что остальные?

— Через сутки будут в столице, — ответил Хант и подошел ближе. — Рад встрече, Штефан. А еще больше рад тому, что ты не гниешь в оленденской тюрьме.

— А уж я как рад, — усмехнулся Штефан, и его пальцы снова погладили мой шрам. — Живко! — позвал он слугу. — Веди лошадей.

Шустрый остроглазый парнишка мигом отвязал трех лошадей и подвел их к нам.

— Поедешь со мной, — тихо сказал Штефан, заметив мой вопросительный взгляд.

— Что ж, поглядим, изменилась ли столица, пока нас не было, — лицо Эйзера осветила улыбка.

Арны легко вскочили на коней, муж протянул руку и поднял меня к себе, и мы не торопясь поехали по широким улицам Олендена.

Я рассматривала огромные дома, вымощенные даосским камнем мостовые, богато украшенные витрины магазинов и магических лавок, а сама прислушивалась к мерному дыханию мужа и осознавала, как же я соскучилась. По рукам, что сейчас обнимали меня бережно и надежно, по губам, которые невесомо касались моих волос, по ощущению крепкой груди, на которую я опиралась...

— Как же долго тебя не было, — тихо сказал Штефан, и я поняла, что он чувствует то же самое.

— Когда нас ждет император?

— Завтра.

— Так у нас впереди целый день!

— И длинная ночь, — в голосе мужа послышалось предвкушение.

— Да, и длинная ночь, — согласилась я.

— Штефан...

Шепот срывается и растворяется в жарком воздухе спальни.

— Эли! — слышу в ответ. — Моя Эли...

Муж не торопится. Он покрывает поцелуями тело, касается самых чувствительных мест, а его пальцы хозяйничают внутри, вырывая из моей груди протяжные стоны. Я выгибаюсь, подставляя настойчивым губам шею, напрягшиеся соски, а внизу живота уже горит то невероятное, что предвещает самое желанное, самое сокровенное, то, о чем не принято говорить, но что заставляет терять голову и вынуждает забыть о скромности.

— Штефан...

Муж прикусывает мочку уха, оглаживает бедра, раздвигает мои ноги шире и одним движением соединяет наши тела в упоительной, сметающей все прежние недоразумения близости.

— Эли...

Одно движение следует за другим, и каждое из них дарит мне то, что ценнее всего на свете: нас с супругом больше ничто не разделяет, зверь смирился, принял выбор Штефана и теперь не будет нам мешать.

Я сжимаю могучие плечи, касаюсь шрамов, глажу их и чувствую, как по щекам текут слезы. Они не от горя — от радости. От той захлестывающей, сметающей былые обиды радости, что остро отзывается в сердце и щедро переливается через край, соединяя наши души так же, как соединяются в близости тела.

— Штефан...

Как же я соскучилась! Как мне не хватало этих прикосновений, страсти, любви! Как я боялась, что никогда больше не смогу приблизиться к мужу...

Но проклятие спало, и мы снова можем быть вместе, дарить друг другу свою любовь и наслаждаться тем, что доступно только двоим.

Движения становятся все быстрее, сознание ускользает, и остается страсть, чистая, незамутненная ненужными сожалениями страсть.

— Штефан!

Горячая волна подхватывает меня и накрывает с головой. Она сбивает дыхание, кружит в разноцветном водовороте, топит в наслаждении. И я полностью отдаюсь тому шторму, что бушует внутри. Он грозный и нежный одновременно, этот безумный шторм. И мне кажется, что он никогда не утихнет, но волна, вознесшая меня на самую вершину, неожиданно падает вниз. Тело становится мягким, будто расплавленное масло, и невесомым. Кажется, я не чувствую ни ног, ни рук, и только сердце колотится быстро-быстро, захлеб.

Штефан откинулся на подушки и привлек меня к себе.

— Эли... Я так скучал...

Признание мужа прозвучало сдавленно, почти неощутимо, но я расслышала то, что скрывалось за его словами. И взгляд увидела, из которого зверь выглядывал, но не тот, прежний, убить меня мечтающий, а новый — внимательный, немного виноватый и... любящий.

— Я здесь, Штефан. Я больше никогда тебя не оставлю, — прошептала, приглаживая темные волосы, сворачивающиеся завитками на груди. — Теперь мы всегда будем вместе, что бы ни случилось.

Муж ничего не ответил. Он только поглядел на меня и снова потянулся к губам.

Глава 15

— Ваше сиятельство. — Император смотрел на Штефана из-под нависших век. Его худые руки с тонкими белыми пальцами беспокойно перебирали полы темной мантии. Она так сильно напоминала хламиду дознавателя, что на миг мне показалось, что перед нами не монарх, а Главный дознаватель империи.

— Ваше величество. — Муж склонил голову. Его поклон был неглубоким — привилегия, оставшаяся еще с тех времен, когда Штефан был Верховным командующим.

— Леди Элиния.

Мне достался внимательный взгляд бесцветных глаз, и я присела в кнессе. Новое платье из темно-синего шелка чуть слышно зашуршало. В зале было довольно прохладно, и это заставило меня пожалеть о слишком глубоком декольте, полностью открывающем плечи.

— Вас можно поздравить, граф, — после долгой паузы бесстрастно произнес Георг. — Ваша жена на редкость мила.

— Благодарю, ваше величество, — сдержанно ответил Штефан.

— Подойдите, леди Крон, — поманил меня рукой император.

Я приблизилась к трону. Тот стоял на возвышении, и любой, кто хотел говорить с императором, должен был смотреть на него снизу вверх. Наверное, это было сделано умышленно, чтобы указать подданным их место. Дескать, помните, кто вы и кто вами правит.

Я смотрела на сидящего передо мной мужчину и пыталась сдержать ненависть, что пылала в сердце. Это по его приказу убили мою наставницу и сожгли монастырь, это он повинен в том, что моего прежнего Кравера больше нет, а все, кого я знала и любила, покоятся в земле, это он угрожает моему мужу! Штефан уверял меня, что его пытается уничтожить не император, а новый командующий армией, Свард, но я видела, с какой неприязнью смотрит на моего супруга Георг, и не сомневалась, что при случае тот не преминет устроить какую-нибудь пакость.

— Мы слышали, что то преступление, в котором вас обвиняли, раскрыто и настоящий убийца наконец-то найден, — остро посмотрел на меня монарх.

Его длинное лицо казалось лишенным возраста. Трудно было сказать, сколько Георгу лет — то ли тридцать, то ли все шестьдесят. Гладкая кожа больше походила на маску, на ней не было ни одной морщины, как у совсем молодого человека, а вот бесцветные, будто выцветшие глаза могли принадлежать только глубокому старику. Я попробовала перейти на внутреннее зрение, чтобы увидеть истинный облик монарха, и не смогла: вокруг Георга вилась темная пелена. Она то истончалась, то становилась плотной, почти осязаемой, и от нее исходил неприятный мертвенный холод. Похоже, местные маги поставили защиту. А может, император и сам владел магией.

Я попыталась коснуться невидимой другим завесы и тут же отпрянула. Душу охватил мертвенный холод имперской магии.

Вчера, когда мы со Штефаном говорили о предстоящей аудиенции, муж сказал, чтобы я ничего не боялась. Но я боялась. Сейчас, глядя на императора, я понимала, что передо мной — враг. Опасный, коварный враг, который только и ждет, чтобы нанести удар и уничтожить Штефана. Я не могла сказать, откуда взялось это убеждение, но я и минуты не сомневалась в том, что оно верно. Слишком много ненависти скрывалось за невидимой пеленой.

— Как видите, леди Крон, наши дознаватели хорошо знают свое дело, — продолжал бурвить меня взглядом Георг.

— Да, ваше величество, — ответила я, а сама подумала о том, что благодаря способностям имперских дознавателей едва не отправилась за Грань.

— Что ж, мы рады, что справедливость восторжествовала, — уголки тонких бескровных губ чуть приподнялись. Вероятно, это должно было означать улыбку, но мне не хотелось улыбаться в ответ.

Я старалась держаться уверенно, но сама обстановка Лисьего зала, в котором пахло смертью и болью, давила на меня. Если бы не присутствие Штефана, боюсь, мне было бы сложно выдерживать общение с властителем и тот укор, что застыл в глазах многочисленных чучел. Лисы... Они были повсюду: маленькие и большие, рыжие и серо-черные, с острыми мордочками и с печальными живыми глазами.

— Вижу, вас заинтересовала коллекция, леди Крон? — словно услышав мои мысли, спросил император. Он чуть подался вперед, и лицо его оживилось. — Ее собирали несколько поколений

Вистельсолеров, а я дополнил несколькими прекрасными экземплярами. Как вам вот эти? — Георг указал на застывших справа от трона лисят. — Не правда ли, очень трогательные?

Я с трудом удержалась от гневной отповеди. Как можно любоваться тем, кого насильственно лишили жизни? Откуда это желание окружать себя мертвыми?

— Боюсь, я не очень люблю животных, ваше величество, — сдержанно ответила монарху.

— Живых или мертвых? — в бесстрастном прежде голосе послышался интерес. — Ах да, я же забыл! — усмехнулся монарх. — Мне говорили, что вы принадлежите к церкви Создательницы и владеете обережной магией. Значит, вы считаете, что животных убивать нельзя?

В бесцветных глазах вспыхнуло предвкушение. Похоже, император решил меня поймать. Штефан говорил, что Георг готовит эдикт о вере, подписать который должны будут все жители империи. В нем утверждалось, что есть только один бог — Аэст, и те, кто почитает иных богов, должны будут отказаться от своих заблуждений и признать единую веру.

— Так что, леди Крон? Вы не приемлете убийство живых существ?

— Ваше величество, я каждый день ем мясо.

— И не испытываете угрызений совести? Разве ваша вера позволяет вам это?

— Моя вера дает мне свободу выбора, ваше величество.

В зале стало тихо. Император смотрел на меня в упор, и его пальцы все быстрее перебирали полы мантии. Они словно бы жили своей собственной жизнью — тонкие, гибкие, похожие на белых червяков.

— Граф, ваша жена не только красива, но и умна, — наконец нарушил молчание монарх. — Надеюсь, когда придет время, графине хватит ума подписать эдикт, иначе...

Георг не договорил, многозначительно взглянув на моего мужа.

— Не беспокойтесь, ваше величество, — ровно ответил Штефан, но я почувствовала, что он взволнован. — В Стобарде жена всегда исповедует ту же веру, что и ее муж.

— А вы ведь верны мне, не так ли, Крон? — вкрадчиво поинтересовался император, и в глазах его снова вспыхнул жестокий огонек. — И признаете Аэста единым богом Олдена?

— Разумеется, ваше величество.

На лице Штефана не дрогнул ни один мускул — оно было твердым, будто застывшим. И руки — крупные мускулистые руки, которые умели быть такими нежными и чуткими, — сейчас казались тяжелыми и неподвижными.

— Это хорошо, — произнес монарх, и мне почудился в его словах намек.

В этот момент в зал вошел лорд-хранитель Большой печати. Он низко поклонился и, подойдя к императору, что-то тихо сказал.

— Значит, верны, — повторил Георг, а потом чуть сместился на троне и уставился на Штефана гипнотизирующим змеиным взглядом. — Тогда почему мне говорят о том, что вы собираете войско и желаете свергнуть меня с трона?

— Боюсь, вас ввели в заблуждение, ваше величество.

Штефан держался спокойно и уверенно, а у меня от волнения в горле комок встал. Если Георг обвинит моего мужа в измене... Создательница, смилуйся над нами!

— А как же пятнадцать арнов, что вместе с пятью тысячами солдат идут на столицу? Или это обычная прогулка?

— Они всего лишь хотят выразить вам свое почтение, ваше величество.

Штефан не дрогнул, но я ощутила его тревогу.

— А вот у лорда Гершина другие сведения, — не отступал император. — По донесениям его агентов, вооруженные воины, расположившиеся лагерем в сутках пути от Олендена — не что иное, как попытка нас запугать. Что скажете, леди Крон, — повернулся он ко мне, — способен ваш супруг на предательство и измену?

— Ваше величество, полагаю, это я виновата в произошедшем, — я смело посмотрела на Георга. — Лорды гостили в Белвиле, когда ваше величество изъявили желание меня увидеть. Но поскольку моего супруга не было, они все вызвались сопроводить меня в столицу. А заодно и передать вашему величеству свое почтение и любовь. Кстати, боюсь, сведения ваших советников неверны. Никаких пяти тысяч воинов нет, есть всего лишь сотня стражников, составляющих охрану.

Я заметила, как дрогнули тонкие губы.

— Выходит, это не мятеж? — император впился в меня взглядом.

— Нет, ваше величество, — вместо меня твердо ответил Штефан.

В зале стало тихо. Георг поглаживал один из украшающих трон лисьих хвостов и задумчиво смотрел на моего мужа.

— Можете идти, — неожиданно резко сказал он и махнул рукой. — Мы удовлетворены.

— Ваше величество, — Штефан склонил голову, я сделала кнесс.

И тут император неожиданно добавил:

— Передайте своему сопровождению, что мы тронуты их сыновней любовью, леди Крон, и посылаем им свое благословение.

Он посмотрел на меня и тут же отвернулся к лорду Гершину, взяв у того из рук какие-то бумаги.

— Ваше величество. — Я склонилась еще ниже, а потом поднялась, и мы со Штефаном покинули Лисий зал.

— Ничего не говори, — еле слышно произнес муж, пока мы шли через толпу придворных. — И не смотри по сторонам.

Я чувствовала на себе любопытные взгляды, слышала тихие шепотки, ощущала чужой интерес. И изо всех сил старалась удержать на лице невозмутимое выражение. Трудное занятие.

Мне показалось, что пока мы дошли до выхода из дворца, нас успели рассмотреть все, кто там находился. Олденцы разглядывали Штефана беззастенчиво, жадно, не скрываясь. Пару раз я слышала унижительные высказывания, но муж крепко держал меня за руку и уверенно вел вперед по анфиладе залов, не позволяя ответить зарвавшимся имперцам.

Я шла с ним рядом, высоко вскинув голову и одерживая клокочущую внутри ярость. Олденская знать ни в чем не уступала своему правителю, она была такой же двуличной и мерзкой.

Когда мы выбрались за ворота дворца, мне показалось, что я впервые за долгое время смогла вздохнуть полной грудью.

— Трогай, — велел Штефан вознице и захлопнул дверцу кареты. А потом взял мою руку, крепко сжал ее и поднес к губам. — Ты была великолепна, Эли, — поцеловав запястье, сказал он. — Я тобой горжусь.

Эта похвала заставила мои щеки зардеться.

— А теперь рассказывай, — посерьезнел муж, и его пальцы снова прошли по тонкой ниточке шрама. — Откуда это?

Создательница! А я-то думала, что супруг поверил в мою выдумку о порезе. По крайней мере, вчера он не пытался меня расспрашивать. Да нам и некогда было — сначала Штефан долго беседовал с арнами за закрытыми дверями кабинета, а потом... А потом нам было совсем не до разговоров.

— Я жду, — в синих глазах мелькнули алые искры. — Правду, Элиния.

Я смотрела, как они разгораются все ярче, видела выглядывающего из алого сияния зверя, но больше не чувствовала от него угрозы. Вчерашняя ночь полностью нас примирила.

— Эли? — поторопил Штефан.

И я рассказала. И о том, как услышала таинственный стук, и о жертвеннике, и об Арауре. И о душе Белвиля, что в жертвенном камне томилась.

Арн слушал молча, не перебивая меня и не задавая вопросов. Лишь однажды, когда я рассказывала о том, как разрежала руку, чтобы напоить алтарь своей кровью, Штефан сильнее стиснул мои пальцы, и глаза его ярко блеснули.

— Значит, легенды не лгали, — напряженно сказал он.

— Выходит, что так.

— Говоришь, тебе Микош помог?

— Да. Правда, он так и не признался, откуда старый язык знает.

— Вот и мне интересно, как безграмотный конюх сумел древний стобардский разобрать, — в голосе мужа зазвучали какие-то незнакомые нотки. — Ладно. Разберемся, — решительно произнес Штефан и добавил: — Вот попадем домой и во всем разберемся.

Он выглянул в окно.

— А когда мы туда попадем? — спросила я.

Остаться в столице мне не хотелось. Пусть Оленден и называли самым блистательным городом мира, но я видела за его красотой лишь боль и кровь разграбленных стран и покоренных империей народов. Да и недавний визит во дворец оставил в душе ощущение гадливости и страха. Не нравилось мне, как император на Штефана смотрел. И запах смерти, что в Кер-Тауре витал, — тоже.

— Скоро, — ответил супруг.

Карета остановилась перед коваными воротами особняка.

— Очень скоро, — повторил Штефан, помогая мне спуститься с подножки и подняться по ступеням.

— Мы уезжаем. Гойко, зови Давора, через полчаса мы должны быть за пределами Олендена, — войдя в дом, громко сказал муж.

Ординарец, вскочивший при нашем появлении с кресла, просиял и радостно воскликнул:

— Наконец-то! Давно пора! В Стобарде нас небось уже заждались.

Он широко улыбнулся и рванул к лестнице, а я усмехнулась. Штефан рассказал мне о том, что Гойко понравилась Златка. Видно, соскучился парень по зазнобе, торопится предложение сделать.

— Давор! — услышался его громкий крик. — Просыпайся, толстое брюхо! Домой пора! Мы возвращаемся в Стобард!

Штефан только головой покачал.

— Желан, вещи собраны? — спросил он дворецкого.

— Да, милорд.

— Аратинцы оседланы?

— Ждут у западных ворот.

— Отлично, — кивнул Штефан. — Эли, — обратился он ко мне, — тебе подготовят одежду для верховой езды. Прости, но карету придется оставить.

В глазах мужа мелькнуло беспокойство.

— Штефан, не волнуйся, — тихонько погладив его по руке, сказала в ответ. — Я справлюсь.

— Хорошо, тогда не медли. У нас мало времени, — он озабоченно нахмурился. — Нужно уходить.

— Думаешь, здесь опасно?

— Я не доверяю Георгу. Кто знает, что взбредет ему в голову? С тех пор, как император возложил на себя обязанности Главного дознавателя, он изменился, и мне трудно предугадать его решения.

А мне и угадывать ничего не нужно было, я и так знала, что Георг способен на многое. Вспомнился взгляд, которым он на Штефана смотрел, и я передернула плечами. Страх тонкой змейкой свернулся в сердце.

— Мы готовы, командир, — услышался веселый голос, и в холле в сопровождении Гойко появился Давор. Похоже, этим двоим не нужно было много времени, чтобы собраться. А может, они тоже чувствовали нависшую над арном угрозу?

— Ну что? Если сейчас выедем, к утру уже в Стаднице будем, — бодро произнес Гойко. — Да,

милорд?

Он остановился рядом со мной и широко улыбнулся.

— Ох, как же я по стобардской ратице соскучился! — заявил ординарец, и лицо его осветилось улыбкой.

Я усмехнулась. По ратице? А Златка, значит, ни при чем?

— Тебе бы только сливовицу трескать, — хмыкнул Давор и, обратившись к Штефану, спросил: — Милорд, неужто император вас отпустил? Нет, я, конечно, буду очень рад убраться отсюда подальше, но вы уверены, что вас опять ко двору не вызовут?

— Не уверен. Потому и хочу уехать как можно скорее, пока нового приглашения не последовало, — ответил Штефан и добавил: — Выходите во двор, лошади уже ждут. Элиния, иди переоденься, — посмотрел он на меня. — Времени мало, поторопись.

Я не стала медлить и побежала в свои покои, и уже через пятнадцать минут мы выехали за ворота особняка, а спустя еще полчаса покинули город.

Мне не терпелось оказаться как можно дальше от суеты столицы, да и мои спутники не горели желанием задерживаться в Олендене.

Огромные, украшенные каменной резьбой ворота остались позади, шумная толпа вынесла нас на широкий тракт, а оттуда — к перекрестку, от которого расходились пути на Стадницу, Грон, Варно и Кемель. Мы миновали магический указатель, свернули направо, на вымощенную желтым камнем стадницкую дорогу, и двинулись вперед, к виднеющимся вдали сторожевым башням Редина — небольшого поселения стеклодувов. Рединское стекло считалось лучшим в мире. Даже небольшие простенькие вазы или кулоны стоили не меньше ста золотых стависов. А уж разноцветные — и того дороже, некоторые и до тысячи дотягивали.

— Ох, и полетят здесь скоро головы, — глядя на приближающуюся городскую стену, вздохнул Давор.

— С чего это вдруг? — спросил Гойко. Взгляд у него был мечтательный, а на губах застыла улыбка, отчего худое подвижное лицо выглядело непривычно мягким.

— Ну как же? — повернулся к Гойко друг. — Тут ведь выходцы из Еламыта живут, а они все огнепоклонники. Вот примут эдикт, и придется им либо веру свою предавать, либо бежать куда глаза глядят, пока на плаху не попали.

— Ваше сиятельство, неужто это правда? — спросил Штефана Гойко.

— Правда, — кивнул мой муж, и глаза его мрачно блеснули.

— Но это же глупо! Император всегда гордился тем, что в Олдене есть место всем богам — и старым, и новым!

— Боюсь, те времена остались в прошлом, Гойко.

— Выходит, интерес Георга к моему вероисповеданию возник не просто так? — посмотрела я на Штефана.

Мы ехали бок о бок, и его конь нервно пофыркивал и косил глазом на мою лошадь. Видно, не давала ему покоя красота севской кобылки.

— Разумеется, нет. Новый эдикт вот-вот вступит в силу, и все должны будут засвидетельствовать верность единой религии.

— Но ведь раньше в империи была веротерпимость.

— Это было раньше, Эли, — ответил муж. — Думаю, если Георг не одумается, то в скором времени начнутся преследования инакомыслящих и казни последователей иных богов.

— Полагаешь, все настолько плохо? — вмешался в наш разговор Хант.

— Да, — серьезно ответил Штефан.

— Поэтому мы так торопимся?

— Да, — снова подтвердил мой муж. — Нужно добраться до Стомбарда как можно скорее.

Он пришпорил коня, и мы все последовали его примеру.

До Стадницы добрались уже поздно вечером. Ночь пролетела быстро, а утром в гостинице, где мы остановились, появились арны, к которым Штефан отправлял гонца.

— Крон! Живой, — радостно выдохнул Лейд, обнимая моего мужа и похлопывая его по плечу.

— Да чего ему сделается? — хмыкнул Ноэр. — Или ты забыл прозвище нашего командира?

— Да, Счастливчик — он счастливчик и есть, — усмехнулся Эйзер. — Вон какую красавицу жену отхватил!

— А тебе кто мешает? — посмотрел на него Штефан и собственнически прижал меня к себе.

Сейчас, в присутствии арнов, я чувствовала, что муж старается держать меня как можно ближе. Казалось, ему не нравятся взгляды, которые бросают на меня его друзья. Нет, лорды не переходили границ, но Штефан был настороже.

— Так где ж я такую, как леди Элиния, найду? — не унимался Эйзер. — Вот как встречу — сразу женюсь, клянусь Скарогом!

— Ты поосторожнее, — одернул друга Хант. — За упоминание других богов в нашей славной империи и в темницу угодить можно.

— С каких это пор?

Эйзер удивленно уставился на Ханта.

— А с тех самых, как наш правитель Главным дознавателем заделался, — ответил тот.

— Да глупости все это! — вмешался Лейд. — Ни за что не поверю, что...

— Хватит разговоров, — оборвал его Штефан. — Пора уходить.

Он посмотрел на меня и нахмурился.

— Выдержишь еще день в седле? — тихо спросил и незаметно коснулся кончика моей косы.

— Выдержу, — уверенно кивнула в ответ.

Мне и самой не терпелось уехать как можно дальше от Олендена. Не доверяла я императору, боялась, что тот за нами погоню отправит.

— Тогда идем, — сказал Штефан и посмотрел на друзей. — Выдвигаемся за город, там заберем парней и двинем на Вершино, — негромко произнес он.

— Отличный план, — кивнул Лейд. — Ну что, по коням?

Он хлопнул Эйзера по плечу и пошел к дверям. Остальные потянулись за ним, и вскоре мы уже выехали из Стадницы и встретились с ожидающим Штефана войском.

Я видела, как радовались своему командиру простые солдаты, как светились улыбками их суровые лица, и у меня на глаза наворачивались слезы. Это были слезы радости. Мы больше не были беззащитны перед императором. Вряд ли кто-то из его приспешников решит напасть на моего мужа, когда у того такая охрана. А еще я смотрела на супруга и гордилась тем, что все эти люди признают его своим главой.

— Командир, прибыл гонец из Стобарда, — доложил Штефану один из арнов.

— Где он? — спросил мой муж.

— Ваше сиятельство, меня прислал дан Кражич, — выступил вперед невысокий худощавый парень. Я видела его среди новых стражников Белвиля. — Велел передать вам лично в руки.

Гонец протянул Штефану запечатанное письмо.

— В замке все в порядке? — распечатывая его, посмотрел на парнишку арн.

— Да, милорд, — пауза перед ответом была такой короткой, что ее никто, кроме меня, не заметил.

— Хорошо, — кивнул Штефан, вчитываясь в отчет Бранко. И чем дальше он читал, тем больше хмурились его брови.

— Неужто случилось что? — не вытерпел наблюдающий за Штефаном Гойко.

— Нет, — мой муж покачал головой, свернул письмо и убрал его в карман. — Ничего не случилось.

Но я не поверила. Сердцем почувствовала, что Штефан чем-то очень сильно озадачен. И даже растерян, что было ему совсем уж несвойственно.

— Хант, собирай людей, уходим, — резко сказал мой арн.

Он бросил на меня короткий взгляд, а потом задумчиво уставился на теряющийся вдаль вершинский тракт.

Лагерь был собран за считанные минуты, и вскоре мы уже снова были в пути. Нам предстояло проехать более восьмидесяти кье и заночевать в Лейце — одном из небольших городов Норенского лея. Оттуда шла прямая дорога на Стобард, и можно было рассчитывать на то, что через пару дней мы уже будем дома, в Белвиле.

Штефан

Дорога шла через пологие холмы Крайны, петляла меж полями, вводила все дальше и дальше от Олендена, но Штефан так и не смог побороть засевшую в душе тревогу. Не верил он в то, что император так просто сдался. Видел его глаза, и злобу, что в них затаилась, тоже разглядел. Да и опыт прежний никуда не делся, чутье подсказывало, что это еще не конец. Георг не уймется. Не сейчас, так в будущем снова за него возьмется.

Штефан задумался. Та безумная мысль, что возникла еще после первого покушения, обретала все большую осязаемость. Стобардское королевство. Безрассудство или реальность? Справится ли? Бранко, когда узнал о его планах, загорелся идеей отделения от империи и готов был во всем его поддерживать. И они даже сделали первые шаги — собрали в Стобарде костяк будущей армии, расположили несколько полков в городах вдоль границы, отыскивали в дедовских сундуках бумаги последнего короля, в которых условия присоединения Стобарда к империи указывались. И Штефан даже нашел лазейку, по которой можно было эти самые земли обратно вернуть. А вчера он осторожно прощупал почву, поговорил с остальными арнами и понял, что и те не откажутся за ним пойти. Придется, конечно, изрядно опустошить казну, но деньги — последнее, о чем стоит думать. Штефан тут прикинул, по всему выходило, что если его план удастся, Стобард сможет жить по своим законам и ни в чем не будет зависеть от Олдена. Вот только дело это нескорое. Прежде чем решиться на подобный шаг, нужно как следует все продумать и армию собрать не меньше, чем в Олдене. Чтобы было что императору противопоставить. А времени почти не остается. Если сейчас не разорвать отношения с империей, то потом уже поздно будет, но где для этого силы взять? Где поддержку и людей найти? Мало их. Ничтожно мало по сравнению с теми силами, что у империи имеются...

Штефан посмотрел на виднеющийся вдаль Крайнецкий лес и нахмурился. До Стобарда еще день пути, и лучше бы им поторопиться. Не нужно недооценивать Сварда. Если тот получит от Георга приказ об уничтожении бывшего командующего, то не остановится ни перед чем. В сердце шевельнулась тревога. Если имперцы отправятся в погоню...

Он взглянул на жену. Элиния держалась в седле уверенно, но как надолго ее хватит? Выдержит ли она длительный переход? Рагж!

«Что, Штефан?» — заметив его взгляд, безмолвно спросила Эли.

Странно, конечно, но еще с тех времен, когда Элиния не могла говорить, он привык легко понимать ее без слов. Не зря все-таки Салта говорила, что у Илинки все по глазам видать!

«Все хорошо», — беззвучно ответил он, подкрепив слова уверенной улыбкой.

И пусть сам не испытывал этой уверенности, жене знать о том было необязательно. Эли задумчиво посмотрела на него, и он заметил долю сомнения, мелькнувшую в ее взгляде. Что ж, чутью супруги можно только позавидовать. Так, а это еще что? С чего это Эйзер так смотрит на Элинию? Штефан присмотрелся к другу повнимательнее и почувствовал непреодолимое желание свернуть своему бывшему генералу шею. Эйзер был неискоренимым бабником и не пропускал ни одной юбки. Не хватало еще, чтобы арн на его жену заглядывался. Проклятье! Он беззвучно выругался. Как же ему хотелось пересадить Элинию к себе и укрыть полами плаща! Ото всех. Чтобы никто даже помыслить не мог... Рагж! Вот уж не думал, что окажется таким ревнивцем. Зверь недовольно рыкнул, понуждая его убрать соперников, и Штефан невесело усмехнулся. Надо же, какие перемены! То на дух Элинию не переносил, а теперь с рук ее есть готов, вон как беспокоится и ревнует.

— Даже не думай, — чуть отстав, чтобы поравняться с Эйзером, предупреждающе рыкнул он. На руках появились когти, а зверь подошел к самой коже, пробиваясь темной шерстью и ярой злобой.

— Брось, командир, — побледнел его бывший генерал. — Я и не собирался...

— Ты меня услышал, — оборвал его Штефан и пришпорил коня, устремляясь вперед, туда, где развевался шлейф темно-синей амазонки.

Стена возникла внезапно. Кажется, они только миновали Кранц и подъехали к границе Стобардской провинции, как впереди, в ущелье между горами, показалась полупрозрачная преграда.

— Вот те раз! — удивленно воскликнул Гойко. — Что это?

По обеим сторонам дороги высились скалы, а между ними светилась и переливалась всеми цветами радуги прозрачная стена. Она уходила к самому небу, закрывая проход на территорию провинции, и выглядела так, будто стояла тут всегда. Так вот о чем Бранко писал!

— Что за лиховщина? — удивленно воскликнул едущий рядом со Штефаном Лейд.

— Рагж! Вот это чудеса! — слышались возгласы парней.

— Штефан, что это? — приблизился к нему Хант. — Откуда взялась эта преграда?

Если бы он сам знал! Нет, кое-какие предположения у него были, но слишком уж неправдоподобными они казались. Жаль, что парнишка, который привез послание, остался в Стаднице, а он его толком и не расспросил. Так торопился убраться подальше от столицы, что не стал задерживаться из-за пустых, как тогда казалось, разговоров.

— Элиния? — взглянул на жену.

— Что, Штефан? — отозвалась Эли, но он заметил, что смотрит она будто сквозь него.

Он узнал этот взгляд. Жена всегда так смотрела, когда применяла свою магию. Штефан до сих пор не мог понять, как она это делает. Но бережную магию чувствовал: по сердцу будто теплая волна прокатилась.

— Что ты видишь? — наклонившись к супруге, тихо спросил он.

Та помолчала немного, сосредоточенно глядя на переливающуюся преграду, а потом подняла на него свои сияющие глаза и ответила:

— Она живая, Штефан. И разумная. Насколько я смогла понять, она связана с той сущностью, что живет в Белвиле. Похоже, призрачный зверь решил защитить Стобард от незваных гостей.

— Хотел бы я пообщаться с этим зверем, — заметил Штефан.

— Думаю, он тоже этого хочет, — нежно посмотрела на него жена.

А у него в груди так щекотно стало. Как Элинии это удастся? Неужели магия?

— Он ждет тебя, Штефан, — тихо добавила Эли.

— Что ж, тогда нам следует поторопиться. Не будем откладывать нашу встречу.

Он тронул коня и решительно двинулся вперед, к мерцающей пелене, за которой виднелись камни стобардского тракта. Разумная эта стена или нет, но он сам должен был прикоснуться к ней, чтобы понять, что она из себя представляет.

— Командир, вы уверены, что это не ловушка? — встревоженно спросил Гойко.

Он не ответил. Если Элиния права, ему нечего бояться. Жене он верил, как никому в этом мире.

— Похоже, Крон знает, что делает, — задумчиво сказал Хант.

Один из самых старых арнов выступил вперед, наблюдая за тем, как он приближается к новой стобардской границе.

Штефан коснулся слегка пружинящей под ладонью преграды, и его рука с легкостью прошла сквозь нее. Ощущение было необычным. По телу прокатилась теплая волна, а пальцы будто в мягкий мех зарылись. Штефан даже пригляделся внимательнее — может, он чего-то не видит? Но нет. Похоже, это всего лишь иллюзия.

— Я с вами, милорд, — слышался голос Давора, и десятник появился с ним рядом. — Негоже вам

одному на ту сторону идти.

Штефан только кивнул, и они с Давором одновременно пересекли невидимую границу.

— Странно, — удивленно посмотрел на него десятник.

— Что?

— Мне показалось, что кто-то заглянул мне в голову и увидел все мои мысли.

— У меня похожие ощущения, — усмехнулся Штефан, прислушиваясь к беспокойно заметавшемуся зверю.

Тот рвался куда-то, скулил, как щенок, и нетерпеливо скреб когтями, будто пытаясь выбраться наружу. А в следующую секунду сердце кольнуло тревогой. Он не знал, откуда та взялась, но чувствовал, что его близким угрожает опасность. Но откуда? Из-за стены? Или угроза — сама стена?

— Что не так, командир? — насторожился десятник. — Вас что-то беспокоит?

— Не знаю, Давор, — ответил Штефан, пытаясь понять, откуда взялось это странное чувство.

Он подъехал к стене и коснулся ее ладонью. В тот же миг тревога усилилась, а в голове зазвучал рокочущий голос: «Уводи людей за границу. Немедленно! За вами выслали погоню, видишь?»

Перед его глазами возникло четкое видение. У развилки, там, где дорога делала поворот, появились воины императора. Он видел реющие алые знамена, узнавал знакомую синюю форму, различал напряженные лица Сварда и его военачальников. Смотрел на шагающих солдат и понимал, что их очень много. Слишком много.

Штефан похолодел. Еще несколько минут, и армия Георга выйдет прямо к его людям. Рагж! Времени на раздумья не было. Действовать нужно немедленно. Он преодолел призрачную преграду, мгновенно оказался рядом с женой и, взяв ее за руку, повернулся к своим генералам.

— Георг послал погоню. Надо уходить за стену, — голос звучал твердо. — Немедленно!

— С чего ты взял, что императору есть до нас дело? — озадаченно уставился на него Эйзер.

— Я их видел, — ответил Штефан.

— Но как? — переспросил Хант.

— Стена показала. Элиния права — она живая и разумная. И похоже, способна нас защитить.

— Думаешь, воинов императора остановит какая-то призрачная преграда? — спросил Лейд. — Надо готовиться к бою. Мы покажем этим ублюдкам...

— Не время геройствовать, — оборвал его Штефан. — Уходим! Это приказ, — он обвел взглядом своих генералов и добавил: — И это не обсуждается. Собирайте людей. Эли, — посмотрел на жену, — ты проедешь первой, за тобой по трое в ряд пойдут все остальные.

Элиния ничего не ответила. Она посмотрела ему в глаза, словно передав часть своей души, и тронула лошадь шагом.

— Вперед! — приказал Штефан своим воинам. — Хант, чего замер? Тебя это тоже касается.

— А я, командир, останусь с тобой. Хочу на имперских ублюдков поближе поглядеть, — усмехнулся старый арн. — Уж больно интересно увидеть, какое у Сварда лицо будет, когда он поймет, что просчитался.

Штефан пристально посмотрел на генерала и молча кивнул. Что ж, Хант и раньше всегда был рядом в трудную минуту, вот и сейчас не изменил себе.

Воины быстро перестроились и двинулись мимо него к границе.

— Милорд, мне остаться? — спросил оказавшийся рядом Гойко.

— Нет, — ответил Штефан. — Позаботься лучше о миледи.

— Не беспокойтесь, милорд, пока вы здесь, я с леди Элинии глаз не спущу, — серьезно сказал ординарец.

— Поезжай, — Штефан хлопнул по крупу каурого коня Гойко и посмотрел вдаль, туда, где

отчетливо слышался топот копыт. Армия Георга была уже близко.

— Живее! — громко крикнул, поторапливая своих воинов.

Те проезжали мимо него и исчезали за преградой, которая с каждой минутой становилась все плотнее. Он уже не видел оказавшихся по ту сторону людей. И не слышал их голосов.

— Штефан, они уже близко, — встревоженно произнес Хант. — Уходи. Я прослежу, чтобы все успели перейти на ту сторону.

— Нет, Хант, — качнул головой Штефан. — Мы уйдем вместе.

Он бросил взгляд на оставшихся воинов. Навскидку насчитал два десятка и беззвучно выругался. Дорога оказалась слишком узкой, по ней сложно было проехать четверым одновременно, поэтому приходилось передвигаться по трое. Только вот времени было все меньше.

— Быстрее! Шевелитесь! — прикрикнул на воинов Хант. — Или хотите, чтобы ваши головы на кольях вокруг Олендена оказались?

Дело пошло быстрее, и вот уже последняя тройка миновала преграду и скрылась за полностью утерявшей прозрачность стеной.

— Уходим, — пришпоривая коня, сказал Штефан.

— Самое время, — пробормотал Хант, оборачиваясь назад.

— Именем императора, остановитесь! — послышался усиленный магией голос Сварда. — Штефан Крон, сдавайтесь! Вам не уйти!

— Поцелуй меня в зад! — насмешливо выкрикнул Хант. — Попробуйте взять нашего командира, трусливые ублюдки!

В тот же миг рядом с ними разорвался магический снаряд, и Штефан, схватив за узду Хораса — тонконового ахетинца Ханта, дернул ее и почти втащил друга за стену.

— Штефан! — раздался встревоженный голос жены, и он обернулся, отыскивая ее глазами.

— Все хорошо, Эли! Я цел, — поторопился успокоить Элинию и снова отвернулся, глядя на то, как подрагивает и затягивается дымкой магическое полотно. Секунда — и дымка рассеялась, а Штефан услышал звуки взрывов и увидел мечущихся на той стороне солдат. Воины императора суетились, пытались пробиться сквозь стену, но та стояла твердо и непоколебимо, будто каменная.

— Вот это, я понимаю, оборона! — довольно хохотнул Хант.

— Да, если бы у нас в Варнии такая защита была, мы бы за пару лет войну закончили, — поддержал его Эйзер.

— Гляди, какие у них рожи недовольные! — ткнул его в бок подъехавший ближе Лейд. — Ишь как стараются! Вот вам, видали? — крикнул он Сварду и показал неприличный варнийский жест. — Утритеесь!

Судя по тому, как разъяренно взревели воины Георга, Лейда прекрасно услышали.

Штефан обернулся к жене и тихо спросил:

— Эли, ты уверена, что они не пройдут?

— Да, уверена, — кивнула та. — Поверь, нам нечего бояться. Если я правильно поняла, эта граница протянулась по всей территории бывшего стобардского королевства.

Вот как? Получается, его планы уже начали осуществляться? На душе впервые за последние две седмицы стало спокойнее. Если на его стороне древняя магия Стобарда, то он сможет возродить королевство гораздо быстрее, чем планировал.

— Что ж, тогда уходим, — посмотрел на своих генералов Штефан и громко скомандовал: — Вперед! На Стобард!

Дорога бежала вверх, Алмазные горы были все ближе, а вместе с ними приближался и Стобард — главный город одноименной провинции. Помню, раньше я удивлялась тому, что у Кравера тоже было общее название с областью, но теперь, после рассказа Штефана о том, что Кравер и еще несколько соседних провинций входили в Стобардское королевство, мне стало понятно подобное отличие от других провинций империи. И это знание грело мне душу.

Как же хорошо было вернуться домой вместе с целым и невредимым мужем!

Мне до сих пор не верилось, что мы избежали опасности! И до сих пор вспоминался тот страх, что сжимал сердце, пока Штефан стоял там, за Стеной, в ожидании армии императора. Если бы не дух Белвиля, воздвигший эту границу... Создательница! Как же вовремя он вернулся!

Я смотрела по сторонам, разглядывая окрестности.

Горный край неуволимо изменился. В городах и селах нас встречали улыбающиеся люди, из многочисленных кабачков доносились звуки веселой плясовой музыки. Мне даже показалось, что сквозь серые тучи кое-где проглядывает солнце.

Мрачный и нелюдимый прежде Стобард теперь выглядел почти пригодным для жизни. Если бы еще лачуги ветхие снести, а на их месте крепкие дома поставить... Но это все впереди. Уверена, Штефан наведет в своем крае порядок.

— Похоже, зверь знает свое дело, — тихо сказал мне Штефан, когда мы подъехали к замку.

Белвиль тоже преобразился. Он словно разогнул согбенную спину и скинул несколько сотен лет: стены старой части замка посветлели, угловатые линии смягчились и стали выглядеть более гармонично; башни устремились в самое небо, сверкая золотом в неярких красках заката, а перед крепостной стеной возвышалась еще одна призрачная преграда. Она словно бы парила в воздухе, то наливаясь алым светом, то становясь прозрачной, как стекло.

— Вот это да! — воскликнул Гойко.

Вестовой запрокинул голову, разглядывая сверкающее полотно.

— Кто-нибудь может объяснить, что тут происходит? — удивленно спросил Давор, и в этот момент ворота распахнулись и из них высыпали стражники.

— Ваше сиятельство, добро пожаловать домой! — радостно выкрикнул Урас. На его широком простодушном лице сияла улыбка. — Вас тут все заждались!

— Кражич где? — посмотрел на него Штефан.

— Здесь я, — послышался голос Бранко, и управляющий вышел вперед. — Ваше сиятельство.

Кражич склонил голову, а Штефан соскочил с коня и обнял друга.

— Ну, показывай, что тут у вас творится, — сказал мой муж, направляясь к воротам.

— Чудеса у нас тут творятся, — хмыкнул Бранко. — До сих пор не верю, каждый раз глаза протираю, когда на все происходящее смотрю!

Управляющий незаметно пригладил кончики кос, и этот жест выдал его волнение.

— И что же происходит? — прищурился Штефан.

— А это вы, ваше сиятельство, сами увидеть должны, — усмехнулся Кражич. — Словами и не расскажешь. Миледи, — повернулся он ко мне. — Рад видеть вас в добром здравии.

Темно-зеленые глаза сверкнули. В них затаилась радость. Похоже, Бранко сумел отпустить прошлое и преодолел свое смущение.

— Благодарю, дан Кражич, — улыбнулась в ответ.

— А с приисками что? Работают? — спросил Штефан.

В тот вечер, когда мы вернулись из путешествия, муж с Бранко долго разговаривали в кабинете об алмазных копях и решили возродить старый промысел. Правда, я думала, что с отъездом Штефана в столицу все забылось, а Кражич, выходит, не оставил эту идею.

— Работают, милорд, — хмыкнул Бранко. — Еще бы им не работать! Краверские добытки уже седмицу как приехали, первую шахту запустили, вторую тоже скоро откроем.

— Это хорошо. Потом съездим проверим, что там и как, — сказал Штефан и повернулся к выстроившимся у лестницы слугам.

— Сама, вели накормить людей, — распорядился он и снова посмотрел на Бранко. — Ну, показывай, что здесь происходит.

Кражич промолчал, только улыбнулся многозначительно и рывком распахнул входные двери.

— Мать-Создательница! — удивленно выдохнул Штефан, рассматривая огромный светлый холл, украшенный неизвестно откуда взявшимися колоннами и барельефами с изображениями волков. Они словно бы выступили из стен. — Что это? — посмотрел он на Кражича.

— Не знаю, милорд. Наутро после отъезда миледи проснулись, а вокруг все иное, незнакомое.

— А куда старая делась? — разглядывая новую, с широкими мраморными ступенями лестницу, спросил мой муж.

— Да кто ж теперь разберет? — пожал плечами Бранко. — Я ведь говорю, за одну ночь все поменялось.

— Похоже, пока нас не было, тут кто-то очень хорошо потрудился, — крикнул Хант, разглядывая увеличившийся в размерах холл.

— Это вы еще в парадном зале не были, — негромко заметил Бранко.

Управляющий одернул синий камзол и снова пригладил косы. На выдубленном ветрами Варнии лице застыла загадочная улыбка, и это было так непривычно, как если бы старый высохший дуб, оставшийся на задворках Белвиля, вдруг зазеленел молодой листвой.

— Идем, — решительно сказал Штефан, подавая мне руку и направляясь к лестнице.

Арны молча последовали за нами. Я видела, как они внимательно разглядывают изображения волков, какими серьезными стали их лица и какое напряжение застыло в алых глазах. Наверное, генералы чувствовали его — подлинного хозяина замка, Призрачного Зверя. Я-то точно чувствовала. Он был повсюду: в тихом приветственном шепоте, окружившем меня со всех сторон, в невесомых прикосновениях, похожих на то, как если бы меня касался крупный пушистый зверь, в теплом дыхании, реющем под высокими сводами.

— Странно все это, — пробормотал идущий за нами следом лорд Хант.

Штефан услышал, но ничего не ответил. Он довел меня до парадного зала, вошел внутрь и внезапно запнулся, а его рука сильнее сжала мои пальцы.

— Не может быть, — неверяще прошептал муж.

— Кто это? — послышался растерянный голос Эйсера.

— Ох ты ж лихо! — удивленно воскликнул Бранко.

Управляющий во все глаза уставился на стоящий на возвышении высокий каменный трон. А я смотрела на сидящего на нем Зверя и чувствовала, как душу охватывает радость, смешанная с благоговением.

— Приветствую вас, сыны Скарога, воинственные арны Стобарда, — прозвучал громкий раскатистый рык.

Волк чуть наклонился вперед, пристально вглядываясь в лица мужчин. Его сияющие алые глаза подолгу замирали на каждом, и я видела, как они разгораются все сильнее, а от его груди к арнам тянутся едва заметные прозрачные нити. Не знаю, видели ли их остальные, но то, что чувствовали, — это уж точно.

— Рад, что вы благополучно добрались до Белвиля, — пророкотал Зверь.

Его длинная серебристая шерсть красиво мерцала в пламени свечей.

— И мы приветствуем тебя, Древний, — поклонился мой муж.

Штефан держался уверенно, но я чувствовала, что он не так невозмутим, как пытается казаться. Он едва заметно нахмурился и заложил большие пальцы рук за ремень, как делал всегда, когда что-то выбивало его из равновесия.

— Подойди ко мне, — огромная лапа поманила моего супруга.

Зверь чуть отклонился, и его образ на миг подернулся сияющей дымкой, а когда Штефан уверенно пересек зал и оказался рядом с тронном, Волк снова стал осязаемо-видимым.

Остальные арны сделали шаг вперед, настороженно наблюдая за происходящим.

— Протяни правую руку, — приказал Зверь.

Штефан без колебаний выполнил его распоряжение.

— Гоэрти ароэс мирдор, — чуть слышно произнес дух Белвиля, касаясь перевернутой вверх ладони моего мужа.

И в тот же миг раздался громкий рык, и Штефан исчез, а на его месте появился гигантский черный волк. У меня внутри все перевернулось. Неужели это случилось? Неужели я вижу того, кто не желал меня принимать и всячески настраивал против меня арна? И что теперь? Он по-прежнему злобится?

Я вглядывалась в горящие алым глаза и пыталась увидеть в них своего мужа. Это было сложно. Казалось, волк сам по себе и не имеет над собой никакого хозяина. Он был крепким, сильным, под темной густой шерстью перекачивались мускулы, алые глаза смотрели гордо и смело.

— Рагж! — потрясенно выдохнул стоящий рядом со мной Бранко.

— Чтоб я сдох! — пробормотал Эйзер, а лорд Хант настороженно положил руку на ножны.

Остальные арны последовали его примеру. А Гойко не удержался и достал из-за пояса кинжал, направив его в сторону Зверя.

— Что ты сделал с моим командиром? — воинственно сверкая глазами, выкрикнул он. — Отвечай!

Правда, ответить Зверь не успел.

— О-хо-хо, — послышался от двери знакомый скрипучий голос. — Все бы вам за мечи хвататься! Все бы удалю молодецкой похвалиться...

Я обернулась и увидела ковыляющего к нам Микошку. Его светлые глаза смотрели насмешливо, а на губах играла лукавая усмешка. Откуда он здесь взялся? И почему ведет себя так странно?

У меня внутри забрезжило смутное сомнение.

— Отойди, дед, не до тебя сейчас, — нахмурился Бранко.

— Да-да, это ж всегда так, — закивал старик, бочком продвигаясь вперед. — Уж сколько веков всем не до меня.

Он неожиданно резво обошел нас, пересек зал и остановился рядом с черным волком.

— Что? Нашел себя? — потрепав его по загривку, усмехнулся Микош. — Видишь, как славно все вышло?

Он обернулся к остальным и громким, совсем не старческим голосом произнес:

— А вы что же? Не хотите свободу от проклятия обрести?

— Кто ты, рагж подери, такой? — возмутился Эйзер. — И куда делся Крон? Что это еще за шуточки?

Он сделал шаг вперед, и в ту же минуту упал на колени, сбитый крепкой лапой Призрачного Зверя.

— Не нужно, Виль, — обращаясь к сущности замка, успокаивающе произнес Микош. — Он еще слишком молод и горяч, а потому неразумен.

— Кто-нибудь объяснит нам, что здесь происходит? — настороженно спросил Хант.

— Объяснишь? — смеющийся взгляд конюха обратился на меня, а я смотрела на Микошку и видела то, чего не замечали другие: за обликом согбенного старца скрывался высокий крупный мужчина с головой зверя и телом человека.

И меня словно в грудь ударило осознанием того, кто стоит перед нами.

— Скарог?

А сердце уже подсказывало ответ.

Я подошла ближе и склонилась перед древним богом стобардцев.

— Молодец, Элиния, — одобрительно кивнул тот. — Я в тебе не сомневался, девочка. Не зря тебя судьба в Белвиль привела, — он хитро подмигнул мне и тихо, так, чтобы слышала я одна, добавил: — А колечко матушкино береги. Сила в нем огромная сокрыта, родовая. С ним тебе все стихии подвластны, коли с добром к ним подойдешь.

Скарог разогнулся, и в тот же миг личина дряхлого старика исчезла, явив всем его подлинный облик.

— Что же вы замерли, дети? — обратился бог к застывшим от удивления арнам. — Или не хотите вернуть себе свободу? Ну?

Арны неуверенно переглянулись и подошли ближе, а Скарог поднял руку, сделал неуловимый жест, и вместо двадцати мужчин я увидела огромных волков. Но не прошло и нескольких мгновений, как все они вернули свой первоначальный облик. И Штефан тоже.

Я, не отрываясь, смотрела на мужа и видела, каким огнем горят его глаза, чувствовала восторг супруга и его безудержную радость и ощущала, как по щекам бегут слезы. Это было так чудесно — знать, что сбылась самая заветная мечта Штефана. Он никогда не говорил об этом, но я знала, что в самых потаенных уголках его души живет надежда на то, что однажды зверь обретет свободу.

— Принимай свое королевство, господарь, — пророкотал Скарог, надевая на моего мужа поданный Вилем золотой венец. — Отныне и навсегда Стобард будет свободен от чужеземного ига, а мои благословение и любовь на века пребудут с древним уделом.

Он обвел взглядом склонившихся перед ним арнов, осенил их знаком бесконечности и исчез.

— Я сплю? — подняв голову, растерянно спросил Эйзер. — Или мы правда только что видели Скарога?

— Похоже на то, — задумчиво ответил Хант и перевел взгляд на Штефана. — И если верить древнему богу, то теперь у Стобарда есть король, а мы все вернули себе способность оборачиваться.

Он замолчал, замер на мгновение и спустя миг превратился в гигантского темно-серого волка.

— Знать бы еще, кому мы обязаны этой милостью, — тихо пробормотал Лейд.

— Хозяйке Белвиля, — громко ответил на его вопрос Призрачный Зверь.

Он оказался рядом и ткнулся мне в бок, подставляя голову под мою руку и выпрашивая ласку, как обычный пес.

Я положила ладонь на крупный лоб и ощутила под пальцами мягкий, густой мех.

— Ну, что тут скажешь? — усмехнулся вернувший прежний облик Хант. — Счастливчик — он счастливчик и есть!

Арны дружно рассмеялись, а Штефан подошел ко мне и крепко обнял, укрывая от взглядов своих товарищей.

— Ты — мое счастье, — тихо прошептал он.

А я потянулась к его губам и ответила:

— А ты — мое.

Эпилог

— Штефан, ты уверен, что нас не хватятся?

Я смотрела на мужа, наблюдая за тем, как тот снимает тяжелый парчовый камзол и достает из сундука сменную рубаху. Под смуглой кожей перекачивались мышцы, длинный шрам, пересекающий спину, казался тонкой белой лентой, и мне привычно захотелось разглядеть его пальцами.

— Даже если и хватятся, что с того? — усмехнулся супруг, завязывая тесемки ворота и скрывая от меня следы былых ранений.

Сколько времени прошло, а я так и не смогла смириться с их количеством.

Заговоренная варнийская сталь была слишком жестока к моему мужу: кинжалы, мечи, стрелы — я точно знала, каким оружием нанесена та или иная рана. И мне очень хотелось стереть их с тела Штефана, убрать отметины былой войны, заставить шрамы исчезнуть, но увы. Обережная магия оказалась бессильна перед боевым прошлым моего мужа.

— Могу я хоть один день провести наедине с женой? — обнимая меня, спросил Штефан.

Зверь одобрительно рыкнул, а я усмехнулась. Теперь, когда проклятие спало, сущность арна больше не пыталась нас разлучить. Нет, волк не стал ручным песиком, он был довольно своенравным и жестоким к чужакам, но тех, кого признавал своими, любил и оберегал, порой даже слишком рьяно.

Я до сих пор помнила, как он едва не порвал сарнийского посла, осмелившегося сделать мне двусмысленный комплимент.

— Так что? Могу? — взгляд мужа вспыхнул, в нем загорелся алый огонь.

— Можешь, — кивнула в ответ. — Ты ведь господарь.

По губам Штефана скользнула скупая улыбка.

— Верно.

Он сжал меня крепче и открыл портал в заповедный лес, куда не было доступа никому, кроме нас двоих. Миг — и стены дворца остались позади, а мы со Штефаном оказались прямо перед деревянным крыльцом охотничьего домика.

Все-таки это новое умение супруга очень облегчало нам жизнь. То, чего имперские маги добивались ценой огромных усилий, давалось моему мужу легко и естественно. С того самого дня, как Скарэг возложил на него древний венец стобардских королей, к Штефану перешли и их удивительные способности. Всего за несколько дней он научился черпать силу из самого сердца Белвиля, совсем как обережники, работающие со стихиями, а Виль — душа стобардского края — во всем ему способствовал. Оказалось, что фамильный перстень — не просто украшение. В этом кольце скрывалась сила стобардского духа, и оно помогало древним королям управлять государством.

Да, Штефан стал настоящим королем Стобарда. Он правил землями Стобарда, Кравера, Онца и Дорна, а их границы надежно защищала непроходимая для врагов преграда — призрачная стена, подпитываемая магией Виля. Ох, как не по вкусу пришлось императору возрождение древнего королевства! Сколько раз он посылал войска, пытаясь вернуть себе отколовшуюся часть империи! Да только ничего у него не вышло. Душа горного края надежно защищала свои земли, не позволяя тем, кто имел злой умысел, проникнуть за стену, а воины Штефана тщательно охраняли приграничные земли. Пройти в Стобард могли все: купцы, ремесленники, вольный люд, идущий к нам на поселение, а вот имперские воины и маги оставались за границами королевства.

А когда Штефан нашел последние недостающие бумаги, по которым Стобард должен был обрести независимость от Олдена, и сумел доказать их подлинность, император сдался. Георг попытался сохранить лицо и заключил со Штефаном договор, по которому все провинции, входящие в древнее Стобардское королевство, возвращались моему супругу, а с империей у нас теперь заключен вечный мир. Штефан, правда, не слишком доверяет подписанным бумагам, но пока стоит стена и главными городами страны управляют арны, внешние враги Стобарду не страшны. А внутренние... От внутренних мой муж легко избавился. Все, кто принимал участие в покушениях на господаря — старконский наместник, его приспешники-маги и несколько стражников, были казнены, а имперских дознавателей просто выслали из страны, как и тех аристократов, которые не пожелали принести магическую клятву верности. Правда, таких нашлось немного: старый лорд Кавир, наместник Крона лорд Берд и баронесса Ридок — ярая сторонница имперской веры и уничтожения храмов Создательницы.

Остальные дворяне безоговорочно принесли древнюю вассальную клятву, да и простой народ с радостью принял своего короля. А уж когда Штефан отменил грабительские имперские налоги и ввел единый для всех подушный сбор, люди долго ликовали и на радостях устроили праздник, который супруг утвердил отмечать ежегодно, как День освобождения Стобарда от гнета захватчиков.

Штефан мог себе позволить не ужесточать налоговое бремя: Скарог вернул нашим землям свое благословение, и алмазные копи заработали в полную силу, обеспечивая все нужды государства. Стобардские камни всегда высоко ценились в мире, и сейчас, когда государь заключил союзы с Нидеей и Ровеной, нашими богатыми соседями, полновесные золотые стависы рекой потекли в казну.

Разрушенные монастыри почти полностью восстановлены, а на месте захоронения сестер обители Золотого Сердца возведена памятная часовня.

Скарог больше ни разу не появлялся в замке, но я чувствовала незримое присутствие Древнего в возведенном в его честь главном стобардском храме. И каждый раз вспоминала Микоша — доброго старика, дававшего мне советы и помогавшего в те трудные времена, когда мне не на кого было положиться. Виль потом рассказал, что Скарог сам раскаивался в том, что проклял своих детей и долгие годы ждал того дня, когда сможет вернуть им утраченное. Потому и принял облик юродивого старика и поселился в Белвиле, хотел быть как можно ближе к арнам и жить их радостями и печалью.

«Он тебя сразу из всех выделил, — поделился со мной Виль. — Надеюсь, что ты сумеешь жертвенник найти». А на мой вопрос, почему Скарог прямо о том не сказал, дух только усмехнулся и ответил, что даже боги должны соблюдать условия собственных проклятий.

Что еще произошло за это время? О, много всего. Кузен Дамир сбежал из Кравера, захватив с собой жену и новорожденного сына. Перед побегом он умудрился продать матушкин дом, но Штефан поручил Эйзеру — новому наместнику Краверской провинции — разобраться с моим наследством, и мне вернули не только дом на Бойнер-нье, но и наш старый особняк у подножия Аут-Кана.

Бранко по-прежнему управляет Белвилем, только теперь у него в помощниках Давор и Гойко. Кражич все еще один, но я заметила, что в последнее время он слишком часто навещает Стобард, а Штефан сказал, что наш управляющий нашел какую-то вдовушку и подумывает о том, чтобы сделать предложение. Что ж, надеюсь, так и будет.

Арны разъехались по своим уделам, которые теперь тоже входят в Стобардское королевство, и стали наместниками провинций. Бывший ординарец Штефана женился на Златке, и они ждут малыша. Хант принял предложение моего мужа стать главнокомандующим стобардской армией и остался в выросшем вокруг замка городе. Да, у нас теперь есть настоящая столица — Белвилор. Виль постарался на славу, изменив Алмазные горы до неузнаваемости и проложив широкие дороги по всей территории королевства. Если бы раньше мне сказали, что подобное возможно, я бы не поверила. Но дух Стобарда, вырвавшись из плена, торопился восполнить все, что упустил, и продолжал удивлять нас всякими чудесами.

— О чем задумалась, Эли? — теплые губы коснулись щеки.

Муж отвел от моего лица выбившуюся прядь и заглянул мне в глаза.

— О нас, — ответила я. — И о том, сколько всего произошло за эти полтора года.

— Да уж, немало, — согласно кивнул Штефан. Он внимательно посмотрел на меня, как всегда без слов понимая то, чего я не сказала вслух, и добавил: — Не стоит думать о прошлом, Эли. Оно осталось позади и никогда не вернется. Будущее — вот что важно.

Его ладонь легла мне на живот.

— Наше будущее и будущее всего королевства, — с намеком сказал Штефан, а потом подхватил меня на руки и перенес через порог. — И я намерен очень серьезно озаботиться тем, чтобы в следующем году у нас появился наследник, — сказал он, захлопывая дверь и направляясь к спальне.

А я только улыбнулась и крепче обняла мужа за шею. Штефан еще не подозревает, что наше будущее уже зреет у меня под сердцем. Но я обязательно об этом скажу. Только позже. Когда мы сполна насладимся неожиданно выпавшим нам подарком судьбы — целым днем без проблем, без придворных и без неотложных дел королевства.

БОНУС К РОМАНУ

Штефан

— Ваше величество, поздравляю, это мальчик!

Слова упали в тишину, которую Штефан слушал вот уже долгие семь часов, и разбили ее, не оставив и следа от тягостно тянущегося ожидания и невыносимого чувства беспомощности.

Он посмотрел на Хивчеца. Придворный лекарь сиял, как золотой ставис, а руки — полные белые руки с толстыми холеными пальцами — чуть подрагивали от волнения. Больше года прошло, как Хивец переехал в Стобард, но до сих пор побаивается. Напугали его в империи крутым звериным нравом арнов. Впрочем, после сегодняшнего дня лекарь имеет все основания в это поверить.

— Здоровый, крепкий малыш! — продолжал докладывать Хивец, но Штефан его уже не слышал. Он быстро шел к выходу из комнаты и думал о том, что наконец сможет увидеть жену. Утром, когда схватки усилились и Элиния больше не могла сдерживать стоны, она выставила его из спальни.

«Иди, Штефан, я справлюсь, — сквозь боль, затуманившую синие глаза, он увидел решимость добиться своего. — Я не хочу, чтобы ты здесь оставался». И как он ни убеждал жену, та оказалась непреклонна. Впрочем, когда она не добивалась своего? «Тебе нельзя этого видеть», — твердо произнесла Эли и плотно сжала губы, чтобы он не услышал, как ей плохо. Но в том-то и беда, что он слышал! Вернее, чувствовал — всем телом, всей душой ощущал отголоски той боли, что мучила Элинию. «Все будет хорошо, Штефан. Я справлюсь, — голос жены звучал приглушенно. — Ты ведь понимаешь, у обережников свои правила и секреты».

Штефан знал это, Эли его предупреждала, что бережная магия сильнее всего при рождении и в момент смерти и что есть определенные ритуалы, видеть которые ему, как мужу, нельзя. Он понимал, что не должен противиться, и все же не мог. Не мог оставить Элинию одну. Как она справится? Зверь ведь не зря на крепких девиц заглядывался, знал, что его потомство только такая выносить и родить сумеет. А Эли... Она слишком хрупкая. Разве может он уйти и оставить ее одну? Но легче было Скарога переубедить, чем эту маленькую смелую женщину. И он сдался. Ушел. И весь день провел рядом, в соседней со спальней комнате, всякий раз стискивая зубы, когда из-за стены долетали полные боли звуки.

В такие моменты ему хотелось разгромить все вокруг. Почему это никак не заканчивается? Отчего так долго? Это всегда так бывает или происходит что-то плохое?

Он расхаживал по залу, считал шаги, потом не выдерживал и вызывал из спальни Хивчеца, пытаясь узнать у того, что с женой, но лекарь уверял, что все идет хорошо и осталось потерпеть совсем немного. Немного... Как? Как можно терпеть, когда в ушах звенит крик Элинии? Да лучше бы с него живьем шкуру снимали, чем слышать, как ей больно!

Он не думал о ребенке, не думал о том, что королевству нужен наследник, понимал только, что Эли больно, и готов был убить любого, да вот хоть себя, только бы это помогло!

Элиния... Его хрупкая маленькая Эли. Женщина, при одном взгляде на которую у него всегда сильнее бьется сердце. Его половина, его второе «я». Да, именно она, а не зверь. Казалось бы, он должен ощущать своим вторым «я» именно зверя, но нет — жена была ближе. Она будто составляла часть души — лучшую ее часть, ту, что отвечала за доброту, нежность, любовь. Отними у него Эли — и он лишится всего. Штефан понимал это так отчетливо, что, слушая раздающиеся за стеной стоны, готов был волком выть от собственной беспомощности. Он, сильный взрослый мужчина, оказался не способен уберечь жену от боли. Вернее, он сам был ее причиной.

— Как она? — Штефан замер перед дверью спальни и оглянулся на лекаря. — Как моя жена?

На секунду в душе всколыхнулся страх. Что, если все плохо? Что, если ему бояться сказать?

— И с ней, и с ребенком все в полном порядке, — дрогнул Хивец и утер рукой вспотевший лоб. — Ее величество очень сильная женщина, и хотя мальчик родился довольно крупным, с ней все хорошо. Даже удивительно, — последние слова лекарь пробормотал тихо, словно бы про себя, вероятно и сам не веря в то, что подобное возможно.

Штефан не стал больше медлить. Он открыл дверь и шагнул в изменившуюся до неузнаваемости спальню.

Руки держали ребенка, но он не ощущал его тяжести. Маленький, почти невесомый, тихо посапывающий в ворохе тонких пеленок... Драго. Драган Франьо Ориель Крон, принц и наследник

Стобардского королевства. Смешные светлые бровки, нежная белая кожа, румяные щечки. Штефан впервые видел такого красивого малыша. Разве не должен тот быть красным и сморщенным?

Раньше все младенцы казались ему одинаково нескладными, но Драго... Драго был совсем другим.

Крошечные губки шевельнулись, и Штефан почувствовал, как внутри что-то шевельнулось в ответ. И сердце окатило теплой волной. Сын. У него есть сын. У них с Эли...

Он поднес ребенка ближе к лицу, и в этот момент зверь настороженно замер и принюхался. Он был недоверчивым, его зверь. Тяжело принимал перемены, никому не доверял, не признавал ласку и всегда держался настороженно. Вот и сейчас... Штефан чувствовал, что волк не торопится восторгаться потомством и ждет какого-то подвоха. Он ощущал недоумение своей сущности, ее растерянность, а потом все это исчезло и сменилось нетерпением и затаенным интересом.

Штефан усмехнулся. Зверь верен себе, но все же и он не смог устоять. Потянулся к ребенку, принюхался, запоминая новый запах, и в тот же миг замер, принимая то, что сам Штефан понял уже в те первые секунды, когда взял сына на руки. Это его продолжение. Его потомство. Арн, в котором уже сейчас чувствуются отголоски сущности. И зверь сдался. Штефан почувствовал, как легко стало дышать. И как светло и спокойно на душе. Его зверь, его вечный противник наконец-то сдался. И виной тому тот, кто стал теперь смыслом всей их жизни, — ребенок. Драго.

Штефан посмотрел на жену. Эли глядела так... Столько нежности, любви и гордости было в ее взгляде, что он проглотил вставший в горле комок. Помирать будет, а этот ее взгляд не забудет.

Элиния приподнялась на подушках и слабо улыбнулась.

— Он похож на тебя, — тихо сказала она. — Такой же красивый.

— Эли.

Штефан хотел сказать очень много всего, грудь распирало от невысказанных слов, но единственное, что он смог сделать, это стиснуть ребенка крепче, склониться к жене и прижаться щекой к ее щеке.

— Я люблю тебя, Элиния, — прошептал он, не обращая внимания ни на прислугу, ни на застывшего у постели лекаря. — Очень люблю.

Ответить жена не успела — Драго смешно закричал, завозился, и спальню огласил требовательный крик.

— Дай мне его, — протянула руки Элиния. — Дай мне Драго.

На ее лице застыло непривычное выражение. В синих глазах появилась озабоченность, но они сияли таким ровным ярким светом, в них было так много тепла...

Штефан смотрел, как Эли кормит сына, наблюдал за движениями жадных маленьких губ и чувствовал, как душу затапливает незнакомое и новое чувство. А сердце ширилось, становилось больше, вмещая в себя еще одного человека, еще одну любовь. И зверь согласно шептал: «Он сильный, наш мальчик! Истинный потомок и продолжение рода арнов!»

Илинка

Солнце было таким ярким, что уже одно это казалось чудом. Под его лучами Стена переливалась разноцветными бликами, сверкала и искрилась, возникало даже ощущение, что она сама источает свет. Я смотрела на нее и видела появившиеся за два года новые нити жизни. Они тянулись от самой земли, словно корни неведомого дерева, пронизывали призрачную Грань и устремлялись вверх, к небу и выглядывающему из-за облаков солнцу.

— Ты это чувствуешь? — посмотрел на меня муж.

Его глаза блеснули алым, а на губах появилась улыбка, которую я так любила. Она была скупой, но за ее сдержанностью можно было без труда различить все те чувства, о которых супруг говорил мне лишь наедине, в тишине нашей спальни.

— Что, Штефан?

— Силу. Ее так много!

Глаза мужа сверкнули еще ярче. Мне даже показалось, что алое пламя выплеснулось наружу, пришлось по нитям жизни, и те отозвались на это прикосновение, дрогнули, потянулись к Штефану.

— Виль говорит, что с каждым годом ее будет все больше, — улыбнулась я.

Наш Хранитель и сам с каждым днем становился все сильнее. Он говорил, что причиной тому наши со Штефаном чувства. «Белвиль — живой замок, он умеет ощущать токи эмоций, — объяснял Виль. — И то, чем заполнены его стены, напрямую влияет на запас энергии, что скапливается у него внутри. А значит, и мне есть откуда их черпать».

— Ваше величество, послы императора уже здесь и просят вашего дозволения войти, — послышался спокойный голос Давора.

— Что ж, посмотрим, с чем пожаловали имперцы, — негромко сказал Штефан и, проведя рукой по нитям силы, добавил: — Краг аберо!

Стена у дворца пошла рябью, и призрачные ворота открылись, чтобы пропустить в Белвиль делегацию из Олдена.

Посланники императора входили с опаской. Я видела встревоженные, напряженные лица, настороженные взгляды. А когда олденцы разглядели горящие алым огнем глаза моего мужа, они заметно побледнели и словно ниже ростом стали. Похоже, в империи были наслышаны о том, что это очень плохой знак.

Я усмехнулась. Что ж, как говорит Штефан, пусть слухи о его кровожадности сильно преувеличены, но Стобардскому королевству это только на руку.

— Ваше величество, — поклоны послов вышли глубокими и почтительными. — Император шлет вам свою любовь и надеется, что вы пребываете в добром здравии.

— Благодарю. Надеюсь и император Георг здоров? — ответил Штефан и приглашающе указал рукой на дворец. — Мы рады гостям из Олдена. Вас проводят в ваши покои, а через полчаса мы будем ждать вас в тронном зале.

Супруг предложил мне руку и направился к лестнице. Послы двинулись следом. Вообще, Штефан редко удастывал кого-либо подобной чести. Обычно он встречал послов в зале для приемов, но сегодня был особый случай — среди прибывших были главные советники императора граф Дарен и лорд Берден, и Штефан хотел проверить их намерения. Стена, через которую проходили гости, могла показать их мыслеобразы и чувства, и муж не преминул этим воспользоваться, чтобы понять, с чем пожаловали приближенные императора.

Уже позже, в тишине тронного зала, я спросила супруга, что он видел, но тот только покачал головой и ответил, что беспокоиться не о чем. Правда, по небольшой морщинке, появившейся у него между бровями, я поняла, что это не так. Но это же Штефан! Если он сказал, что беспокоиться не о чем, то будет стоять на своем. Ну ничего. Я позже все равно все узнаю. Нет ничего такого, что Штефан действительно сумел бы от меня скрыть. Супруг отвлекся на подошедшего Гойко, а я так и не смогла оторвать от него взгляда. Резкий профиль, красивые, дышащие силой и уверенностью черты. В длинных темных волосах кое-где появились тонкие серебряные нити.

— Что, Эли? — повернулся ко мне Штефан.

«Я тебя очень люблю», — безмолвно ответила я, и в синих, лишенных грозной красноты глазах увидела понимание и ответ.

«Больше жизни», — читалось в ясном взгляде.

Бранко

Новый тракт был широким, не в пример старому. И ровным, без ухабов и кочек. Теперь, после того как господарь велел проложить эту дорогу, путь от Кравера до Стобарда занимал всего два дня вместо прежних пяти.

Бранко чуть придержал коня и оглянулся на оставшийся далеко внизу Корец. На сердце потеплело. Славно он все-таки вчера вечерок провел! Маленка не подвела, расстаралась — и баньку затопила, и пирогов с потрохами напекла, и поросеночка молочного зажарила. А уж ночью... Ночь была такой горячей, что до сих пор перед глазами тело нежное мелькает, груди налитые с темными горошинами сосков, косы толстые, кругом головы уложенные. И руки — длинные, белые, будто крылья лебедушки, гибкие, с тонкими пальчиками. Он отчетливо помнил, как эти самые пальчики гладили его плечи, шею, путались в волосах... Как сладко было целовать мягкие податливые губы, каким дурманящим был аромат черемухи, растущей под окном.

Воспоминания обдали волной, отозвались в паху, сбили дыхание. Проклятье! Хоть бери да возвращайся! Вот уж не думал, что какая-то женщина сумеет так запасть в душу, приклеиться к ней листом влажным, родниковой водицей пролиться.

Такое с ним только однажды было. Бранко провел рукой по лбу, словно пытаюсь стереть мелькнувшую мысль, но та не отпускала. И вспомнилось вдруг, как два года назад он впервые увидел Илинку. Как стоял тогда в темной кухне, смотрел на сидящую рядом с очагом девушку, а внутри весна расцветала. И верилось, что не такой уж он и старый, что все еще в его жизни будет — и любовь, и семья, и детишки. А уж когда в глаза заглянул — чистые, как Дрина, что поля его родины омывает, так с души ушли и горечь от предательства невесты, и обида, и ненависть, что глубоко в сердце застряли.

Это теперь он знает, что обережники способны чужую боль забирать, а тогда просто понял, что жизнь вперед идет, что и он счастья достоин. Только кто ж думал, что его счастье таким горьким окажется? И та, кого полюбил, другому душу и тело отдаст?

Что ж, он смирился. Видел, какими глазами друг на Илинку смотрит, да и ее взгляды для него как открытая книга были, вот и молчал. А уж когда Илинка хозяйкой в замок вернулась, так и вовсе затолкал все чувства поглубже и на крепкий замок запер. Наверное, потому и к Маленке поначалу холоден был, на любовь ее не поддавался.

Думал, что прошла его весна и все быльем поросло, а вот гляди ж ты, и у старого дуба новые побеги всходят! Бранко задумчиво нахмурился. А может, не повторять былых ошибок? Не ждать, пока Маленку какой-нибудь заезжий молодец уведет? Много их нынче в Стобарде. Со всей империи идут и едут, кто на прииски алмазные, кто за жизнью спокойной, а кто и за компанию да в охотку. Прослышали, что в королевстве Штефана жизнь не в пример сытней да богаче, чем в Олдене, вот и бегут.

Бранко хмыкнул и пустил коня шагом, с удовольствием оглядывая окрестности. Весна в этом году выдалась ранняя, осыпала цветами кусты волчьей сыти, листвой яркой ивы одела, травой густой обочины украсила. Красиво...

Он улыбнулся в усы и вернулся к недавним мыслям. Не позавидуешь имперцам! Георг бесится, а сделать ничего не может. Да и что сделаешь, когда у Стобарда армия уже вдвое превышает имперскую и во главе ее арны стоят?

Дорога поднималась все выше, вдали показался Хайженский кряж. Бранко пересек мост через Затонку, и вскоре перед ним открылся вид на столицу. За последний год город, построенный вокруг Белвиля, стал больше, раскинулся по склонам горы, растянулся почти до самого Унца, лежащего на полпути к Старому Стобарду. Высокие крепкие дома, новые гостиницы и лавки, а уж кабачков сколько! И в любом тебе и пиво пенное подадут, и плацинды, и ягнятину, на углях запеченную. А уж про ратицу и говорить нечего — крепче и забористее, чем в Новом Стобарде, нигде не найти!

Бранко проехал через западные ворота и направился по широкой улице вверх, к сияющей вокруг королевского замка Стене.

Сейчас, в ослепительном солнечном свете, та переливалась всеми цветами радуги, а высокие шпили Белвиля ярко отсвечивали позолотой и казались плавающими в кипенно-белых облаках. Да, Стобард больше не был краем дождей и туманов. Ушли они вместе с проклятием. Безвозвратно. Хотя оно и к лучшему. Не привык он к сырости, не любил. Да и кто из воинов ее любит? Рань-то старые в дождь всегда о себе напоминают, ноют, чисто тетива варнийская. А теперь, хвала Скарогу, благодать кругом, и в небесах тоже. Все изменилось.

Бранко усмехнулся, вспомнив, какие легенды рассказывают в королевстве. И об арнах, и о Виле, и о Скароге. Одна другой чуднее да заковыристей. И все-то в них легко и просто получается: и появление двух контуров Стены, и возникновение столицы, и огромная мощь и сила государства, поддерживаемого самим Скарогом. Да только немногие понимают, что у всех этих легенд и сказаний иная сторона есть. Труды и заботы господаря, огромные деньги, вложенные им в укрепление границ и наведение порядка, налаживание отношений с соседями и заключение военных союзов, помощь бедным и устройство новых рабочих мест, — все это мало кто видит. Гораздо проще хорошую жизнь на чудеса списать.

Нет, народ Штефана любит, только вот не привык тот напоказ свои труды выставлять. Надо бы ему, Бранко, этим озаботиться, кочующим актерским труппам задание дать, чтобы пьесы о добрых делах государя поставили да по всему Стобарду их показывали.

— Ваша милость, купите семечки! — вырвал его из размышлений звонкий голос.

Бранко посмотрел вниз, на бегущего рядом парнишку.

— Вкусные, не пожалеете! — на румяном лице мальчика сверкнула белозубая улыбка.

— Сам, что ли, жарил?

— Мамка, — протягивая ему свернутый из грубой бумаги кулек, пояснил мальчишка. — Сказала, что ежели я хочу новую удочку, то должен сам на нее заработать.

— Да? Что ж, правильно твоя мамка рассуждает. На вот, держи.

Бранко бросил парнишке монетку и сунул семечки в карман.

— Благодарствуйте, милорд! — обрадовался малец и помчался к небольшому аккуратному домику с красивыми синими ставнями. — Мамка, давай еще семечек! У меня все раскупили! — распахивая настежь дверь, выкрикнул парнишка.

Бранко не расслышал, что ответила женщина, но в душе снова шевельнулось какое-то неясное то ли желание, то ли предчувствие. Знать бы еще, откуда оно взялось? Предчувствие... От же ж дичь какая! Сроду такими глупостями не страдал!

Он подъехал к прозрачной преграде, приложил руку к упругой, словно живой Стене, и в ней тут же возник проем, открывающий путь к дворцовым воротам.

Затылок привычно пронзило мурашками, а потом магия схлынула, позволяя ему проехать. Бранко хмыкнул. Виль-додельник мудреную систему защиты установил. Вроде бы ничего особенного на вид, а злоумышленников на раз отлавливает. Была парочка случаев, когда воры из пришлых намеревались во дворец пробраться. И где они теперь?

— Лорд Кражич, с возвращением! — встретил его Митич — молодой страж, поступивший на службу пару месяцев назад. — Как дорога?

— Послы приехали? — не отвечая на вопрос, спросил Бранко. Почтительное обращение всякий раз резало слух, но раз уж Штефану захотелось дать ему титул, кто он такой, чтобы спорить?

— Да, спозаранку еще. Видать, не терпелось им с господарем повидаться, ни свет ни заря заявились, — охотно ответил Митич. — Лорд Кражич, а правду говорят, что император никак не успокоится? Лорд Гойко сказывал, Георг боится, что наш господарь у него власть над империей заберет. Как думаете, так и будет?

— Не твоя то забота, парень, — ответил Бранко, а сам подумал, что кое-кому не помешало бы язык укоротить. — Почему мундир не застегнут?

— Виноват, ваша милость, исправлюсь! — гаркнул в ответ стражник и состроил серьезную мину.

— Кто сегодня старший?

— Варкич.

— Передашь, чтобы еще одно дежурство тебе дал, — бросил Бранко, направляясь к парадной лестнице.

В замке было шумно. В залах толпились придворные, по служебным коридорам сновали слуги, а на кухне, куда он заглянул, всю кипела работа.

— Доброго здоровьичка, лорд Кражич, — увидев его, улыбнулась кухарка, и ее широкое лицо покраснело, как свекла.

— И тебе не хворать, — ответил Бранко, оглядывая суетящихся у столов работниц. — К обеду готовитесь?

— Да, милорд, Ее величество распорядились, чтобы мы имперцев досыта накормили. Хоть и супостаты, а негоже нам честь Белвиля ронять, — приосанилась кухарка. — А вы не голодный? У меня плаинды горяченькие есть, отведаете?

Он отказался, прошелся по кухне, наблюдая за спорными движениями служанок, заглянул в погреб, где дворецкий выбирал вина, а после пошел наверх. Если послы уже в замке, то и ему не стоит задерживаться, Штефан наверняка захочет узнать его мнение о приехавших имперцах.

Бранко быстро пересек холл, поднялся в свои покои и переоделся в придворный мундир. А потом незаметно вошел в тронный зал и остановился у колонны. Ему не хотелось обнаруживать свое присутствие, поэтому он скрылся в тени, наблюдая за разодетыми в бархат и перья послами. Бранко усмехнулся. Чисто фазаны! Что ни говори, а олденская мода с каждым годом все нелепее становится.

Взгляд выхватывал из разряженной толпы знакомые лица. Граф Дарен, генерал Кон, посланник

Энтон, советник императора Берден. Вот уж кто небось локти кусает! Не отказал бы Штефану, была бы его дочь стобардской королевой, а сам он — тестем короля. Хотя кто знает? Женись Штефан на Бранимире, и не было бы, скорее всего, ни королевства, ни магии, ни волков.

Бранко посмотрел на сидящую по левую руку господаря Элинию. Это ей, маленькой, хрупкой девушке, оказалось под силу изменить Стобард.

Он глядел на красивое нежное лицо, на сияющую в темных волосах корону, на открытые белые плечи... В этой прекрасной женщине никто не узнал бы прежнюю Илинку. Те врожденные благородство и стать, что скрывались под простой полотняной рубахой и немотой, та сила и уверенность, что прятались за образом обычной служанки, сейчас проявились во всей полноте, и каждому было понятно, что перед ним — истинная королева.

Он увидел, как к Элинии подошла одна из придворных дам, и та, что-то тихо сказав Штефану, покинула зал. Похоже, пошла к Драго. При мысли о наследнике Бранко снова почувствовал неясное томление и неожиданно понял, откуда оно взялось.

Хватит стоять в сторонке и жить чужой жизнью! Он тоже достоин любви и счастья. Коли уж Штефан решился, так ему и сам Скарог велел! Все, решено! Сегодня же вернется к Маленке и сделает ей предложение.

Душу окатила теплая волна. И представилось, что у него тоже будет семья, жена, дети. И дом в Паддубице наконец-то обретет свою хозяйку. И больше не будет одиноких вечеров в огромных дворцовых покоях.

Резко развернувшись, он быстро пересек расстояние до двери, сбежал по лестнице и кинулся вон из замка. Хватит медлить! И так всю жизнь ждал.

Он добежал до конюшни, вывел из стойла Седого, вскочил в седло и спустя полчаса уже был на пути в Корец.

Виль внимательно наблюдал за происходящим в замке. Такая уж у него была обязанность. Вернее, не обязанность даже, а предназначение и призвание — оберегать, защищать, пресекать любые попытки навредить арну и его роду. Хвала Скарогу, с тех пор, как Стобард отделился от империи и Штефан разобрался с врагами, ни одного покушения больше не было. Но враг, хитрый и коварный враг все еще не оставлял попыток добраться до господаря. И он, Виль, должен был пресечь корень зла, раз и навсегда избавиться от зловонного источника, из которого исходят ненависть и жажда убийства. Георг не успокоится. Пока он жив, Штефан и его семья не могут быть в безопасности.

Виль задумчиво нахмурился и огладил висящий на шее знак Кронов. Ничего. Недолго осталось, он уже достаточно силен для задуманного. Еще немного, и от императора с его злобой не останется ничего, кроме недоброй памяти и горстки праха. Уж он, Виль, постарается.

Илинка

Ночь кралась по замку черной кошкой, заглядывала в темные спальни, скользила по пустынным коридорам и тихо мурлыкала колыбельную, усыпляя жителей Белвиля. Шаги ее были плавными, мягкими, неторопливыми. Их неслышный для обычных людей звук вызывал умиротворение и негу, вот только мне не спалось. Я лежала подле спящего мужа и смотрела в незашторенное окно на сияющую в чернильно-синем небе яркую полную луну. Сегодня она была просто огромной, а темные пятна на ее белом теле казались открытыми ранами. И это сравнение показалось мне зловещим.

«Это глупо, Эли, — убеждала я себя. — В твоей жизни все идет так, как должно, муж и сын рядом, с ними все хорошо, так отчего же ты мучаешься?»

Из распахнутых створок долетал тонкий аромат черемухи и густой запах влажной после дождя земли, в дворцовом саду раздавались громкие трели соловьев, ветер шумел молодой листвой растущих под окнами спальни лип. Рядом слышалось ровное и размеренное дыхание супруга. Все вокруг будто твердило о незыблемости моего мира, но на меня это сегодня не действовало. На сердце было неспокойно.

После отъезда олденских послов прошло уже почти три дня, а дурное предчувствие, поселившееся в душе как раз перед их прибытием во дворец, так и не исчезло. И мысли в голову лезли — тяжелые, тревожные.

Что, если император все-таки достанет моего мужа? Что, если его лазутчикам однажды удастся

проникнуть во дворец и убить Штефана? Он ведь привык обходиться без охраны, по Стобарду ходит не таясь, да и в соседних странах часто бывает. Что помешает людям Георга подстроить очередной несчастный случай?

На душе стало еще тревожнее, и снова всколыхнулись старые страхи. Вспомнилось, сколько покушений уже было, перед глазами возникла беснующаяся река, в которой тонул Штефан, и я не выдержала. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, поднялась с постели, вышла из комнаты и направилась к потайному коридору, ведущему в подземелья.

Внизу было тихо. Сюда, в подвалы Белвиля, не долетали никакие звуки. Только шорох моих шагов нарушал безмолвие темных залов.

Я зажгла прихваченный у двери факел и двинулась вперед, к святилищу. Переходы мелькали один за другим, позади оставались многочисленные залы, и вот наконец появился вход в святилище. С того памятного дня, как я напоила жертвенник своей кровью, здесь многое изменилось. Древний алтарь исчез, а на его месте появилась сверкающая магическая завеса, скрывающая вход в обиталище Виля. Старый камень теперь снова был целым, и на его поверхности остались лишь незначительные следы былых жертвоприношений. Своды пещеры тонули в темноте, поднявшись намного выше, чем это было возможно при обычной планировке замка. Казалось, они сливаются с ночным небом.

Не успела я войти, как в полумраке древнего зала раздался густой, как стобардское пиво, голос.

— Я ждал тебя, Хозяйка Белвиля, — пророкотал Виль.

По святилищу прокатилось гулкое эхо.

— Прости, что нарушаю твой покой, Хранитель.

Я поклонилась и подошла к жертвеннику, над которым парил гигантский призрачный волк. Его светло-серая шкура переливалась серебристыми отблесками, вокруг вытянутой морды расплывалось едва заметное сияние, а под мощными лапами то сгущались, то снова становились невидимыми белые клубы дыма.

— Мне нужна твоя помощь, Виль, — взглянула в мерцающие алым, почти человеческие глаза.

Каждый раз, когда я в них смотрела, мне виделось прошлое Белвиля. Сотни арнов, живших до нас в этом древнем замке, волки, запертые в клетях души, их удадь, смелость и отвага. И верность — своим семьям, роду, братьям по оружию.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — негромко спросил Виль, но угодливое эхо усилило его слова, разнося их по залу. — Я готов служить, Хозяйка.

В пронизательном взгляде появилось понимание. Виль знал, чего я у него попрошу.

— Ты можешь остановить императора, чтобы тот раз и навсегда забыл о Штефане? — озвучила я свою просьбу.

Я тоже понимала, чего прошу. Георг и Штефан... Покуда жив один из них, второму не будет покоя. И если мой муж способен отказаться от мести, то император... Нет, правитель Олдена не остановится, пока не уничтожит заклятого врага.

Зверь переместился ближе и коснулся моей руки.

— Могу, — ответил он. — Не тревожься, Хозяйка. Я сделаю, как ты просишь. Император больше никогда не навредит твоей семье. Но ты должна мне помочь.

— Что нужно сделать?

— Дворец Георга окружен мощным заклятием, разрушить которое я пока не в состоянии, — ответил Виль. — Но если ты поделиться со мной своей силой, я смогу проникнуть в замок и разобраться с его хозяином.

— Я согласна, — не раздумывая, ответила Зверю.

— Не торопись, Элиния. Подумай. Готова ли ты вытерпеть боль?

Виль смотрел на меня пристально, словно пытаясь прочитать ответ до того, как тот слетит с моих губ.

— Это все неважно. Если мы сумеем победить императора, не раздумывай, бери.

Я протянула руку.

— И что здесь происходит? — неожиданно послышался грозный голос.

Я оглянулась и увидела застывшего на пороге святилища мужа.

— Штефан?

Я растерянно глядела на сурово сведенные брови и горящие алым глаза.

— Как ты меня нашел?

— Отойди, любовь моя, — не отвечая на мой вопрос, супруг подошел ближе и отодвинул меня от жертвенника. — Я сам поговорю с этим... интриганом.

Он многозначительно посмотрел на Виля.

— Тебе нужна сила? — насмешливо спросил Штефан. — Так почему ты не захотел ждать? Я ведь сказал, что отдам свою.

— Я не мог перечить Хозяйке, — смиренно ответил Зверь, и шерсть его заметно потускнела. — Элиния попросила о помощи, и я не мог ждать, пока ты согласишься с моими доводами.

— Штефан, о чем он говорит?

Я вопросительно взглянула на супруга.

— Мы уже думали, как остановить Георга, — неохотно ответил тот.

— И Хозяин сомневался в том, что я предложил, — тут же добавил Виль.

— Ты думаешь, Георг когда-нибудь угомонится? — спросила я мужа. — Штефан, ты ведь его знаешь! Он не уймется, пока тебя не убьет!

— Знаю, — кивнул муж и нахмурился. — Но мне было бы намного проще уничтожить его в личном бою, вместо того чтобы пользоваться магией.

— Да вот только Георг не станет с тобой сражаться, и ты это знаешь. Так что выбора у нас нет.

— Хозяйка права, — подтвердил Виль.

В пещере стало тихо. Штефан молчал, раздумывая над нашими словами, и я знала, что лучше на него не давить. Он ведь и сам понимает, что другого выхода нет. Тем более сейчас, когда у нас растет сын.

— Хорошо, — после долгой паузы сказал супруг. — Но ее силу ты не возьмешь. Обходись моей.

— Как скажешь, Хозяин, — усмехнулся Зверь. — Вы с Элинией связаны, и я смогу зачерпнуть обережную магию, не причинив боли Хозяйке.

Штефан только кивнул, а Виль обхватил лапой запястье моего мужа и вонзил когти в выступающую вену.

— Прости, арн, — чуть слышно шепнул Зверь.

В тот же миг Штефан побледнел и стиснул зубы, а глаза его подернулись пеленой боли.

— Штефан! — я ухватила супруга за вторую руку, и мое тело захлестнуло острой ледяной волной. Создательница! По нашей связи я ощущала лишь слабые отголоски, но по лицу мужа понимала, как тяжело ему приходится. Штефан становился все бледнее, его кожа была уже не белого, а какого-то серого оттенка, а пытка все длилась и длилась, и мне казалось, что ей не будет конца.

— Все, — выдохнул наконец Виль и мгновенно растаял в воздухе, а Штефан едва заметно вздрогнул и поморщился, потирая запястье.

— Все, — еле слышно повторил он.

— Ты как? — поддерживая его под руку, спросила я.

— Бывало и лучше, — усмехнулся Штефан. — Ничего. Сейчас все пройдет, — успокоил он меня, а я обняла его за талию и подставила свое плечо.

— Обопрись на меня. Так будет легче.

— И ты хотела пройти через это сама? — укоризненно посмотрел на меня супруг. — Запомни, Элиния, я в состоянии защитить свою семью.

Глаза мужа блеснули алым.

— Знаю, Штефан.

Нет, я действительно это знала. Наверное, потому и хотела хоть немного помочь.

— Не переживай, Эли, Виль справится, — голос Штефана звучал уверенно. — Все будет хорошо.

Муж прижал меня крепче, и я почувствовала, что впервые за последние дни на сердце стало спокойно. Виль сумеет остановить имперскую угрозу. Он справится. Мы справимся.

Императорский дворец не спал. В нем слышались неясные шумы и шорохи, скрип дверей и тихие шаги, звон оружия и разговоры стражников. Но для Виля эта охрана не представляла угрозы. Нельзя убить духа. Вернее, можно, но не этим слабым и ничтожным наемникам.

Он остановился перед императорской спальней и коснулся бронзовой ручки. Та опустилась, пропуская его в душную, плотно заставленную тяжелой темной мебелью комнату, и Виль усмехнулся. Ему не было нужды входить через дверь, просто этот путь был самым интересным, а все интересное Виль любил. Слишком долго он был заточен в камне, слишком истосковался по впечатлениям и теперь наверстывал упущенное.

Георг не спал. Император стоял у окна и смотрел на простирающуюся внизу дворцовую площадь. В этом худом человеке, облаченном в рваное подобие власяницы, сложно было признать правителя одной из самых могущественных империй мира. Кривые ноги, узкая впалая грудь, редкие волосы и изможденное, жалкое в своей надменности лицо. Император был смертельно болен, только пока не догадывался об этом, продолжая строить планы и рассчитывать выгоды. Ничтожные человечки, называющие себя могущественными магами и целителями, в один голос твердили, что император проживет долгую и счастливую жизнь, но он, Виль, знал, что это не так. Следы разложения уже исказили скрытое под дознавательской одеждой тело, пройдет совсем немного времени, и они станут очевидны всем.

Виль окинул Георга внимательным взглядом.

Император могущественной империи разглядывал залитую светом магических фонарей площадь. Там было светло как днем. Еще один признак страха — император боялся внезапного нападения и потому заставлял проверять каждого, кто входил во дворец, а под его стенами, сменяя друг друга, постоянно дежурили гвардейские полки.

Виль прислушался. Мысли стоящего перед ним были такими же черными, склизкими, воняющими кровью и падалью, как и сам правитель Олдена. Этот человек уже был мертв. Его душа оказалась мертва, погребенная под лавиной ненависти и злобы.

Неожиданно неподвижная фигура дрогнула, и император отошел от окна и встал перед высокой статуей, занимающей глубокую нишу рядом с кроватью.

Георг достал древнюю каменную чашу, взял со стола острый жертвенный нож и резко полоснул им по запястью. Виль поморщился. В комнате отчетливо запахло падалью.

— Я обращаюсь к тебе, Аэст, — заговорил Георг, и глаза его загорелись фанатичным огнем. — Покажи твою великую силу! Дай мне победить врага, нашли на него и его семью все беды, какие есть под принадлежащими тебе небесами. Я клянусь во всем угождать тебе, если ты услышишь меня и выполнишь мою просьбу! Дай мне знак, и я уничтожу эти порождения тьмы, очищу империю от их зловонного дыхания и освобожу Стобард от мрака суеверий. Арны не должны населять созданный тобой мир! Зло в зверином обличье вернется туда, откуда и пришло, а твоё имя восхвалят тысячи благодарных подданных, избавленных от необходимости жить под властью бездушных зверей! Аруэро тобинус!

Император стоял над чашей, по стенкам которой стекали темные струйки крови, и не отрываясь смотрел на бездушную мраморную статую. Его бледное лицо искажала ненависть, слабые руки дрожали, а на тонких губах застыла безумная улыбка.

Виль видел, как над чашей сгущаются темные нити силы, как они скручиваются в узел и медленно тянутся вверх, к грозному мраморному лицу, и понимал, что ждать больше нельзя.

— Глупец! — тихо сказал он и коснулся лапой хлипкой груди императора. — Разве тебя не учили, что нельзя давать клятвы, которые не сможешь исполнить?

— Кто здесь? — в голосе Георга послышался страх. — Стража! Сюда! — закричал император. — Ко

мне!

— Они не придут, — покачал головой Виль.

Ему было неприятно соприкасаться с гниющей сущностью императора. Смерд от нее распространялся по комнате, забывая все прочие запахи, и Вилю хотелось побыстрее покончить с тем, для чего он пришел. Много сил понадобилось на то, чтобы дотянуться до Олендена, но он сумел. Справился. Сделал то, о чем размышлял долгие два года. Вспомнилось, сколько они со Штефаном думали над тем, как остановить Георга. Вспомнились долгие ночи, проведенные Хозяином в святилище, многочисленные планы, которым не суждено было сбыться только потому, что у него не хватало мощи, и попытки склонить арна воспользоваться силой жены.

Да только ведь тот упрямый. Ни за что не допустит, чтобы причинили боль «его Эли». И не допустил.

Виль вздохнул. Ох уж эта любовь... Она толкает людей на безрассудство.

А ведь он знал, что, пока жив Георг, его хозяину всегда будет угрожать опасность. Император не успокоится. Правитель Олдена уже много раз пытался проникнуть за Стену, хотел известить род Крон — через своих лазутчиков, через перебежчиков, через мнимых купцов и фальшивых проповедников. Но Виль всегда был настороже и своевременно разрушал любые козни врагов. Только вот дольше ждать опасно. С каждым днем злоба императора все растет, а фанатизм только крепнет, чему доказательством стал сегодняшний обряд. Не успеет Виль вовремя... Скарот милостивый, все-таки хорошо, что Хозяйка пришла к нему в святилище!

— Кто ты? — страх перерос в ужас, худое тело правителя задрожало, на высоком лбу выступила испарина.

Жалкий и ничтожный человечиска...

— Тот, кто заберет твою никчемную жизнь, — резко сказал Виль и когтем прочертил на плече императора глубокую борозду. — Твое время закончилось.

Георг невидяще посмотрел ему в глаза, а потом захрипел и стал заваливаться на бок.

— Река забвения ждет тебя, правитель Олдена, — тихо сказал Виль и исчез, возвращаясь в свой родной Стобард, к семье, что жила в старом родовом замке и даже не подозревала, какой опасности избежала. К его семье.